

Николай Смирнов

ПАРТИЗАНСКИЙ «ВТОРОЙ ФРОНТ» В БЕЛАРУСИ

Имена, факты, операции НКВД (НКГБ) в тылу врага

Николай Смирнов

ПАРТИЗАНСКИЙ «ВТОРОЙ ФРОНТ» В БЕЛАРУСИ

Имена, факты, операции НКВД (НКГБ) в тылу врага

Издательский дом «Звезда»

Минск

2020

УДК 94(476)“1941/1944”
ББК 63.3(4Бел)622
С50

Автор выражает искреннюю благодарность и признательность ветеранам органов государственной безопасности В. И. Берестеню, А. А. Стаскевичу, Н. Н. Александровичу, а также сотрудникам Центрального архива КГБ Республики Беларусь, Национального архива Республики Беларусь, Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны и Союзу писателей Беларуси за большую помощь в подготовке данного издания

Выпуск издания осуществлен по заказу и при финансовой поддержке Министерства информации Республики Беларусь

Смирнов, Н. И.

С50 Партизанский «второй фронт» в Беларуси : имена, факты, операции НКВД (НКГБ) в тылу врага / Николай Смирнов. — Минск : Звезда, 2020. — 424 с., [16] л. ил.
ISBN 978-985-575-246-3.

В этой книге речь идет о событиях и фактах героической борьбы на оккупированной врагом территории Беларуси (1941–1944 гг.) сотрудников органов государственной безопасности СССР и БССР совместно с местным населением и при его поддержке в ходе осуществления своей разведывательной, контрразведывательной и разведывательно-диверсионной деятельности против нацистских оккупантов. Показана роль органов государственной безопасности в решении задач по защите Отечества в условиях войны. Приводятся также отдельные документы, которые определяли основные направления деятельности оперативных отрядов и групп органов НКВД (НКГБ) БССР и СССР, примеры из практики профессиональной работы ряда чекистов в партизанских отрядах. Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 94(476)“1941/1944”
ББК 63.3(4Бел)622

ISBN 978-985-575-246-3

© Смирнов Н. И., 2020
© Оформление. РИУ «Издательский дом «Звезда», 2020

СТРАНИЦЫ ЛЕТОПИСИ БОРЬБЫ В ТЫЛУ ВРАГА

*...Кто контролирует прошлое,
тот контролирует будущее.
Джордж Оруэлл*

Стремительно пролетают эпохи, меняются границы, государственные и жизненные уклады. Некоторые государства на рубеже XX–XXI вв. вообще исчезли с карты мира. К сожалению, это неизбежный ход истории, которую в угоду решения своих экономических, геополитических и экспансионистских планов беспрестанно «модернизируют», «перепахивают», «переписывают», а то и попросту беспардонно и бездоказательно фальсифицируют те, кто, пытаясь выбросить СССР из числа участников Второй мировой войны, внесших наибольший вклад в Великую Победу над нацизмом, стремится «переиграть» хотя бы на пожелтевших картах и в виртуальном пространстве с треском проигранные их предками битвы. Так происходит рейдерский захват памяти...

Особенно кошунственно и отвратительно звучат в этом смысле заявления некоторых, увы, именно немецких так называемых «исследователей» о том, что, мол, следует «пересмотреть» итоги, скажем, ожесточенного танкового сражения под Прохоровкой в 1943 г., которое якобы «выиграл» исключительно вермахт. А посему требуется ни больше ни меньше как снести стоящий там памятник советским воинам-танкистам. И, видимо, установить там монумент в честь «героических танкистов фюрера»?!. Наверное, это вытекает из извращенной логики некоторых «недалеких» потомков «великих

тевтонских завоевателей»? Так скоро они могут заявить, что никакой трагедии Хатыни и еще 600 с лишним белорусских деревень, сожженных вместе с населением нацистами, в помине не было! А потом вполне «законмерно» наступит и черед памятников советским воинам, павшим на земле Германии в победном 1945-м?..

К сожалению, этим голосам «подпевают» и некоторые наши так сказать «доморощенные» знатоки «подлинной» истории Великой Отечественной войны, белорусского партизанства и особенно роли в нем органов госбезопасности. В связи с чем необходимо сразу подчеркнуть, что не столь уж большое и решающее место, как кое-кто вопреки фактам решается утверждать, занимали в общей системе партизанского движения и специальной борьбы на территории оккупированной нацистами Беларуси оперативные и партизанские отряды, разведывательные резидентуры и диверсионные группы НКВД (НКГБ) СССР и БССР, военной контрразведки (ГУКР «СМЕРШ»). Но и они на своем профессиональном участке борьбы с врагом внесли немалый вклад в дело всенародной победы над нацистскими оккупантами, показав примеры величайшего героизма, мужества, самоотверженности и самопожертвования. Что по достоинству оценивалось ранее и должно оцениваться всегда.

Историк В. О. Ключевский в свое время отмечал: «Народ, не помнящий своего прошлого, не имеет будущего». Думается, что те, кто интересуется историей своего Отечества, некоторыми аспектами деятельности его спецслужб, смогут в чем-то по-новому взглянуть на нее, почерпнуть некоторые малоизвестные факты и справедливо оценить боевые и оперативные дела сотрудников органов государственной безопасности, плечом к плечу сражавшихся в тылу врага вместе с белорусскими партизанами и подпольщиками.

В это издание наряду с рядом архивных исторических документов вошли очерки, раскрывающие много-

гранную деятельность спецподразделений НКВД (НКГБ), военной контрразведки, их сотрудников на оккупированной германскими нацистами территории Белорусской ССР.

Драматические события времен Великой Отечественной войны всегда должны быть практическим уроком для выверенных, профессиональных действий оперативного и руководящего состава органов государственной безопасности в чрезвычайных и особых условиях XXI в., когда каждый сотрудник, выполняя свой профессиональный долг, должен реально сознавать свою долю ответственности за дело, которому он служит.

Доктор юридических наук, профессор В. И. Берестень

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ К ВОПРОСУ О «МАЛОЙ ВОЙНЕ» И СПЕЦБЮРО ГПУ (НКВД) БЕЛОРУССКОЙ ССР

Грубая наша работа позволит вам встретить восход...

Владимир Высоцкий

«Второй фронт»... Партизанский. «А почему, собственно, имеет право на существование подобного рода название?» — может спросить современный дотошный читатель. Ведь «второй фронт» непременно увязывался в те далекие военные годы (да и сейчас увязывается) с западными союзниками по антигитлеровской коалиции, которые и должны были его открыть! А вот у солдат Красной Армии он поначалу с убийственной иронией ассоциировался лишь с американской тушенкой, яичным порошком и «техническим» ленд-лизом. Ведь союзники не спешили открывать «второй фронт» ни в 1941-м, ни в 1942-м, ни в 1943-м, ни в первой половине 1944 г. Мол, кладите, славянские парни, свои жизни на алтарь победы вместо американских, английских и прочих парней с Запада. Это же хорошее вложение капитала, с наваром. А мы пока со стороны, «с горы» посмотрим, куда военная советско-германская «планида» на фронтах повернется. А потом будет ясно, кто в этой войне победитель — Советы или мы.

И, как спустя десятилетия оказалось, это была мина, заложенная под весьма далекое наше будущее, когда в XXI в. вдруг «выяснится», что якобы именно «второй фронт» являлся самым решающим в сокрушительном разгроме нацизма...

И не худо бы вспомнить, что «второй фронт» был открыт западными союзниками СССР по антигитлеровской коалиции тогда, когда многострадальная Беларусь в июле 1944 г. в ходе операции «Багратион» уже окончательно была освобождена от нацистской оккупации четырьмя советскими фронтами: 1-м, 2-м, 3-м Белорусскими и 1-м Прибалтийским. И вполне заслуженное уже послевоенное наименование «пятый фронт» по праву было дано позже всенародному партизанскому движению, помогавшему войскам действующей армии уже после этого судьбоносного события. Но начиналась подготовка к партизанской эпопее еще за десять лет до начала Великой Отечественной войны. Так что обратимся в связи с этим, как говорится, к истокам, документам, памяти, воспоминаниям и фактам более чем вековой давности. Они этого, поверьте, заслуживают...

Но для начала — небольшое марьиногорское лирическое отступление, казалось бы, напрямую не связанное с основной партизанской темой и деятельностью спецформирований органов госбезопасности в тылу врага. Однако обо всем по порядку.

Для тех, кто впервые бывал в пуховичских краях и кого на въезде в раскинувшийся по обе стороны железной дороги городок встречала скульптура легендарной Марьи, все обычно начиналось со своеобразной шарады-вопроса: «Как так? Странное какое-то название — железнодорожная станция Пуховичи, однако город Марьино Горка. А до этих самых Пуховичей еще доехать надо». Потом все вставало на свои положенные им историей места, как, скажем, и в питерских краях России, где в пригороде Северной столицы есть станция Ораниенбаум, за платформами которой простирается город Ломоносов...

Юношеская судьба минского суворовца занесла меня сюда в середине 1960-х гг. в порядке своеобразной «экскурсии», когда на месте знаменитой 5-й брига-

ды спецназа ГРУ ГШ ВС СССР (она в XXI в. вошла в состав белорусских сил специальных операций) стояла еще только отдельная рота, потом батальон. А дальше пошло и поехало... И вот с середины 1980-х до второй половины 1990-х гг. я уже участвовал здесь в различного рода мероприятиях по подготовке так называемого спецрезерва. Задачи разведки в спецназе всегда были специфичны, и прыжки с парашютом являлись их, хоть и важной, но отнюдь не самой главной частью. Ведь это лишь способ доставки разведчиков и грузов. А вот полное слияние с родной белорусской природой, умение «пройти незримо», не «наследить» были залогом оперативно-боевого и разведывательного успеха спецназовцев. Теперь это уже прошлое, поскольку все в жизни нашей течет — все меняется...

Эта легендарная земля, помнившая партизанские бои и походы, одаривала нас бескорыстной теплотой той белорусской глубинки, которая всегда говорила, завидев в лесных зарослях ловких парней в камуфляже: «...О, то наши хлопцы-десантники идут». А мы тихой сапой шли себе дальше — от площадки приземления к озеру Михайловскому, затем на Шацк, Блужу, Блонь, потом в зельвенские края на Гродненщине — к местам все новых боевых «ристалиш», разведки объектов и радиотренировок...

Из самых разных мест прибывали в Марьину Горку на эти сборы и переподготовку офицеры-запасники. И мнение их было потом почти единым: если через несколько лет понадобится повторить этот боевой спецкурс, то только в Марьиной Горке. Здесь сказывались такие факторы, как неповторимая наша местная аура, то, что люди хорошие, душевные, гостеприимные и природа великолепная. Да и готовили тех бойцов «невидимого фронта», по их личной оценке, на славу, в общем, «тому, что нужно на войне».

Ведь мы с ними прошли легендарными партизанскими тропами времен Великой Отечественной, там, где эффективно действовали такие знаменитые спецгруппы НКВД (НКГБ) БССР, как «Активные» (кроме диверсионной работы участвовала в проведении специальных мероприятий контрразведывательного характера, в ходе которых было выявлено, арестовано и разоблачено 6 вражеских агентов, двое из них переданы в НКГБ БССР для проведения тщательного расследования; в результате ее боевой деятельности было ликвидировано и ранено 107 солдат и офицеров врага); «Мстители» (располагала большими возможностями в сфере разведки, получала важные в военном отношении сведения по гарнизону Минска, участвовала в проведении нескольких крупных боевых операций и выявлении значительного числа вражеской агентуры, работавшей на абвер и СД); «Первые» (действовала в Пуховичском, Минском, Руденском, Червенском, Борисовском районах Минской области).

Разведчиками «Первых» было выявлено значительное количество лиц, сотрудничавших с абвером и СД, в том числе агентура, внедрявшаяся абвером в партизанские отряды с целью их дальнейшего продвижения в советский тыл. Наряду с этим «Первые» принимали активное участие в разложении нескольких воинских подразделений (в частности, 52-го украинского батальона, 26-го батальона так называемой Белорусской краевой обороны и некоторых иных). В партизанские отряды при участии оперативных работников «Первых» было переведено с оружием 534 человека. Бойцами этой спецгруппы осуществлено 37 диверсий, в том числе на железной дороге...

И поэтому не пустым звуком для наших храбрых парней становились такие уже упомянутые наименования белорусских городков и селений, как Шацк, Пуховичи, Блужа, Блонь, Руденск, Дукора и, собственно, Марьина Горка, где активно действовали белорусские партизаны

и подпольщики. А уж 2 августа, День воздушно-десантных войск, навсегда остался для них и всех нас святым праздником. Позже поясню, почему я именно на этой памятной дате остановился. Ибо есть приверженцы того, что ее непременно надо перенести...

Конечно, каждый, оказавшись в этих замечательных краях, знакомился, насколько возможно, с их культурными достопримечательностями. Сюда входили: Пуховичский районный краеведческий музей, музей-усадьба Бонч-Осмоловских, что в Блони. Памятные встречи проходили и в Блужской средней школе, где была бережно увековечена память юного уроженца здешних мест, погибшего в Афганистане, Героя Советского Союза Николая Чепика. Потом следовали Хатынь, Курган Славы, Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны...

Марына Горка — это и знаменитый наш композитор Игорь Михайлович Лученок, с коим судьба меня, тогда еще юного суворовца-фанфариста, свела в первой половине 1960-х гг. на съемках документального фильма, посвященного 20-й годовщине освобождения Беларуси в далеком 1944-м. Лейтмотивом, музыкальным фоном его была мелодия «Не спится только ветерану, войны минувшей партизану... Ночь растревожила в нем раны...». А мы, суворовцы, стоя на взгорке на фоне голубого безоблачного неба, как бы символизировали фанфары Победы...

Но в далеком июне 1941-го до той Победы 1945-го было еще ох как далеко. Спустя десятилетия по-разному и весьма неоднозначно оцениваются как последний мирный день 21 июня, так и последовавшие за ним трагические для нашего народа события. Об этом более подробно речь будет идти несколько позже.

А тогда, в ночь с 21 на 22 июня, согласно директиве наркома обороны войска Западного Особого военного округа, органы НКГБ БССР и военной контрразвед-

ки были реально оповещены о необходимых действиях лишь за полтора-два часа до начала войны, когда никакими решительными мерами уже ничего нельзя было исправить. Тем более что этот приказ не мог быть доведен до всех, поскольку многие проводные линии связи в Западной Беларуси были выведены из строя заранее десантированными абвером германскими диверсантами печально известного спецподразделения «Бранденбург 800»...

А если об этих самых «бранденбуржцах» подробнее, то непременно следует указать, что в их числе, кстати, были и выходцы из Беларуси, с необычайным воодушевлением принявшие 8 июня 1941-го присягу на верность «дорогому и обожаемому» фюреру Третьего рейха Адольфу Алоизовичу Гитлеру и «своей» мифической «пронацистской Беларуси». А посему, как ныне кошунственно предлагают некоторые псевдобелорусские «модернизаторы истории» (а проще — потенциальные коллаборанты, внаглую пытающиеся шеголять в нацистской военной форме времен Третьего рейха с имперским орлом и свастикой, похваляясь этим в социальных сетях) в XXI в., нужно непременно вычеркнуть из памяти и истории дату празднования Дня воздушно-десантных войск с заслуженного ими 2 августа на 8 или же 22 июня (вот где собака-то зарыта, ведь для «них» трагическое 22-е — это же день начала «освобождения земли белорусской» под сенью гитлеровской черной свастики). Ибо «истинная» да еще «незалежная» Беларусь по их извращенной, скудоумной логике могла существовать только в условиях жесточайшей террористической нацистской оккупации.

Впрочем, об этом красноречиво свидетельствовало любопытное указание НКГБ СССР № 1996/м от 30 мая 1941 г. в адрес НКГБ Белорусской ССР «Об активизации мероприятий по выявлению и разработке Белорусского националистического подполья», которое даже коммен-

тировать не надо. Ибо некоторые его положения еще как, к сожалению, актуальны и в XXI в. В указании, в частности, отмечалось: «По полученным из НКГБ Белорусской и Литовской ССР, а также из Первого управления НКГБ СССР (внешняя разведка. — Авт.) агентурно-следственным данным устанавливается, что на территории Белорусской и Литовской ССР сохранилось большое количество белорусских националистических кадров в лице бывших руководителей и участников различных партий и организаций белорусских националистов...

...Антисоветскую работу белорусских националистов, проживающих на территории СССР, организуют и направляют существующие за кордоном руководящие центры: «Белорусское национальное объединение» (БНА) в Берлине (руководят Ф. Акинчиц, А. Шкутько, В. Боровский и др.), «Белорусский комитет самопомощи» (БКС) в Варшаве (руководят Н. Шорс, ксендз Годлевский и др.) и «Белорусское культурно-просветительное общество» в Праге (руководят Захарко, Русак и др.).

Через закордонные центры и их филиалы, а также через издаваемую в Берлине белорусскую газету «Раница» («Утро» немцы проводят работу по созданию массовой организации белорусов под флагом борьбы за «независимость» Белоруссии. Непосредственное руководство работой закордонных центров белорусских националистов осуществляется уполномоченным Министерства иностранных дел Германии по белорусскому вопросу национал-социалистом профессором Менде.

Все эти антисоветские центры действуют с ведома и по указанию разведывательных органов, которые, перехватив в свои руки руководство националистическими организациями белорусов, ставят задачу подготовить из белорусских националистов, бежавших на территорию Германии, кадры шпионов и диверсантов для подрывной работы против СССР, а также активизировать антисоветскую работу белорусского националистического подполья в Советском Союзе...

...Указанные лица, придерживаясь немецкой ориентации, поддерживают связь между собой, а также с зарубежными националистическими центрами. Значительная часть из них, считая неизбежной войну Германии против СССР, рассчитывают на прямую помощь Германии в создании “независимой” Белоруссии.

Один из руководителей “Белорусской национал-социалистической партии” В. Козловский, известный среди белорусских националистов под кличкой “Наш фюрер”, прямо говорит: “...гитлеризм — единственное наше спасение. Другим путем независимости не получим” (из донесения источника НКГБ СССР “Сибиряка” от 1 октября 1940 г.).

Националистическое подполье западных областей БССР и Литовской ССР, стремясь расширить свое влияние, пытается установить связь с белорусской интеллигенцией восточных областей БССР.

Центром белорусских националистов на территории СССР является г. Вильнюс, где в настоящее время находятся бывшие организаторы и руководители белорусского националистического движения (ксендз А. Станкевич, В. Козловский, И. Шутович и др.).

По сообщению НКГБ Литовской ССР, ксендзом А. Станкевичем в 1939 г. была создана контрреволюционная националистическая организация под названием “Белорусский центр в Литве”, которая объединила все ранее существовавшие в г. Вильнюсе белорусские националистические формирования: “Белорусская христианская демократия” (А. Станкевич, Климович), “Белорусское национальное объединение” — БНА (Яремич, Позник), “Белорусский национальный комитет” (сенатор Богданович, Стецкевич) и др.

“Белорусский центр в Литве” издавал свою газету “Криница”, через которую пропагандировал идею “независимого белорусского государства”, а также поддерживал связь с зарубежными белорусскими националистическими формированиями.

В руководящий состав организации входили: А. Станкевич, И. Шутович, Найдюк, Климович (ныне проживающие в Вильнюсе), Матач, Борисевич, Ясинский (проживающие в Каунасе)...

...Тактика белорусских националистов в настоящее время сводится в первую очередь к сохранению кадров, приспособлению к существующей обстановке, распространению националистического влияния и максимальной конспирации антисоветской работы...»

Судя по событиям XXI в. на информационно-историческом поле, касающимся оценки действий подготовленных нацистским абвером так называемых белорусских парашютистов-диверсантов и содержания довоенного указания НКГБ СССР с перечислением фамилий будущих «руководящих» в «Вайсрутении» предателей и коллаборационистов — активных участников установления гитлеровского «нового порядка» в Беларуси, то невеселый диагноз в плане «короткой памяти» и «обыкновенного нацизма» получается. Ведь оправдание предательства и подмена общечеловеческих понятий добра и зла никогда ничем хорошим не заканчивались.

Особенно когда в информационное пространство вбрасываются дикие «идейки» о том, что неплохо бы увековечить имя якобы «верного хранителя белорусскости» нацистского генерального комиссара «Вайсрутении» Вильгельма Кубе и иже с ним в названиях новых улиц «хотя бы» в Городе-герое Минске. Может, еще и Институт истории Национальной академии наук Беларуси его «славным» именем наименовать? И то ли еще будет? Ведь долгоиграющая постперестроечная фальсификационная и дезинформационная «гангрена» все продолжает расползаться. Кое-кому так и хочется спустя десятилетия вновь по-собачьи «верноподданно» лизнуть «с чувством глубочайшего удовлетворения» грязный сапог нацистского оккупанта! Чуть позже нам придется еще и не с такими пещерными «перлами» столкнуться...

С тем чтобы далее окунуться в гушу тех далеких событий, придется, как уже говорилось, совершить небольшой и более глубокий исторический экскурс во времена подготовки партизанского резерва, задолго предшествовавшие событиям 1941 г. И в этой связи небезынтересно вспомнить то обстоятельство, что после совершения в апреле 1919 г. вновь возродившейся, ранее входившей в состав Российской империи Польшей акта прямой агрессии против молодого Советского государства, кстати, первым, ни на что не претендуя, признавшего ее полную независимость, и последующей полной оккупации польскими легионами территории Беларуси и Украины с попыткой их последующей безжалостной колонизации, в 1920 г. последовало их освобождение в ходе ожесточенных боев частями Красной Армии.

А уже затем после провалившегося в конечном итоге наступления войск РККА на Варшаву в соответствии с идеями «перманентной революции» Л. Троцкого и под водительством М. Тухачевского), произошло заключение 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора (касавшегося Польши и Советской России), располозовавшего исконно белорусские земли (впрочем, как и украинские) на две неравные части: Восточную и Западную.

После этого Разведуправление Красной Армии начало конспиративную переброску на территорию Западной Беларуси, а также Западной Украины вооруженных групп. Основная их задача заключалась в организации массового сопротивления местных жителей польским властям. Задача ставилась вроде благородная — помочь несчастным обрести свободу и самоопределиться...

Ведь тогда предполагалось, что проникающие в восточные (с польской стороны) воеводства отряды станут ядром поддержки мощного местного партизанского движения на белорусских и украинских землях. Эти мероприятия военной разведки получили затем термин «активная разведка». Причем о подобной деятельности

(вернее сказать — «самодеятельности») РУ Штаба РККА не имели исчерпывающей и согласованной информации даже в ВЧК (ОГПУ). Некоторая разрозненная информация (из которой нельзя было сделать окончательных выводов) имела в ИНО ЧК (ГПУ) Беларуси. При этом любая ошибка в действиях какой-либо группы грозила крупным международным скандалом и даже началом военных действий.

В конечном итоге за три года «активной разведки» ситуация на сопредельной стороне приняла критический характер и противопартизанские действия польской стороны могли в конечном итоге привести лишь к новой советско-польской войне, к которой СССР в тот период был явно не готов. Ситуация, как видим, сложилась патовая...

Именно поэтому в постановлении специально созданной по этому поводу комиссии ЦК ВКП(б), ОГПУ СССР, РУ Штаба РККА 18 февраля 1925 г. недвусмысленно указывалось: «Активную разведку в настоящем ее виде (организация связи, снабжения и руководство диверсионными отрядами на территории Польши) ликвидировать... Ни в одной стране не должно быть наших активных боевых групп, производящих боевые акты и получающих от нас непосредственно средства, указания и руководство». Таким образом «активная разведка» РУ Штаба РККА в том виде, в каком она существовала до 1925 г., была упразднена.

Тогда же (а именно 18 февраля 1925 г.) Ф. Э. Дзержинский представил в комиссию Политбюро ЦК проект «Постановления об активной разведке», где предлагалось создать в Польше и других соседних странах на случай войны специальные комендатуры (т. е. резидентуры. — *Авт.*), которые должны были в мирное время изучать военные объекты, завязывать связи, а во время войны вести активные партизанские и диверсионные действия. На советской территории также предлагалось

создать строго законспирированные небольшие группы с необходимым вооружением, чтобы в случае занятия ее противником развернуть партизанскую войну и дезорганизовать его тыл. В связи с этим они должны были проходить в условиях строгой конспирации специальную подготовку.

В последующем комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) одобрила предложение Ф. Э. Дзержинского и поручила Реввоенсовету и ОГПУ разработать план мероприятий по организации партизанской борьбы в собственном тылу в случае нападения на СССР. В последующем эта работа по линии ОГПУ (затем НКВД) СССР и ГПУ (НКВД) БССР приняла систематический, плановый и профессиональный характер, когда начала действовать целая сеть учебных сборов и школ.

Интенсивная подготовка к «малой войне» осуществлялась на территории Беларуси до 1936 — начала 1937 г. В целом ей занимались поначалу дорожно-транспортные отделы ОГПУ (потом НКВД), а также 4-е (разведывательное) управление Генерального штаба РККА. Эта работа получила тогда общее кодовое наименование «Д» — диверсия. Хотя задачи «малой войны» были, разумеется, более обширными...

В тот памятный период в судьбах белорусских партизан С. А. Ваупшасова, В. З. Коржа, К. П. Орловского, А. М. Рабцевича, А. К. Спрогиса и ряда других их боевых товарищей, имевших опыт партизанской борьбы на территории Западной Беларуси, произошли перемены — отныне вся их жизнь была уже связана с органами государственной безопасности, в кадровый состав которых они были зачислены в начале 1930-х гг. Во время Великой Отечественной войны все они стали прославленными руководителями разведывательно-диверсионных подразделений НКВД (НКГБ) СССР и БССР на территории оккупированной нацистами Беларуси. А В. З. Корж, решительно покинувший ряды НКВД после

своего недолгого незаконного ареста в недоброй памяти 1938 г. и самостоятельно создавший партизанский отряд из местных жителей, первым вступил 28 июня 1941 г. в партизанский бой с оккупантами под Пинском. К 1944 г. этот отряд превратился в мощное Пинское партизанское соединение, насчитывавшее почти 15 000 бойцов. Но это было потом...

А до войны период 1925–1936 гг. был определен военно-политическим руководством СССР как этап подготовки к партизанской войне на собственной территории против иностранных агрессоров. Небезынтересно вкратце рассмотреть его, поскольку пренебрежение этими наиважнейшими вопросами во второй половине 1930-х гг. весьма больно аукнулось в суровые годы военных испытаний. Особенно в начальные недели и месяцы войны...

Отметим сразу, что вся эта подготовительная работа теснейшим образом увязывалась в те времена с действиями регулярных войск. Это была в определенной мере часть военной доктрины государства. И действовать надо было согласованно, в едином кулаке. В соответствии с общим планом мероприятий, наряду с возможной организацией разведывательной и контрразведывательной работы с баз партизанских отрядов и подпольных структур предусматривались: создание тщательно законспирированной и хорошо подготовленной сети диверсионных групп и диверсантов-одиночек в городах и на железных дорогах к западу от линии укрепрайонов; формирование и всесторонняя подготовка маневренных партизанских отрядов и групп, способных действовать в незнакомой местности, а при необходимости — за пределами страны; переподготовка командного состава, имевшего опыт партизанской борьбы во время Гражданской войны и подготовку некоторых молодых командиров в специальных партизанских учебных заведениях; отработка вопросов парти-

занской борьбы и борьбы с вражескими диверсионными группами на специальных и общевойсковых учениях; совершенствование имеющихся и создание новых технических средств борьбы, наиболее пригодных для применения в партизанском движении; материально-техническое обеспечение партизанских формирований. Идея была перспективной, и с помощью подобной «малой войны» действительно стало возможно решать ряд даже стратегических задач...

Мероприятия особого отдела ГПУ, а затем (с 1934 г.) НКВД Белорусской ССР по подбору и подготовке партизанских кадров и соответствующих формирований на военное время терминологически именовались в то время «работа в Спецбюро» (Специальном бюро).

Кстати, вот что писал в своих воспоминаниях об этом интереснейшем периоде Артур Карлович Спрогис, уполномоченный Спецбюро особого отдела ГПУ (НКВД) БССР, начальник специальной диверсионно-разведывательной школы, активный участник войны в Испании, один из организаторов партизанской борьбы по линии военной разведки в Подмосковье и Беларуси в годы Великой Отечественной войны: «В 1928 г. меня направили на учебу в Высшую пограничную школу. Там проходили переподготовку командирские кадры. После окончания школы я стал совершенствовать свою квалификацию на специальных курсах, где мы, группа выпускников Высшей пограничной школы, изучали разведывательно-диверсионное дело, чтобы более эффективно бороться с нарушителями границы, распознавать все их приемы и уловки. Полученные знания мы продолжали совершенствовать на практике — в Белорусском пограничном округе, куда меня направили после курсов.

В этот период (начало 1930-х гг.) по указанию ЦК проводились мероприятия по укреплению обороноспособности западных районов страны на случай нападения империалистического агрессора...

...Я занимался подбором людей для партизанских и диверсионных групп. Особой задачей было расставить преданных людей вдоль западной границы СССР. Это был наиболее сложный участок. Успех во многом зависел от работы на местах...

Мы осваивали методы партизанской борьбы, работали над созданием партизанской техники, обучали будущих партизан минно-подрывному делу. Заранее подбирались кадры организаторов военных действий в тылу врага (среди них были тогда такие товарищи, как Ваупшасов, Орловский и другие, ставшие в годы Отечественной войны героями партизанского движения). От партизан требовалась всесторонняя подготовленность, и я в числе других освоил парашютное дело, получил значок инструктора парашютизма. Все, чему мы научились в мирное время, оказало потом неоценимую помощь нам в борьбе с немецкими оккупантами...»

Отметим, что кроме подготовки в специальных учебных заведениях, на территории Беларуси систематически проводились кратковременные сборы партизанских формирований, которые в целях конспирации легендировались как сборы «пожарных», «охотников», «рыбаков», «лесничих» «землеустроителей», «кооператоров», «водолазов», «пчеловодов» и т. п.

Из дневника Василия Коржа: «Этот народ мною подбирался конспиративно, с исключительной осторожностью из контингента людей, преданных Советской власти, умственно развитых, физически здоровых, выносливых, неболтливых, самоотверженных, всегда готовых выполнить боевое государственное задание. Люди эти нами постоянно проверялись и периодически пропускались с соблюдением всех мер конспирации через специальные сборы...»

И думать в наш век о том, что по мановению некой волшебной палочки партполитработники (которых, кстати, еще в мирное время в конкретных местах как

облупленных знали), другие руководители и исполнители могли вдруг враз стать опытнейшими командирами, конспираторами, агентуристами, разведчиками, контрразведчиками, диверсантами, крупными знатоками партизанской боевой тактики и стратегии (какие бы высокие воинские звания в запасе им ни присваивались), если этому не предшествовал тщательный отбор и их качественная поэтапная профессиональная подготовка, было бы в наш бросающий все новые вызовы и угрозы XXI в. по меньшей мере наивно и недальновидно.

Система первичной общевоинской и технической подготовки осуществлялась тогда преимущественно на курсах Осоавиахима (его преемником позже стало ДОСААФ), где отобранные спецрезервисты-добровольцы обучались стрелковому делу, топографии, вождению автомашин, плаванию и многому другому, включая военно-медицинскую подготовку. Там же одновременно велась морально-психологическая, политическая и физическая подготовка, а также тщательное изучение личного состава для определения его надежности и пригодности к партизанской борьбе. В те времена предварительная подготовка в кружках Осоавиахима продолжалась обычно от одного года до полутора лет, если обучаемые ранее не служили в РККА.

При обучении разведывательно-диверсионных партизанских групп, предназначенных для базирования и действий в городах, крупных поселках особое внимание обращалось на вопросы конспирации и организации тайной связи. Другое дело, когда речь шла о подготовке личного состава партизанских рейдирующих формирований. Они упорно и целенаправленно тренировались в совершении маршей, умелом использовании различных видов транспорта в тылу врага. Заметим, что учебные заведения по подготовке партизанских кадров кроме основной своей задачи занимались и вопросами материальных средств, осуществляли их закладку

в крупногабаритные и малогабаритные тайники на территории Беларуси.

Боеготовность и обучение спецрезервистов наряду с приближенными к реалиям боевой обстановки практическими занятиями обеспечивались в те далекие годы и достаточным количеством учебных пособий по тактике партизанской борьбы, средствам и способам диверсий. Имелось также много солидной специальной литературы начиная с трудов Д. В. Давыдова, Н. С. Голицына, В. Н. Клембовского, «Науки побеждать» А. В. Суворова и до труда по тактике партизанской борьбы П. И. Каратыгина, сборников боевых примеров из опыта партизанской борьбы и диверсий Первой мировой и Гражданской войн...

Кстати, многие положения работ П. И. Каратыгина, В. Н. Клембовского актуальны и в «партизанстве» XXI в. Разумеется, с учетом новейших информационных возможностей и IT-технологий...

Будущие разведчики-диверсанты приобретали нужные им гражданские и военные специальности без отрыва от производства. Весь состав организаторских, разведывательных, диверсионных и других специальных групп еще до учебных сборов овладевал одной, двумя, а некоторые и тремя специальностями, необходимыми в тылу противника. Тщательно прорабатывались также вопросы медицинского обеспечения. Все, за исключением пожилых командиров и комиссаров, обладали большой физической выносливостью.

Возвращаясь же к деятельности Спецбюро НКВД Белорусской ССР, отметим, что специальная подготовка партизанских кадров обычно велась по группам специалистов: диверсантов, разведчиков, снайперов, радистов. Состав групп, как правило, формировался в ходе предварительной подготовки. При отборе кандидатов особое внимание обращалось на морально-политические и психологические качества, выносливость и об-

шеспортивную натренированность, самодисциплину, инициативность, находчивость, нестандартность мышления, готовность к черновой работе, терпеливость...

Спецрезервисты осваивали кроме того партизанскую тактику, технику диверсий, совершенствовали знания по топографии, а специалисты (минеры, снайперы, разведчики) продолжали оттачивать свое мастерство. Минеры могли сами изготавливать взрывчатые вещества, зажигательные устройства, взрыватели, подрывные машинки и мины, в том числе собирать их из деталей, которые можно приобрести в обычных магазинах. Более того, многие из них имели одну или даже две гражданские специальности, столь необходимые в партизанской борьбе, в том числе и в качестве легального прикрытия.

С учетом реальной оперативно-боевой обстановки разведывательную, контрразведывательную и разведывательно-диверсионную работу специальные и оперативные группы НКВД должны были вести в составе резидентур и отрядов в различных условиях: с собственных баз в тылу противника; с баз местных партизанских формирований (они имели наибольшее преимущество); с позиций партизанских формирований, созданных из ядра самих оперативных групп за счет притока местных жителей, когда выполнение специальных задач Центра должно было осуществляться под «флагом» партизанского отряда или соединения, т. е. легендироваться партизанскими действиями...

В 1932 г. под Москвой, в Бронницах, впервые были проведены специальные маневры, в которых задействовались дивизия особого назначения войск НКВД, Высшая пограничная школа, академии и училища Московского военного округа, партизаны-парашютисты под командованием Станислава Ваупшасова. Участвовала в них и вся славная когорта будущих «испанцев» в составе Василия Коржа, Кирилла Орловского, Александра Рабцевича, Артура Спрогиса...

Бронницкие учения партизан-спецрезервистов убедительно доказали, что в результате внезапных, крупных и тщательно скоординированных операций партизанских сил можно на длительные сроки вывести из строя коммуникации противника...

В ходе спецподготовки большое внимание уделялось планированию первых операций партизанских сил. В ту эпоху твердо придерживались установки, согласно которой партизанские операции должны быть крупными и внезапными, чтобы одновременными действиями многих десятков диверсионных групп и партизанских отрядов сразу отрезать войска противника на фронте от источников их снабжения в тылу. С какими невероятными муками в годы Великой Отечественной войны пришлось ко всему этому возвращаться на оккупированной врагом территории Беларуси...

Конечно, немало воды с тех легендарных довоенных пор утекло, немало разного рода доктринальных установок сменилось. И тем не менее мировой военно-исторический опыт, сравнительный анализ относительно недавних событий в бывшей Югославии, Афганистане, Ираке, Египте, Ливии, Сирии, на «арабской дуге» в целом, других тлеющих и горячих точках, где наряду с чисто военным компонентом теснейшим образом сплелись новейшие разведывательные и контрразведывательные технологии, непреложно подтверждает тот факт, что защитить суверенитет, независимость и территориальную целостность страны возможно лишь при условии придания обороне государства всенародного характера. Эти задачи могут решаться путем привлечения к вооруженной защите государства наряду с профессионалами — Вооруженными Силами, МВД, органами госбезопасности, пограничной службой — населения Республики Беларусь путем организации территориальной обороны страны.

Ведь только лишь один военно-исторический опыт Беларуси показывает, что нет неких застывших форм

организации сопротивления возможному агрессору. И тем не менее не стоит огульно списывать в архив (как безнадежно устаревшие в высокотехнологичном XXI в.) подтвержденные боевой практикой богатейший опыт и вместе с тем досадные, чисто профессиональные просчеты из нашего героического прошлого...

Однако жизнь в те далекие довоенные годы распорядилась, к несчастью, иначе. Возобладавшая во второй половине 1930-х гг. оторванная от реальности теория войны «малой кровью на территории агрессора» сыграла свою негативную роль в начале Великой Отечественной войны при организации всех видов разведки, диверсионной деятельности и в конечном итоге партизанской борьбы. Специальная работа, проводившаяся на этом направлении в предвоенный период, была свернута, закладки (НЗ) материально-технических средств, вооружения, базы сил разведки и контрразведки ликвидированы, ряд руководителей, спецрезервистов, медицинских работников репрессирован, литература уничтожена, а учебные центры закрыты...

А ведь только в Беларуси были заложены в крупногабаритные тайники для партизанских отрядов сотни толовых шашек и средств взрывания для них, патроны, гранаты; 50 тысяч винтовок, 150 ручных пулеметов, лекарственные средства, медицинское имущество и многое другое.

Кстати, радиостанции для будущих партизанских отрядов хранились тогда на хуторах. Там проживали и работали в сельскохозяйственной сфере связисты групп. Такое прикрытие было достаточно надежным. Кроме того, за счет государства им строились дома, связисты бесплатно получали от государства столь необходимую в крестьянском хозяйстве корову.

Сами же заранее подготовленные партизанские отряды в сжатые сроки должны были конспиративно формироваться в случае угрозы вторжения агрессора. Их

было в то время шесть: Минский, Борисовский, Слуцкий, Бобруйский, Мозырский, Полоцкий. Численность каждого из их должна была составлять от 300 до 500 партизан. Весь личный состав был обучен методам партизанских действий. За те предвоенные годы была создана действенная инфраструктура для возможной организации в случае агрессии «малой войны»...

В военное время наряду со своими боевыми друзьями-партизанами, с которыми совместно пришлось выполнять боевые задачи в Западной Беларуси, а затем в Испании К. П. Орловским, С. А. Ваупшасовым, А. М. Рабцевичем, А. К. Спрогисом и другими Василий Захарович Корж должен был также возглавить один из партизанских отрядов — Слуцкий. Увы, не довелось, к сожалению...

В годы жутчайшей и страшнейшей по своему размаху и последствиям войны с нацизмом Станислав Ваупшасов с величайшим сожалением отмечал: «Нет слов, шесть белорусских отрядов не смогли бы своими действиями в тылу врага остановить продвижение мощной армейской группировки, наступающей на Москву. Но замедлить сумели бы! Уже в первые недели гитлеровского вторжения партизаны и подпольщики парализовали бы коммуникации противника, внесли дезорганизацию в работу его тылов, создали бы второй фронт неприятелю. Партизанское движение Белоруссии смогло бы быстрее пройти стадию организации, оснащения, накопления опыта и уже в первый год войны приобрести тот могучий размах, который оно имело в 1943–1944 годах».

Как показал потом опыт Великой Отечественной войны, выжили и эффективно действовали в тылу противника лишь те относительно немногие, кто в свое время прошел профессиональную оперативно-боевую школу в Спецбюро ОГПУ — НКВД БССР или же имел боевой опыт, в том числе и испанский. Они были подготовлены к партизанской борьбе. И будь все до войны

иначе, массовых жертв 1941–1942 гг. на оккупированной врагом территории можно было бы избежать.

В свою очередь, Герой Советского Союза генерал-майор В. З. Корж, анализируя в ходе послевоенной учебы в Академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР суровые уроки борьбы в тылу противника, с болью и горечью отмечал неподготовленность ряда командиров, бойцов РККА, оказавшихся на оккупированной врагом территории, к ведению тактически грамотной вооруженной борьбы с врагом партизанскими методами в составе мелких разрозненных групп. Все эти выстраданные мысли, а также конкретные предложения В. З. Корж изложил в 1946 г. в своем знаменитом рапорте на имя И. В. Сталина, поскольку не хотел повторения ошибок 1941 г. В этом документе, в частности, говорилось: «...В это тяжелое для партизан время, особенно 1941 года, когда нужны были люди, организаторы, руководители, командиры, специалисты, знающие свое партизанское дело хотя бы из литературы, из лекций, которые преподавались в наших специальных школах, из советов старших товарищей партизан, к большому сожалению, этих людей не было.

Если и были кое-где оставшиеся партийные товарищи, которые были посланы после Ваших указаний для организации партизанского движения, то эти люди были не подготовлены к партизанской борьбе в тылу врага, они боялись своей тени, они не знали, куда им притутиться, откуда что начать, и зачастую, если они показывались кое-где, то в большинстве своем погибали, а то совсем попрятались и сидели, никакой деятельности среди народа не ведя. Этим самым был упущен нужный момент. С одной стороны, мы не встретили врага так, чтобы на каждой дорожке, из-за каждого куста, из-за каждого дома ему угрожала смерть. С другой стороны, народ, который не успели мобилизовать, остался под оккупацией врага, поколебался, он не чувствовал ор-

ганизаторов, руководителей, которые бы звали его на борьбу с врагом, он не знал, что ему делать...

...Из всего вышесказанного мною я глубоко убежден, во-первых, если бы та работа, которая проводилась нами через так называемое Спецбюро НКВД БССР по подготовке партизанских кадров на военное время до 1936 года продолжалась до самой войны, если бы сохранены были те кадры, которые воспитывались за прошедшие годы, сохранилось то оружие, которое когда-то готовилось для партизан, то эти бы кадры и вооружение сыграли большую роль в поднятии партизанского движения. Буквально на второй или третий день войны в каждом районе выступил бы организованный, подготовленный партизанский отряд, который бы поглотил в себя весь передовой элемент района и своими боевыми действиями против немцев влиял бы на остальное население района, ежедневно бы разрастался за счет населения, и те враждебные нам элементы, которые сразу подняли головы и стали нам вредить, когда пришли немцы, часть их своевременно уничтожалась бы партизанскими отрядами, а остальные никакого влияния на население не имели бы. Этим самым мы не имели бы такого притока населения в полицию, во всякого рода контрреволюционные организации, и партизанское движение разрослось бы во всенародное движение еще в 1941 году.

Во-вторых, если бы те наши командиры Красной Армии, которые готовились в наших военных школах, академиях, училищах, читали литературу и слушали лекции из истории партизанских битв, которые проходили хотя бы в нашей стране, то, когда они попадали в такое положение, что целые воинские подразделения оставались в тылу у врага при полном вооружении, конечно, они бы сразу ориентировались на борьбу с врагом партизанскими действиями. Это была бы колоссальная сила, которая с каждым днем обростала бы местным населением. Все

это вместе взятое поставило бы врага в невыносимые условия в его тылу еще в 1941—42 году и действительно: “Земля бы горела под ногами врага на нашей земле”...

...Мне кажется, что держать в нашей стране несколько тысяч людей, подготовленных партизанских кадров, это не так уж тяжело. Но ценными партизанскими кадрами, из которых бы вышли настоящие командиры партизанских отрядов, бригад, соединений, их можно сделать только тогда, когда ими будут заниматься и руководить люди, которые имели богатый опыт партизанской борьбы в тылу врага. Это специфика своего рода, ее может знать только тот, кто сам непосредственно прошел все этапы развития партизанской борьбы.

Для создания этих кадров необходимо поднять всю литературу по истории партизанской борьбы, создать новую литературу из опыта Отечественной войны, а также написать тактику партизанской борьбы (и держать ее в секрете), которой можно было бы пользоваться только в школах специального назначения...»

Но до начала войны судьба распорядилась совершенно иначе. И потом, находясь уже в тылу у безжалостного врага, многим сотрудникам органов госбезопасности (особенно во второй половине 1941 г.) пришлось пожинать горькие плоды все той же оторванной от суровых реалий жизни военной доктрины.

Нехитрый девиз — «сила есть — ума не надо» уже не проходил. И «боеготовность», исходя из этого, отнюдь не означала «боеспособность». Ведь борьбе с врагом в его тылу должна была предшествовать трудная, каждодневная, кропотливая и профессиональная предвоенная работа. Это, если хотите, аксиома...

И РАЗВЕДКА ДОЛОЖИЛА ТОЧНО!

В предгрозовую пору конца весны — начала лета 1941 г. политическим руководством СССР безусловно

осуществлялся комплекс мероприятий, направленных на укрепление обороноспособности государства. В том числе перестраивалась и система органов, обеспечивающих безопасность страны. Однако основной вопрос и беда состояли в другом — каким образом все это осуществлялось, в каком объеме и в расчете на что.

В тот период в практической плоскости не шла, да и не могла идти, речь о нанесении так называемого превентивного удара по Германии (о чем до сих пор талдычат на своих псевдонаучных «толковищах» горе-интерпретаторы истории. — *Авт.*), ибо подобная попытка, как показал дальнейший ход событий, могла оказаться просто самоубийственной для страны, и ее руководство это прекрасно понимало.

Да и строительство укрепрайонов (УРов так называемой «линии Молотова») вдоль новой границы 1939 г. (замечу, что 1 сентября началась Вторая мировая война) означало как ни крути оборонительную стратегию. Ведь ДОТ не танк — его вперед, превентивно на территорию противника не двинешь. Однако судьба, к сожалению, отпустила слишком малый срок предвоенного мирного времени, и многое так и не удалось завершить, по поводу чего уже в XXI в. получило развитие немало разного рода безграмотных, да и попросту лживых инсинуаций и всяких конспирологических измышлений...

Отмечу также, что в сентябре 1939 г. после подписания 23 августа советско-германского договора, именуемого в некоторых кругах пактом Молотова — Риббентропа», и последующего воссоединения восточных и западных белорусских земель фактически установилась общая граница между СССР и Германией. Не будь этого важного фактора, следующей жертвой германской агрессии мог стать Советский Союз...

В наш век хватает противоречивых, а порой и чудовишных оценок всей совокупности тех драматических событий. В этой связи позволю себе привести слова «не-

забвенного» Иосифа Виссарионовича, который в своих оценках происходивших событий был на тот момент, что бы там постфактум ни говорилось и каким бы образом все это ни интерпретировалось и ни поливалось грязью, абсолютно прав. Это его выступление стало своеобразным «последним предупреждением» для западных демократий. И мадам История его, по крайней мере, в этом плане оправдала.

Так вот Сталин еще 10 марта 1939 г. с трибуны XVIII съезда ВКП(б) предрекал: «...Необъявленная война, которую державы оси под прикрытием антикоминтерновского пакта уже ведут в Европе и Азии, направлена не только против Советской России, но также — и даже в первую очередь — против интересов Франции, Англии и Соединенных Штатов. Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции и США. Последнее пятятся назад и отступают, делая агрессору уступку за уступкой...

...Я далек от того, чтобы морализировать по поводу политики невмешательства, говорить об измене, о предательстве и т. п. Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали. Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом...»

А дальше как раз-таки и произошло то, о чем предупреждал Сталин. И после памятного 17 сентября 1939 г. на территории Западной Беларуси начали действовать группы дезертиров из бывшей польской армии, банды уголовников, скрывавшихся в лесах, что широко использовалось германским абвером в подрывной работе против СССР. Для германских усилий в то время было характерно то обстоятельство, что вербовка поляков и западных белорусов в нацистскую разведсеть осуществлялась поначалу под «чужим флагом», т. е. яко-

бы от имени некоего комитета «Независимой Польши». В связи с этим возростала роль объективной, упреждающей информации внешней разведки НКВД Белорусской ССР, на деятельности которой негативно сказались репрессии 1937–1938 гг.

Для разведки во вновь сложившихся условиях основной задачей являлось получение от закордонной агентуры приоритетной политической и военно-стратегической информации. Однако лишь одно только поддержание или восстановление связи с ранее приобретенной, а также действовавшей в течение продолжительного времени закордонной агентурой требовало большого риска, филигранной работы и величайших интеллектуальных усилий разведчиков. Ведь через нее требовалось выявлять и так называемую пятую колонну, т. е. лиц, завербованных германскими и английскими спецслужбами с целью последующего внедрения ими уже своих источников, а также для пресечения деятельности их резидентур. Не менее значимой являлась и задача легендированного перемещения закордонной агентуры «на оседание» в Генерал-губернаторстве (Польша), а также непосредственно в Германии, для последующего ведения политической разведки и проникновения в спецслужбы Третьего рейха. В этой тайной войне были свои жесткие профессиональные законы...

Одна из захватывающих историй в сфере разведывательности началась осенью 1939 г. на территории Западной Беларуси, и продолжалась она с разного рода драматическими потрясениями без малого 20 лет. Тогда в начале октября 1939-го в штаб опергруппы НКВД БССР пришел скромно одетый молодой человек, рассказ которого чекистам во главе с полковником А. П. Мисюревым (с этой фамилией мы еще встретимся на страницах книги в связи с «делом Брандта». — Авт.) показался поначалу в чем-то даже странным. Представившись потомком одного из известных дворянских родов, тот

с места в карьер выпалил: «Я просто удивлен, господа, почему ваши чекисты меня до сих пор не арестовали. Странно как-то, не по-советски. Я просто устал и буквально извелся. Кое-кто из наших местных уже на меня косится. Нельзя же так. Чего вы ждете?»

«А он не без чувства юмора...» — подумалось Мисюреву. К тому времени ему как начальнику УНКВД по Барановичской области было уже кое-что известно о странном посетителе. А тот взял да и сам предвосхитил события. Мисюрев его успокоил: «Не арестовали, говорите? И правильно сделали, товарищ Марек. Какой же вы враг?! С чего вы это взяли? За вами, уж скажу по секрету, никаких враждебных действий не замечалось. Местные люди вас характеризуют положительно, даже поручаются за вас. Для нас это о многом говорит...»

С дальним прицелом затеял Мисюрев этот разговор. В неспешной доброжелательной беседе за чаем выяснились и подтвердились интереснейшие подробности. Старинный род Марека был известен русской аристократической эмиграции на Западе, а жена его, немка, имела, как оказалось, обширные связи в нацистских кругах Германии. Свое образование он получил во Франции и Германии, однако хлеб насушный ему пришлось добывать своим тяжким трудом. Начинал телеграфистом и курьером губернского военкомата, затем рабочим авторемонтного завода в Варшаве, год стажировался в Америке, а вернувшись в Европу, работал в сельском хозяйстве в имении своего дяди в Западной Беларуси. За дружбу с крестьянами и заступничество за них его дядя, аристократ до мозга костей, не делавший никаких уступок и скидок «хамам и быдлу», обвинил его в «большевизме» и с треском выгнал из родового замка. Некоторое время Мареку даже пришлось жить в землянке с женой и ребенком. Трудно сказать, как бы все дальше сложилось, но помогли местные крестьяне.

«Я никогда, собственно, и не принадлежал к высшему обществу русской или польской знати, не вращался

там и считался в этом кругу человеком чуждым, так как всегда симпатизировал крестьянам и батракам и на этой почве в 1935 году был лишен наследства моим ныне покойным дядей, — взволнованно рассказывал Марек. — Поляки меня на госслужбу не принимали, считая врагом польской государственности. Я не любил местных заносчивых польских шляхтичей и осадников, издевавшихся над крестьянами-белорусами, и они мне платили “взаимностью”. Так вот и оказался меж двух огней...»

После этого памятного разговора начался для Марек новый этап в его жизни. И «отстраивался» он уже согласно «легенде». Безусловно, что все рассказанное им было тщательно перепроверено. И после выполнения конкретных поручений Мареку было предложено сотрудничество в весьма специфической сфере, на что, движимый прежде всего патриотическими побуждениями, он охотно и вполне искренне согласился. Так одним из приобретений внешней разведки стал агент «Фёрстер»...

Конечно, он до конца еще не представлял себе всю степень опасности и риска данного предприятия. Тем более что у него пока и мыслей не было покидать родные края. Вот тут-то и прибыла в барановичские края смешанная германо-советская комиссия по эвакуации в Германию граждан немецкой и прочих национальностей, желающих выехать с территории СССР. И последующие события приняли настолько стремительный оборот, что пришлось ему сделать свой окончательный выбор немедленно. Ибо немцы колебаний не принимали и предложили Мареку как патриоту нового фатерланда срочно дать согласие на выезд с семьей в Германию. Отправиться предстояло с самым первым эшелонам. И времени на доподготовку для работы за кордоном практически не оставалось. Так что напутствием Мареку в его новой жизни стал лишь краткий инструктаж сотрудника разведки НКВД. На земле же родной Белару-

си, в районе Бреста, он вновь оказался 22 июня 1941 г. вместе с наступавшими частями вермахта...

А тогда через двое суток вновь обретенных подданных Третьего рейха бравурными нацистскими маршами и пламенеющими стягами с черной свастикой встретил берлинский вокзал «Остбанхоф». Марек жадно впитывал новые образы и впечатления. Ведь его спешный отъезд поначалу отрицательно сказался на его работе с посольской резидентурой. И устранять все пробелы приходилось на ходу. Марек оказался способным учеником. Вот только весьма специфическими были условия его сотрудничества с печально знаменитым резидентом «Захаром» — Амаяком Кобуловым, братом всеильного замнаркома НКВД Богдана Кобулова, курировавшего разведку. Это был тот случай, когда родственные узы в конкретной ситуации, увы, не могли заменить ни ум, ни профессиональные качества.

Тем не менее за недолгий срок пребывания в Берлине Марек стал благодаря протекции со стороны родственников жены кандидатом в члены нацистской партии (НСДАП), успел восстановить старые связи и обзавестись новыми. Но «Захар» требовал все большего и большего, причем сразу. «Но так ведь не бывает», — с досадой думалось Мареку. Неисповедимые пути его виртуально пересеклись и с известным советским разведчиком А. Коротковым, который как мог старался корректировать бурную деятельность Амаяка Кобулова в нужном для дела русле.

Меж тем военная машина нацистской Германии форсированными темпами готовилась к войне с СССР. И «Фёрстер» в этой связи сообщал: «5 сентября 1940 г. Фигнер, часто выезжающий на восток Германии и, в частности, в бывшую Польшу по делам строительства от своей фирмы, рассказывает, что на границе к Советскому Союзу наблюдается усиленное строительство укреплений против Бреста.

По его словам, в Польше сосредоточено до 100 немецких дивизий. В Восточной Пруссии расквартировано 25 дивизий, такое же количество в Словакии. Немецкая армия реорганизуется в направлении, нужном Германии для войны против Советского Союза. Учащийся офицерской школы в Берлине Хольтман рассказал, что все программы учебы преследуют подготовку германских офицеров к войне с Советским Союзом, так, занятия по топографии проводятся исключительно на местности, которая может быть только на востоке...»

В конце октября 1940 г. «Фёрстер» сообщал: «Герман Зольф в разговоре со мной заявил, что месяцев через шесть Германия начнет войну против Советского Союза. На мое высказывание о невозможности этого Зольф заявил, что он работает в таком месте, что знает, что говорит и зря не болтает. Кроме того, Зольф сказал, что в скором времени он в качестве дипкурьера поедет в Москву с поручением к военному атташе. Германия начнет войну против Советского Союза».

Информация «Фёрстера» получала высокую оценку в Центре, о чем свидетельствовало «Сообщение НКВД СССР в Наркомат обороны СССР о полученных из Берлина агентурных данных о подготовке Германии к нападению на СССР (октябрь 1940 г.): «...Офицер штаба верховного командования (отдел военных атташе), сын бывшего министра колоний, заявил нашему источнику (бывший русский князь, связан с военными немецкими и русскими аристократическими кругами), что, по сведениям, полученным им в штабе верховного командования, примерно через шесть месяцев Германия начнет войну против Советского Союза».

Позже агент сообщал: «20 декабря состоялась встреча у Фигнера, куда были приглашены начальник генерального штаба Йодль, генералы Боденшати и Мюллер. ...После разговора о Болгарии Йодль сам переключился на разговор о политике Советского Союза, о которой

отзывался с большим раздражением. Заявил, что СССР пытается вести свою собственную политику, надеется что-то выиграть, но этому не бывать — Советский Союз будет делать то, что ему прикажем мы, немцы. Если же большевики будут сопротивляться и задумают с нами играть, мы разобьем эту банду быстрее, чем в две недели. Йодль уверен, что Красная Армия во много раз слабее немецкой...

На вопрос одного из гостей, почему Германия оказывает такую широкую техническую помощь СССР, Йодль ответил: "То, что мы даем Советскому Союзу или уже технически устарело, или нам уже не нужно. Ничего нового или того, в чем мы еще заинтересованы, мы им не дали. Наши сотрудники гестапо под видом инженеров разъезжают с русскими инженерами и зорко смотрят, чтобы фирма не показала больше, чем дозволено".

Один из моих знакомых присутствовал на вечере, посвященном выпуску молодых офицеров. Вечер состоялся 18 декабря в спорт-паласе в Берлине. Присутствовало 5000 человек. С речью выступил Гитлер, который заявил, что молодые офицеры должны проникнуться сознанием того, что Германии предстоит вести войну с очень упорным врагом и что меньше всего нужно надеяться на скорое окончание войны, следует приучить себя к мысли о том, что драться придется долго, и лишения будут тяжелыми. Тем радостнее будет победа.

В одном месте своей речи Гитлер сказал, что на земле царит беззаконие, 60 миллионов великороссов владеют $\frac{1}{6}$ частью всей суши и что на этой одной шестой части несправедливость и беспорядок. Призывал молодых офицеров к совершению ими их священного долга — устранению этих вопиющих несправедливостей. 25.12.1940 г.»

Из сообщения «Фёрстера» от 15 марта 1941 г.: «С 1 по 15 марта в разъездах по северо-восточной Германии... Прежде всего о впечатлениях. Сколько бы мы

ни ехали и куда бы ни ехали, мы все время встречали эшелоны моторизованных военных частей, идущих на юг.

Кроме этого, по дороге в Штеттин в 15 км от города справа от леса видели аэродром и массу войск. Разговаривая с рабочими в 2 лагерях около Эггизинца, я вынес впечатление об огромном недовольстве рабочих тяжестью работы. Все работают на оборону, строят какие-то подземные города. А в другом лагере, что в километре от Эггизинца, делают взрывчатые вещества. В Штеттине стоят два крейсера, но не в порту, а прямо в заливе...»

В одном из документов, не имеющем прямого отношения к нашему герою, резидент «Захар» сделал весьма примечательное замечание по поводу, как оказалось, «Фёрстера»: «...с Йодлем он не виделся. Генерал Йодль по нашим данным присутствовал при беседе Гитлера с Муссолини (сводка "Лицеиста")». Вот так чисто виртуально и «пересеклись» два агента советской внешней разведки: «Фёрстер» и провокатор — двурушник «Лицеист» (Берлинкс), а также их куратор «Захар».

Годы спустя оказавшийся в советском плену офицер гестапо Зигфрид Мюллер, сотрудник реферата IV-D Главного управления имперской безопасности, на допросе 21 мая 1947 г. показал, что руководивший латышским журналистом и двойным агентом «Лицеистом» сотрудник РСХА Ликус регулярно ездил к Гитлеру с донесениями о ходе дезинформационной игры. Фюрер, жадно потирая руки, интересовался мельчайшими деталями и нюансами общения Берлинкса и Амаяка Кобулова...

Один из аксиоматичных постулатов разведки гласит: «Недооценивать противника — это значит разоружать самого себя». Тогда сообщения «Лицеиста» лишь подогревали недоверие Сталина к советской разведке, а у некоторых ее руководителей, не желавших попасть в опалу или получить десять лет без права переписки, появлялось стремление смягчить содержание наиболее острых сообщений, а иногда и попытки уклониться от

своевременного доклада объективных данных. Начальство зачастую склонно верить тому, что им докладываются и полностью совпадает с тем, что оно уже знает. Но... Господь предполагает, а вождь располагает. И на эту тему можно еще долго дискутировать...

Увы, с началом войны связь с «Фёрстером» оказалась на долгих три года прерванной, поскольку вариант работы с ним в особых условиях так и не был отработан. Как говаривали некоторые мудрые: «Неудачу всегда можно свалить на агента: не так понял условности, не то сделал, не туда поехал, не там стоял или не так держал перчатки по условиям связи...»

Скажу лишь, что ему, как и некоторым другим, указавшим приблизительные сроки начала войны, пришлось, не сломавшись, пройти потом и Лефортово, и Гулаг. А затем довелось ему работать в Западной Европе и за океаном...

В предвоенный период всеми силами и средствами НКВД (НКГБ) БССР продолжалась активная разведывательная работа по изучению оперативной обстановки на сопредельной стороне. Из спецсообщения разведки (1-го управления НКВД СССР) от 1 декабря 1940 г.: «Бывшие белогвардейские офицеры — братья Шлыковы Михаил и Иван являются агентами-вербовщиками, замыкаются на бывшего “булак-балаховского” офицера Ломакина Петра...

...Руководитель “Белорусского Комитета самопомощи” в Варшаве Шорс находится на службе у разведотдела, вербует агентов из числа белорусских националистов... разведработу ведет и немецкая пограничная полиция».

В 1940 г. по наводкам разведки сотрудниками НКВД БССР были обезврежены агенты германских спецслужб Бжезовский, Олендский, Стемпеня, Хилюта, Каминский. Затем в ходе оперативной игры, в которой участвовал П. С. Теодорский (закордонный агент «Забывтый»), уда-

лось задержать еще нескольких агентов абвера. В частности, агентов-радиостов Юзефовича, Будкевича и ряд других...

В предвоенный период разведкой НКГБ БССР во взаимодействии с Центром продолжалась работа по приобретению источников информации в спецслужбах противника на морально-психологической основе. О некоторых неудачах на этом направлении разведдеятельности рассказал в своих послевоенных мемуарах О.Райле, помощник шефа абвера адмирала В. Канариса. Он, в частности, отмечал, что после захвата абверовцами 22 июня 1941 г. неэвакуированных сейфов Брестского УНКГБ БССР «...из груды документов, представляющих интерес для абвера, попавших мне тогда в руки, хорошо запомнилось дело, касавшееся одного офицера германской службы контршпионажа, а именно майора Фабиана, который перед войной служил в отделе абвера Бреслау. НКВД неоднократно подсылал к нему агентов, но он ни на одного из них не клюнул. Поэтому НКВД ставил его в пример собственным офицерам и при этом в особенности упирал на то, что на майора Фабиана не смогли повлиять ни с помощью алкоголя, ни соблазнить красивыми женщинами...»

В этот период внешняя разведка и контрразведка НКГБ БССР сообщали о массированном и интенсивном скоплении войск вермахта у западной границы на территории «германского генерал-губернаторства» (Польша). В целом разведка выполнила поставленную перед ней задачу по получению приоритетной разведывательной информации о военных приготовлениях нацистской Германии, возможных планах гитлеровского командования, вероятных сроках агрессии и характере деятельности германских спецслужб в полосе своей ответственности, а НКГБ БССР за 1941 г. своевременно направил в Центр более 70 актуальных разведдонесений по этим вопросам...

В предвоенный период возросло количество засылавшихся в Западную Беларусь диверсионных групп, которые с началом войны должны были взрывать железнодорожные и автомобильные мосты в тылу советских войск, уничтожать военные склады, отравлять водные источники, разрушать линии связи, совершать террористические акты в отношении командиров и политработников РККА, убивать оперсостав НКВД, создавать вооруженные банды в советском тылу. День икс был не за горами...

Вполне определенно говорилось о возможности германской агрессии в донесении того же закордонного агента НКГБ БССР «Забытого» (П. С. Теодорский) от 10 мая 1941 г.: «Резидент немецкой разведки Конечный, направляя в СССР разведчиков, заявил последним: “Я могу теперь сообщить вам, что война Германии с СССР висит почти на волоске. Вы еще успеете вернуться, а затем вместе с армией я и вы встретим наших в СССР”. Далее Конечный дополнил: “Не позднее как 20 июня с. г. должна начаться война с Советским Союзом. О том, что немцы победят — это точно, говорить нечего...”» Характерным было и то, что забрасывавшаяся в мае и начале июня на территорию Беларуси германская агентура не имела при себе радиостанций, так как должна была вернуться обратно не позднее 15–18 июня 1941 г. Это указывало на то, что час нападения нацистской Германии на СССР был как никогда близок.

Патриотизм, незаурядные личные качества и находчивость Петра Станиславовича Теодорского помогли чекистам Беларуси парализовать накануне войны шпионскую деятельность абверовской резидентуры во главе с «Конечным» (Ковальским), который, как выяснилось, был поначалу сотрудником польской, а затем резидентом немецкой разведки. К сожалению, жизнь ценного источника внешней разведки П. С. Теодорского трагически оборвалась в 1943 г., когда он, выполняя очеред-

ное задание на территории Польши, попал в руки гестапо и вынужден был покончить жизнь самоубийством. И таких патриотов, как Теодорский, были десятки. Свою битву на тайном фронте они выиграли еще до начала войны.

Другой вопрос, как этой ценной разведывательной информацией накануне войны смогло распорядиться высшее руководство страны. Теперь можно лишь дискутировать о том, почему информация, скажем, НКГБ БССР не была оценена должным образом. Однако история сослагательного наклонения, увы, не имеет...

Возвращаясь к предвоенному периоду, отметим, что в феврале 1941 г. Народный комиссариат внутренних дел Указом Президиума Верховного Совета СССР был спешно разделен на два ведомства: НКГБ (наркомат госбезопасности) СССР и, собственно, НКВД. Это обосновывалось «необходимостью максимального улучшения агентурно-оперативной работы органов государственной безопасности и возросшим объемом работы, проводимой НКГБ СССР, ее многообразием». Аналогичные структурные изменения претерпел и НКВД БССР.

8 февраля 1941 г. органы военной контрразведки из НКВД СССР были переданы в Наркомат обороны СССР, образовались Третье управление и третьи отделы в военных округах. Однако в целом это решение оказалось в контексте назревавшей гитлеровской агрессии преждевременным и не до конца продуманным, что показали трагические события первых недель войны, когда уже в июле 1941-го вновь пришлось воссоздавать объединенный НКВД...

Основными задачами, возложенными в предвоенный период на органы госбезопасности и внешнюю разведку, в частности, являлись: получение информации о политическом, экономическом и военном положении империалистических государств; выявление агрессивных планов фашистской Германии о нападении на

СССР; выявление, предотвращение и пресечение шпионско-диверсионной террористической и иной подрывной деятельности разведывательных служб фашистской Германии, милитаристской Японии и других капиталистических государств; борьба с подпитываемым с Запада буржуазно-националистическим подпольем в западных областях Украины, Беларуси и в республиках Прибалтики.

Естественно, информация разведки и контрразведки без анализа, перепроверки, сопоставления, подтверждения ее через другие источники не могла, да и не должна была сразу же ложиться в основу политических решений, хотя бывали, конечно, обстоятельства, когда эти решения необходимо было принимать с учетом всех рисков немедленно.

Советской разведке к тому времени стало известно, что в апреле 1941 г. Конгресс США официально принял весьма недвусмысленное решение, которое гласило: «Если Германия нападет на СССР, то помощь будет оказана СССР, если СССР нападет на Германию или позволит спровоцировать себя на нападение (вероятно, и это обстоятельство также объясняло сомнения И. В. Сталина в достоверности данных разведки и его стремление не спровоцировать конфликт. — Авт.), то США выступят на стороне Германии». Это была небезынтересная информация к размышлению...

Тем временем из одного лишь спецсообщения НКВД СССР в НКГБ СССР от 8 апреля 1941 г. о концентрации германских войск на границе с СССР становилось ясно, что там сложилась явно тревожная обстановка: «...По данным закордонных источников пограничных войск НКВД Белорусской ССР, германскими властями в последних числах марта сего года отдано работникам государственных учреждений — немцам распоряжение эвакуировать в период 7–15 апреля сего года свои семьи из районов Варшавы на территорию собственно Германии.

Некоторым железнодорожным служащим-немцам на территории генерал-губернаторства выданы предписания с предназначением их на работу на железной дороге в г. Белосток.

Среди населения генерал-губернаторства распространены слухи, что 15 апреля сего года должны начаться военные действия между Германией и СССР.

Со слов железнодорожных служащих, с 7 апреля прекращаются перевозки гражданских пассажиров из Варшавы в восточном направлении.

По данным войскового наблюдения, в нескольких пунктах против участков 87-го и 88-го пограничных отрядов отмечено систематическое наблюдение и фотографирование нашей территории германскими офицерами и солдатами. Движение товарных поездов на линии Малкия-Гурна — Острув-Мазовецка заметно усилилось.

По данным закордонной агентуры пограничных войск НКВД Украинской ССР, 6 апреля сего года в печати опубликовано распоряжение германских властей о том, что с 12 апреля сего года все железные дороги на территории генерал-губернаторства переходят в распоряжение военных властей. С того же времени проезд гражданского населения по железным дорогам без разрешения этих властей категорически запрещается.

5–6 апреля из генерал-губернаторства в собственно Германию выехали семьи офицеров германской армии, сотрудников гестапо и государственных чиновников. Из городов Кракова, Варшавы и Познани в пограничные с СССР пункты Людин, Перемышль (немецкая часть города), Ясло, Кросно и Санок подтягиваются войска. На аэродром г. Кросно прибыло несколько эшелонов с авиабомбами.

Среди населения, в том числе и германских офицеров, распространены разговоры о том, что в ближайшие дни начнутся военные действия против СССР. Сведения проверяются...»

Как видим, недостатка информации в тот период не наблюдалось. Кроме того, последнему мирному дню июня 1941 г. предшествовали и другие события, связанные с деятельностью советских спецслужб. 14 июня 1941 г., в день, когда в Советском Союзе было опубликовано сообщение ТАСС, опровергавшее слухи о возможном нападении Германии, в Берлине состоялось совещание высшего командного состава вермахта по вопросу готовности к войне с СССР. Командующий 2-й танковой группой генерал-полковник Гейнц Гудериан на вопрос Адольфа Гитлера, сколько ему потребуется времени, чтобы достичь Минска, ответил, как впоследствии оказалось, почти безошибочно: 5–6 дней.

Ныне известная сотрудница Первого (разведывательного) управления НКГБ СССР Зоя Воскресенская-Рыбкина в своих воспоминаниях приводила такой факт. После воссоединения в сентябре 1939 г. Западной Беларуси с БССР сотрудники белорусского НКГБ в мае 1941 г. арестовали одного из абверовских разведчиков, действовавшего на этой территории — бывшего штабс-капитана царской армии Нелидова. Его привезли на Лубянку и поручили З. В. Воскресенской, которая на основании показаний разведчика должна была проанализировать ход военных игр, проведенных Германией в последнее время.

«Отчетливо помню синие стрелы, направленные на границу Белоруссии», — вспоминала З. И. Воскресенская. Нелидов пояснил, что во время одной из последних военных игр Минск предполагалось занять на пятый день после начала немецкого наступления.

«Я рассмеялась: как это на пятые сутки? Он смутился и принялся клясться всеми богами, что именно так было рассчитано Кейтелем...» Когда З. И. Воскресенская доложила о разговоре начальнику Первого управления НКГБ СССР П. М. Фитину, тот возмутился: «Ну и заливает этот подонок! На пятый день уже и Минск».

Однако в первых числах июня 1941 г. Первым управлением НКГБ СССР был получен от советского агента, железнодорожного чиновника в Берлине, адресованный ему пакет с надписью: «Вскрыть по объявлению мобилизации». А там уже находилось предписание Главного военного командования Германии, обязывавшее этого чиновника прибыть на станцию Минск, начальником которой он назначался, и приступить к исполнению своих обязанностей на пятый день после начала военных действий.

Слухи, которые настойчиво отрицала советская пресса, несмотря ни на что, упорно циркулировали в приграничной полосе Беларуси, особенно с начала мая. Однако тревога у людей была еще неосознанной: никто и представить себе не мог масштабов надвигающейся трагедии, а тем более ее темпов.

Между тем только с 18 по 22 июня 1941 г. на минском направлении органами НКГБ СССР и БССР были задержаны и обезврежены 211 разведывательно-диверсионных групп и диверсантов-одиночек вероятного противника. Это были реалии, от которых трудно было отмахнуться, но и в войну не хотелось инициативно ввязываться...

К тому же Л. П. Берия, на которого обычно вешают всех собак и коему некоторые историки-исследователи еще с 1956 г. пытаются приписать основную вину за якобы дезинформацию вождя в отношении вероятных сроков начала войны, с начала 1941 г. не имел, как оказывается, абсолютного доступа к информации о вероятных приготовлениях нацистской Германии к нападению на СССР, поскольку руководил с февраля 1941-го Наркоматом внутренних дел.

Так что объективную картину происходившего по другую сторону государственной границы СССР до И. В. Сталина должны были доводить нарком госбезопасности СССР В. Н. Меркулов и отвечавший за внеш-

ную разведку его заместитель Б. З. Кобулов, через которого шли все доклады Первого управления НКГБ СССР. Свои данные в сфере военно-стратегической компетенции предоставляло и Разведуправление ГШ РККА в лице генерала Ф. И. Голикова...

Судя по всему, И. В. Сталин уже имел к тому времени подробнейшую информацию и о подготовке Германией нападения на СССР, и о примерных сроках его начала (которые Гитлером, кстати, постоянно переносились, да и дезинформация играла здесь далеко не последнюю роль), и о силах будущего агрессора. И в то же время он закрывал глаза на существующие реалии, утверждая, что Гитлер, видимо, не пойдет на нарушение договора. И в этом феномене еще разбираться и разбираться историкам, да и практикам. Впереди ведь еще немало архивных открытий. В том числе и из числа хорошо забытого старого, если историю, конечно, вновь не переписывать по избитым лекалам Н. С. Хрущева (во всем виноват только исключительно И. В. Сталин)...

Кстати, своеобразный закон оценки информации замечательно, на мой взгляд, сформулировал в послевоенные годы небезызвестный директор ЦРУ США Аллен Даллес: «...Часто труднее использовать продукт, чем получить его. Получатели информации обычно начинают с того, что отвергают какое-либо донесение как фальшивое или сфабрикованное. Затем, когда они преодолевают свое предубеждение, они отбрасывают информацию, потому что она им не нравится и они отказываются верить ей. Наконец, когда они получают сообщение, которое им нравится и которому они верят, они не знают, что с ним дальше делать...»

Однако вернемся в последний предвоенный день. 21 июня в НКГБ Белорусской ССР поступила срочная информация: «Перебежчик — солдат 58 пехотного полка 6 пехотной дивизии сообщил, что дивизия прибыла из Парижа, расположилась на границе. Среди военно-

служащих ведутся разговоры, что через 7 дней начнется наступление (источник дезертировал из части 2 дня тому назад)».

Однако все пока продолжало идти дальше своим чередом в русле известного сталинского указания «не вызывать своими действиями провокаций с немецкой стороны и не дать втянуть себя в войну». И в этом в тот период тоже был свой резон...

На случай войны ранее в мобилизационный план 1941 г. «МП-41» НКГБ БССР 3-го отдела штаба ЗапОВО (военная контрразведка) наряду с другими изменениями были внесены коррективы в кадровую расстановку, однако, несмотря на накопление мобзапаса, эта работа до конца доведена так и не была. Главное же заключалось в том, что катастрофически не хватало профессионально подготовленных кадров, в большинстве своем уничтоженных или репрессированных в 1937–1938 гг. И к этому вопросу еще придется вернуться...

В мае 1941 г. Бюро ЦК КП(б) Белоруссии заслушало доклады командующего войсками ЗапОВО генерала армии Д. Г. Павлова «Об обстановке на границе и состоянии войск округа», а также руководство пограничников и органов госбезопасности. Бюро рекомендовало обкомам повысить бдительность, мобилизационную готовность предприятий и учреждений. 26 мая 1941 г. ЦК КП(б)Б принял специальное постановление об организации на территории Беларуси постоянных групп и отрядов по уничтожению авиадесантов противника. И... более ничего.

В остальном за все и за вся, как обычно, отвечал командующий ЗапОВО генерал армии Д. Г. Павлов. Несмотря на поток тревожных сообщений, он, как ни печально, также лично приложил руку к дезинформации Центра, когда уже за неделю до войны заверял Сталина по телефону в том, что как командующий выезжал на границу и «угрожающего» скопления войск противника

там не обнаружил, а слухи о возможном вторжении вермахта назвал провокационными. Ведь «Хозяин» сказал ранее, что войны в 1941 г., видимо, не будет. Как же не считаться с его авторитетным мнением?...

Более того, сам нарком госбезопасности БССР Л. Ф. Цанав и его окружение не предусматривали возможность активного задействования сотрудников разведки и контрразведки в оперативных мероприятиях на временно оккупированной территории Беларуси. Идеологический и теоретический постулат о «могучем наступательном ударе» РККА по территории противника интерпретировался ими как «директивное указание» к тому, что разведывательная, контрразведывательная и диверсионная деятельность на собственной территории маловероятна, и все предложения на этот счет воспринимались как изменнические и пораженческие.

Война уже стояла на пороге, а уже упоминавшееся известное Заявление ТАСС от 15 июня 1941 г., опубликованное в газете «Правда», опровергало сообщения иностранной печати о «якобы возникших между СССР и Германией разногласиях». Заявление расценивало слухи о сосредоточении на границе немецких и наших войск «как неуклюжую пропаганду враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в развязывании войны...».

Передвижения войск РККА и предстоящие в приграничных округах маневры, как указывалось в Заявлении ТАСС, «имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата...».

В том, что это заявление многих дезинформировало, сомнений нет. Бытует мнение, что И. В. Сталин таким образом хотел усыпить бдительность Гитлера, якобы показать миролюбие, выиграть время, а затем якобы нанести все тот же превентивный удар по группировке вермахта, как периодически «вешал» на этот счет преда-

тель из ГРУ ГШ ВС СССР Резун-«Суворов». Однако предоставим лучше слово самим гитлеровским генералам.

Так, начальник штаба 4-й немецкой армии генерал Блюментрит уже после войны вспоминал: «Как мы предполагали, к вечеру 21 июня русские должны были понять, что происходит, но на другом берегу Буга, перед фронтом 4 армии и 2 танковой группы, т. е. между Брестом и Ломжей, все было тихо. Пограничная охрана русских вела себя как обычно. Вскоре после полуночи международный поезд Москва — Берлин беспрепятственно проследовал через Брест».

Гудериан, чьи танковые клинья огненным смерчем прокатились по Беларуси, писал: «Тщательное наблюдение 21 июня за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе Брестской крепости, который просматривался с наблюдательного пункта, под звуки оркестра производился развод караулов. Береговые укрепления вдоль реки Буг не были заняты русскими войсками...»

Между тем поток тревожных донесений возрастал с каждым днем. Продолжала поступать информация о том, что фашистское командование ускоренными темпами перебрасывает к границе все новые и новые силы. К западному берегу Буга подтягивалась инженерная техника, оборудовались траншеи, устанавливались маскировочные щиты перед открытыми участками, сооружались наблюдательные вышки. Фашистские самолеты почти ежедневно вторгались в воздушные секторы Западного ОВО.

Из сообщения НКВД БССР в НКГБ СССР от 20 июня 1941 г.: «20 июня на участке 87-го пограничного отряда (п. Ломжа, БССР) задержаны еще 6 диверсантов из 32, находившихся в м. Прушков. Один из задержанных — наш закордонный агент «Маевский», который оторвался от группы диверсантов и предупредил пограничный наряд об их переходе на советскую территорию».

При задержании три диверсанта оказали вооруженное сопротивление и в перестрелке с пограничниками оказались ранеными. Один из них умер...»

В это время германские нацисты уже четко определились с вероятной датой агрессии, сигналами и вариантами действий в случае изменения обстановки. До начала Великой Отечественной войны оставались считанные дни.

Заметим, что прилагавшиеся вермахтом и германскими спецслужбами усилия по дезинформации руководства СССР, спецслужб и командования РККА относительно истинных целей сосредоточения немецких войск на западных рубежах Советского Союза увенчались в определенной мере успехом. Например, в докладе начальника РУ ГШ РККА генерала Ф. И. Голикова высшему руководству страны от 20 марта 1941 г., где все эти угрожающие стране признаки грядущей агрессии перечислялись, в самом его конце тем не менее указывалось: «Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки...»

И этими обстоятельствами также могут быть в некоторой мере объяснены и некоторые причины «внезапного» (но, как ни парадоксально, ожидавшегося в верхнем эшелоне власти) нападения нацистской Германии на СССР ранним утром 22 июня 1941 г. Если, конечно, излишне не вдаваться в конспирологию и опять-таки не руководствоваться исключительно «историческими открытиями» согласно «заветам» небезызвестного «гения кукурузных полей» Н. С. Хрущева.

Серьезные ошибки политического и военного руководства в оценке позиции нацистской Германии по отношению к СССР отрицательно сказались не только на Вооруженных Силах в целом и войсках Западного Особого Военного округа в частности, но и на органах

государственной безопасности СССР и БССР, военной контрразведки НКО СССР...

Архивные документы и воспоминания участников событий показывают, что лишь 21 июня 1941 г. вечером И. В. Сталиным было принято столь необходимое, но уже запоздалое управленческое решение, когда согласно директиве Наркома обороны С. К. Тимошенко и начальника Генштаба Г. К. Жукова командующим приграничных округов предписывалось привести в боевую готовность войска в связи с возможным нападением фашистской Германии на СССР.

Этой ныне нещадно пинаемой разного рода историками-критиками директиве, в частности, предписывалось:

«1. В течение 22–23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи на 22 июня 1941 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко, Жуков».

О том, что эта директива уже не могла быть исполнена в установленные сроки, нам, потомкам тех, кто героически защищал нашу Отчизну в суровые годы Великой Отечественной войны, хорошо известно. Как и то, какой неимоверной ценой досталась народу той единой, великой, канувшей в Лету страны Победа над германским нацизмом!

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ — ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!

22 июня 1941 г. навеки вошло черной, трагической страницей в героическую историю белорусского народа. С этого дня наряду с войной на гигантских по размерам фронтах началась битва за освобождение Беларуси, которая в летописи Великой Отечественной войны является, пожалуй, наиболее объемной частью...

Получив информацию о нападении нацистской Германии на СССР, И. В. Сталин экстренно созвал на совещание высшее военное и партийно-государственное руководство. В 5 часов 45 минут к нему в кабинет прибыли С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков, В. М. Молотов, Л. П. Берия и Л. З. Мехлис. К 7 часам 15 минутам была подготовлена директива № 2, которая незамедлительно поступила в войска. От имени наркома обороны СССР она требовала:

«1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группи-

ровку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиации наносить на глубину германской территории до 100–150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель. На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать...»

Директива эта носила, безусловно, весьма противоречивый характер. Поскольку запрещение переходить границу, к тому же еще и ограничение глубины ударов авиации явно указывали на то, что Сталин все еще не верил, что началась-таки та самая «большая война», а не пресловутые «попытки военных провокаций местного характера». Только к полудню 22 июня члены политбюро ЦК ВКП(б) — Молотов, Маленков, Ворошилов, Берия — наконец подготовили текст заявления советского правительства, с которым в 12 часов 15 минут по радио выступил Молотов.

К сожалению, запоздалый рывок навстречу стремительно наступавшему противнику вынуждал войска Западного фронта вступать в бой с ходу, не единым кулаком, а по частям. На направлениях основных ударов агрессора подготовленных рубежей им достичь так и не удалось, соответственно, и сплошной фронт обороны не был создан. Встретив ожесточенное сопротивление, противник незамедлительно обходил советские части, атаковал их с флангов и тыла, стремился продвинуть свои танковые дивизии как можно дальше в глубину. Положение усугубляли десантированные с самолетов нацистские разведывательно-диверсионные группы, а также прорывавшиеся в тыл автоматчики на мотоциклах, которые уничтожали линии связи, захватывали мосты, аэродромы, другие военные объекты. При этом мелкие группы гитлеровских мотоциклистов, с тем чтобы создать у оборонявшихся видимость окружения,

вели из разных точек хаотичную стрельбу из автоматов. Тем самым эти их действия при отсутствии достоверной информации об общей боевой обстановке и потере управления нарушали устойчивость обороны советских войск, вызывая панику.

Многие стрелковые дивизии первого эшелона армий с первых же часов боевых действий были расчленены, ряд из них оказались в окружении и реальной информацией о трагической ситуации на фронте не располагали. Связь с ними полностью прервалась. Уже к 7 часам утра штаб Западного фронта вообще не имел проводной связи даже с армиями.

В тот момент, когда штаб Западного фронта получил директиву наркома обороны № 2, его стрелковые дивизии уже втянулись в кровопролитные бои. И, хотя механизированные корпуса все же начали выдвижение к границе, из-за большой удаленности их от участков прорыва врага, нарушения связи, действий диверсантов, господства нацистской авиации в воздухе «обрушиться на противника всеми силами» и уничтожить его ударные группировки, как того требовала директива наркома обороны, войска Западного фронта, естественно, не могли. Впереди у них были долгие, изматывающие, кровопролитные бои и горечь отступления первых месяцев Великой Отечественной войны...

Свой профессиональный вклад в дело сопротивления и изгнания оккупантов с нашей земли в ходе всенародной партизанской борьбы наряду с ЦШПД, БШПД и РУ ГШ РККА внесли действовавшие в тесном контакте и взаимодействии разведывательные и контрразведывательные подразделения НКВД (НКГБ) СССР и БССР, военной контрразведки. Именно в этом контексте и будет рассматриваться далее деятельность подразделений органов госбезопасности БССР и СССР, военной контрразведки на оккупированной нацистами территории Беларуси.

Уже на первом этапе войны советским спецслужбам пришлось вносить в свою деятельность срочные, серьезные, а то и кардинальные коррективы. Ведь в начальный период боевых действий НКГБ БССР и военная контрразведка (Наркомата обороны СССР) подчинялись разным ведомствам. В результате дававшиеся им Центром указания нередко носили не совсем скоординированный характер. А оперативно-боевая обстановка менялась стремительно и зачастую непредсказуемо...

Между тем на захваченной территории Беларуси сразу же начали появляться расстрельно-карательные объявления нацистских оккупантов типа: «В последнее время была обнаружена молодежь, состоящая на службе у большевиков и проводившая шпионаж в ущерб Германской Армии.

Мы обращаем серьезное внимание гражданского населения на то, что шпионаж и всякая деятельность, направленная против водворения мира и порядка в оккупированных Германской Армией областях, невзирая на возраст и пол, карается по интернациональному военному праву. Главное командование Германской Армии». Да, именно германской армии, а не СД, СС, ГФП...

А дальше пошло еще конкретнее и на косяке арийском новоязе: «Объявление населению. С 16 сентября с. г. вступают в силу нижеследующие усиленные постановления: 1) Кто укрывает у себя красноармейцев или партизан или снабжает их продуктами или чем либо ему поможет (сообщив ему, например, какие-либо сведения), тот карается смертной казнью через повешение. Это постановление имеет силу также и для женщин. Повешение не грозит тому, кто скорейшим образом известит о происшедшем ближайшую германскую войсковую часть. 2) В случае, если будет произведено нападение, взрыв или иное повреждение каких-нибудь сооружений германских войск, как то: полотна железных дорог, про-

водов и т. п., то виновные начиная с 16.9.1941 года будут в назидание другим повешены на месте преступления. В случае же, если виновных не удастся немедленно обнаружить, то из населения будут взяты заложники. Заложников этих повесят, если в течение 24 часов не удастся захватить виновных, заподозренных в совершении злодеяния или соумышленников виновных.

Если преступные деяния повторятся на том же месте или вблизи его, то будет взято — и при вышеприведенном условии и повешено — двойное число заложников. Главкомандующий армией. 12.9.1941 года»

Стало быть, появились в те тяжкие для народа времена первые подпольщики и партизаны, раз оккупанты вдруг такие объявления вывешивать начали? Вопреки некоторым лживым и клеветническим трактованиям этого вопроса в сытом и толерантном XXI в.!? Когда утверждается, что повсеместно якобы была паника, все разбежались, попрятались и «не хотели воевать за Сталина и НКВДистов»...

Помнится, еще в начале 1970-х гг. в своей книге «На тревожных перекрестках» один из прославленных белорусских партизан Герой Советского Союза Станислав Алексеевич Ваупшасов перечислял звучные имена таких западных военных историков, как Дж. Ф. Фуллер, К. Типпельскирх, Э. Миддельдорф, Д. Каров, Е. М. Говел, В. Гавеман, А. Даллин, Л. Рендулич, Дж. Армстронг и прочие, тшившиеся доказать, что советское партизанское движение не было всенародной войной против фашистских захватчиков, а представляло собой лишь сопротивление разрозненных групп фанатиков-коммунистов при якобы насильственной мобилизации местных жителей в партизанские отряды, и не могло развиваться без советской помощи и руководства и т. д. и т. п.

Но это когда было! И вот нечто подобное уже втюхивали и втюхивают нам в XXI в. свои «доморощенные» коммерсанты и профанаторы от «гісторыі» с их «нау-

кой ненависти», согласно которой «ни с кем другим русские не воевали так много и кровопролитно, как с белорусами».

Недаром Александр Зиновьев, философ, писатель, участник Великой Отечественной войны, высланный в свое время из СССР на Запад, как и Александр Солженицын, справедливо отмечал: «Западничество — это новый вид расизма, перед которым ныне у нас преклоняются...»

С другой стороны, отдельные доморожденные «свядомые» заговариваются уже до того, что якобы в ходе освободительной операции «Багратион» одних оккупантов сменили другие. Поздравляю вас, братья-белорусы! Ведь все вы в большинстве своем, получается, либо еще пока живые ветераны войны — оккупанты, либо потомки тех самых ветеранов-«оккупантов». А где же тогда истинные, «настоящие» арийцы-белорусолитвины как «ответвление тевтонов и балтов»?

Так они ж, бедолаги, либо в «глухом подполье», либо в Польше, Германии, Канаде, США, Австралии, Новой Зеландии и т. д. и т. п. и на задворках Антарктиды, наверное, да простит меня читатель. Это вот когда правое мозговое полушарие «воюет» с левым, то получают в головах этих «ясновельможных панов» такие, понимаете ли, дурно пахнувшие полонизированные «выкидыши-завихрения», для которых медицинский термин-диагноз начинается на букву «Ш...».

«Верный вектор “белорусской” незалежності» и «дзяржаўнасці» с точки зрения великогерманского нацизма начертал в свое время Адольф Алоизович Шикльгрубер (он же — фюрер Третьего рейха А. Гитлер): «Настоящей границей между Европой и Азией является та, что отделяет германский мир от славянского. И поэтому наша обязанность — проложить ее там, где мы этого пожелаем... Наша задача состоит в том, чтобы передвинуть эту границу возможно дальше на восток,

если нужно — за Урал». И никаких вам пустопорожних словоблудий о «незалежнасці ўнтерменшаў»!

Кстати, в этой связи запоздалым и неприятным сюрпризом-открытием для некоторых «пешерных» белорусских «арыйцаў» явились уже в XXI в. некоторые цитаты из изданной в Третьем рейхе нацистами еще в 1942 г. книжицы «Der Untermensch» («Недочеловек»), где с нордической непреложностью определялось место славян в иерархии двуногих особей: «Недочеловек — это биологическое существо, созданное природой, имеющее руки, ноги, подобие мозга, с глазами и ртом. Тем не менее это ужасное существо является человеком лишь частично. Оно носит черты лица, подобные человеческим, однако духовно и психологически недочеловек стоит ниже, чем любое животное». Так что, вероятно, есть чем «гордиться» в отношении себя любимых некоторым нордически настроенным белорусским «арыйцам-ліцьвінам». Одним словом, по прежним великогерманским нацистским понятиям — в крематорий ногами вперед пора. Недочеловеки ведь...

Свои человеконенавистнические назидания современникам и потомкам оставил приезжавший в начале войны в Минск, посетивший там концлагеря для советских военнопленных, присутствовавший при их зверской казни и едва не грохнувшийся от увиденного изуверства в обморок рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. (И куда же при сем сгинул его пресловутый неустрашимый и железный дух истинного арийца?)

В 1943 г. ряд из своих назиданий он повторил в Poznани перед руководством СС. В частности, изрек и такое: «Живут другие народы в благоденствии или они издыхают от голода, интересует меня лишь постольку, поскольку они нужны как рабы для нашей культуры, в ином смысле это меня не интересует. Погибнут или нет от изнурения при создании противотанкового рва 10 000 русских баб, интересует меня лишь в том отношении, готов ли для Германии противотанковый ров...»

В XXI в., когда уже прошла целая вечность с момента начала Великой Отечественной войны и один за одним уходят от нас участники и очевидцы этих невероятных по трагедийному накалу сражений и событий, в прессе, как «бумажной», так и электронной, которая столь любит самопровозглашать себя самой «демократической» и «свободной» (вопрос в только в том, от чего и от кого), тем же мутным потоком «фейкньюс» появляются лживые, безбашенные публикации на эту тему.

В сих опусах беспардонно ставится под сомнение сам факт борьбы партизан и подпольщиков на оккупированной территории Беларуси. Их авторами утверждается, что, мол, вообще не существовало никаких партизан, их отрядов, бригад и соединений, а в лесах прятались исключительно окруженцы, дезертиры-красноармейцы да бежавшие из деревень крестьяне, якобы не нашедшие общего языка с «гуманной» нацистской оккупационной властью».

В общем тихой сапой в массовое сознание внедряется вполне полицаевско-коллаборационистский контекст. И таким образом вновь и вновь «модернизируется» история. Суть состоит также и в том, что доказывать что-либо этим зомбированным ее фальсификаторам — занятие по определению бесполезное. Они уже по иному «матрицированы» и вовсе не желают прислушиваться к фактам и цифрам как из наших отечественных, так и немецких да и иных исторических источников и архивов.

Именно поэтому эти «магистры дезинформации» с таким остервенелым упоением создают карикатуры на «совок», в котором, кстати, и выросли, а некоторые «околонаучно» и «остепенились» в условиях «развитого социализма», где при этом нехило в три глотки жрали, пили, гуляли, получали солидные гонорары за свои «опусы эпохи развитого социализма» да купались во всех недоступных для простых смертных номенклатурных благах.

Но как с гордостью необычайной они теперь сами признаются — всегда держали свою смелую фигу в кармане. В общем, были решительными и непримиримыми диссидентами, хрюкавшими и хапавшими все подряд из партийно-номенклатурной кормушки. Гадко это все и смешно одновременно. Даже не хочется их поименно перечислять...

А вот в новом веке они уже яростно стремятся атаковать героизм и жертвенность участников Великой Отечественной, пытаясь всеми способами «реформатировать» народное отношение к той войне, в которой патриотизм-то был отнюдь не мифом, а конкретной требовавшей прежде всего самопожертвования реальностью. С этим-то у ряда из этих «особей» дело обстояло и обстоит весьма туго...

Казалось бы, многочисленные факты нацистского геноцида в отношении белорусского народа общеизвестны. Однако в лихие 1990-е гг. прошла у нас в Беларуси целая «кампания» по дегероизации, а проще говоря, дискредитации партизанского движения. Периодически подобного рода «психиатрические фобии» вспыхивают и сейчас.

В наш «просвещенный и информативный» XXI в., уже не отрицая реальности борьбы в тылу врага, авторы так называемой новой правды о войне все вновь и вновь делают свои якобы объективные выводы, согласно которым размах партизанского движения, его вклад в достижение Великой Победы над нацизмом, массовый характер сопротивления народа Беларуси на оккупированной врагом территории республики, его мужество, героизм, самопожертвование всего лишь «миф коммунистической пропаганды». На самом, мол, деле, утверждают так называемые модернизаторы истории, все было совсем иначе — минимум героического, а в остальном — сплошная трагедия и кровь, да еще замешанная на якобы «исконном славянском варварстве»...

Так вот и продолжается ожесточенная «война смыслов», включая даже георгиевскую ленточку, венчавшую победные стяги гвардейских частей и соединений, бескозырки моряков гвардейских экипажей, а также ордена Славы всех трех степеней и, в конце концов, медаль «За победу над Германией». И в этой «мелкотравчатой, дрозophilей суетливости» уже забывается то, что без прошлого нет и не будет никакого будущего. Как его не вытапывай! Ибо страна без прошлого или же с напрочь оболганным и фальсифицированным прошлым, вбиваемым в несмышленные головы молодежи, — это будущий фантом с весьма незавидной будущностью, которая потом может весьма больно «лягнуть» и ее инициаторов, и бездумных исполнителей. Ведь ничто на земле не проходит бесследно, как писал один поэт...

А дальше было больше! Уже «оказалось», что сотрудники НКГБ (НКВД), Разведывательного управления ГШ РККА, взяв на себя якобы всю организацию и командование абсолютно всеми партизанскими отрядами, «под страхом репрессий принуждали местное население оказывать сопротивление агрессору». Вот это «приказное» сопротивление якобы и заставляло нацистское командование применять жестокие ответные меры, т. е. «защищаться» от «бандитов». А так все было бы «тихо и гладенько», и нацисты смогли бы в соответствии с их упоминавшимся ранее генеральным планом «Ост» «спокойно» выселить (имелось в виду уничтожить) 75 % белорусов с оккупированной ими территории Беларуси. Именно так делались и делаются попытки очередной подмены понятий самого смысла и необходимости сопротивления оккупантам, о недопустимости чего недвусмысленно было сказано еще на послевоенном Нюрнбергском процессе над нацистскими военными преступниками.

Все, конечно же, было отнюдь не так. Ведь не будь партизанское движение в Беларуси воистину всенарод-

ным, никакие забрасывавшиеся с Большой земли группы и отряды ЦШПД, Белорусского ШПД, РУ ГШ РККА, НКГБ, особых отделов («СМЕРШ») не имели бы здесь своей базы и прежде всего поддержки народа при организации и ведении ими столь необходимой разведывательной, контрразведывательной и диверсионной работы. А без этого — грош цена всем их усилиям...

Каждый выполнял в ту войну свои функции и задачи. И некой «подавляющей, решающей роли» в партизанском движении органы НКВД (НКГБ), разумеется, не могли играть и не играли. Да и оргштатных возможностей таких (даже численно) они никогда не имели. И, вероятно, величайшей государственной глупостью того периода было бы как раз-таки не использовать в едином кулаке абсолютно все силы, средства и возможности для организации сопротивления врагу, в том числе и у него в тылу. Вопрос лишь в том, насколько в начальной фазе партизанских действий все были готовы к реальной, а не лозунгово-показушной борьбе в тылу оккупантов.

То, что партизанское движение во время Великой Отечественной войны находило поддержку у местного населения, доказывает факт, что еще в «Особом приказе» рейхсфюрера СС и начальника германской полиции Г. Гимmlера от 31 июля 1942 г. с нацистской пунктуальностью значилось: «Особый приказ! По психологическим причинам впредь запрещено использовать слово “партизан”, введенное в обиход большевиками и так ими обожаемое.

Для нас они не бойцы и не солдаты, а бандиты и уголовные преступники. Отделить этих коварных убийц от спокойного и мирного населения и тем самым лишить их какой-либо поддержки — вот важнейшее условие для их уничтожения...»

Так что некоторые из либероидов, фашиствующих молодчиков и просто двуногих беспамятных особей продолжают действовать, как бы они того ни отрицали,

по приснопамятным эсесовским «заповедям», приказам и лекалам «ясновельможного пана» Генриха Гимmlера. И ничего особо нового в этом «обыкновенном нацизме» по гитлеровско-гимmlеровскому образцу нет. Особенно для правнуков и внуков бывших местных полицаяев (в простонародье — немецких «бобиков») и других разномастных предателей народа своего, а также всех мастей до бела не отмываемых коллаборационистов, стремившихся всеми хилыми силенками своими попасть «у гитлераўскую Эўропу» к обедкам с «барского стола». И тут ничего не убавить и не прибавить, как говорится...

Однако это еще один незаслуженный, гадкий и клеветнический плевок в адрес тех, кто ответить им уже не может, в адрес тех, кто отстоял нашу страну и нашу свободу в невероятно суровые годы Великой Отечественной войны, сражаясь в тылу безжалостного врага...

Партизанская борьба народа на территории Беларуси против немецко-фашистских оккупантов началась с первых дней войны, еще до принятия каких-либо нормативно-правовых актов, регламентировавших эту самую борьбу. Ведь нацистских оккупантов-агрессоров на нашу многострадальную землю никто никогда не звал, и строить для белорусов более 260 концлагерей для их же уничтожения никто не заставлял. Таковы были факты и человеконенавистнические планы Гитлера вместе с нацистской верхушкой Третьего рейха. Так что нет никакого повода относить партизан к неким незаконным вооруженным формированиям. Само по себе подобное понятие дико и кошунственно, особенно когда незваные гости разоряют и уничтожают твой дом, твою семью, твоих близких.

Кроме того, следует еще отметить, что советские партизаны (вне их чисто ведомственной принадлежности) боролись в тылу врага прежде всего на основании Конституции СССР 1936 г., где в статье 133 было недвусмысленно указано, что «защита Отечества есть

священный долг каждого гражданина СССР». Измена Родине, т. е. нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж, наказывались, согласно Конституции СССР, по всей строгости закона как самые тяжкие преступления. Кстати, и Конституция суверенной и независимой Республики Беларусь отнюдь не предусматривает сдачу разом всех и вся неприятелю. Об этом тоже кое-кому забывать не стоит, если, не приведи Господь, грянет час, когда Родину на деле защищать будет надо!..

Основные положения программы развертывания всенародной борьбы в тылу немецко-фашистских войск были изложены в совместной директиве Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» от 29 июня 1941 г., которая в отношении развертывания партизанского движения сводилась к следующему: «...в занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и так далее. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия. Для руководства всей этой деятельностью заблаговременно, под ответственность первых секретарей обкомов и райкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке, железнодорожной станции, в совхозах и колхозах».

А 3 июля 1941 г. эта директива была фактически озвучена И. В. Сталиным в его обращении к советскому народу, где он, в частности, сказал: «В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы

с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телеграфной и телефонной связи, поджога лесов, складов и обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия, при вынужденном отходе частей Красной Армии не оставлять противнику ни одного килограмма хлеба... Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывоза его в тыловые районы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно быть уничтожено». На отдельных несуразностях и противоречиях этого призыва остановимся чуть позже.

Вопросы организации партизанского движения более полно излагались уже в Постановлении ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск» от 18 июля 1941 г., в котором спустя почти месяц после начала войны все местное население, оказавшееся на вражеской территории, призывались к войне с агрессором. В этом документе указывалось, что для обеспечения и широкого развертывания партизанского движения необходимо в максимально сжатые сроки создавать боевые дружины и разведывательно-диверсионные группы из участников Гражданской войны и тех товарищей, кто проявил себя в истребительных батальонах, отрядах народного ополчения, а также работников НКВД, НКГБ и других лиц.

В этом Постановлении подчеркивалось: «Партизанские отряды и подпольные группы должны быть обеспечены оружием, боеприпасами, деньгами и ценностями, для чего заблаговременно должны быть в надежных местах зарыты и запрятаны необходимые запасы.

Необходимо также заблаговременно позаботиться об организации связи подпольных ячеек и партизанских отрядов с советскими районами, для чего их снабдить

радиоаппаратами, использовать ходоков, тайнопись и проч., а также обеспечить посылку и печатание на месте листовок, лозунгов, газет...»

В свою очередь, директива ЦК КП(б) Белоруссии от 1 июля 1941 г. «Партийным, советским и комсомольским организациям по развертыванию партизанской войны в тылу врага» предписывала: «Все местности Белоруссии, занятые врагом, должны немедленно покрыться густой сетью партизанских отрядов, ведущих непрерывную, ожесточенную борьбу на уничтожение врага. В районах и селах создаются подпольные партийные и комсомольские ячейки, главная задача которых — мобилизация народа на беспощадную расправу с врагом».

Отмечу, что кроме всего прочего правовой базой, на основе которой строилась работа партизан и органов, регламентировавших их деятельность, являлись приказы Наркома Оборона СССР. В частности, Приказ № 00189 от 5 сентября 1942 г. «О задачах партизанского движения» за подписью И. В. Сталина явился основой для дальнейшей деятельности советских партизанских формирований, в том числе и для участия органов НКВД (НКГБ) в партизанском движении. Кроме многих других важных положений в нем шла речь и об усилении агентурной разведки, в организации которой чекисты должны были оказать партизанским формированиям действенную практическую помощь.

Кроме того, согласно соответствующим Постановлениям ГКО СССР, СНК СССР и другим государственным документам, партизанам и их семьям выдавалось денежное содержание и соответствующие пособия. Таким образом, борьба с врагом на фронте была приравнена к борьбе с ним же в его тылу. Также проявлялась всемерная забота и о семьях чекистов-партизан, вынужденно находившихся в тылу противника, если тем угрожала опасность.

В начальной фазе войны стремительность и ожесточенность борьбы на оккупированной нацистами тер-

ритории Беларуси потребовали быстро расставить все точки над «і». Дело осложнялось тем, что разведывательную, контрразведывательную и диверсионную деятельность в тылу врага НКГБ БССР и военной контрразведке, по существу, пришлось начинать с нуля. Остро стоял на начальном этапе войны и вопрос содействия в организации и формировании партизанских отрядов.

Отрабатывать и решать некие теоретические, методологические и практические основы организации работы в тылу врага приходилось в немыслимо сжатые сроки в невероятно сложных условиях. О чем свидетельствует приводимый документ «Директива НКГБ СССР о развертывании агентурно-оперативной работы органов госбезопасности»:

1 июля 1941 г.

Совершенно секретно

№ 168/6939

...Чекистский аппарат, как гласный, так и секретный, должен быть подготовлен для активной борьбы с врагом в любых условиях, в том числе в подпольных.

В этих целях приказываю немедленно приступить к осуществлению следующих мероприятий:

Весь негласный штатный аппарат НКГБ, сохранившийся от расшифровки, подготовить для оставления на территории, в случае занятия ее врагом, для нелегальной работы против захватчиков.

Аппарат должен быть разделен на небольшие резидентуры, которые должны быть связаны как с подпольными организациями ВКП(б), так и с соответствующими органами НКГБ на территории СССР.

Способы связи (радио, шифры, оказии и пр.) должны быть заблаговременно определены. Перед резидентурами поставить задачу организации диверсионно-террористической и разведывательной работы против врага.

Из нерасшифрованной агентурно-осведомительной сети также составить отдельные самостоятельные резидентуры, которые должны вести активную борьбу с врагом.

В резидентуры, как штатных негласных работников НКГБ, так и агентурно-осведомительной сети, нужно выделять проверенных, надежных, смелых, преданных делу Ленина — Сталина людей, умеющих владеть оружием, организовать осуществление поставленных перед ними задач и соблюдать строжайшую конспирацию.

В целях зашифровки должным образом этих работников необходимо заранее снабдить их соответствующими фиктивными документами, средствами борьбы (оружие, взрывчатые вещества, средства связи и т. д.).

В отдельных случаях допустим перевод на нелегальное положение и гласных сотрудников органов НКГБ, но при условии обеспечения тщательной зашифровки этого мероприятия в каждом отдельном случае. Сотрудники НКГБ, как правило, на нелегальное положение должны переводиться в местностях, где они мало известны населению.

Также заблаговременно необходимо подготовить для упомянутых выше резидентур и отдельных работников-нелегалов соответствующие конспиративные квартиры и явочные пункты, должным образом зашифрованные.

В качестве одного из методов зашифровки агентуры, оставляемой на занятой врагом территории, практиковать фиктивные аресты и заключение в тюрьму якобы за антигосударственные преступления отдельных влиятельных агентов, осведомителей.

Повторяю: при разработке этих мероприятий учесть необходимость соблюдения строгой конспирации, тщательного инструктажа лиц, переводимых на нелегальную работу, и всесторонней разработки форм и методов борьбы с врагом.

В качестве основной задачи перед работниками НКГБ, переводимыми на нелегальное положение, необходимо ставить задачу по организации совместно с органами НКВД партизанских отрядов, боевых групп для активной борьбы с врагом на занятой им территории СССР.

В процессе повседневной текущей работы органы НКГБ — УНКГБ обязаны оказывать всемерную помощь Красной Армии в ее борьбе с наступающим врагом своей активной, неутомимой работой по разведыванию сил противника, оказанию всемерного противодействия его продвижению и успеху, осуществлению связи частей Красной Армии с командованием и истреблению проникающих на нашу территорию диверсантов.

...В случае вынужденного отхода частей Красной Армии работники органов НКГБ обязаны до последней минуты оставаться на своих боевых постах в городах и селах, борясь с врагом всеми возможными способами до последней капли крови.

Эвакуироваться можно только с последними частями Красной Армии, приняв предварительно необходимые меры к проверке, насколько тщательно уничтожено на занимаемой противником территории СССР народное достояние (фабрики, заводы, склады, электростанции и все, что может оказаться полезным врагу в его борьбе с советским народом), подготовив и полностью осуществив мероприятия, изложенные выше...»

Однако мгновенно выполнить все то, к чему надо было готовиться годами, оказалось в ряде случаев весьма сложно, а то и вообще невозможно, о чем говорила Директива НКВД СССР № 252 «Об организации партизанских отрядов и диверсионных групп, предназначенных для заброски в тыл противника» от 27 июля 1941 г., в которой с сожалением отмечалось: «В практике организации партизанских отрядов и диверсионных групп, предназначенных для заброски в тыл противника, имеют место серьезные недочеты, могущие полностью сорвать намеченные мероприятия:

1. Отряды и группы сколачиваются наспех, буквально за несколько часов, из лиц, которые друг друга не знают, не умеют обращаться с оружием, в частности с гранатами и взрывчеществами.

2. Для отрядов и групп не выделяются проводники из местных жителей, не выдаются карты и компасы.

3. Отряды и группы инструктируются коротко, в результате чего они не получают достаточно ясного представления о том, что и как они должны делать.

4. Вопросы одежды, питания совершенно не продумываются.

В итоге такие отряды и группы в лучшем случае разваливаются, не доходя до линии фронта, а в худшем — попадают в руки противника и расстреливаются...

Такая организация отрядов и групп не только недопустима, но и преступна. Руководящие товарищи, виновные в такой организации дела, будут привлечены к строжайшей ответственности...

Предлагаю при организации групп и отрядов тщательно прорабатывать все связанные с этим делом вопросы, утя вышеизложенное, и направлять в тыл противника только такие группы и отряды, которые в результате тщательной подготовки действительно могут справиться с возложенными на них задачами.

Все уже организованные вами группы и отряды заново проверьте с точки зрения их готовности...»

В свою очередь, в докладной записке НКГБ БССР «Об организации разведдеятельности партизанских отрядов и групп от 5 июля 1941 г.», направленной в Центр Л. Ф. Цанавой, говорилось (дается в сокращении. — Авт.): «После захвата некоторой части территории Белорусской ССР противником для нанесения поражения немецким войскам в тылу ЦК КП(б) Белоруссии совместно с работниками НКГБ и НКВД, центрального аппарата и курсантов межкраевых школ 26 июня 1941 года было приступлено (так в тексте документа. — Авт.) к организации партизанских отрядов в районах, частично занятых противником и прилегающих к фронтовой полосе, с целью поднятия на борьбу с врагом всего населения. В партизанские отряды подбирались работники из числа храбрых и смелых.

Перед организованными партизанскими отрядами была поставлена задача до занятия территории противником в контакте с местными партийными, советскими, комсомольскими организациями и колхозным активом, используя все людские возможности и средства вооружения в районах, создать базы и очаги партизанского движения с последующим развертыванием активных действий по разгрому врага в случае занятия данной территории противником. Подготовить явочные квартиры и курьеров для связи с руководством наркомата.

С занятием территории противником перед организованными партизанскими отрядами поставлена задача в первую очередь физически уничтожить людской состав немецкой армии и ее технику. Учинять диверсионные акты путем взрыва мостов, железнодорожных узлов, порыва связи, поджога наиболее важных объектов, могущих быть использованными противником против нас.

26 июня с. г. было организовано 14 партизанских отрядов общей численностью 1162 человека, в составе оперативных и руководящих работников НКГБ — 539 человек, работников НКВД и милиции — 623 человека, которые направлены в следующие районы:

1. Слуцкий район — партизанский отряд в составе 100 человек, начальник отряда — начальник УНКГБ Минской области капитан госбезопасности тов. Василевский (далее в документе раскрывался состав еще 13 отрядов других областей Беларуси. — Авт.)...»

ДОЛГУ СВОЕМУ ОСТАВАЛИСЬ ВЕРНЫ ДО КОНЦА!

Судьба начальника УНКГБ Минской области капитана госбезопасности А. Е. Василевского и его адъютанта В. Лявшко оказалась трагичной. Лишь спустя без малого 60 лет после окончания войны в результате длительной и кропотливой оперативно-розыскной работы,

проведенной сотрудниками Управления КГБ Республики Беларусь по г. Минску и Минской области, удалось установить истинные обстоятельства гибели А. Василевского и В. Лявшко...

В первые дни войны только что сформированный отряд УНКГБ Минской области, насчитывавший до 100 человек, по просьбе командира 20-го механизированного корпуса генерала А. Г. Никитина совместно с Червенской оперативной группой прикрывал переправу частей РККА через реку Березину. Естественно, что вооруженные лишь мосинскими винтовками, револьверами и пистолетами сотрудники НКГБ БССР не могли долго противостоять мощи регулярных частей группы армий «Центр». Понеся большие потери, отряд был вынужден отойти в поселок Бельничичи Могилевской области.

3 июля 1941 г. доукомплектованный отряд А. Василевского получил от наркома НКГБ БССР Л. Ф. Цанавы задание организовать подпольное антифашистское движение на оккупированной территории. Работа эта, как будет видно далее, организовывалась на том этапе довольно своеобразно. Артемий Евгеньевич как человек, осуществлявший до 1936 г. в составе Спецбюро НКВД БССР совместно с С. А. Ваупшасовым, В. З. Коржом, К. П. Орловским, А. М. Рабцевичем, А. К. Спрогисом подготовку партизанского резерва, прекрасно понимал, что после довоенного «разгрома» всего того, чем он кропотливо занимался, им всем в тылу врага придется очень туго. Время показало, что Василевский в своих мрачных прогнозах не ошибался...

На двух грузовиках его отряд добрался до деревни Ухвала Крупского района, где под массированным перекрестным огнем врага перешел линию фронта. Местом дислокации Артемий Евгеньевич как человек опытный в этих делах избрал болотистые леса на стыке Крупского, Березинского и Бельничичского районов. Здесь же проходили важнейшие магистрали Минск — Орша — Москва

и Минск — Могилев. Сотрудники НКГБ БССР привлекали к подпольной работе оставшихся на оккупированной территории руководящих работников, формировали партизанские группы, собирали оружие и боеприпасы.

Однако, как уже отмечалось, стереотипы оказавшейся малосостоятельной военной доктрины о «незамедлительном решительном контрнаступлении Красной Армии с разгромом врага далеко за Бугом» и некоторые другие подобного свойства факторы продолжали довлеть над наркомом Л. Ф. Цановой. Так он и инструктировал отправлявшиеся в тыл противника отряды, что определяло их последующие не всегда адекватные действия. И попробуй послушаться грозного приказа, сделать так, как подсказывает реальная оперативная обстановка и элементарный здравый смысл...

Активная оперативно-боевая деятельность отряда А. Е. Василевского да еще форма сотрудников НКГБ (которую они не снимали) плюс открытая агитация за советскую власть и всенародное сопротивление врагу (а время многосотенных митингов по такому поводу временно миновало — нужны были другие методы подобной работы) сразу же вызвали незамедлительную ответную реакцию германских спецслужб, и они начали активные и, надо признать, довольно результативные оперативно-розыскные мероприятия.

К тому же отряд состоял, к сожалению, в основном из уроженцев России. Незнание местности, людей, отсутствие родственных и иных прочных связей и, конечно же, только русская речь оперработников не позволяли им в большинстве своем раствориться среди местных жителей, стать как бы своими.

Естественно, что Артемий Евгеньевич скрывал свою истинную биографию и принадлежность к органам НКГБ (а после слияния — вновь НКВД), хотя специфическая военная форма и наводила на некоторые вопросы. Местные жители пока полагали, что он является крупным представителем военной власти.

В конечном итоге немецким органам СД стало точно известно о существовании крупного отряда и нахождении в лесу «больших начальников». Небезынтересно то, что поначалу гитлеровцы приняли А. Е. Василевского (ввиду чисто внешнего сходства — плотный, коренастый) за небезызвестного «стратега» войны «малой кровью на территории агрессора» Маршала Советского Союза Г. И. Кулика (разжалованного потом И. В. Сталиным до генерал-майора, а после войны расстрелянного вместе со своим другом генералом В. Н. Гордовым), выходявшего летом 1941 г. из окружения.

В отличие от командиров и красноармейцев, не снявших военную форму, маршал «гордо» шагал рядом с ними в одежде крестьянина — соломенной шляпе, свитке, шароварах и с рваной котомкой за плечами. Естественно, нацистские оккупанты настойчиво пытались захватить столь колоритного представителя советского высшего военного руководства, рассылая ориентировки с приметам маршала Кулика.

Наконец 8 сентября 1941 г. около двухсот гитлеровских карателей с собаками попытались окружить базу отряда. Оторвавшись от преследователей, Артемий Евгеньевич с группой оперработников и партизан добрался до урочища Пуховщина возле деревни Гибайловичи Крупского района. Однако в начале ноября место расположения группы было выдано гитлеровцам лесничим из деревни Белавичи Гоцманом, который лично привел карателей к партизанской землянке. Оперсостав с боем прорвал кольцо окружения.

В конце концов 15 ноября А. Е. Василевскому с товарищами удалось добраться до деревни Козки Толочинского района Витебской области. К этому времени Артемий Евгеньевич был уже серьезно болен и не мог идти дальше. Дабы не подвергать риску жизнь остальных, А. Е. Василевский принял решение о разделении группы. Владимир Лявшко, начальник секретариата

и адъютант, остался со своим командиром, а остальные продолжили движение к фронту.

Являясь уроженцем Витебской области, В. Лявошко предложил своему начальнику перезимовать в своей родной деревне. Однако Василевский был настолько слаб, что просто не выдержал бы даже небольшого перехода. И тогда в лесном массиве в районе той же деревни Козки они обустроили небольшую землянку, доверившись местному кузнецу Филиппу Нарчуку, избранному перед самой войной председателем колхоза. С приходом оккупантов тот был назначен ими старостой общины и, как позже оказалось, решил доказать свою преданность нацистам. Снабдив в очередной раз В. Лявошко продуктами, он проследил его путь к землянке и незамедлительно донес об этом в немецкий гарнизон. Он же где-то 29 ноября и привел карательный отряд к укрытию чекистов.

Немцы, рассчитывая обнаружить в лесу двух изможденных, не способных к сопротивлению окруженцев, послали к ним предавшего их Нарчука с предложением сдаться. Однако Василевский и Лявошко приняли неравный бой, хотя и располагали-то всего-то двумя винтовками и наганом. Они отбивались до последнего, пока гитлеровцы не забросали их гранатами, погребя под слоем земли и обломков деревьев, как потом оказалось, на многие годы...

Уже после войны в ходе следствия осужденный военным трибуналом войск МГБ Витебской области предатель Нарчук, «доросший» к 1944 г. до бургомистра, сознался в содеянном. Он показал: «Что в лесу находятся два военнослужащих Красной Армии, я знал. Я привел немцев к месту расположения землянки... Винтовки убитых немцы оставили мне. На второй день я взял людей и отправился в лес с целью зарыть землянку и закопать трупы, но, ввиду того что земля была мерзлая, мы ничего не смогли сделать и вернулись обратно...»

А потом точные координаты места гибели чекистов с течением времени затерялись, да и буйная природа сделала свое дело. В течение долгих лет предпринимались неоднократные попытки найти место последнего упокоения А. Василевского и В. Лявошко. И лишь 4 августа 1999 г. в ходе поисковых работ место их последнего боя было обнаружено.

...Их торжественно погребли в июле 2000 г. на Восточном кладбище Минска. А на месте землянки, где погибли А. Василевский и В. Лявошко установлен памятный знак...

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ ЛАВРЕНТИЯ ЦАНАВЫ

В докладной записке от 5 июля 1941 г. по поводу создаваемых отрядов сообщалось: «...Личный состав этих отрядов вооружен пистолетами “ТТ”, винтовками, гранатами и 2–3 пулеметами в отряде.

К каждому отряду по решению ЦК КП(б)Б прикреплено по одному ответственном партийному работнику.

Одновременно с организацией партизанских отрядов, из числа руководящего оперативного состава НКГБ и партийных работников, было создано 10 групп численностью по 8–9 человек каждая, которые посланы в районы Полесской, Витебской, Минской и Гомельской областей для организации широкой работы по сколачиванию в этих районах партизанских отрядов, которые должны будут возглавить посланные нами руководящие оперативные и партийные работники.

Районы, в которые направлены эти группы, представляют собой стратегическое значение, и в годы гражданской войны в них было широко развернуто партизанское движение.

В случае занятия территории противником на них возложены аналогичные задачи, что и на партизанские отряды...

...3 июля с. г. для уничтожения аэродромов по местам дислокации и материальной части противника на территории, им занятой, в западных и восточных областях организованы и посланы группы, возглавляемые оперативными работниками НКГБ в составе 9 партийно-комсомольских работников в каждой группе, выделенных ЦК КП(б) БССР.

30 июня с. г. для розыска корпусов и дивизий Западного фронта, которые остались в тылу у противника, и штаб фронта потерял с ними связь, было послано 10 разведывательных групп в составе 7 оперативных работников каждая с задачей разыскать потерянные части, установить с ними нормальную связь и некоторые из них, по заданию командования, вывести в тыл (эта задача характеризует ситуацию, сложившуюся в войсках Западного фронта в период оборонительной операции, когда в ряде случаев командование фронта полностью утратило связь с войсками).

...Из них возвратились группы, возглавляемые товарищами Кузьминым, Формашевым, Осипчиком и Малининым, как выполнившие задания командования штаба фронта.

Для укомплектования создаваемых резидентур для негласной работы в тылу противника в Витебскую, Могилевскую, Гомельскую и Полесскую области послано по 24 негласных работника 3-го отдела центрального аппарата и отделений УНКГБ западных областей Белоруссии.

Для ведения военной разведки на территории, занятой противником, при 1-м управлении НКГБ БССР создана группа из части наиболее смелых и развитых негласных работников трех отделов в количестве 23 человек, из числа которых 5 июля 1941 года 16 человек выброшены в районы Тимковичи — Несвиж — Барановичи — 2 человека и по одному разведчику в пункты: Дзержинск, Заславль, Старобин, Слуцк, Осиповичи, Минск, Борисов, Смолевичи, Логойск, Лепель, Ушачи,

Дрисса, Березино и Бобруйск с заданием установления скопления, рода войск, вооружения и продвижения противника, а также выяснения режима, вводимого немцами на занятых территориях...

...Приняты меры к подготовке посылки на территорию, занятую противником, разведчиков из числа проверенной агентуры восточных областей, вербовке из числа местного населения прифронтовой полосы и беженцев, а также использованию оставшегося наиболее проверенного агентурного аппарата в тылу противника...

Для примера приведу Витебскую область. Для проведения диверсионно-террористической работы в местах, могущих быть захваченными противником, подготовлен ряд резидентур из числа штатного негласного состава трех отделов НКГБ БССР и УНКГБ Витебской области, а также проверенной агентурно-осведомительной сети, в частности:

1-я резидентура. Резидент Азаров Степан Ильич, с ним связано 3 человека. Резидентура имеет конспиративную квартиру. Азаров связан с секретарем городского Комитета КП(б)Б тов. Левиковым, который также остается для подпольной работы в случае оставления города Витебска.

Резиденту и осведомителям выданы фиктивные документы, установлен пароль для связи с курьерами, а для проведения диверсионно-террористической работы выдано 40 гранат системы Мильса, 16 кг аммонала, 100 метров бикфордова шнура. О месте нахождения этих материалов известно только Азарову (далее указывается состав и оснащение еще семи резидентур. — Авт.)...

...Одновременно на нелегальную работу в тылу противника переводится 15 гласных оперативных работников...

...Указанный состав связан с секретарем горкома КП(б) БССР тов. Левиковым, по усмотрению которого [он] будет перебрасываться в районы, занятые противником.

В этих же целях из числа преданной агентурно-осведомительной сети создан ряд резидентур, которые обязаны в случае оставления территории заняться вопросами разведывательной деятельности по установлению расположения воинских соединений противника, их вооружения, одновременно выводить из строя материальную часть и уничтожать живую силу.

Эти резидентуры не будут связаны с партийными подпольными организациями во избежание провала, а будут действовать самостоятельно, изыскивая пути встречи с нашими работниками для сообщения о проделанной работе и получения заданий.

Такие резидентуры насаждены в городах Витебске, Орше, Дубровно и по линии железной дороги.

Одновременно по линии железной дороги на ст. Витебск созданы 2 диверсионные резидентуры для борьбы в тылу противника на случай занятия им города Витебска, перед которыми поставлены задачи: производить диверсионные акты на железнодорожном полотне, пускать под откос поезд с воинскими грузами, с людьми немецкой армии, разрушать телефонно-телеграфную сеть, уничтожать склады с имуществом, боеприпасами и т. п.

В состав первой резидентуры входят: резидент Добрый — машинист депо ст. Витебск, является содержателем конспиративной квартиры. С ним связаны осведом Зимовой — старший по смене телеграфа ст. Витебск и осведом Казимиров — осмотрщик вагонов станции Витебск.

Осведому Казимирову даны указания создать впоследствии самостоятельную группу и действовать отдельно от Доброго...

...В целях очистки районов от шпионско-диверсионных элементов с 22 июня с. г. — момента начала военных действий — на территории только восточных областей Белоруссии арестовано из числа шпионского, по-

встанческого и другого контрреволюционного элемента 1123 человека, из них к 4 июля с. г. на 434 человека дела были закончены и направлены на рассмотрение в военные трибуналы и суды...»

Как видно из этой докладной записки, в начальный период войны упор делался в основном на оперативно-боевую и диверсионную деятельность в тылу врага. Время собственно профессионально организованной разведки и контрразведки пришло чуть позже. Хотя нельзя сказать, конечно, что на начальном этапе войны разведанные в определенном объеме регулярно не поступали...

ПО МЕРЕ НАКОПЛЕНИЯ ОПЫТА

Наряду с формированием партизанских отрядов Наркомат государственной безопасности БССР для действий в тылу противника были организованы из числа оперсостава НКГБ (НКВД) республики мобильные оперативные группы, в задачу которых входило: организация партизанских отрядов из партийно-советского актива и руководство их боевыми действиями по разрушению важных для противника коммуникаций, уничтожение баз и складов армии врага, выявление и уничтожение вражеской агентуры, предателей и изменников, ведение глубокой разведки в тылу противника. С июля по ноябрь 1941 г. в Витебской, Гомельской, Минской, Могилевской, Пинской и Полесской областях действовало 15 таких групп (1259 сотрудников).

В целом же в течение июня — августа 1941 г. НКГБ (НКВД) БССР создал для борьбы в оккупированных районах республики 15 партизанских отрядов с общим количеством бойцов 758 человек, направленных в районы, занятые противником, для проведения там боевой и диверсионной деятельности. Их основу составили

сотрудники республиканских НКГБ, НКВД и курсанты Могилевской межкраевой школы НКГБ БССР.

Отряды распределялись по областям следующим образом: Минская — 3 отряда (198 чел.), Могилевская — 3 отряда (252 чел.), Витебская — 1 отряд (128 чел.), Полесская — 1 отряд (27 чел.), Гомельская — 2 отряда (59 чел.), Вилейская — 3 отряда (62 чел.), Пинская — 2 отряда (32 чел.). Общее количество партизан всех отрядов составляло 758 человек.

Однако в ходе организации этой борьбы существенное значение имел и медицинский аспект, требовавший большого внимания к себе. Ведь в начальной фазе войны органы здравоохранения республики не сумели должным образом организовать качественное медицинское обслуживание населения, ибо в условиях тотального вражеского вторжения сделать это в необходимом объеме было уже невозможно. Как известно, военные действия приняли абсолютно не тот характер, на который рассчитывало руководство страны, командование Красной Армии. Это обстоятельство явилось также причиной срыва в дальнейшем планомерного развертывания армейских медицинских учреждений, их оборонно-санитарной деятельности, несмотря на то что в начальной фазе агрессии Третьего рейха в отношении СССР некоторая часть мероприятий, насколько это удалось, и была выполнена.

В военное время основной задачей военной медицины являлось оказание квалифицированной помощи раненым и больным военнослужащим действующей армии. В том числе и действовавшим на временно оккупированной территории Беларуси в составе спецгрупп и спецотрядов НКВД (НКГБ) СССР и БССР.

Вместе с тем по мере приближения осени и зимы в ряде спецгрупп и отрядов НКВД, действовавших на оккупированной территории республики, резко возросла заболеваемость. Надежд на улучшение положения

в краткосрочной перспективе не наблюдалось, так как хлеба урожая 1940 г. у колхозников уже не было, а урожай 1941 г. еще не созрел. Кроме того, в целях успешного перехода на нелегальное положение и действий в условиях конспирации партизанские отряды и спецгруппы НКВД БССР остро нуждались в гражданской одежде, а в условиях осенне-зимнего периода была необходима и теплая зимняя одежда. Ее нехватка приводила к повальной заболеваемости.

В ряде партизанских отрядов по причине отсутствия медицинских работников медико-санитарных служб на первых порах попросту не было. На тот момент в этих спешно сформированных отрядах не имелось достаточного количества медицинского имущества, медикаментов, необходимого инструментария. Основная форма медико-санитарного обеспечения сводилась в основном к само- и взаимопомощи. Одним из средств привлечения в отряды медицинских работников являлось умение командиров и партизан-разведчиков войти в контакт с нужными людьми и находить медицинских работников через местное население, подпольные организации, убеждать их в необходимости оказания санитарной помощи партизанам согласно клятве Гиппократата.

В тот критический период партизанские отряды и оперативные группы НКГБ БССР направлялись, как правило, в районы расположения наиболее важных коммуникаций, вражеского сосредоточения, его воинских подразделений, техники, баз и складов. Места их базирования должны были обеспечивать конспирацию и высокую мобильность.

Одновременно с направлением оперативных групп при райотделах и горотделах с первых дней войны почти во всех городах и районах Беларуси, не занятых противником, Наркоматом из числа сотрудников НКВД (НКГБ) с широким привлечением в них советско-партийного актива были созданы истребительные отряды, активно

боровшиеся с немецкими парашютистами и сигнальщиками, а также оказывавшие большую помощь командованию Красной Армии в задержании дезертиров и распространителей ложных слухов и паникеров. Кроме того, органами госбезопасности организовывались и проводились другие мероприятия: засады, проческа лесов и т. д.

Как уже отмечалось, из-за дефицита времени оперативные отряды и группы, разведывательные резидентуры формировались в спешке первых дней войны без учета специфики районов, где им предстояло действовать. В составе отдельных партизанских отрядов и оперативных групп не было бойцов — уроженцев или жителей тех мест, где предстояло вести нелегальную борьбу с врагом, которая требовала и основательного легендирования...

По этому поводу заместитель начальника Осиповичской опергруппы лейтенант госбезопасности А. И. Баранов в рапорте от 7 июля 1941 г. на имя заместителя наркома госбезопасности БССР С. Г. Духовича сообщал, что 30 из 50 бойцов этой группы вовсе не имеют винтовок, а 7 человек вообще ничем не вооружены. Кроме того, крайне остро стояла проблема с продовольственным снабжением. В докладной записке от 27 октября 1941 г. заместителя начальника УНКГБ по Барановичской области капитана госбезопасности Н. С. Зайцева, возглавлявшего в июне — сентябре 1941 г. Червенский партизанский отряд НКГБ БССР, на имя заместителя наркома внутренних дел СССР И. А. Серова (будущего первого председателя созданного в 1954 г. вместо МГБ СССР КГБ при СМ СССР. — Авт.) указывалось: «Первое время после того, как мы остались в тылу противника, очень трудно было организовать питание такой большой группы людей (в отряде на момент создания насчитывалось 55 бойцов), так как связей среди населения мы не имели и последнее из-за боязни репрессий со сто-

роны немцев остерегались поддерживать связь с нами, тем более потому, что все мы были в форме НКВД. ...На почве недоедания в отряде начались заболевания. Надежда на улучшение нашего положения в ближайшее время не было...»

Отрицательно сказывалось на организации партизанского и подпольного движения и отсутствие скоординированного взаимодействия с командованием советских воинских частей, действовавших на территории Беларуси, а также между отдельными территориальными подразделениями НКГБ БССР. Имели место случаи, когда чекистские отряды и группы принимались отступающими частями Красной Армии за вражеских диверсантов и подвергались либо аресту, либо разоружению.

Столь жизненно необходимый опыт борьбы в тылу врага приобретался постепенно, с большими трудностями. Несмотря на это, многие партизанские отряды и группы НКГБ БССР все же смогли осуществить мероприятия по переходу на нелегальное положение и организовать свою работу.

Конечно, поначалу главные действия отрядов и групп НКВД в тылу врага начались на западном направлении. Однако Большая земля, как ее стали чуть позже называть, неумолимо отдалялась от чекистов. Одним из свидетельств их действий являются донесения и докладные записки начальника УНКГБ по Пинской области М. Д. Горбачевского, направлявшиеся им секретарю ЦК КП(б) Белоруссии В. Г. Ваневу из Мозыря. Среди них большой интерес представляет документ от 25 июля 1941 г., который содержит некую квинтэссенцию всего того, что творилось в это время в пинских краях, в нем отражено, кто и как отнесся к вопросу о том, что пришел-таки нелегкий час, когда Родину свою всеми возможными способами, в том числе и активными действиями в тылу нацистских оккупантов, защищать надо.

Итак, внимательно вчитаемся в его строки: «В докладной записке от 21.7.1941 г. мною было указано, что

на территории противника осталась диверсионная группа, руководимая начальником Лунинецкого райотдела НКГБ тов. Голдыревым.

Установлено, что в Лунинецком районе, после эвакуации гор. Пинска и УНКГБ, связь с которым после этого была прервана, из числа сотрудников РО НКГБ, НКВД и партийного актива было организовано при эвакуации из Луинца 7 групп по 10–12 человек в группе, руководителями которых были назначены: начальник РО НКГБ тов. Голдырев, старшие оперуполномоченные РО НКГБ т. т. Тихомиров и Тарасенко, оперуполномоченный РО НКГБ тов. Сметанкин, пом. нач. РО НКГБ тов. Пятириков и остальными двумя — члены ВКП(б) из числа Райпартактива.

Все группы были достаточно вооружены винтовками, гранатами, револьверами, ручными пулеметами, имелся и один станковый пулемет.

Большинство из этих групп с первых же дней нахождения на полулегальном положении в тылу врага на территории Лунинецкого и Ленинского районов подвергались преследованиям со стороны банд и неоднократно обстрелу их последними. Вследствие этого группы, не сумев обосноваться на порученных им участках местности, вынуждены были с оккупированной врагом территории уйти в тыл.

Кроме этого поводом к уходу групп в тыл послужило паническое настроение и трусость отдельных участников групп из числа партийного актива. В частности: председатели Лунинецкого Райисполкома Манышев и Ивановского Кейзеров (позднее ему удалось перейти линию фронта на востоке, после чего он категорически отказался возвращаться в тыл противника. — Авт.) как руководящие работники своими разговорами “что мы никакой пользы не принесем” и т. д. разлагали группу и создавали панику. Они же, не соблюдая правил конспирации, сообщали населению, кто они и т. д.

Левин — зав. парткабинетом Лунинецкого РК КП(б)Б, Драхлер, Герасимов, Сычев и другие проявляли трусость и паникерство, Шелег — член ВЛКСМ, милиционер Лунинецкого РО НКВД — дезертировал.

Подбор диверсионных групп РК КП(б)Б произведен был несерьезно, формально, поэтому многие из участников групп оказались больными, не способными к деятельности партизан и даже ношению оружия.

Все это, вместе взятое, привело к распаду групп и возвращению их, за исключением группы т. Голдырева, местонахождение которого пока не установлено (он, как позже выяснилось, погиб. — Авт.), не выполнив своего задания в тылу, а также к потере во время перестрелок с бандами ряда участников групп.

При перестрелке с бандой в дер. Хворостово Ленинского района был убит прокурор Лунинецкого р-на. Ранены — пом. нач. РО НКГБ Пятириков и зам. нач. РО НКВД — Ильин, инструктор РК КП(б)Б Финкельберг, работник Райисполкома Ильюк и оперуполномоченный РО НКГБ т. Сметанкин пропали без вести, причем по непроверенным данным Сметанкин якобы взят бандитами и передан немецким солдатам для конвоирования его в г. Лунинец (рапорта т. т. Тарасенко и Тихомирова о деятельности групп прилагаются).

Сведения разведывательного характера т. т. Тарасенко и Тихомировым через агентуру во время нахождения их групп в тылу врага добыты следующие: лица из числа враждебно настроенных к советской власти элементов, возвратившиеся арестованные, выпущенные из Брестской, Барановичской и Гродненской тюрем, ксендзы и другие радушно встречают немецкие войска, помогают в городах и селениях наводить фашистский порядок и устанавливать власть. Немецкие войска в местечках и селениях, занимаемых ими, устанавливают власть из местных кулаков и поляков, создают полицию, которая следит за порядком и выдает немцам советский

актив. В городах немцы ставят в управление своего коменданта и несколько человек охраны, а войска проходят дальше к фронту...

За последнее время немцами издан приказ о сдаче населением оружия, которым вооружают нужных им лиц. Кулачество и контрреволюционные элементы при содействии немецких властей терроризируют советский актив и лояльно относящееся к советской власти население, организуют и осуществляют провокации против органов НКГБ и т. д.

В городе Лунинец после отхода войск и всех советских организаций под руководством местных жителей Драко Ивана (член «союза освобождения русского народа» и офицер польской армии), Шетюка Андриана (бывший офицер банды Булак-Балаховича) и некоего Мартынова (назначен старостой — бургомистром города) были заняты здания Райисполкома, НКГБ, почты и др.

Перечисленные выше лица еще до прихода немцев в город надели на рукава фашистские эмблемы, репрессировали и расстреливали население. В провокационных целях ими было расстреляно 8 человек жителей города из числа советского актива и брошено в подвал здания РО НКГБ. По прибытии же в Лунинец нескольких офицеров и взвода немецких солдат трупы этих расстрелянных из подвала демонстративно были выташены и показаны последним.

После этой провокации, при содействии немецких офицеров, указанными выше бандитами было собрано около 20 человек из числа населения, лояльно настроенного к советской власти, и тут же перед жителями г. Лунинца расстреляно.

Подобного же пошиба бандиты находятся во власти в м. Лахва, Кожан-Городка Лунинецкого района и др. В м. Лахва возглавляет власть на местах Гох Франц, бывший шофер рыбного хозяйства, по национальности

немец. В м. Кожан-Городок — Алесик Андрей, бывший арестованный нашими органами, возвратившийся из Гродненской тюрьмы.

При встрече в гор. Лунинец населения с офицерами (немецкими) были заданы вопросы о предстоящей власти и жизни, на что офицерами было отвечено, что власть будет «социалистическая», вопрос о республике еще не решен, будет допущена частная торговля при условии передачи в пользу государства 90 % прибыли, немедленно вводится карточная система на продукты питания.

По данным агентуры немцы от границы до Баранович перешли ж. д. путь. Из Белоруссии сейчас усиленно вывозится скот, хлеб, лес, лесоразработки ведут пленные красноармейцы. У населения немцы отбирают скот, хлеб, крестьянское полотно, принуждают кормить армию. Основное население западных областей (бедняки, середняки) недовольны грабежами немцев. Через Лунинец крупных соединений германской армии не проходило.

Одновременно сообщая, что в дополнение к мероприятиям, указанным в записке от 21.7.41 г. и проводимым в жизнь, мною в соответствии с Вашими указаниями, полученными через сотрудника 1-го управления НКГБ БССР (внешняя разведка. — Авт.) т. Формашова, создано три оперативные группы, которые направлены в районы Полесской области, прилегающие к территории, занятой врагом: 1. Нач. КРО УНКГБ т. Григорьян с группой в количестве 6 человек в Петриковский район; 2. Нач. СПО УНКГБ т. Силагин с группой в количестве 5 человек в Октябрьский район; 3. Зам. нач. СПО т. Лучко с группой в количестве 4 человек в Лельчицкий район.

Этим группам поручено: 1. Подобрать и завербовать из числа жителей указанных выше районов агентуру; 2. Направить эту агентуру на территорию Пинской об-

ласти, занятую врагом, с заданием: а) выяснения настроений населения населенных пунктов, занятых врагом, и деятельности в связи с этим враждебно относящихся к советской власти элементов; б) выяснения фактов деятельности немецких властей и армии на оккупированной территории; в) сбор сведений разведывательного характера о местонахождении и численности воинских частей врага.

Отдельным из агентов, более надежным, будет поручено связаться на местах с 2–3 нашими агентами, оставшимися на территории врага. О результатах проделанной этими группами работы доложу дополнительно.

Оставшийся оперсостав в г. Мозыре проводит эту же работу на месте, где уже завербовано и направлено на территорию Пинской области два агента. Агент «Рива», уроженка Ивановского района Пинской области, направлена с изложенным выше заданием в г. Пинск. Агент «Король», уроженец и житель Пинского района, направлен с таким же заданием в Пинский район. Подрабатываем двух агентов на вербовку для отправки 26–27 июля в Лунинецкий район.

Кроме этого, в Пинск и район мною направлена сегодня, 25.7.41 г., оперативно-разведывательно-диверсионная группа в составе начальника Пинского РО НКГБ тов. Лаврова и оперуполномоченных этого же РО т. т. Третьякова и Апарина с заданием разведывательного и диверсионного характера, установления военных объектов, состояния их охраны, связи с агентурой, создания в районе резидентур и организации в дальнейшем связи с резидентами и отдельными агентами.

В Давид-Городокский район с таким же заданием направлен 24 июля с. г. старший оперуполномоченный этого же РО т. Шабалин. В Глусский и Любаньский районы БССР мною для сбора сведений разведывательного характера направлено два негласных сотрудника 3-го отделения УНКГБ т. т. Ласточкина и Бадытчина.

О результатах проделанной работы посланными оперработниками и агентурой донесу по возвращении их с территории, занятой врагом...»

И вновь возвращаясь к некоторым событиям, происходившим в Москве, следует отметить, что, как уже говорилось, 3 июля 1941 г. И. В. Сталин сделал историческое и так необходимое обращение к советскому народу. При всей его важности и вдохновляющем воздействии в той части, которая касалась партизанского движения, были допущены серьезные перекосы. «Хозяин» требовал поджигать леса, склады, обозы с продовольствием, урожай и даже деревни, чтобы они не достались врагу. Но ведь все население уже никак невозможно было эвакуировать в советский тыл. Значит, подобные «мероприятия» обрекали местных жителей на голодную и холодную смерть, сужали партизанскую опорную базу и ударяли в первую очередь по отрядам, действующим в тылу врага, лишая их всякой поддержки.

По существу, руководитель страны опять-таки побуждал к «партизаншине», а не к серьезной организованной партизанской борьбе. И. В. Сталин призывал создавать партизанские отряды в фашистском тылу, однако их костяк, как показывал боевой опыт, следовало обучать и формировать прежде всего на своей территории, а потом уже забрасывать за линию фронта и там создавать крупные формирования. Так было бы верней. Но все начиналось, по существу, с чистого листа...

Характерными особенностями организации разведывательной и контрразведывательной деятельности на оккупированной врагом территории Беларуси являлось направление в глубокий тыл противника как сил и средств Центра, так и непосредственно органов госбезопасности Белорусской ССР, претерпевших в ходе войны ряд структурных изменений.

Говоря о центральном аппарате внешней разведки (1-м Управлении НКГБ СССР), как и о аналогичной

структуре в НКГБ (НКВД) БССР, необходимо отметить, что с началом Великой Отечественной войны и в связи с оккупацией территории республики он столкнулся с большими проблемами в организации разведывательной работы с советской территории, не говоря уже об утрате ряда ценных источников.

Поскольку в начальный период войны речь шла во многом об организации партизанского движения, то для созданной в Центре для выполнения этой задачи особой группы НКВД СССР в июле 1941 г. были определены следующие функции: разработка и проведение разведывательно-диверсионных операций против нацистской Германии и ее сателлитов; организация подполья и партизанской войны; создание нелегальных агентурных сетей на оккупированной территории; руководство специальными радиоиграми с германской разведкой с целью дезинформации противника.

Для Беларуси в то сложное время период существования собственной оперативной группы был недолгим, поскольку 25 августа 1941 г. приказом НКВД СССР подобные подразделения прифронтовых республик были преобразованы в 4-е отделы, оперативно подчиненные все той же оперативной группе при НКВД СССР во главе с Павлом Судоплатовым.

И ВНОВЬ РЕОРГАНИЗАЦИЯ

17 июля 1941 г. Государственный комитет обороны преобразовывает органы военной контрразведки (Третье управление) в Наркомате обороны СССР вновь в особые отделы НКВД СССР (во главе с Управлением особых отделов). Их главными задачами являлись борьба со шпионажем и предательством в частях РККА и ликвидация дезертирства непосредственно в прифронтовой полосе, организация зафронтовой разведывательной,

контрразведывательной и диверсионной деятельности в тылу противника.

Далее последовал указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. об объединении НКГБ и НКВД вновь в единый НКВД, в котором, в частности, указывалось, что это решение вызвано «переходом от мирного времени на военные условия работы». Соответствующей реорганизации подвергся и чекистский аппарат Беларуси. После ее полной оккупации врагом НКВД БССР был ликвидирован, и приказом НКВД СССР № 00148 от 20 января 1942 г. была создана Центральная оперативно-чекистская группа (ОЧГ) НКВД по БССР.

В конце августа 1941 г. Первое управление НКВД БССР (внешняя разведка) на долгие три года прекратило свое существование, поскольку вопрос об организации данным разведывательным подразделением практической работы и операций по связи со всеми своими закордонными источниками полностью отпал с момента начала Великой Отечественной войны. Основные задачи по организации разведывательной, контрразведывательной и диверсионной деятельности, восстановлению связи с агентурой на оккупированной противником территории Беларуси решал уже 4-й отдел ОЧГ НКВД по БССР, основной костяк которого составили сотрудники бывшего Первого (разведывательного) управления, а также ряда контрразведывательных подразделений.

К тому времени НКГБ БССР переместился уже из Могилева, где находился с 25 июня по 27 июля, в Гомель.

В Планах работы НКВД БССР на время с 30 июля по 3 августа 1941 г. (г. Гомель) указывались следующие задачи:

«1. По организации аппарата НКВД.

а) Укомплектовать Управления, отделы и отделения Наркомата работниками.

Срок — 1 августа

Исполняет тов. ПТАШКИН

б) Подобрать группу руководящих работников Наркомата и областных управлений и командировать их в районы областей для проведения работы по объединению районных аппаратов НКВД и НКГБ.

Срок — 31 июля

Исполняют — т. МИСЮРЕВ, ДУХОВИЧ и ПТАШКИН

в) Послать в УНКВД Полесской и Могилевской областей 2 работников Наркомата для проведения работы по объединению аппаратов НКВД и НКГБ.

Срок — 31 июля 1941 г.

Исполняют — т. МИСЮРЕВ, ДУХОВИЧ и ПТАШКИН

г) Оставшихся работников НКВД и НКГБ, не включенных в аппарат НКВД, послать в районы для укрепления районного аппарата.

Срок — 1 августа

Исполняет тов. ПТАШКИН

д) Сформировать из работников НКВД, НКГБ и милиции 2 отряда специального назначения — один в Гомеле и другой в Мозыре.

Срок — 2 августа

Исполняют — т. МИСЮРЕВ, ПТАШКИН, АНИКЕЕВ

е) Сформировать контрольно-инспекторскую группу при Наркоме в составе 10 человек, укомплектовать ее работниками.

Срок — 31 июля

Исполняет тов. ПТАШКИН

2. По разведке тыла противника и активных действий в тылу противника.

а) Проверить выполнение постановления ЦК КП(б)Б от 18.07 с. г. «О состоянии разведывательной работы в тылу противника».

Срок исполнения — 1 августа

Исполняют т. МИСЮРЕВ, ДУХОВИЧ

б) Составить план мероприятий по дальнейшему развертыванию разведывательной работы в тылу противника.

Срок исполнения — 2 августа

Исполняют т. МИСЮРЕВ, ДУХОВИЧ и ЗЕЛЕНИН

в) Наметить план мероприятий по установлению связи с партизанскими отрядами и диверсионными группами, посланными в тыл противника по линии ЦК, НКВД и НКГБ из работников НКГБ, НКВД и милиции.

Срок исполнения — 1 августа

Исполняют тов. ДУХОВИЧ и ДЕЧКО

г) Сформировать в составе 1 отдела отделение по активным действиям в тылу противника и составить план ближайших мероприятий.

Срок исполнения — 2 августа

Исполняют т. ДУХОВИЧ, МИСЮРЕВ, ЗЕЛЕНИН и ПТАШКИН

д) Проверить постановку преподавания в школе «Политработников» ЦК КП(б)Б специальных предметов по линии НКВД.

Срок — 31 июля 1941 года

Исполняют т. МИСЮРЕВ и ДУХОВИЧ»

Как видно, этот документ изобиловал целым рядом «общих положений», хотя суровая реальность первых недель войны предполагала более активные и целенаправленные действия.

К сожалению, по разному складывались на первых порах боевые дела и судьбы чекистов, направлявшихся в тыл врага и не имевших достаточного опыта организации зафронтовой работы, что следует из рапорта старшего оперуполномоченного Ельского райотдела НКВД БССР Коржова начальнику 2-го отдела НКВД СССР об участии в партизанском движении в Ельском районе от 8 декабря 1941 г.: «...По распоряжению нач. УНКВД по Полесской области капитана госбезопасности тов. Ивашенко я был оставлен для работы в партизанском отряде в Ельском районе, оккупированном немецкими войсками.

22 августа 1941 года при занятии немцами района я влился в партизанский отряд, выехал в лес и находился в партизанском отряде с 22 августа и по 6 октября.

За время моего пребывания в партизанском отряде мною проделано следующее.

Произвел 2 встречи с резидентом под псевдонимом... а также и во время оккупации последнего, имел на связи 5 осведомов, которым были даны отравляющие вещества для отравы водоемов, где должны проходить немецкие войска, а также отравы пищи в столовой, где возможно питание немцев, но это задание было не выполнено лишь потому, что агентура, состоящая на связи у резидента... при входе в г. п. Ельск вся выехала.

Две встречи были с агентом «Сено», последний давал материал о проведении контрреволюционной деятельности отдельными лицами, после чего были приняты соответствующие меры. По 2 явки были с агентами «Центр», «Истребитель» и «Веретено», последние материалы давали о лицах, дезертировавших из Красной Армии. Кроме того, за время пребывания в партизанском отряде, т. е. с 22 августа по 6 октября 1941 года, в тылу противника был сожжен сеной склад на 380 тонн, один мост по шоссе, идущему Мозырь — Овруч, и ряд мелких мостов, которые явились на определенное время преградой для передвижения немецких войск.

Из оперативного состава находились и работали в тылу врага: Мурзинов — нач. 1-го отделения СПО УНКВД по Полесской обл., Шило — нач. Ельского РО НКВД, Чухарев, Ромоносов — оперуп[олномоченные] Ельского РО НКВД, Жиряков — пом. оперуполн[омоченного] Ельского РО НКВД, Храпунов — ст. следователь УНКВД Брестской области, следователь УНКВД Полесской области Сивчук и Смертенюк — ст. оперуп[олномоченный] Полесской области. Вся эта группа 6 октября вышла и следовала в тыл, но, пройдя 30 км, нач. Ельского РО НКВД Шило оказался трусом и стал трепать группу

взад и вперед, после руководство группой было поручено следователю Сивчуку, а Шило вернулся и находится в Ельском районе у бывшего кулака Мазуренко. Больше из оперсостава в тылу врага в Ельском районе никто не остался... <...>

При выходе из партизанского отряда я оружие, как то: полуавтомат, пистолет ТТ и 2 гранаты, сдал командиру партизанского отряда тов. Руцкому.

Находясь в тылу противника, я имел на связи следующую агентуру, которая в данное время проживает на территории, временно оккупированной немецкими войсками в Ельском районе... <...> (далее следовал соответствующий перечень источников. — Авт.)».

По мере того как войска нацистской Германии захватывали все новые и новые районы Беларуси, ЦК КП(б)Б в директивах № 1 и № 2 дал указание о переходе партийных организаций в районах, оккупированных врагом, на подпольную работу и о развертывании там партизанского движения. Партизанские отряды формировались из партийно-советского и комсомольского актива, бойцов истребительных батальонов. Включенные в состав ряда таких отрядов оперработники органов НКВД несли ответственность за их разведывательное и контрразведывательное обеспечение.

Значительную работу по организации партизанских отрядов и групп выполняли районные тройки, одним из членов которых, как правило, был представитель НКГБ БССР.

Однако, несмотря на упорство и стойкость войск Западного фронта, чекистов, подразделения органов государственной безопасности Белорусской ССР были вынуждены оставить территорию республики, которая к сентябрю 1941 г. была полностью оккупирована.

В результате проявленного героизма и мужества сотрудники органов госбезопасности БССР сумели оказать серьезное сопротивление врагу: ими было прове-

дено не менее 40 боевых операций, в результате которых убито и ранено 669 солдат и офицеров врага, уничтожено 5 танков, 2 бронемшины и 104 автомашины, 8 мотоциклов. В ходе диверсий было пушено под откос 2 вражеских эшелона, взорвано 3 дрезины, 7 железнодорожных мостов, сожжено и взорвано 72 шоссейных моста.

Судьбоносным событием явилось то, что в самые критические моменты нацистского «блицкрига» удалось отстоять Москву, когда в декабре 1941 г. Красная Армия, перейдя в наступление, разгромила на подходах к столице страны гитлеровские части и отбросила их на запад, вплотную приблизившись к границе Белорусской ССР.

Центр ставил перед территориальными органами государственной безопасности задачу непосредственной организации и развертывания партизанских действий в тылу противника — как путем укрепления уже существовавших отрядов, так и путем формирования новых отрядов и групп из числа местного населения.

Не все поначалу складывалось так, как надо и хотелось бы. Ведь согласно всем непреложным канонам зафронтальной и партизанской борьбы на временно оккупированной нацистами территории Белорусской ССР необходимо было вести разведывательную, контрразведывательную и диверсионную работу.

Соответственно, в ходе **разведывательной деятельности** органами НКГБ (НКВД) должны были осуществляться сбор и передача в Центр, а позднее в ЦШПД и БШПД информации о дислокации, численном составе и вооружении соединений и частей противника, пунктах расположения его штабов, аэродромов, баз, складов с горючим, оружием, боеприпасами, нахождении линий закрытой связи, о местах строительства оборонительных сооружений, изучались режимные и иные маскировочные мероприятия немецкого командования и окку-

пационной администрации. Велась также и «разведка на себя» с целью своевременного выявления готовящихся оккупантами антипартизанских акций и расправ с местным населением.

Контрразведывательная работа была нацелена на установление мест дислокации разведывательно-диверсионных органов нацистских спецслужб, их структуры, численного состава, системы обучения агентов, каналов их проникновения в советский тыл, партизанские бригады и отряды. Кроме того, должна была осуществляться работа в формированиях, созданных немцами из перешедших на их сторону военнослужащих РККА, военнопленных и насильственно мобилизованных жителей оккупированной Беларуси. Наряду с этим партизанские бригады и отряды ограждались их особыми отделами от проникновения вражеских агентов и пособников немецких оккупантов.

В свою очередь **разведывательно-диверсионные мероприятия** имели своей целью: нарушение нормальной работы железнодорожного и автомобильного транспорта, вывод из строя военных и промышленных объектов, штабов, уничтожение складов и баз с военным имуществом, разрушение линий и узлов связи, электростанций и других объектов, имевших военное значение.

Основными формами подрывной деятельности нацистской разведки против СССР с первых же дней войны были: военный шпионаж, диверсионные акты, тотальный террор, попытки организовать внутри страны бандитско-повстанческое движение, психологическая война.

Исходя из требований директивы ЦК ВКП(б) и СНК СССР партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. и Постановления ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск», главными задачами чекистов Беларуси в тот сложный период являлись: подготовка

и заброска в тыл наступающих германских войск партизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп из числа чекистов и партийно-советского актива с целью нанесения ударов по противнику на его коммуникациях и развитие партизанского движения; насаждение диверсионно-разведывательных резидентур в неоккупированных районах республики с задачей начать активную деятельность в случае занятия этих районов противником; организация чекистских групп и истребительных отрядов в прифронтовой полосе для борьбы с немецкой агентурой; оказание всемерной помощи партийно-советским органам в эвакуации в тыловые районы СССР предприятий, учреждений и материальных ценностей.

Перед работниками НКГБ, переводимыми на нелегальное положение, в качестве основной ставилась задача содействия организации совместно с органами НКВД партизанских отрядов и боевых групп для борьбы с врагом на оккупированной территории Беларуси. Необходимо было также оказывать всемерную помощь РККА в разведке противника и противодействии его наступлению...

Бюро ЦК КП(б) Белоруссии постановило создать в этот период оперативную тройку в составе секретаря ЦК КП(б)Б П. З. Калинина (позднее вместо него — секретаря ЦК Г. Б. Эйдинова) и заместителей наркомов госбезопасности и внутренних дел БССР. Они должны были организовать в восточных областях, оккупированных противником, разведывательные группы с целью сбора информации о мероприятиях гитлеровцев в области экономической и оккупационной политики, передвижениях частей врага, его акциях против партизанских отрядов. Важно было определить пункты разведывательной работы на территории западных областей республики. Для выполнения поставленных задач из числа подготовленных работников органов НКГБ (НКВД)

(имелись в виду милиционеры. — Авт.) следовало подбирать необходимое количество разведчиков и после инструктажа немедленно забрасывать в тыл противника. Информация, направлявшаяся НКГБ (НКВД) в ЦК КП(б) Белоруссии оформлялась в виде разведывательных сводок. Представлялись также и сведения, добывавшиеся непосредственно агентурой сначала Первого управления, а уже затем 4-го отдела НКГБ (НКВД) БССР (позже ОЧГ НКВД по БССР).

На первом этапе работа органов госбезопасности Беларуси проходила, как уже отмечалось, в крайне тяжелых условиях, когда войска Западного фронта, ведя кровопролитные бои, были вынуждены отступать перед численно превосходящим противником.

Разведка и контрразведка НКВД (НКГБ) БССР с честью выполнили поставленную перед ней задачу, получив летом — осенью 1941 г. данные о 35 аэродромах и посадочных площадках противника, в частности в городах Минске, Борисове, Слуцке, Толочине, Белоподляске; о 12 штабах германских частей в районах Речицы, Петрикова, ст. Красный Берег, деревнях Радуши и Короткевичи; о военных сооружениях немцев на Слуцком, Старобинском и других направлениях. Разведывательная информация военного характера незамедлительно передавалась командованию Западного и Калининского фронтов.

Устанавливалась также связь с довоенной агентурой, оставшейся на оккупированной территории Беларуси, для чего через линию фронта были переброшены 16 оперативных работников НКГБ БССР.

Кроме того, НКГБ (НКВД) Белорусской ССР для ведения разведывательно-диверсионной работы в тылу противника в 1941 г. были завербованы 1350 агентов. Из них: агентов-разведчиков — 445; агентов-диверсантов — 366; содержателей конспиративных и явочных квартир — 62; курьеров и связников — 63; аген-

тов-сигнальщиков — 414. Из числа этой агентуры были также созданы 133 резидентуры с общим количеством 589 агентов.

Как уже отмечалось, главное, на чем сосредоточились усилия НКГБ (НКВД) БССР, — это формирование наряду с оперативными группами партизанских отрядов. Всего удалось создать в июле — августе 15 отрядов (758 человек) и 45 групп (1259 человек). Отряды и группы комплектовались в основном оперсоставом НКГБ, а также сотрудниками НКВД, партийно-советским активом. Они направлялись в восточные области республики, а также в Витебскую и Пинскую. В их отчетах все было довольно обтекаемо и гладко, хотя результативность деятельности этих отрядов и групп поначалу была невысокой. Учиться приходилось на ходу — методом проб и ошибок.

Всего же начиная с июня и по ноябрь 1941 г. органами НКГБ (НКВД) БССР было заброшено за линию фронта 317 опергрупп общей численностью 2605 человек. В этот период только личным составом этих опергрупп было проведено 40 боевых операций, в ходе которых разгромлено 3 штаба противника. Пушено под откос 2 немецких эшелона, уничтожено 7 железнодорожных и 72 шоссейных моста, 5 танков, убиты и ранены 669 военнослужащих оккупационной армии, расстреляны 95 предателей и изменников Родины. Тогда же было организовано 42 партизанских отряда (636 человек), освобождено 450 советских военнопленных и гражданских лиц, которым грозил угон в германское рабство. К сожалению, многие из оперработников героически гибли в ходе выполнения зафронтных заданий в первые месяцы войны, не имея достаточной специальной подготовки и навыков.

Напомним, что на основании Постановления ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. 5 июля была создана Особая группа при наркомте внутренних дел СССР. Одной

из задач этого спецподразделения являлась организация партизанской борьбы в тылу противника.

В своих воспоминаниях руководитель Особой группы Павел Анатольевич Судоплатов писал: «Нам требовалось огромное количество людей — тысячи и тысячи. Никакие штаты НКГБ не выдержали бы этого. Так возникла идея о создании особой воинской части, которая должна была бы заниматься исключительно разведывательно-диверсионной работой».

Эти слова еще раз подтверждают тот непреложный факт, что не было у органов госбезопасности неких мифических несметных оргштатных единиц личного состава, который полностью организовал бы и вел всю партизанскую борьбу в тылу врага. Каждая госструктура, еще раз повторяюсь, решала свои специфические задачи...

Непосредственно после создания Особой группы началось формирование Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР (ОМСБОН). Оно было связано с необходимостью выполнения специальных заданий в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами. В последующем эта важнейшая задача ОМСБОН уточнялась, корректировалась и конкретизировалась.

Костяк командного состава этой уникальной воинской части составили преподаватели и слушатели Высшей школы погранвойск и Высшей школы НКВД СССР. Местом ее формирования стал Центральный стадион «Динамо» в Москве. Зачислялись туда только добровольцы. В их составе было свыше 800 спортсменов — весь цвет тогдашнего советского спорта.

Однако затяжной характер войны и оккупация немецко-фашистскими захватчиками большинства стран Европы, в том числе значительной территории европейской части СССР, потребовали от советских органов госбезопасности осуществления в более широких масштабах разведывательных и контрразведывательных мероприятий и развертывания диверсионной работы за линией фронта.

В связи с этим 3 октября 1941 г. в составе НКВД СССР вместо Особой группы при наркоме был создан самостоятельный 2-й отдел НКВД СССР, а позднее, в январе 1942 г., Четвертое управление НКВД (НКГБ) СССР.

По линии четырех подразделений НКВД (НКГБ) СССР и БССР формировались и забрасывались в тыл противника оперативные группы и отряды спецназначения, которые вели работу на оккупированной территории Беларуси. Многие из них стали ядром партизанских отрядов, во главе которых стояли чекисты-руководители оперативных групп и отрядов спецназначения. Лишь только на базе подобных групп под командованием С. А. Ваупшасова («Местные») и М. С. Прудникова («Неуловимые») были созданы партизанские формирования численностью соответственно 3200 (10 отрядов) и 3000 (16 отрядов) человек. Эти формирования передавались затем Центральному и Белорусскому штабам партизанского движения.

Профессионал в сфере разведки, диверсий и партизанской борьбы в целом генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов, руководивший в ходе войны Четвертым управлением НКВД (НКГБ) СССР, в связи с этим обстоятельством отмечал: «Разведывательный отдел действовал и в ЦШПД... Однако он выполнял в основном лишь координационные функции, не ведя агентурной разведки в тылу германских войск без взаимодействия с военной разведкой и контрразведкой. Некоторую самостоятельность проявили лишь активисты партии и комсомола, которые большей частью вели пропагандистскую работу в тылу противника. И все же они полагались, как правило, на конспиративное обеспечение своей деятельности по линии нашей военной разведки и НКВД...

В связи с организацией в 1942 году ЦШПД нами были переданы в его распоряжение многочисленные отряды и группы. Особую роль наш аппарат сыграл в орга-

низации конспиративного обеспечения массового партизанского движения в Белоруссии, Прибалтике и на Украине...»

В свою очередь, согласно Положению о работе четырех отделов перед этим подразделением НКВД БССР ставились с учетом специфики оперативной обстановки следующие задачи: повседневный контроль за формированием истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп, руководство их боевой деятельностью; налаживание связи с истребительными батальонами, перешедшими на положение партизанских отрядов, а также с уже существующими партизанскими отрядами и диверсионными группами, находящимися в тылу противника; организация агентурной и войсковой разведки районов вероятных действий партизанских отрядов и диверсионных групп; разведка тыла противника и мест возможной переправы партизанских отрядов; обеспечение партизанских формирований оружием и боеприпасами для ведения боевых действий, а также продовольствием, одеждой и другим снаряжением.

Но этому предшествовал ряд серьезных недоработок в этом важнейшем деле. По сему поводу в указании НКГБ БССР от 20 июля 1941 г. УНКБ по Полесской области «О порядке комплектования и обучения партизанских отрядов и активизации борьбы с противником» четко предписывалось: «...При подборе подходить персонально, учитывая личные качества партизана, не допуская лиц, вызывающих сомнение в их боевых качествах... Перед отправкой тщательно готовить, инструктировать, знакомить на карте с местностью, где предстояло действовать, с политико-экономическим состоянием района действия, наличия там контрреволюционного элемента... Отправлять партизанские отряды, одетые в чекистскую форму категорически воспрещается... Перед отправкой тщательно продумать методы связи с партизанскими отрядами и возможность оказания помощи как материальной, так и оружием и боеприпасами...»

По разному складывались судьбы чекистов, которых оставляли в тылу врага для организации разведывательной, контрразведывательной работы и партизанской борьбы в первые недели Великой Отечественной войны. Для одних, как, скажем, для начальника КРО УНКГБ по Минской области В. С. Устинова, все завершилось расследованием и вынесением оправдательного вердикта, который гласил: «...г. Гомель, 11 августа 1941 года. Я, ст. следователь Особой Инспекции НКВД БССР мл. лейтенант Госбезопасности Голев, произведя расследование по делу... НАШЕЛ:

Устинов В.С. во главе группы из 9 человек 29 июня с. г. был послан в Полоцкий район Витебской области для организации партизанского отряда из местного актива.

В соответствии с полученным заданием Устинов со своей группой работал в Полоцком районе до его занятия войсками противника. После того как Полоцкий район был занят немецкими войсками, Устинов выехал из района и прибыл в распоряжение НКВД БССР, так как оставаться в тылу противника указаний ему не было.

Дело Устинова Владимира Степановича за отсутствием состава преступления — прекратить.

СОГЛАСЕН — начальник Особой Инспекции НКВД БССР лейтенант Госбезопасности Мисник...»

Однако для некоторых сотрудников органов государственной безопасности оценка их пребывания и практических действий в тылу противника завершалась иногда суровым и весьма крутым по последствиям вердиктом, как это, скажем, случилось с лейтенантом В. М. Редько, вопрос о целесообразности дальнейшей службы которого в органах решался в НКГБ БССР наркомом Лаврентием Цанавой лично.

21 августа 1944 г. (после окончательного освобождения Беларуси от нацистских оккупантов) в итоговом заключении по этому поводу указывалось: «...В распо-

ряжение НКГБ БССР прибыл бывший пом. оперуполномоченного Червенского МРО НКГБ Минской области лейтенант Госбезопасности Редько Владимир Михайлович, до этого находившийся на временно оккупированной немцами территории.

...Редько показал: 1 июля 1941 года ввиду приближения немецких войск к гор. Червень он вместе с другими сотрудниками Червенского МРО и райпартактивом эвакуировался в направлении гор. Могилева.

Доехав до м. Речки, по распоряжению представителей ЦК КП(б) Белоруссии (фамилии которых он не помнит) вместе с сотрудниками НКГБ и партактивом Редько возвратился обратно в Червенский район с задачей в случае оккупации данного района остаться там и проводить борьбу с немецкими захватчиками в их тылу. Старшим в группе был секретарь Червенского райкома КП(б) тов. Медведев.

2 июля 1941 года Редько вместе с указанной группой прибыл в Слотвинский лес Червенского района и находился там до 20 июля 1941 года. В это время кандидатскую карточку в члены ВКП(б) он сдал тов. Медведеву, а удостоверение личности и паспорт уничтожил.

20 июля 1941 года по распоряжению Медведева и секретаря Минского обкома партии по промышленности тов. Сысунковича группа была распушена по деревням с целью организации партизанских отрядов и проведения борьбы с немецкими захватчиками. Местным партизанам разрешалось с этой же целью идти по прежнему месту жительства.

28 июля 1941 года Редько пришел к себе на родину в дер. Новоселки Пуховичского района Минской области и проживал у своего отца до ноября м-ца 1942 года. Все это время работал только в хозяйстве своего отца...»

Прервем пока цитирование этого документа и обратимся к другим материалам по этому факту, которые

как скрупулезно собирались сотрудниками НКГБ БССР, так и представлялись руководством ЦШПД, БШПД и двух партизанских отрядов. Весьма показательно то, что многие односельчане Редько (равно как и крестьяне близлежащих деревень), которые знали, что ранее он работал в НКГБ БССР (т. е., согласно нацистским предписаниям, подлежал уничтожению в первую очередь), ни немцам, ни местным «активистам»-полицаям его так и не выдали. Хотя В. М. Редько до ухода к партизанам и общался с их связными, передавая информацию о ситуации во вражеских гарнизонах...

Но вот застарелую «песню» на тему «зверского НКВД» вновь завел один из «забугорных» немецко-польских «панов профессоров»: «...Пришли немцы. По какой причине люди, пострадавшие от советской власти, должны были сражаться за Сталина, защищать НКВДистов, партаппаратчиков, которые столько лет их преследовали: Люди их не защищали. Исключением были комсомольцы-фанатики. Многие местные жители просто не имели мотивации сражаться за большевизм. Для них эта система была антибелорусская, античеловечная. Если они уж и шли в лес, то случалось это под принуждением. В Восточной Белоруссии количество злодеяний было значительно большее, чем в Западной, поскольку большим было количество партизан (видимо там, где на белорусских землях доблестно “сражалась” за Великую Речь Посполитую Армия Крайова, была лишь “тишь да гладь, да божья благодать”. — Авт.)...»

Ну а далее в заключении НКГБ БССР, касавшейся В. М. Редько, вполне предсказуемо значилось: «1 ноября 1942 года Редько ушел в партизанский отряд им. тов. Сталина и находился там до мая месяца 1944 года в качестве зам. командира по разведке. В мае месяце 1944 года был переведен в партизанский отряд им. Пономаренко и находился там в такой же должности до июля 1944 года, т. е. до момента соединения этого пар-

тизанского отряда с частями Красной Армии. Период пребывания Редько в партизанских отрядах характеризуется положительно, он награжден медалью “Партизаны Отечественной войны” 1-й степени.

В сентябре 1943 года отец, мать и сестра Редько расстреляны немцами, как семья партизана (вот, казалось бы, ну куда еще дальше что-то городить при такой трагической для партизана В. М. Редько развязке!? — Авт.)...»

Но потом последовал-таки безапелляционный вердикт: «...На основании изложенного полагаю: бывшего пом. оперуполномоченного Червенского МРО НКГБ Минской области лейтенанта Госбезопасности Редько Владимира Михайловича за проявленную бездеятельность в борьбе с немецкими захватчиками в период его нахождения на временно оккупированной территории с июля м-ца 1941 года до ноября м-ца 1942 года из органов НКГБ уволить и направить в распоряжение военкомата...»

Кстати, это тоже пока чисто эпизодически возникающие вопросы, касающиеся истории всенародного партизанского движения. Ведь в такое понятие, как народ, входили все категории граждан тогдашней страны, в том числе и сотрудники спецслужб. Не так ли? Или же был и есть, согласно каким-то там псевдонаучным бредовым установкам, некий истинный «народ от народа» и в противоположность ему некий потусторонний «народ без народа» или «вне народа» (этакие инопланетяне-марсиане, что ли)?

Хотя были и те, кто, как, скажем, оперуполномоченный военной контрразведки Виктор Иванович Гуринович, оказался в начале войны на оккупированной территории Белоруссии и вовсе не сразу смог вступить в партизанскую борьбу. Что, однако, не помешало тому же В. И. Гуриновичу, также возглавлявшему разведку отряда, прибыть в сентябре 1944 г. с группой партизан для дальнейшей учебы в возрожденной Могилевской

межкраевой школе НКГБ СССР. Но это было потом, в «другой жизни»...

Немаловажным фактом было указание НКВД СССР от 6 декабря 1941 г. «Об организации деятельности в тылу противника партизанских отрядов, истребительных и диверсионных групп». В целом к 18 января 1942 г. на учете в Четвертом управлении НКВД СССР, в функцию которого входило и содействие организации партизанского движения, состояло 1798 партизанских отрядов (70 796 бойцов и командиров) и 1153 разведывательно-диверсионные группы (7143 разведчика и подрывника).

Отметим также, что с весны 1942 г. Четвертое управление НКВД СССР начало осуществлять специализацию оперативных групп, действовавших в тылу противника. В частности, основной задачей знаменитой группы «Соколы» К. П. Орловского стала подготовка условий для приема агентуры из Центра и ее дальнейшая переправка на запад. Кстати, после заброски в тыл противника в белорусских лесах состоялась встреча К. П. Орловского со своим партизанским другом В. З. Коржом. В силу целого ряда обстоятельств действовать совместно им так и не пришлось. Некоторым спецгруппам в качестве внеочередного задания Четвертое управление поручало подготовку ликвидации некоторых представителей германских оккупационных властей.

В частности, опергруппа «Юрий» под руководством Э. С. Куцина готовила операцию по уничтожению группенфюрера СС К. фон Готтберга (фактического генерального комиссара «Вайсрутении» после уничтожения агентами РУ Генштаба РККА его предшественника В. Кубе). Оперативную разработку самого В. Кубе ранее вела группа «Соколы».

К весне 1942 г. несколько улучшились координация и взаимодействие при ведении разведывательной работы на оккупированной врагом территории Беларуси.

В плане боевых действий второго партизанского отряда ОЧГ НКВД по БССР и Особого отдела НКВД Западного фронта от 29 марта 1942 г. указывалось:

«...1. Партизанский отряд, организованный оперативно-чекистской группой НКВД БССР и Особым отделом НКВД Западного фронта, в составе 60 человек перебросить в Могилевскую область БССР для партизанской борьбы с немецкими захватчиками, подрывной и разведывательной деятельности в тылу противника.

2. Районами действия партизанского отряда определить районы Могилевской области и, главным образом, районы, расположенные в четырехугольнике — Бобруйск, Могилев, Рогачев, Кричев.

3. Назначить командиром отряда мл. лейтенанта госбезопасности Зебницкого Николая Васильевича, комиссаром — техника-интенданта 2-го ранга Кривенченко Ивана Павловича...»

Перед отрядом Н. В. Зебницкого также ставились задачи: «...насаждение агентуры и создание резидентуры в тылу противника... активизация деятельности существующих партизанских отрядов в районах Могилевской области... проведение широкой агитационной работы среди местного населения о победах и наступлении Красной Армии, о разгроме немецких частей, чем поднять население на активную борьбу с немецкими захватчиками...»

Разработка подобных совместных планов ОЧГ НКВД по БССР и военной контрразведки способствовала более квалифицированному руководству партизанским движением, повышению его результативности, лучшей координации действий партизанских сил. Хотя, конечно, абсолютно беспроблемной эту деятельность назвать было никак нельзя.

Однако имели место и отдельные негативные аспекты в организации взаимодействия различных разведывательных структур. В первые месяцы Великой Отече-

ственной войны, как уже указывалось, работу в тылу противника осуществляли РУ ГШ РККА, Первое, Второе, Четвертое управления и Управление особых отделов НКВД СССР, соответствующие отделы ОЧГ НКВД по БССР, а также партийные органы.

Необходимость конкретизации и уточнения задач сил и средств разведки, а также способов разведывательной деятельности на оккупированной противником территории вновь отмечалась в приказе НКВД СССР от 1 июня 1942 г. При этом общая задача заключалась в четкой организации и руководстве разведывательной работой в тылу противника и сборе военно-политической информации о положении на оккупированной территории.

Частные задачи в основном предусматривали: создание в основных оккупированных населенных пунктах нелегальных резидентур и обеспечение надежной конспиративной связи с ними; восстановление связи с наиболее ценной и проверенной агентурой, оставшейся на захваченной противником территории; внедрение проверенной агентуры в создаваемые противником на оккупированной территории антисоветские организации и действующие там разведывательные и административные органы; подбор и переброску квалифицированной агентуры на оккупированную территорию в целях дальнейшего продвижения на территорию Германии и других европейских стран; посылку в оккупированные районы маршрутной агентуры с разведывательными и специальными заданиями; подготовку и переброску в тыл противника разведывательно-диверсионных групп (РДГ) и обеспечение надежной связи с ними; организацию нелегальных резидентур в районах, которым угрожает вторжение противника.

Отметим в связи с этим, что по линии 4 подразделений НКВД проводилась работа по проникновению в разведывательные и контрразведывательные, полицейские

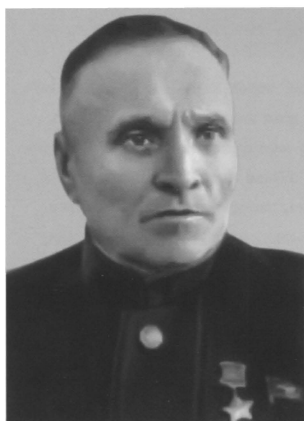
Сотрудники ОО УГБ (Спецбюро) НКВД БССР

А. К. Спрогис

В. З. Корж

К. П. Орловский

А. М. Рабцевич

С. А. Ваупшасов

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ГЕНЕРАЛИССИМУСУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ.

от бывшего командира партизанского соеди-
нения Пинской области, Белоруссия, ныне олу-
нителя академии им. К.Е. ВОРОШИЛОВА
Героя Советского Союза генерал-майора
КОРЖА Василия Захаровича.

Р А П О Р Т.

ДОРОГОЙ ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧУ

Эта мысль, которую я Вам излагаю в настоящем рапор-
те назрела у меня десять лет тому назад, и думаю, что он
правильна, если я ошибаюсь, то прошу Вас меня извинить
за беспокойство.

Несколько слов о себе, чтобы видно было откуда у мен
зародилась эта мысль: с июня месяца 1922 года по июнь
месяц 1925 года я воевал на территории Западной Белору-
ссии, против белополяков бойцом и младшим командиром в
краснопартизанском отряде, которым командовал товарищ
ОРИЛОВСКИЙ Кирилл Прокофьевич, член партии с 1918 года,
ныне Герой Советского Союза, инвалид Отечественной вой-
ны, работает в Вобруйском районе, Белоруссия, председа-
телем колхоза.

За эти три года беспрерывной, всегда неравной борь-
бы с польскими капиталистами, помещиками, жандармами и

Дорогой ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧУ

Прошу извинения, что непосредственно к Вам пишу, эт
такой вопрос, что только Вы его можете решить правильно

Герой Советского Союза
генерал-майор

Корж В.З. /Корж В.З.

4. 01. 46г.

МОСКВА.
Хорошовское шоссе
д. № 3. корпус 36 кв. № 4.

Рекогносцировка перед учениями партизанского резерва. 1935 г.

П. А. Судоплатов

Подготовка снайперов в ОМСБОНе

Бойцы ОМСБОН на марше

Переход линии фронта

На боевое задание

Geheime Kommandofache

Oberkommando des Heeres H.Q. UKh. den 31. Januar 1941
 Gen St 3.1. Op. Abt. (11*)
 Nr. 050/41 g. Klor

Chef-Sache! Nur durch Offizier!

30 Ausfertigungen
Ausfertigung.

Stabsgruppenkommando 1

Am Marschamtsung Barbe:

Amg: - 1 Feb 1941
 Br. No. 2492 g. Rdof.
 Rln: *Handwritten*

1.) Aufträge:

Für den Fall, daß Rußland seine bisherige Haltung gegen Deutschland ändern sollte, sind als Vorichtsmaßnahme alle Vorbereitungen zu treffen, die ermöglichen, nach vor Beendigung des Kampfes gegen England Sowjetrußland in einem schnellen Feldzug niederzuwerfen.

Die Operationen sollen so geführt werden, daß die im westlichen Rußland stehende Masse des russischen Heeres unter zweiten Vorzügen von Panzerkeilen vernichtet, der Abzug kampfkraftiger Teile in die Weite des russischen Raumes verhindert wird.

2.) Feindlage:

Als wahrscheinlich kann gelten, daß Rußland unter Annahme der stellenweise verstärkten Feindbesetzungen an der nördlichen und an der alten Landesgrenze und zahlreicher für die Verteidigung günstiger Passerläufe den Kampf im Bereich westl. des Dniepr und der Düna mindestens mit starken Teilen ammt. Besonderen Wert wird die russische Führung darauf legen müssen, die Erhaltung ihrer Luft- und Flottenbasis in den baltischen Provinzen und die Anlehnung ihres Stützpunkts an das Schwarze Meer durch Einsatz ausreichender Kräfte möglichst lange zu gewährleisten.

Титульный лист гитлеровского плана «Барбаросса»

**ANORDNUNG
über Sperrstunden**

Mit Zustimmung des Reichskommisars für das Ostland setze ich die Sperrzeit im Generalbezirk Welsruthehlen in den Städten auf die Zeit vom Dunkelwerden bis zum Hellwerden fest. Zivilpersonen, die während der Sperrzeit ohne zwingende Gründe auf der Straße betroffen werden, werden sofort standgerichtlich erschossen.

Für die Besucher von Theatern und sonstigen kulturellen Veranstaltungen ergeht eine Sonderregelung. Diese Anordnung tritt am 1. November 1941 in Kraft.

Wien, am 29. September 1941

Der Generalkommissar für Welsruthehlen
WILHELM KUBE

**РАСПАРАДЖЭНЬЕ
аб аграічэнні хаджіння
вечэрняю парою**

Са згоды Дзяржаўнага Камісара Усходняга Абшару паставіліся аграічыць час хаджіння ў гарадах Генеральнага Акрэгу Беларусі ад сьмянення да раздзеньня.

Асобы цывільныя, якія ў аграічаны час без узаўважлівых прычынаў будуць спаткацца на вуліцы, будуць зраз-ма на месцы расстраляны.

Для асабавых тэатр і іншых культурных Установаў выдае асобнае распарадзіньне.

Гэта распарадзіньне ўваходзіць у сілу ад 1 лістапада 1941 г.

Мінск, 29 верасня 1941 г.

Генеральны Камісар Беларускага Вялікага Крэсу
ВІЛЬГЭЛЬМ КУБЕ

**ROZPORZĄDZENIE
o ograniczeniu ruchu cywilnego
w czasie od zmierzchu zmlerchu
do świtania**

Za zgodą Komisarza Rzeczy Ostlandu zarządzam ograniczenie czasu chodzenia po miastach Generalnego Okręgu Białorusi od zmierzchu do świtania.

Osoby cywilne, które w zabronionym czasie spoika się chodzące bez powodu na ulicy, będą natychmiast doraźnym sądem rozstrzelane.

Dla odwiedzających teatr i inne kulturalne imprezy wydane zostanie odrębne uregulowanie.

Rozporządzenie wchodzi w życie z dniem 1 listopada 1941 r.

Wien, 29 września 1941 r.

Generalny Komisarz Białorusi
WILHELM KUBE

**РАСПОРЯЖЕНИЕ
об ограниченном хождении
вечерней порой**

С согласия Государственного Комиссара Восточной Территории постановляю: Ограничить время хождения в городах Генерального Округа Белоруссия от вечерних сумерек до рассвета.

Лица гражданского, которые в ограниченное время без уважительных причин будут встречены на улице, будут сейчас же Военным Судом расстреляны.

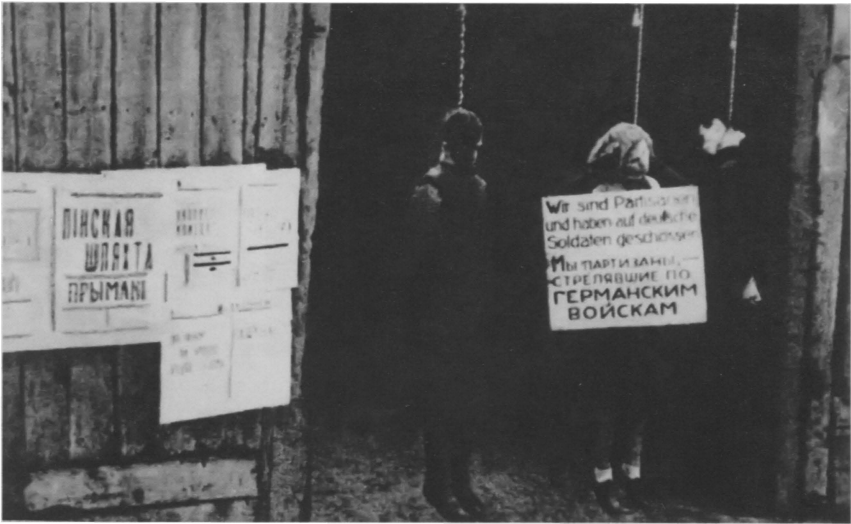
Для посещения театр и другие культурные учреждения выйдет особый приказ.

Это распоряжение вступает в силу с 1-го ноября 1941 г.

Минск, 29 сентября 1941 г.

Генеральный Комиссар Белоруссии
ВІЛЬГЭЛЬМ КУБЕ

Приказ гауляйтера В. Кубе о расстрелах в г. Минске. 1941 г.

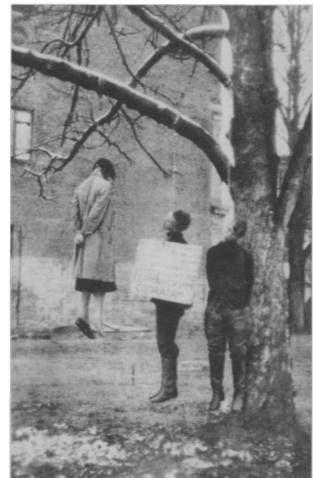
26 октября 1941 г. Казнь белорусских патриотов в Минске

Житель Минска, повешенный на площади Свободы в 1942 г.

Объявление оккупационных властей о расстрелах. Минск, 25 июля 1941 г.

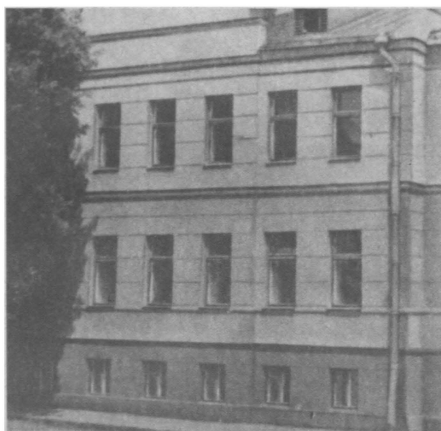
Повешенные. Минск

Вывоз трупов советских военнопленных со станции
Минск-Товарный

Лагерь смерти Тростенец. Минский район

Театерштрассе (ул. Энгельса), 27. Дом, где размещалась резиденция В. Кубе

O.U., den 29. Dezember, 1942

Der Beauftragte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD beim Befehlshaber des Heeresgebietes Mitte

An
 dip. Heeresgruppe Mitte - Ia

Anliegend übersende ich den Tätigkeits- und Lagebericht der Einsatzgruppe B für die Zeit vom 15. November bis 15. Dezember 1942 in sechsfacher Ausfertigung

Der Chef der Einsatzgruppe B

44 Weistotkranke
 44 Reichsfeinde

selbst. Trupp Smolensk 100 Personen, darunter

19 Juden
 12 Banditen
 16 Kriminelle
 61 Reichsfeinde.

Gesamtzahl der Sonderbehandelten:

Sonderkommando 7 a	6 788
Sonderkommando 7 b	3 816
Sonderkommando 7 c	4 660
Einsatzkommando 8	74 740
Einsatzkommando 9	41 340
selbst. Trupp Smolensk	2 954
Insgesamt	134 198

Фотокопия страниц отчета гитлеровской оперативной группы «Б» с данными о количестве советских граждан, уничтоженных нацистами в тылу группы армий «Центр» с 15 ноября по 15 декабря 1942 г.

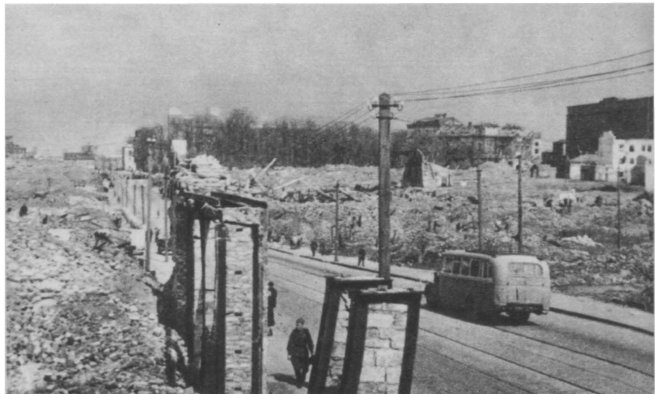
Горит школа № 9. Июнь 1944 г.

Университетский городок

Улица Пролетарская (ныне Янки Купалы)

Улица Ленина

Улица Советская

Президент Белорусской
Центральной Рады
Р. Островский. Слева —
группенфюрер СС
фон Готтберг

По немецким уставам
маршируют хлопцы
из СБМ

СБМ едет в Германию

«С Адольфом Гитлером — за Новую Европу!»

Редакция нацистской «Беларуской газеты»

Группенфюрер СС К. фон Готтберг
наблюдает за подготовкой
полицаяв

Плакат СБМ

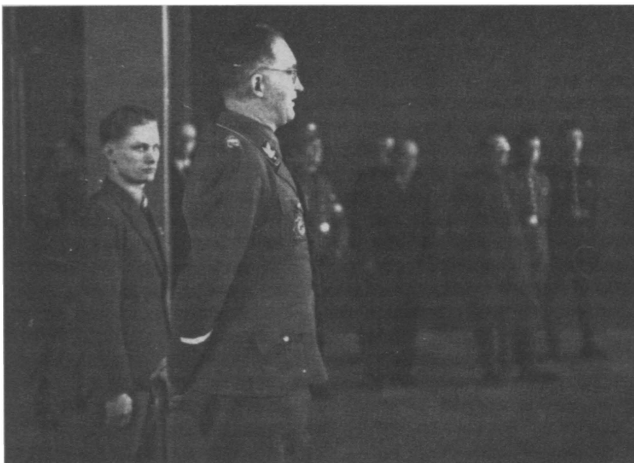
Местные «бобики»-полицаяв под германским командованием

Нацистский плакат

Офицеры оккупационной комендатуры за работой

Выступает К. фон Готтберг. Сзади — Всеволод Родзько

К. фон Готтберг в сопровождении Всеволода Родзько и Михася Ганько осматривает строй

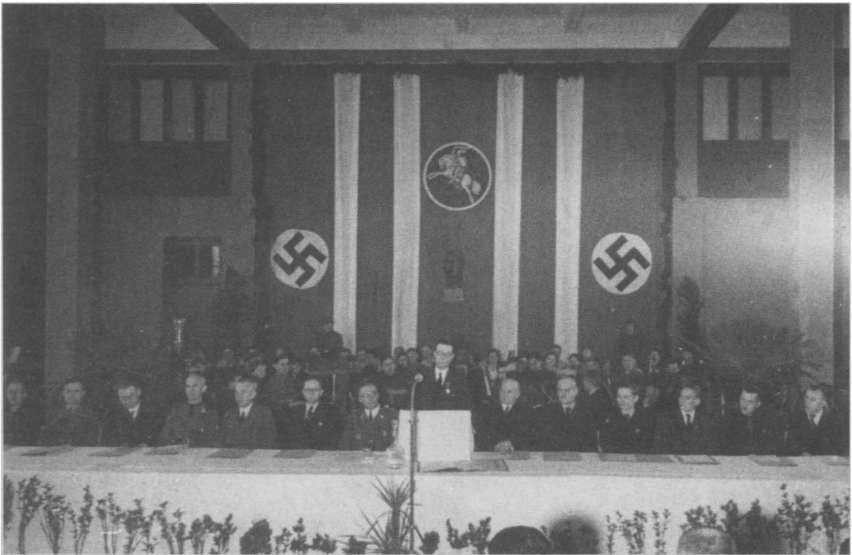
Пропагандистское мероприятие

СБМовцы на марше

Белорусские дружинники перед отправкой на вспомогательную службу в люфтваффе. Июнь 1944 г.

Заседание Белорусской Центральной Рады. Выступает Р. Островский. Слева от него — Курт фон Готтберг, Микола Шкялёнок, неизвестный мужчина, Франтишек Кушель. Справа — Юрий Соболевский

и другие карательные органы противника и учреждения оккупационной администрации.

Необходимо учитывать, что для СССР в целом 1942 г. после победы под Москвой был весьма сложным в боевом отношении, поскольку противник сумел контратаковать войска действующей армии и начать продвижение на южном и сталинградском направлении.

После образования в мае 1942 г. Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД), а осенью Белорусского ШПД органы НКВД передали в их распоряжение большинство организованных ими из местных жителей партизанских отрядов. В обязанность органов НКВД теперь в большей степени входила функция организации контрразведывательной работы в партизанских формированиях и оказания помощи в подготовке кадров для нелегальной и разведывательно-диверсионной работы в тылу противника. В ходе партизанской разведывательной деятельности во время войны четкая управленческая структура сложилась не сразу. В ЦШПД и БШПД организацией разведки с течением времени начали заниматься разведотделы, в которых наряду с представителями РУ ГШ РККА практической и организационной работой занимались также руководящие и оперативные сотрудники НКВД (НКГБ) СССР и БССР, что начало приносить положительные результаты.

Заместители командиров партизанских формирований по разведке, как правило, были сотрудниками органов госбезопасности. Это было вполне закономерно. Ведь профессиональная агентурно-оперативная работа дилетантизма никогда не прощала.

Отметим также, что за время своего существования Отдельная мотострелковая бригада (ОМСБОН) Четвертого управления НКВД (НКГБ) СССР подготовила немало бойцов «невидимого фронта» — участников чекистско-войсковых и оперативных групп, забрасывавшихся

с разведывательными, контрразведывательными и диверсионными заданиями в тыл противника. В ОМСБОНе прошел спецподготовку и один из наших белорусских чекистов Б. В. Калашников, который дважды забрасывался за линию фронта. Заметим, что всюду действовал он вместе со своим братом-близнецом.

В этот же период с целью активизации боевой работы в тылу врага в Беларуси и организованной подготовки участников групп НКВД были созданы разведывательные пункты в Гомеле, Жлобине, местечке Довск. Хорошо зарекомендовали себя и созданные специальные группы разведки. Они комплектовались за счет опытных и квалифицированных сотрудников органов госбезопасности советского и партийного аппаратов.

Следует отметить, что именно в 1942 г. в связи с ограниченностью организационных возможностей чекистских органов республики по инициативе Центра в помощь им в Беларусь со специальными заданиями вышли несколько чекистских отрядов особого назначения, переданных впоследствии в подчинение НКГБ БССР. В их числе через линию фронта перешли ставшие потом известными и легендарными в чекистской среде оперотряды «Славный» и «Боевой». В этот же период в районы Витебской области были направлены отряды «Вторые», «Третьи» и опергруппа «Неуловимые».

Следует также отметить, что партизанское соединение Прудникова, ядром которого стала группа «Неуловимые», за 28 месяцев работы в тылу противника установило и постоянно поддерживало связь с 350 агентами и подпольщиками. Более 400 подпольщиков и агентов выполняли в Минске и его окрестностях задания, как уже отмечалось, полученные через «Градова» (С. А. Ваупшасова) — командира оперативного отряда Четвертого управления НКВД СССР «Местные», действовавшего в Минской области.

Обстановка для боевой деятельности чекистских органов целом и для развертывания партизанской борьбы в тылу врага в Беларуси в частности в этот период оказалась сложной и неблагоприятной. Однако спецгруппы и отряды значительно активизировали свою деятельность. Увеличивалось число опергрупп, которые в это время забрасывались в основном в Витебскую, Могилевскую, Гомельскую и Минскую области.

Так, в мае 1942 г. в Витебской области стали действовать оперативные группы «Сокол», «Мех», повторно вышел в тыл врага спецотряд под командованием Я. И. Шпилевого. В июне 1942 г. за линию фронта в Беларусь были направлены опергруппы «Храбрецы» и «Четвертые». Нахождение базы «Храбрецов» между крупными железнодорожными узлами (Осиповичи, Бобруйск, Жлобин, Калинковичи и Мозырь) предопределило необходимость создания в этом районе центра чекистской разведки республиканских подразделений госбезопасности. Вследствие этих обстоятельств многие небольшие разведывательные группы белорусских чекистов действовали на расстоянии более 170 километров от основных баз дислокации, что требовало большого мужества и отваги.

В июле — сентябре 1942 г. советские войска продолжали вести тяжелые бои под Сталинградом. На этом направлении через территорию Беларуси нацисты осуществляли интенсивные передвижения своих резервов, информация о которых составляла наибольшую ценность для нашего командования. Наряду с этим перед разведкой и контрразведкой на белорусском направлении ставилась цель обеспечения информацией диверсионной работы и требование Центра в качестве задачи первоочередной важности активизировать диверсионную деятельность на важнейших коммуникациях железнодорожного, водного транспорта и на шоссейных дорогах. С этой целью в июле 1942 — марте 1943 г. через

линию фронта в Беларусь направлялись новые разведывательные группы органов НКВД республики.

После разгрома войск противника в районе Дона и Волги Генеральный штаб Красной Армии начал реализацию плана по прорыву блокады Ленинграда. В связи с действиями Волховского и Ленинградского фронтов внимание подразделений советской разведки, в том числе чекистских групп в Беларуси, было сосредоточено на добывании сведений о передвижении живой силы и техники врага в направлении Ленинграда. В первую очередь вражеские составы в этом направлении следовали по транспортным магистралям Витебской и Минской областей. В связи с этим чекистские подразделения должны были активно действовать на крупных узловых станциях Полоцк, Витебск, Минск, Борисов и на основных шоссейных дорогах, что представляло особую опасность, так как абвер именно здесь искал признаки деятельности групп разведки, активно используя свою агентуру. Эти обстоятельства требовали дополнительной активизации усилий Оперативно-чекистской группы НКВД по БССР.

Наряду с повсеместной активизацией разведывательной работы опергрупп, дислоцировавшихся в этих районах, сюда направлялись новые чекистские подразделения. Для их успешной работы предусматривалось широкое использование местных партизанских отрядов. Например, руководителю спецгруппы «Соколы» К. У. Шербакову (псевдоним «Соколов») выдавался документ, подписанный секретарем Минского подпольного обкома КП(б) Белоруссии, что способствовало быстрому продвижению участников спецгруппы по тылам врага в Минской области. Его группа следовала к району боевых действий с помощью проводников-партизан, которые передавали разведчиков спецгруппы от одной партизанской стоянки к другой. Местом дислокации «Соколам» был определен партизанский отряд

Н. Л. Дербана партизанской бригады «Старика». Спецгруппа «Тарасова» базировалась при партизанской бригаде М. Ф. Бирюлина. В целях разведки чекисты широко использовали партизанских связных.

Опергруппы органов госбезопасности БССР «Соколы» и «Тарасова» были последними, которые вышли в тыл врага в 1942 г. Таким образом, к 23 декабря 1942 г. на временно оккупированной территории республики активно действовало почти 30 групп разведки и контрразведки НКВД общей численностью свыше 350 бойцов. К этому времени еще пять групп белорусских чекистов были готовы к переброске в тыл врага.

Вместе с тем рейды ряда отрядов по тылам противника показали, что за линию фронта целесообразней было посылать спецподразделения с меньшей численностью бойцов, так как они гораздо маневренней, ими легче руководить, обеспечивать питанием и вооружением. В целом эти группы оказывали большую помощь Красной Армии, разведотделам штабов фронтов, ЦШПД, БШПД, ГРУ Генштаба РККА, Ставке Верховного Главнокомандования.

В тылу врага в Беларуси блестяще себя проявили многие оперативные отряды НКВД (НКГБ) СССР и БССР. Жаль, что объем данного издания не позволяет рассказать обо всех. Остановимся в дальнейшем лишь на характерных особенностях деятельности некоторых из них...

ВСПОМИНАЯ ОТРЯД «БОЕВОЙ»

Входящий в славную когорту Героев Советского Союза Валентин Леонидович Неклюдов являлся легендарной и чисто по-человечески интересной личностью, блестяще проявившей себя в ходе разведывательной, контрразведывательной и диверсионной деятельности

на белорусской земле. А до этого в составе знаменитой кузницы партизанских кадров — ОМСБОН НКВД СССР — он участвовал в обороне Москвы...

Что же касается других подробностей биографии Валентина Леонидовича, то годы спустя всплыли некоторые детали (кроме партизанских), касавшиеся его жизненного пути. В архиве УКГБ по Могилевской области я обнаружил, что человек, о котором вроде довольно многое было известно, оказывается, кроме партизанского периода, еще служил на белорусской земле и в послевоенные годы. О чем свидетельствовала выписка из приказа № 178 от 17 августа 1945 г. по Могилевской межкраевой школе НКГБ СССР: «Согласно приказу ОК НКГБ СССР от 16.08.1945 г. № 1098 с сего числа вступил в исполнение обязанностей начальника Могилевской МКШ НКГБ СССР. Майор госбезопасности Неклюдов...»

Нужно отдать должное Валентину Леонидовичу как руководителю — учеба в этой межкраевой школе, первые три набора которой составляли в основном белорусские партизаны и подпольщики, носила прикладной, практический характер. Но этому предшествовала война, с началом которой Валентин Леонидович Неклюдов был определен на службу в штаб созданной в Подмоскowie и уже упоминавшейся Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН).

Под ее знамена, как уже отмечалось, собирались спортсмены и просто молодые боевые ребята, готовые сражаться с врагом в его тылу. Действительно, кого там только не было, включая прошедших боевыми тропами республиканской Испании политэмигрантов: немцев, испанцев, венгров, французов и многих других. Здесь в полевых условиях готовили разведчиков, подрывников, снайперов.

С февраля 1942 г. В. Л. Неклюдов являлся комиссаром, а с августа 1942 по июль 1944 г. уже командиром

спецотряда «Боевой» (вначале НКГБ СССР, а с 1943 г. НКГБ БССР), действовавшего на территории Витебской, Минской, Вилейской областей Беларуси и в Алитусском, Вильнюсском, Утенском уездах Литвы.

А 7 марта 1942 г. спецотряд «Боевой» в количестве 44 бойцов под командованием А. С. Горячева и комиссара В. Л. Неклюдова, укомплектованный и известными спортсменами-добровольцами, перешел на лыжах в сильную пургу линию фронта через «Витебские (Суражские) ворота». Мела метель, снег слепил глаза. Но бойцы, напрягая все силы, упрямо шагали вперед. За плечами у каждого — пулемет или автомат, несколько дисков с патронами, большой тридцатикилограммовый рюкзак, в котором были уложены мины, патроны, запалы-детонаторы, тол, бикфордов шнур, запас продуктов и медикаментов.

Вел колонну сорокалетний Василий Хартулари, известный егерь, охотник на волков и медведей. Он отвечал за разведку. Под стать ему были и другие бойцы. Заслуженные мастера спорта, альпинист Евгений Иванов и борец Леонид Егоров. Марк Андреев — марафонец. Привыкший бегать 42-километровые дистанции, он, казалось, не ведал усталости, чем вызывал восхищение и белую зависть у более молодых ребят. За ним след в след энергично двигался командир взвода Виктор Лидов, затем шли Николай Румак, Иван Захаров, Владимир Пеняев...

Через двое суток пути они пересекли железную дорогу Витебск — Невель. Не доходя до Полоцка, в густом лесу спецотряд «Боевой» оборудовал базовый лагерь. Оглядевшись, проведя детальную разведку и рекогносцировку на местности, бойцы начали активно действовать. Перед отрядом еще в Москве были поставлены задачи: на железнодорожной линии Полоцк — Даугавпилс всячески «мешать» продвижению эшелонов с живой силой и техникой противника на фронт, вести разведку

мест дислокации нацистских гарнизонов и спецслужб, выявлять их агентуру, внедрять туда свои источники информации, доводить до населения правду о положении дел на фронте, разрушать телефонные и телеграфные линии, расстреливать предателей (комендантов, бургомистров, старост, полицейских), уничтожать вражеские склады, организовывать партизанские отряды и руководить ими.

И лишь в конце этого основательного списка значилось требование «вести глубокую разведку о расквартировании, перегруппировках, передвижении вражеских войск». Для чего нужно было в крупных населенных пунктах, расположенных у стратегических дорог, «завербовать небольшие группы лиц из местного населения, которых и использовать в качестве разведчиков». Так что поначалу разведывательная информация не считалась для «Боевого» абсолютно определяющей. А ведь это была наиболее существенная часть агентурно-оперативной работы в целом.

Однако через четыре месяца в отчете о проделанной работе первый командир «Боевого» А. С. Горячев подчеркивал: «...с приходом в тыл противника основной упор мной был взят на агентурно-оперативную работу с первоочередной задачей разведки противника». Необходимо было внедрять агентуру в административные органы, подразделения ГФП, СД, полиции, националистические организации, корпус самообороны, находящиеся в городах Витебске, Полоцке, Невеле, Дриссе, Себеже и некоторых других пунктах. Собирать также сведения о руководящем составе вышеназванных структур. Агентурно подготовить и секретно снять руководящего офицера отделения СД в г. Полоцке и доставить его в Москву. Агентурным путем выкрасть розыскной список СД № 3 и вновь изданный немцами учебник по разведке, называющийся «Разведывательная служба противника на Северном фронте», а также другие документы, пред-

ставляющие оперативную ценность. Способ переброски определялся как «переход через линию фронта».

В итоговом отчете об оперативно-боевой деятельности «Боевого» за 1942–1944 гг. именно В. Л. Неклюдов во главу угла поставил раздел «Агентурно-оперативная работа». В итоге к июню 1944 г. разведывательные задачи выполняли 67 % агентов опергруппы, 24 % были нацелены на диверсии, 9 % вели работу по организации акций возмездия, т. е. готовили ликвидацию предателей, коллаборационистов, немецких чиновников и старших офицеров.

Безусловно, с самого начала главной заботой командования всех партизанских сил и спецгрупп было создание необходимых баз и лагерей для их размещения. Работа начиналась с выбора наиболее подходящих для этого мест. Основные условия, которым те должны были соответствовать, включали в себя: относительную близость к основным объектам разведывательной и диверсионной деятельности, скрытность, хорошую маскировку (в том числе и от авиаразведки противника), защищенность, возможность отхода в случае опасности и наличие вблизи водных источников...

Для места базирования партизанского лагеря подходящими могли являться зеленые песчаные островки, окруженные труднопроходимыми болотами и лесами. После определения подходящего места начиналось строительство лагеря. Причем велось оно по возможности скрытно. Обычно на временных стоянках строились шалаши (курени), которые представляли собой сходившиеся шатром следи, прикрывавшиеся густым слоем лапника...

Неподалеку от лагерей сооружались площадки для приема самолетов и десантников. Наряду с этим имелись и запасные партизанские базы, землянки, схроны, служившие убежищем при вынужденном отходе партизан с основной базы. При нахождении в контролируе-

мых партизанских зонах бойцы отрядов и бригад зачастую базировались в селах и деревнях, где условия быта, конечно же, существенно отличались от лесной жизни у костров и кострищ, среди комаров и в зимнюю стужу...

С целью обеспечения безопасности подходы к партизанскому лагерю, как правило, минировались. При этом минные заграждения имели одновременно и сигнальную, и оборонительную функции — давали знать о приближении карателей и резко ограничивали их маневренность. Охрану на подходах к основной и запасной базам осуществляли часовые, скрытые дозоры, а также выдвинутые на несколько километров от них секреты. В зависимости от обстановки по всему периметру вокруг крупных лагерей нередко сооружались окопы, ходы сообщения, пулеметные ячейки и некоторые другие необходимые фортификационные сооружения...

Немалую помощь и поддержку отрядам в их боевой деятельности и организации быта оказывало местное население. Для этого с ним нужно было правильно выстраивать отношения, основанные прежде всего на взаимном доверии, справедливости и взаимовыручке. Именно местные жители сообщали партизанам ценные сведения, приводили новых людей, служили проводниками, участвовали в совместных налетах, засадах, других боевых операциях, нередко помогали продовольствием. Вопреки бытующему иногда расхожему мнению, основным способом снабжения групп и отрядов продовольствием были все же так называемые хозяйственные операции, зачастую представлявшие собой боевые столкновения с противником, нападения на его обозы и склады.

Разумеется, приходилось пользоваться тем, что добровольно могли давать крестьяне, а также продовольствием, реквизированным у предателей, карателей и активных коллаборационистов или же отбитым у оккупантов во время осуществления теми своих грабительских мероприятий по сельхозпоставкам для нужд Третьего

рейха. В последнем случае львиная доля отбитого у врага продовольствия возвращалась крестьянам. В любом случае порядок распределения продуктов в основном был строгий. Все складывалось обычно, как говорится, в общий котел.

Базируясь, как правило, в лесах, оперативные группы (в том числе и «Боевой») наиболее ценную информацию могли получать в основном от агентуры, приобретенной в городах. Однако в 1942 г. в связи с установлением жесткого нацистского контрразведывательного режима резидентуры органов НКВД вынужденно были из городов выведены.

И осуществлять в данном случае вербовочную работу приходилось филигранно, поскольку приобретение источников информации шло весьма трудно. Первое время оперсостав «Боевого», чтобы познакомиться с населением, посещал жителей окрестных сел только по ночам, маскируясь под рядовых партизан, добывающих продукты. Наметив возможного кандидата на вербовку, они вели с ним беседы на отвлеченные темы, стараясь выяснить его прошлое, взгляды и возможности в условиях нацистской оккупации. Зачастую подобные ночные визиты путали местных жителей. В этих случаях оперсоставу приходилось многократно посещать эти семьи, чтобы войти к ним в доверие, и лишь после этого начинать вербовочную работу. Так что, соглашаясь на сотрудничество, эти патриоты понимали, что рискуют уже не только своей жизнью, а будущностью всей своей семьи в случае провала.

Владимир Леонидович Неклюдов (действовавший под псевдонимом «Новый») так описывал схему действий оперсостава на первом этапе: «Сначала вербовки производились из бывших советских работников и других советски настроенных лиц. Приобретая несколько человек и получая от них материалы, мы интересовались связями и окружением завербованных для последу-

ющих вербовок». Устанавливая контакты с бывшими советскими служащими, чекисты серьезно рисковали, так как было известно, что немцы специально насаждали свою агентуру среди оставшихся на свободе советских активистов в надежде на то, что на них рано или поздно выйдут партизаны. В отчете «Нового» далее отмечалось: «Знакомясь с населением и выбирая подходящую кандидатуру для вербовки, мы под разными предлогами посещали жителей и стремились завербовать хотя бы по одному человеку в интересующих нас населенных пунктах». Подобная агентура давала возможность вести лишь тактическую разведку, обеспечивать безопасность самой группы. Таким образом, формировалось агентурное прикрытие баз опергрупп.

Для этой цели набирали осведомителей, которые наблюдали за гарнизонами вблизи районов дислокации опергрупп, и в случае выхода подразделений противника из гарнизонов, через организованные цепочки и «почтовые ящики» немедленно сообщали командованию. Опираясь на сформированную осведомительскую сеть, можно было начинать работу по приобретению негласных источников в учреждениях оккупационных властей, располагавшихся в городах. Этот этап был самым сложным...

Наибольшего успеха добивались, конечно, оперативные группы и отряды, с момента начала своей работы уже располагавшие связями с надежным городским подпольем, сумевшие восстановить контакты с внедренными агентами. И подобным примером агентурного проникновения в города с опорой только лишь на собственные силы служили оперативные отряды «Боевой», «Славный» и ряд других.

В составе отряда «Боевой» перешел линию фронта в мартовские дни 1942-го и 17-летний Николай Подшиваленко. Командир отряда Горячев поначалу даже и брать его не хотел — мол, больно мал, одна морока

с таким «молодцем» — ведь может растеряться, струсить, убежать. Кто его знает? Почти ребенок еще...

Однако комиссар «Боевого» Неклюдов отстоял бойкого и смекалистого парнишку, никак не желавшего оставаться в советском тылу. О чем потом никогда не жалел. И стал юный Коля адъютантом комиссара. Кстати, после освобождения Беларуси он учился в той же Могилевской МКШ НКГБ, которую с августа 1945 г. возглавлял бывший командир их оперативного отряда В. Л. Неклюдов. О чем Николай Подшиваленко не без гордости и юмора рассказывал спустя десятилетия на встречах с сотрудниками МВД и КГБ Республики Беларусь.

Кстати, еще накануне заброски в тыл врага, в январе — феврале 1942 г., будущие бойцы «Боевого» по 12–14 часов в сутки упорно занимались подготовкой к оперативно-боевым действиям на оккупированной территории Беларуси. Они неоднократно ходили на лыжах по азимуту на длинные дистанции, учились метко стрелять, закладывать заряды под железнодорожные пути и мосты, бесшумно снимать часовых, совершать налеты, организовывать засады и т. д. И вот наконец всем бойцам выдали автоматы ППШ и ППД, по две гранаты, продукты на 10 суток (куда входили: тушенка, колбаса, сухари, различные пищевые концентраты, фляжки со спиртом).

Страна, сама недоедавшая и полураздетая, отменно экипировала своих защитников: каждый получил тогда куртку на заячьем меху, ватные штаны, свитера, сапоги, маскхалаты. В целях конспирации всем было приказано на время выполнения задания забыть свои фамилии и заучить соответствующие псевдонимы: командир Горячев стал Горевым, комиссар Неклюдов — Новым, а юный Николай Подшиваленко — Поповым.

Тогда многих из этих, как Коля Подшиваленко, совсем юных ребят никто насильно, на аркане в партизаны не ташил. Они сами к ним приходили и отнюдь не

ради некой возвышенной романтики или, хуже того, как ныне пытаются живописать некоторые псевдоисследователи, — «с перепугу».

Неклюдов хорошо это понимал и ставил перед подростками посильные задачи. Глаза и уши во вражеских гарнизонах партизанам «Боевого» нужны были всегда. Так, в мае 1942 г. произошла памятная конспиративная встреча с группой из 12 подростков из деревни Фортунново, рвавшихся в партизаны, во главе с Геннадием Капустенком. Дело им нашлось сразу. Да и хорошенько проверить этих шустрых пацанов в деле не мешало.

И вот по участкам железной дороги Вильнюс — Постава — Двинск — Полоцк Неклюдов разослал совсем юных и не очень партизан-разведчиков. Нужно было определять количество немецких эшелонов, характер перевозимых ими грузов, время и интенсивность движения. Максимальный охват объектов позволял быстро передавать в Центр по радиции ценные сведения, которые давали возможность советской фронтовой авиации успешно уничтожать с воздуха эшелоны врага. Так этих юных партизан и прозвали потом в отряде — «фортунновские»... В связи с этим в пожелтевших архивных документах «Боевого» мне бросилась в глаза такая запись, сделанная Валентином Леонидовичем: «Насколько это было ценно для нашей Красной Армии, можно судить по телеграмме Разведывательного управления Генштаба РККА, полученной отрядом после передачи по радиции добытых фортунновскими ребятами разведанных о противнике: “Корреспонденту № 65. Данные о перевозках по железной дороге Полоцк — Двинск полные и ценные. РУ ГШ РККА”».

Вскоре В. С. Горячев в силу ряда причин был откомандирован на Большую землю, и на его место назначили Валентина Неклюдова. В этот период партизаны в ходе поэтапно проведенной операции освободили из

немецких концлагерей, располагавшихся в Боровухе-1 и Боровухе-2 в Витебской области, более 30 человек, многие из которых влились в «Боевой». Помогали военнопленным партизаны Павел Королев, Николай Костин и 14-летний белорусский пацаненок Дима Потапенко. Со временем отряд количественно вырос до 132 бойцов...

В связи с дальнейшей активизацией сопротивления врагу немцы начали еще более активную борьбу с партизанами. По всей Беларуси на партизанские зоны волна за волной накатывались карательные экспедиции оккупантов. В марте 1942 г. в связи с активизацией диверсионной и боевой деятельности партизан в треугольнике Невель — железнодорожная станция Клястицы — Бытча немцы предприняли проческу территории, подвергавшейся наиболее сильным ударам партизан. Против партизан было брошено два полка регулярных войск...

Неклюдов был приверженцем крылатого девиза великого полководца Александра Суворова, которым он обычно и напутствовал партизан: «За одного битого двух небитых дают...» Вот потому-то Неклюдов и требовал постоянно, чтобы молодежь, которая вступала в отряд «Боевой», умела метко стрелять, подрывать эшелоны, осуществлять разведку. Одним словом — дело делать. Этому их учили опытные снайперы, минеры и командиры.

Отряд продолжал укреплять связи с местным населением, в связи с чем Валентин Леонидович отмечал: «Стоило нам прийти в Россонский, Дриссенский и Освейский районы и завязать необходимые связи среди местных жителей путем проведения собраний, распространения сводок Совинформбюро, где рассказывалась правда о положении на фронтах, в тылу нашей Родины, как мы сразу же буквально наткнулись на группы патриотов, почти готовых к вооруженной борьбе против фашистов.

Так, в селах Соколише, Латышево, Залесье, Церковише, Переки, Алексеевцы существовала большая группа товарищей, которой уже с августа 1941 года руководил Павел Куксенок, депутат Верховного Совета БССР. В нее входили Геннадий и Леонид Савейко, Сергей Казаченок, Леонид Попковский и многие другие. Эта группа, сколоченная Павлом Куксенком, приобрела радиоприемник, принимала сводки Совинформбюро и распространяла их среди жителей близлежащих сел. Всякими путями группа приобретала оружие, боеприпасы, сумела уничтожить мост через реку Нишу.

Эта группа почти готова была выступить, как вдруг последовал удар ей в спину, нанесенный предателем. Гитлеровцы арестовали Павла Куксенка. При попытке к бегству он был зверски ими убит. Предатель этот товарищами по подполью был уничтожен, но нацистам удалось нанести группе патриотов серьезный урон, угнав на каторгу ее членов — Антона Зуева, Сергея Константинова, Ивана Кунько, Елизавету Савченко и других. А дома Павла Савченко, Дмитрия Савейко, Григория Казаченка гитлеровцы сожгли. Осуществили они и ряд других репрессий...»

О том, как сын достойно продолжил дело погибшего отца, отмечалось в уникальной рукописной партизанской газете «Детонатор»: «...Володя Куксенок — сын депутата Верховного Совета БССР, расстрелянного немцами, верный сын своего народа, пришел в отряд мстить немцам за отца и за свой белорусский народ, стонущий под немецким сапогом. 8 немецких эшелонов, спущенных Володей под откос, — неплохая месть немецким мерзавцам. Не один десяток немецких матерей будут лить слезы по своим фрицам. Ну и что же — пусть их будет еще больше. Несмотря на то что Володя был контужен при минировании, от него не услышишь ни звука, что он болен, а всегда рвется на задание...»

Однако тот же «Детонатор» жестко и беспристрастно на протяжении всех лет борьбы в тылу врага освещал и негативные стороны деятельности ряда партизан коллективно возросшего отряда «Боевой». Зачастую доставалось «по заслугам» и разведке, которой ради дела многое было позволено. Но и по полной программе спрашивалось. Итак, обратимся к одной из публикаций «Детонатора»: «...С давних пор разведчики привыкли бравировать своей беспечностью, порой переходящей просто в халатное отношение к мерам по охране себя и своих подчиненных. В 4–5 км от гарнизона группы часто ложатся спать раздетыми и не выставяя постов, в населенные пункты обычно заезжают без предварительной разведки и т. д. Случай с группой Плотникова в Матюшонках, когда бойцы во главе с командиром бежали из деревни босиком и в одном белье, напоминает еще раз о преступной небрежности и ложится пятном на всю разведку отряда. ...Наверное, уход за оружием в разведке блестящий, подумаете вы. Нет, автоматы и винтовки отказывают из-за плохого с ним обращения, а проверка оружия 15 марта показала, что из всей разведки только у двух человек оружие находилось в удовлетворительном состоянии. ...Агенты подчас врут нашим разведчикам, что свидетельствует о плохой с ними воспитательной работе. Дело доходит до таких курьезов, какой случился в группе Курова, агент которого сообщил ему о мнимом убийстве генерала СД, что поставило на ноги всю разведку... Овод...»

Что ж, в оперативно-боевой деятельности многое бывало. Тем не менее «Боевой» продолжал организационное укрепление партизанских сил. В середине лета 1942 г. Неклюдов создал наряду с имевшимися вооруженные пулеметами и винтовками группы самообороны в деревнях Церковише, Залесье, Юзефово, Климовщина, Фортуново и ряде других. Часть из этих групп была принята затем в отряд «Боевой», другая часть передана в только что созданные другие партизанские отряды Дриссенской бригады.

Тот же Геннадий Капустенок, пришедший в «Боевой» 16-летним пацаном, спустя годы вспоминал: «Бывали у нас и курьезные встречи с будущими партизанами. Летом 1942 года на Россоншине ночью в дороге застигла нас гроза. Спрятались мы, было, под крышу сарая на гумне. И вдруг слышим, как кто-то зашел за ворота и, тяжело дыша, давай себе выкручивать намокшую от дождя рубаху.

“Что, вымок?” — спросил из темноты Неклюдов. А чтобы сходу не выдать себя, нарочито громко, как полицейский, задал ему “опасные” вопросы: “Разве ты не знаешь приказ пана коменданта, что после захода солнца нельзя выходить из дома? Оружие есть?”

“Нет, нет оружия!” — испуганно пробормотал парень и бросился наутек. Неклюдов ловко подставил ему подножку, и тот рухнул у ворот как сноп. Командир тут же навалился на него и вдруг нашупал на поясе незнакомца пистолет. И когда того, уже обезоруженного, поставили у стены, командир “Боевого” тихо шепнул мне: “Да вовсе никакой не лазутчик он”.

Так произошла наша встреча с Александром Ивановым. Это был истинный партизан! Немало совершил он диверсий в тылу врага, показав себя отважным, сообразительным, инициативным и профессиональным бойцом. Стал впоследствии командиром диверсионной группы отряда “Боевой”. Был награжден орденом Красной Звезды, медалью “Партизану Отечественной войны” I степени. Однако бои него для после освобождения Белоруссии так и не закончились. Сотрудник МГБ Белорусской ССР Александр Иванов героически погиб на Сморгоншине спустя шесть лет после окончания Великой Отечественной, участвуя в ликвидации остатков бандитизма...»

Каждый боец «Боевого» помнил слова Неклюдова: «Погибнуть — не хитрое дело, а вот выйти победителем из сложной обстановки тяжеловато. Но выйти всег-

да можно, как всегда можно выполнить любое задание. Только, если браться за его выполнение, необходимо все продумать, взвесить, изучить, разведать». Немало боевых операций было на счету «Боевого». Четырежды он прорывался из блокад карателей...

С первых же дней борьбы с врагом на белорусской земле грозой для него стали диверсионные группы специалистов-подрывников Виктора Лидова, Евгения Иванова, Степана Шетнева, Николая Иванова и Леонида Егорова. Одной из уникальных и результативных для «Боевого» стала диверсия, организованная 30 июня 1942 г. Тогда на перегоне Полоцк — Двинск подрывник Евгений Иванов поставил мину, на которой подорвался следовавший к фронту эшелон с живой силой противника. Однако спустя всего несколько минут из-за поворота на большой скорости вылетел встречный эшелон, который врезался в ранее взорванный состав. Еще не успели рассеяться пыль и гарь от этого крушения, как по первому пути также на большой скорости проследовал эшелон с танками и живой силой врага. И он тоже полетел в этой куче-мале под откос. Свою смерть на белорусской земле нашли около 200 немецких солдат и офицеров, а почти вся боевая техника была выведена из строя.

К слову сказать, бойцы «Боевого» наряду с другими партизанскими отрядами виртуозно использовали для совершения подобных диверсий и противотанковые ружья, выводя из строя котлы паровозов противника. Вместе с тем в тылу противника, особенно в первые годы, ощущался острый недостаток во взрывчатых веществах. Начальник штаба «Боевого» В. Попковский как бывший артиллерист предложил добывать тол из артиллерийских снарядов и на личном примере показал, как их надо обезвреживать.

За это опасное дело взялся потомственный тульский умелец Г. Семенов. Первый опыт удался, хотя на кону

была жизнь энтузиастов этого столь нужного дела. В общей сложности Семеновым с помощью других партизан было выплавлено пять с половиной тонн взрывчатки. Кроме того, он направлялся командованием для обучения партизан и овладения ими искусством выплавки тола из снарядов и бомб в Дриссенскую, Освейскую, Россонскую и другие партизанские бригады.

К подобному способу добычи тола прибегали и бойцы отряда «Олимп». Так что, когда в мае 1943 г. в отряде кончились запасы тола, бойцы были направлены на поиски оставшихся на полях и в лесах авиабомб, артиллерийских снарядов и мин. Их разряжали и затем выплавляли взрывчатку. Кстати, минеры отряда «Олимп» создали уникальную самодельную неизвлекаемую мину. При первом же ее применении был спущен под откос эшелон с 22 вагонами и тремя цистернами с горючим. Случилось так, что одновременно на втором пути на mine, поставленной местными партизанами, взорвался встречный поезд...

Однако не давали «дремать» партизанам и каратели, но они получали достойный отпор. Так, 4 июля 1942 г. на шоссе Полоцк — Идрица в районе хутора Половинники одной из групп отряда «Боевой» в количестве 37 человек в результате неожиданного и тактически грамотного огневого маневра удалось разгромить немецкий карательный отряд. Было убито и ранено 34 солдата и офицера, захвачен фургон, 2 миномета, 180 мин, штабные документы, из которых следовало, что немецкий карательный отряд был сформирован в феврале 1942 г. в Париже из числа отборных головорезов — младших командиров, отличившихся в борьбе с французскими силами Сопротивления, обучен и направлен в Беларусь для борьбы с партизанами.

В связи с этим небезынтересно вспомнить то обстоятельство, что немецкий карательный отряд и оперотряд «Боевой» были созданы в одно и то же время — в февра-

ле 1942 г. Судьба уготовила им непредвиденную встречу на белорусской земле, и победу в том бою одержали белорусские партизаны, не понеся при этом потерь.

Между тем размах антипартизанских действий продолжал нарастать. В результате лишь одной только карательной операции оккупантами было сожжено 15 населенных пунктов (в которых и партизан-то не было), таких как Ягодный Бор, Октябрь, Булычи и др. Только в деревнях Поташенки и Зеленки 27–29 июля 1942 г. ими было зверски убито 59 стариков, женщин и детей. И этот кровавый счет продолжал расти. Однако преступления карателей не оставались безнаказанными...

Валентин Леонидович в условиях блокад отряда карателями проявлял незаурядные командирские способности умелого тактика. Его коньком было активное маневрирование. Скажем, пока вражеские самолеты бомбили опушку, Неклюдов отводил отряд в глубь леса, оставив впереди только наблюдателей. А как только самолеты улетали и начиналась атака, снова выдвигал своих бойцов на прежние рубежи. В результате атаки карателей успешно отражались.

А мелкие группы спецотряда «Боевой» тем временем заходили в тыл противника и минировали его коммуникации, наносили внезапные удары по штабам, пунктам управления, уничтожали его живую силу и молниеносно исчезали.

Но деятельность оперативных групп заключалась, как уже подчеркивалось, отнюдь не только и не столько в одних лишь диверсиях, взрывах, засадах, захватах «языков» да лихих налетах на немецкие гарнизоны, как это пытаются иногда показать авторы некоторых учебных компьютерных «стрелялок» (когда подчеркивается, что обычные печатные тексты до обучаемых в XXI в. якобы уже не доходят, а нужно яркое, эффектное развлекательное шоу). Несомненно, и это в каких-то элементах нужно. Однако других форм воздействия оно никак не

заменит. Ведь с одним лишь «клиповым» мышлением далеко не уйдешь. Нужны и теория, и главное — практика, когда вырабатываются столь необходимые умения, навыки и, в конце концов, профессионализм!

Оперативные группы разворачивали свою прежде всего агентурно-оперативную работу в весьма сложных условиях. И в этом было существенное отличие мирного времени от военного. Особенно острые проблемы возникали в тех случаях, когда группы приходили в районы, где у оперативного состава и бойцов изначально отсутствовали какие-либо источники и помощники из числа местного населения, и опереться было практически не на кого. В. Л. Неклюдов так описывал эту непростую ситуацию: «Мы с трудом находили человека, который бы мог нам правдиво обрисовать обстановку и охарактеризовать население в районе». Запуганные террором и обремененные тяготами войны люди подчас недружелюбно встречали людей, им неизвестных. Вот тогда и приходилось начинать, образно говоря, с пропагандистской очистки территории, наглядно демонстрируя населению возвращение советской власти.

Из воспоминаний В. Л. Неклюдова: «Это было в конце февраля 1942 года — на первых шагах наших в тылу у фашистов. Помнится, отряд стоял лагерем близ села Кармалинец и железнодорожной станции Клястицы. Мы полагали, что место стоянки нашего отряда противнику точно не известно. Но вот во время встречи на явочной квартире наш связной Вася из комендатуры г. Невель сообщил нам, что в кабинете коменданта города висит карта, а на ней появился флажок, обозначающий нашу стоянку.

Мы с начальником оперативной разведки Сашей Прокопьевым (он после войны работал в КГБ при СМ Белорусской ССР в Минске) берем чистую карту, подаем ее Васе и просим указать, где стоит флажок на комендантской карте. Он показал этот квадрат совершен-

но точно. Мы его попросили своевременно предупредить о грозящей нам опасности. В ответ Вася сообщил, что нам уже грозит опасность. Гитлеровцы готовят немаленькое соединение для блокады и уничтожения нас. Мы его поблагодарили, проинструктировали и быстро направились в наш лагерь.

Подняв отряд по тревоге, немедленно совершили бросок километров на 20–25 и одновременно ориентировали соседа — отряд Прудникова — тоже из нашего соединения (ОМСБОН). Данные Васи действительно подтвердились. Поскольку через два дня немцы действительно блокировали наш бывший лагерь. Он был обстрелян из минометов, пулеметов и в завершение прочесан с собаками. Но обнаружили гитлеровцы только пустоту. Так связной Вася спас два отряда, сам подвергаясь ежеминутной смертельной опасности...»

Большинству оперативных групп и отрядов, как, скажем, «Четвертые» (командир А. В. Метелкин), вынужденных без чьей-либо помощи проникать в города (особенно когда оставленная там ранее на «оседание» агентура была провалена), приходилось действовать в основном по трем направлениям. В частности, поэтапно выстраивались многоходовые комбинации, опираясь на агентуру сельских районов, навязывались контакты работающему в городе объекту с целью вывода его за пределы города или вступления с ним в переписку, предпринимались самостоятельные попытки забросить в город и легализовать там собственных агентов.

Так, для приобретения агентуры в городских учреждениях немцев разведка «Боевого» должна была изменить выбор объектов вербовки. Неклюдов особо подчеркивал: «в этом случае мы производили вербовки из лиц (в основном сельских жителей), которые имели родственников или просто знакомых, работающих в гарнизонах». Впоследствии эти люди помогали «обработать на вербовку» тех, кто непосредственно служил у немцев, и затем и сами становились связными.

Когда необходима была целевая вербовка конкретного человека, а времени оставалось мало, использовались ускоренные способы. Скажем, с использованием писем. Подготовленные оперативными сотрудниками послания обычно передавались через посредников. Установившаяся переписка после ряда проверочных мероприятий вела, как правило, к личной встрече адресата с оперработником. Именно так под псевдонимом «Орлов» был завербован один из сотрудников немецкого учреждения. Письмо он получил через своего отца, которому сначала не поверил, решив, что это провокация немцев. Начальник секретариата гебитскомиссариата г. Вилейка после получения нескольких писем от «друга из Лиды» со вложенными рейхсмарками и ответных посланий был завербован под кличкой «Ловкий».

При так называемой быстрой вербовке использовались различные способы выхода на нужных людей в городах и гарнизонах. В частности, одна из диверсионных групп «Боевого» на линии Вильно — Лида подорвала поезд, пассажирами которого были служащие немецких учреждений. Большая часть пассажиров разбежалась, но несколько человек разведчики задержали и доставили к оперативному работнику для беседы. Один из задержанных был завербован под псевдонимом «Лёня» и позже добросовестно работал, став резидентом.

Еще летом 1942 г. оперработники установили, что «церковные служители на наши вербовки идут весьма охотно». Для выполнения поставленных Центром задач по работе среди «церковников» командование «Боевого» решило завербовать польского ксендза, который жил в городе. Осведомители сообщали, что тот симпатизирует партизанам, но открыто войти с ним в контакт невозможно. За ксендзом установили наблюдение, и, когда он возвращался из своего имения через лес, ему была «навязана» встреча с оперработником. После продолжительной беседы ксендз дал согласие на сотрудничество под кличкой «Подпольщик».

Необходимо отметить, что умелое использование самых различных, в том числе и нестандартных, методов вербовки позволило «Боевому» создать разветвленную агентурную сеть. Приобретенная городская агентура уже сама по себе представляла большую ценность, поскольку могла быть использована для решения различных задач, связанных с пребыванием в городах. В тех случаях, когда не предоставлялось возможным завербовать сотрудника немецкого учреждения, а для выполнения задания Центра нужны были сведения из этой организации, агенту, проживавшему в городе, предлагали внедриться в данный объект. В частности, агент «Жук» (В. В. Захарыч) получил задание проникнуть в агентурную сеть молодежненского СД. И «Жук» достойно справился с этой сложнейшей задачей, добыв сведения на 12 агентов противника. В свою очередь, резидент «Маляров» (Л. И. Послед) был внедрен в агентурную сеть вилейского СД и смог предоставить ценную информацию на 39 ее агентов.

Как известно, в январе 1944 г. под эгидой нацистских оккупантов была создана коллаборационистская Белорусская Центральная Рада (БЦР) во главе с Радославом Островским (в народе его презрительно называли «Зрадослав». — *Авт.*). Агентура «Боевого» получила задание детально отслеживать деятельность этой пронацистской организации. Когда же по указу «фюрера» БЦР началось формирование отрядов так называемой Белорусской краевой обороны (БКО), агентам «Ветке» и «Новосёлову» было дано задание устроиться на работу в штаб этих формирований. «Ветка» (В. А. Сивец) установил приятельские отношения с одним из офицеров БКО и затем с его помощью получил должность писаря в штабе Вилейского военного округа. Впоследствии этот агент был сделан резидентом. В созданном по указанию генерального комиссара «Вайсрутении» В. Кубе Союзе белорусской молодежи спецгруппа смогла приобрести пятерых осведомителей.

Наряду с этим специально приходилось разрабатывать операции по заброске агентов в города, удаленные от мест базирования опергрупп. Засылка агента и его легализация в городе, где у группы отсутствовали связи, представляла собой крайне сложную и смертельно опасную задачу. Риск особенно возрастал, когда отсутствовали надежные документы прикрытия и были не известны некоторые специфические детали оккупационного пропускного режима.

Именно так оперативный отряд НКГБ БССР «Боевой» переправлял в Вильно (Вильнюс) агента «Налима» (Болеслава Литвина) и его связного «Дядю» (П. П. Пища). Предварительно были сделаны пробные поездки, просчитаны шансы на успех при следовании разными маршрутами. Продумали массу мелочей, включая объемы запасов масла и сала, предназначенных для взяток немецким патрулям, устройство в санях тайников с деньгами и оружием.

Однако абсолютно все просчитать было невозможно, и даже проработанная до мельчайших деталей операция могла иметь трагический финал. В ноябре 1942 г. разведка отряда приобрела агента «Москвича», который хорошо знал город Двинск (Даугавпилс), владел немецким языком, имел техническое образование и связи среди немцев. Было решено заслать его в этот город с задачей устроиться на службу в конструкторское бюро броневагонного завода. После соответствующей подготовки его снабдили деньгами, документами и одного, без сопровождения, чтобы не привлекать внимания, отправили в город. Но по дороге «Москвича», к сожалению, задержали партизаны, а затем «на всякий случай» расстреляли его как «подозрительную личность». И подобные ЧП, увы, не были единичными, о чем направлялись нелицеприятные донесения начальнику ЦШПД Пантелеймону Пономаренко.

В связи с подобной преступной «партизанщиной» известный практик войны в тылу врага «Диверсант № 1», мой учитель на балашихинских КУОСах по соответствующей спецдисциплине, полковник КГБ Илья Григорьевич Старинов в своих мемуарах с болью отмечал: «Бывало и так: одни насаждали в тылу врага агентуру, другие, того не ведая, ее уничтожали...»

Отдельно (но в русле основной вербовочной работы) опергруппы разрабатывали весьма специфические каналы заброски агентуры в части Русской освободительной армии (РОА) генерала-изменника А. А. Власова и подобные им формирования. Так, «Боевой» для приобретения своей агентуры в частях РОА использовал три способа: «подставу» своих агентов под мобилизацию в антисоветские бригады, дружины и т. п., а затем восстановление с ними связи через «агентуру окружения»; засылку агентов под видом партизан-перебежчиков, которые затем устанавливали дружеские контакты с сослуживцами и привлекали к агентурной работе все новых участников; приобретение агентуры среди населения в местах дислокации воинских частей коллаборационистов и поиск через нее выходов на офицеров и солдат.

«Новый» (В. Л. Неклюдов) докладывал в Центр, что, к сожалению, «других путей нет». При этом самая главная трудность в работе с подобной агентурой заключалась в том, что части РОА, украинские батальоны и им подобные постоянно меняли свою дислокацию и вели бои с партизанами. Например, в селе Княжецы Владимир Леонидович завербовал писаря батальона и через него установил связь с майором-комбатом, но внезапно эту часть перебросили в другой район, поэтому пришлось восстанавливать связи, создавать «агентуру из окружения» на новом месте, тратя при этом драгоценное время.

Необходимо отметить, что опергруппы использовали массу разнообразных способов связи с агентурой. В частности, отдельные элементы работы связных группы «Боевой» включали в себя такие обязательные правила: связному ради соблюдения конспирации полагалось знать в городе только одного человека и чаще всего не самого агента, а связного-посредника; направляясь в гарнизоны, связные для маскировки брали с собой что-либо на продажу: продукты, самогон, дрова; после встречи с нужным лицом они договаривались с ним о дне следующего контакта и о предложениях для его посещения.

Это была своеобразная легенда для связного. Если его задерживали, то он называл того, кто его ждал в гарнизоне и объяснял причину поездки. В случае проверки объяснения обоих в конечном итоге должны были совпасть. Оперативные работники старались придумывать простые не вызывавшие подозрений причины. В частности, связной «Лампа» (И. С. Селюн) посещал агента «Любу», работавшую в аптеке немецкого госпиталя, которая каждый раз выписывала рецепт и указывала в нем день прибытия за лекарством. Чтобы регулярно проходить через посты немецких частей и местных полицейских, не вызывая подозрений, связным нужно было постоянно проявлять изобретательность и высочайшее самообладание.

Однако малопредсказуемым препятствием в работе связных становились иногда неуправляемые и нескоординированные ни с кем действия некоторых партизанских «батек-командиров». В частности, они, скажем, запрещали местным сельским жителям посещать гарнизоны и всячески преследовали подобных «нарушителей». И вот вопреки всяким элементарным канонам конспирации оперработники были вынуждены снабжать своих связных документами, подтверждавшими их принадлежность к подполью, но и это, увы, не всегда по-

могало. Партизаны все равно задерживали этих людей, несмотря на наличие подобных удостоверений, срывая тем самым важные оперативные мероприятия.

Для руководства агентурной сетью непосредственно в городах (гарнизонах) и на отдельных объектах опергруппы и отряды (в частности, и «Боевой») создавали свои резидентуры. При этом резидентов подбирали из наиболее способных и проверенных агентов, имевших возможность беспрепятственно перемещаться по объектам или же выходить из города. Как правило, резидент долгое время жил в городе, знал местные условия и людей, поэтому нередко ему доверяли производить вербовку самому или рекомендовать оперработникам способы подхода к лицам, интересовавшим разведку.

В частности, опытный резидент «Смирнов», работавший в Молодечно начальником отдела одного из немецких учреждений, самостоятельно завербовал для отряда Неклюдова агентуру в Минске, Вилейке, Воложине и Сморгони. В целом же общая численность агентурного аппарата «Боевого» за два с половиной года работы составила 334 человека, из них 20 резидентов, 126 агентов, 188 осведомителей. Кроме того, еще 211 человек являлись связными этого оперативного отряда.

Наряду с этим спецотряд «Боевой», выполняя указание Центра, в ходе разведки неоднократно докладывал туда о наличии у оккупантов отравляющих веществ (ОВ). Так, 27 июля 1942 г. разведчики отряда сообщали, что «на всех железнодорожных станциях по линии Полоцк — Бигосово, в том числе на станции Барковичи, по приказу гитлеровцев немцам-военнослужащим и железнодорожникам выданы противогазы и с ними проводятся тренировочные занятия. Составам русских паровозных бригад противогазы не выдавались».

В конце 1942 г. были обнаружены склады ОВ на станции и в местечке Красное близ Минска. Здесь оккупантами строились большие хранилища. Отмечалось,

что само местечко Красное враг укрепил оборонительными сооружениями, в том числе дзотами, опасаясь советских десантников.

Несколько забегаая вперед, отметим, что в августе 1943 г. разведчики «Боевого» сообщили командованию действующей армии об отправке немцами к линии фронта около половины всех противогазов, хранившихся на складе в местечке Красное. Причем с целью маскировки при транспортировке отравляющих веществ использовались санитарные поезда. На станции Красное рабочие при их разгрузке находились в противогасах.

Своеобразный итог этому всеобщему этапу разведывательной деятельности подвели бойцы другой оперативной группы НКГБ БССР «Храбрецы» под командованием А. М. Рабцевича. Один из пушенных ими под откос эшелонов противника перевозил боевые ОВ и дегазационные средства. Воспользовавшись возникшей паникой, разведчик отряда В. П. Науменко сумел вынести с места диверсии баллон с газом, противоипритную накидку, противогаз нового образца и дегазационные средства.

Информация, представленная в Центр опергруппами НКГБ, а также военной разведкой, не оставляла сомнений: вермахтом готовится использование химического оружия против войск действующей армии и партизанских формирований. Сведения об этом были переданы по дипломатическим каналам союзникам, а те немедленно довели ее до руководства Третьего рейха.

При этом в ультимативной форме нацистам было заявлено, что применение вермахтом ОВ повлечет за собой адекватные меры в гораздо больших масштабах. Эта нешуточная угроза возымела свое действие, и нацисты не отважились применить в ходе боевых действий отравляющие вещества. Немалая заслуга в этом принадлежала наряду с партизанской и военной разведкой белорусским чекистам...

В связи с наступлением войск действующей армии Москва приказала «Боевому» передислоцироваться поближе к Минску. В марте 1943-го началось знакомство с новым районом боевых действий. Первой ушла группа, которую возглавил опытный разведчик Николай Костин. Второй — группа Николая Румака, потом остальные. Валентин Неклюдов поступил мудро: он разделил отряд на группы по 30–40 человек. Таким способом было гораздо легче пройти через вражеские заслоны и усиленно охраняемые железнодорожные магистрали.

Несмотря на все трудности, засады врага и обстрелы, группы благополучно переправились через Западную Двину, перешли железную дорогу Полоцк — Молодечно и забрались в еще более глубокий тыл врага. В Бегомльском районе все группы снова соединились в отряд. Теперь диверсии предстояло уже проводить на линии Минск—Молодечно—Вилейка—Крулевщина—Полоцк.

История отряда «Боевой» — это цепь подвигов и самоотверженных поступков его бойцов. Когда отряд перебазировался в Вилейскую область, то по заданию центра в паровозном депо на станции Молодечно была организована подпольная группа из железнодорожников. Руководил ей командир разведгруппы Марк Андреев. Подпольщикам удалось совершить ряд крупных диверсий и в значительной мере сорвать военные перевозки на этом участке.

Много дерзких, рискованных диверсий под носом у противника совершил смекалистый связной «Боевого» Михаил Игнатовский. Казалось, что он буквально «заговоренный» и удача должна была постоянно сопутствовать ему в боевых делах. Однако последней диверсией отважного бойца отряда стал подрыв казармы охранников на железнодорожной станции. Смело войдя в пассажирский зал вокзала, когда там не было гражданских лиц, Михаил, экипированный в немецкую военную униформу, направился к пылающей огнем кафельной печи,

к задней стенке которой примыкала стена казармы охранников. В это время, словно что-то почувствовав, к нему направились вошедшие в здание немецкие патрули. Раздумывать было некогда — он выхватил магнитную мину, которую намеревался засунуть за печь, и бросил ее в огонь. Сильнейший взрыв потряс здание. Под обломками оказались погребенными десятки гитлеровцев. Погиб, к сожалению, и сам Михаил Игнатовский...

Партизанами «Боевого» продолжалась активная работа по склонению на свою сторону военнослужащих других государств-сателлитов нацистской Германии. Так, в октябре 1943 г. группа партизан «Боевого» под командованием В. Саяпина встретила в районе железнодорожной станции Парфианово роту чехословаков, служивших в 101-м пехотном полку тыловой Досвальской дивизии, с которыми им приходилось контактировать и раньше. В результате переговоров с группой Саяпина пожелали остаться и воевать в рядах партизан подофицер Эмиль Габчо, младший командир Вильям Воштинар, а также солдаты Петр Истеник и Михаил Нестхлеба. Отрадно, что эта дружба выдержала испытание временем и спустя 20 и более лет после окончания Великой Отечественной войны все они неоднократно встречались со своими боевыми друзьями-партизанами на белорусской земле...

Против «Боевого» активно работали спецслужбы оккупантов. Валентин Леонидович предвидел самые разные варианты попыток внедрения ими шпионов в отряд и каждый раз при постановке задач предметно акцентировал на этом внимание командиров разведгрупп. Характерно, что за все время выполнения «Боевым» задания спецслужбы противника так и не смогли внедрить в отряд свою агентуру, хотя и многое знали о его деятельности и местонахождении...

Свидетельство тому — одна из довольно хитроумных многоходовых операций абвера, заключавшаяся

в попытке внедрения в «Боевой» своей опытной агентуры. Так случилось с партизанским агентом «Стасей», которая находилась, как потом выяснилось, на связи у самого оберфельдфебеля Штаха из абвера. Потому-то и не взорвались две магнитные мины, дававшие ей партизанами «Боевого», а «Стася» до самого ареста продолжала играть роль агента-связника с резидентурой абвера в составе Рыбальченко, Полякова, Кузина, Суходольского, Филимончика, Музыкина и Лысовского, внедренных в отряд. Легенда у них была стандартная. Якобы не желая служить оккупантам, все они бежали из Вечеришкинского гарнизона и искали партизан. Все это казалось вроде правдоподобным, однако требовало перепроверки. Посему группу «беглецов» разделили и по одному направили в разные подразделения отряда, что и спутало им все карты...

В середине мая 1944 г. успех, казалось, сопутствовал абверу, в чем мог убедиться один из разработчиков операции оберфельдфебель Штах, читая сообщение своего агента Рыбальченко: «Группа, в которой нахожусь, является составной частью отряда «Боевой», состоит из 60 человек. Задача группы — разведывательно-диверсионная. Вооружение: 6–7 пулеметов ручных, столько же автоматов, остальные винтовки. База отряда находится между хуторами Выспа и Весенча. Днем выставлен один пост, ночью — два. Землянок пять. Группой командует старший лейтенант Сева, командиры разведки Кустов, Плотников, Заботин. Командирами взводов являются Лопухов и Вогульский. Имеется рация и работает с 13.30 до 16 часов ежедневно. Наиболее удобный подход к группе — через хутор Выспа или по большаку из гарнизона Рудники. Штаб отряда находится в Бегомльском районе, там 100 человек, которые в случае наступления Красной Армии придут в Рудницкую пушу».

Признаком правдоподобности в признаниях всех семерых «беглецов» было то, что, выезжая с немцами

в Рудницкую пушу, они оставили записку, в которой предупреждали партизан «Боевого», что немцам известно место их дислокации. Действительно такая записка была найдена недалеко от лагеря 4-й Лиозненской партизанской бригады. Однако на самом деле все обстояло гораздо сложнее.

В ходе перепроверки агент «Юзеф» сообщил, что Рыбальченко, Кузин, Поляков являлись активными помощниками немцев, были у них на хорошем счету и пользовались неограниченным доверием, даже жили вместе с ними в одной казарме, хотя бывшим советским военнопленным это возбранялось. Кроме того, вместе с немцами выезжали на карательную операцию против партизан в район Рудницкой пуши.

Известными стали и другие подозрительные моменты, о чем сообщали ряд партизан, в кругу которых часто находился Рыбальченко. Оказалось, что он исподволь интересуется расположением партизанских баз в Рудницкой пуше и задачей группы, а также где находится основной отряд, кто его командир. Проявлял Рыбальченко завуалированный интерес к организации сеансов радиосвязи и шифрам.

От пристального внимания контрразведчиков «Боевого» не укрылась и встреча Рыбальченко с поварихой Семеновой. Вспоминалось, как два месяца тому назад они встретили ее на хуторе Малые Салки, где та проживала со своей сестрой. Радушным хозяином хутора был Франц Радевич. Он «приютил» обеих женщин, «спасавшихся» от угона в Германию. Характеризовал их Радевич положительно. Поэтому Марию и взяли на время поваром в «Боевой». Правда, готовила она не ахти как. И здесь тоже прослеживалась взаимосвязанная цепочка. Радевич был срочно задержан. Он-то и оказался агентом-связником абвера, в чем сам признался.

Вскоре через агентуру стало известно, что оберфельдфебель Штах, докладывая командиру 105-го кара-

тельного отряда об очередном сообщении своего агента, настоятельно просил не трогать небольшую партизанскую группу на хуторе Гумба, а ударить по основной группе, находившейся в Рудницкой пуше. Но шеф своими людьми рисковать не захотел и решил действовать «по линии наименьшего сопротивления»: в десять утра 9 июня 1944 г. карательный отряд в количестве 150 человек скрытно подошел к хутору Гумба. Неравный бой был коротким. Партизаны сражались мужественно и отстреливаясь до последнего патрона...

Тем временем в отряде после срочного ареста Рыбальченко были задержаны остальные его подельники. Наступал момент истины. Стало ясно, что Филимончик, Лысовский и Музыкин являются простыми исполнителями и служат лишь прикрытием для основной группы диверсантов.

В ходе следствия Кузин, Поляков и Суходольский назвали 17 известных им немецких агентов в местечке Белые Берега и пять — в Рудницком районе Литвы. А также сообщили данные на 19 человек, обучавшихся с ними в школе абвера. Кроме того, Суходольский указал фамилии еще 14 курсантов из второго набора школы.

Шеф диверсантов Рыбальченко сдал 6 агентов в местечке Белые Берега Брянского района. На территории Литвы он также указал немецкого агента — солтыса местечка Рудники и 6 человек своих агентов по Рудницкому району. А потом сообщил и о второй части своего задания — создать агентурную сеть из неустойчивых партизан и с их помощью получить нужные абверу сведения. То есть самому лично и вместе с подельниками провести полную разведку партизанских сил и мест их дислокации. Все эти данные он должен был передать Штабу через агентов Радевича и Семенову.

На последнем для него допросе Рыбальченко заявил: «А потом мы должны были убить всех вас, а одного ко-

го-то из командиров захватить в качестве языка и вместе с документами и радиостанцией доставить в СД города Вильнюса. Я все сказал!» Спустя время свое веское слово по этому поводу сказал военный трибунал...

Следует отметить, что мероприятия, проводившиеся бойцами оперотрядов на оккупированной территории, по характеру исполнения были самыми разнообразными. Так, небезынтесной с точки зрения использования агентурных данных следует назвать операцию по ликвидации А. Забеля, начальника машинной части публичного землепользования по Восточному краю, и нациста Розерна, управляющего немецкими имениями в Барановичской области, а также захват Рябушко — шефа-проводника «Белорусских профсоюзов».

22 февраля 1944 г. бойцы «Боевого» выбрали весьма удачное место для засады на дороге Минск — Вильнюс, по которой должен был проехать с охраной Забель. Когда автомобиль поравнялся с местом засады, партизаны закидали его гранатами. Забель был убит.

Вскоре оперотряд НКГБ БССР «Боевой» соединился с наступавшими частями Красной Армии. В «Итоговом отчете НКГБ БССР в отношении особо отличившихся бойцов и командиров в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами» отмечалось: «Неклюдов Валентин Леонидович, майор государственной безопасности, со специальным заданием в тылу противника находился с февраля месяца 1942 года по июль 1944 г. в качестве руководителя партизанского отряда НКГБ БССР, действуя в районах Калининской, Витебской, Пинской и Виленской областей. Провел большую работу по диверсиям на важнейших коммуникациях противника, в результате которых спущено под откос 125 вражеских эшелонов, при этом повреждено — 102 паровоза, 1058 вагонов с живой силой и техникой, разрушено 9560 метров железнодорожных путей, взорвано 25 железнодорожных мостов, взорван 1 вокзал, 3 водонапорных башни. Взор-

вано и сожжено — 88 заводов и различных предприятий, 34 учреждения, 8 танков, 95 танкеток и бронемашин, 53 шоссеиных мостов, взорваны 3 бронепоезда, 113 автомашин, дрезин и мотоциклов, проведен 31 бой с противником, при которых убито и ранено 2244 немецких солдат и офицеров, взято в плен — 77 человек. Создано 6 партизанских отрядов, в которые привлечено 446 человек. Разгромлено 2 гарнизона противника. В результате правильного руководства уничтожено 24 немецких генерала и видных чиновника, разоблачено 224 агента противника.

В районах своего действия Неклюдов и его отряд среди населения пользовался большим авторитетом. Во всех боевых делах отряда личным участием показывал образцы храбрости и мужества командира».

А какими критериями можно измерить ценность и огромный объем проделанной только одним «Боевым» разведывательной работы? Ведь за два с половиной года работы через агентуру были собраны разведанные по 60 гарнизонам, получены списки служащих немецких учреждений, установлена численность гарнизонов и боевой техники, нумерация частей, добыты схемы укреплений четырех городов и военных сооружений с нанесением на карту объектов будущих бомбовых ударов. Через маршрутную агентуру такие же данные были получены по городам Рига, Псков, Остров. Агентурным путем добывались и регулярно сообщались в Центр сведения о переброске войск и техники противника по линиям железных дорог. Скупые строки отчета скрывали напряженную работу сотен агентов, которым приходилось рисковать жизнью, добывая нужные сведения. Подобная информация, регулярно поступававшая от сотен оперативных групп, позволяла Центру своевременно выявлять намерения германского командования, отслеживать все изменения политической и социально-экономической ситуации на оккупированной германскими нацистами территории страны.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 г. за образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм В. Л. Неклюдову было присвоено звание Героя Советского Союза. Он также награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, боевыми медалями и знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

НЕСГИБАЕМЫЙ «СЛАВНЫЙ»

«Мужественные люди, жертвующие своей жизнью, как падающие звезды, оставляют яркий след. Молодежь! Помните и рассказывайте о нас!..» Эти строки оставил потомкам в 1984 г. В. В. Рыкин, начальник разведки спецотряда НКГБ БССР «Славный».

Из справки НКГБ Белорусской ССР: «"Славный". Отряд сформирован в Москве в количестве 50 человек 4 управлением НКВД СССР на базе ОМСБОН. В его состав вошла группа спортсменов — мастеров спорта СССР, в том числе несколько чемпионов страны по различным видам спорта (командир отряда А. П. Шестаков)». 19 февраля 1942 г. отряд «Славный» вышел на лыжах в тыл противника...

В итоговой справке о деятельности в течении более чем двух лет в тылу врага спецотряда «Славный» указывалось: «...Во время разведки вражеских гарнизонов получена информация, оказавшаяся важной для командования Красной Армии. Оперативный состав "Славных" оказал значительную помощь местным партизанам, передавая им полученное в боях трофейное оружие, боеприпасы, разведывательную информацию, иногда совместно с партизанами участвовал в проведении наступательных боевых операций. 7 июля 1944 г. спецотряд "Славный" соединился с частями Красной Армии». Но

это были окончательные итоги. А начиналось все с приводимого ниже документа...

Им являлось «Задание 4 Управления НКВД СССР отряду тов. Шестакова А. П.», в котором значилось:

«...ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Перейти линию фронта в районе действий 16 армии и углубиться в треугольник Людинов — Зикеево — Дядьково.

2. В течение 10–15 дней связаться с партизанскими отрядами, действующими в этом районе по реке Десна. В первую очередь связаться с отрядами в деревнях Дубровка, Улемль, Ивот.

3. Силами своего отряда и путем привлечения других отрядов, действующих в этом направлении, взять в свое обслуживание железные дороги Киров — Рославль, Зикеево — Брянск, Брянск — Гомель.

4. Путем взрывов железнодорожных мостов, полотна железной дороги и устройства крушений систематически нарушать и останавливать работу этих железных дорог. Подрывы эшелонов стремиться проводить в таких местах, где железнодорожное полотно проложено в выемках земли.

5. Взять под свой повседневный контроль шоссейные и улучшенные дороги, большаки, используемые немецкой армией для переброски к фронту автомобильным и гужевым транспортом продовольствия, обмундирования, горючего и других обозов, путем устройства засад, минирования мостов, устройства завалов добиваться нарушения нормального прохождения обозов в сторону фронта, уничтожать танки, бронемашины, автомашины, мотоциклы, фургоны и прочее.

6. Систематически разрушать имеющиеся в этих районах телефонные и телеграфные линии.

7. Вести глубокую разведку о расквартировании, перегруппировках, передвижении вражеских войск, а также о подготовке узлов сопротивления и линий обороны противника. Сообщать о нумерации немецких войск.

Для этой цели помимо посылки в населенные пункты своих разведчиков и опроса лиц, могущих сообщить необходимые сведения по крупным населенным пунктам, расположенным у стратегических дорог, завербовать небольшие группы лиц из местного населения, которых использовать в качестве разведчиков.

8. Проверенные данные разведки по радио передавать в НКВД Союза ССР одновременно с сообщениями о боевой и диверсионной деятельности отряда.

9. Уничтожать вражеские самолеты как на посадочных площадках, так и путем обстрелов в воздухе.

10. После тщательной проверки расстреливать выявленных предателей из местных жителей, состоящих на службе у германской армии в качестве комендантов, бургомистров, старост, полицейских и т. п.

11. По законам военного времени расстреливать дезертиров и агитаторов, имеющих при себе вражеские листовки с пропусками через фронт и пропуска, выданные немецким командованием на право свободного перемещения по оккупированной местности.

12. Уничтожать склады боеприпасов, горючего, продовольственные, вещевые и прочие.

13. Разрушать и уничтожать все предприятия, работающие на немцев, (как то: лесозаводы, мельницы, маслозаводы, смолокуренные и скипидарные заводы и др.).

14. Систематически сообщать местному населению о победах Красной Армии (по сводкам Совинформбюро), по возможности выпускать листовки.

15. Выявлять, разоружать и уничтожать бандитские группы, занимающиеся под именем партизан грабежом мирного населения и стремящиеся своими действиями подорвать авторитет партизанских отрядов.

16. Пополнять личный состав отряда за счет советских активистов и местных жителей и лиц, попавших в окружение, но не бросивших оружие и не бывших в плену, проверяя их на деле.

17. По крупным населенным пунктам организовывать из местного населения партизанские отряды и группы, которые обязать по Вашим заданиям устраивать завалы и ставить мины на больших дорогах, которыми пользуются немцы, разрушать, рвать телефонные и телеграфные линии и выкачивать у населения припрятанное оружие и боеприпасы.

18. При приближении фронта углубляться во вражеский тыл за реки Десна и Ипуть и взять под свое обслуживание железную дорогу Кричев — Унеча и шоссе Рославль — Мглин.

19. Связываться со всеми имеющимися там партизанскими отрядами, как местными, так и организованными из оказавшихся в окружении военнослужащих, активизировать их деятельность, для чего определить каждому из отрядов район его действий и инструктировать в разрезе настоящего приказа.

Начальник 4 Управления НКВД СССР
старший майор государственной безопасности

Судоплатов

9 февраля 1942 года

С заданием ознакомились:

Командир отряда капитан

Шестаков

Комиссар отряда политрук

Пегов

Начальник разведки

Рыкин...»

Начинался же боевой путь «Славного» так. Легендарный отряд оперативного назначения был сформирован 15 февраля 1942 г. из 49 бойцов в Козельске всего за три дня. Все произошло при непосредственном участии руководителей Четвертого управления НКВД СССР Павла Судоплатова и его заместителя, нашего земляка Наума Эйтингона.

Отряд возглавил старший лейтенант (затем капитан, майор) госбезопасности Анатолий Петрович Шестаков. Комиссаром был назначен политрук Василий Пегов, начальником разведки — ленинградский чекист Василий Рыкин, начальником штаба — Иван Медведченко, а после его гибели с 18 апреля 1943 г. Михаил Оборотов, который во время нахождения в тылу врага вел боевой дневник «Славного», некоторые страницы которого приводятся в данном издании.

В отряд вошли только добровольцы, известные спортсмены страны, в том числе московского «Динамо». И какие! Александр Долгушин — заслуженный мастер спорта по гребле, снайпер, семикратный чемпион СССР. Заслуженные мастера спорта: Али Исаев — по толканию ядра, Моисей Иванович и Григорий Ермолаев — по бегу, Леонид Митропольский — по метанию диска, Николай Шатов — штангист, Валентин Фролов — бегун и спортивный судья по лыжам. Пловец Конрад Мадэй, заслуженный мастер спорта, чемпион Москвы, был известен еще и тем, что его дед защищал Парижскую Коммуну. Увидев в списке столь известные фамилии, Павел Судоплатов дал отряду имя — «Славный».

Сам же Анатолий Петрович Шестаков Великую Отечественную войну встретил старшим лейтенантом-пограничником. Принимал участие в боях под Москвой, был награжден орденами Ленина и Красного Знамени. В начале 1942 г. Анатолию Шестакову было поручено сформировать отряд для действий в тылу врага. Как уже отмечалось, 19 февраля 1942 г. отряд вышел на лыжах в тыл противника. За 30 месяцев борьбы в тылу противника отрядом было пройдено 1500 км. В отличие от «Боевого» «Славный» 15 месяцев воевал в Брянской области, остальные 15 месяцев — на территории Беларуси: в Гомельской, Могилевской и Гродненской областях. Отряд полностью оправдал свое название и считался одним из самых боевых и результативных. Но это все было еще впереди...

У командира отряда А. Шестакова имелось надежно зашитое в обмундировании удостоверение, в котором указывалось: «Дано настоящее командиру отряда тов. Шестакову в том, что он действительно следует с отрядом в количестве 50 человек в тыл противника для выполнения специального задания.

Командирам воинских частей Красной Армии и органам Советской власти просьба отказывать тов. Шестакову всемерное содействие в выполнении поставленных ему задач.

Командир отдельной мострелковой бригады особого назначения полковник Орлов; ВРИО военкома бригады лейтенант госбезопасности Громов; начальник штаба бригады подполковник Седловский. 2 февраля 1942 года; г. Москва...»

Перед самой А. Шестакова принял в штабе 16-й армии генерал К. К. Рокоссовский. Командующий армией уточнил задачи отряда и отдал приказание начальнику разведки армии обеспечить спецотряду «Славный» переход через линию фронта. В ночь на 20 февраля 1942 г. части 16-й армии открыли огонь на соседних участках фронта, отвлекая на себя внимание противника. Это дало возможность бойцам «Славного» незаметно пересечь на лыжах линию фронта.

«Отряд лыжников, растянувшись в цепочку, тихо шел вдоль линии фронта, — позже описывал события той ночи врач “Славного” Илья Давыдов. — Многие бойцы ташили на веревках санки с вешевыми мешками и ящиками с боеприпасами. Второй взвод вез еще и до отказа груженную волокушу. Слева, совсем близко, то и дело взлетали осветительные ракеты. Временами слышались басовитые очереди крупнокалиберных пулеметов. К ним присоединялись отрывистые залпы артиллерийских батарей...»

В начале 1942 г. основное внимание штаба Западного фронта и командования ОМСБОНа было прикова-

но к районам Брянска и Смоленска. Это определялось военно-стратегическим значением этих пунктов и ведущих к ним железнодорожных и шоссейных магистралей. Эти коммуникации и их крупнейшие узлы — Брянск и Смоленск — являлись жизненно важными для немецко-фашистских армий группы «Центр», обеспечивая переброску живой силы, военной техники, боеприпасов. По ним осуществлялась также переброска воинских частей на различные участки гигантского фронта, шли на запад эшелоны с ранеными и награбленным советским добром. В Смоленске и его окрестностях были сконцентрированы: штаб группы немецко-фашистских армий «Центр», тыловые учреждения фронта, командование войсками «СС», управление службы абвера и созданные оккупантами школы для подготовки диверсантов и шпионов, засылаемых в тыл советских войск.

Вот почему и был направлен отряд НКВД СССР «Славный» в брянские леса, которые к этому времени стали крупнейшей на оккупированной территории партизанской зоной, где шло активное формирование партизанских отрядов и откуда направлялись разведывательно-диверсионные отряды и группы в районы Белорусского и Украинского Полесья...

Во время разведки вражеских гарнизонов была получена очень важная для командования Красной Армии информация. Оперативный состав «Славного» оказал значительную помощь местным партизанам, выменивая на патроны полученное в боях трофейное оружие, боеприпасы, передавая разведывательную информацию, систематически участвовал совместно с партизанами в проведении наступательных боевых операций.

В Брянской области отряду сразу же выпали боевые испытания. Путь до места назначения занял меньше недели. Так что день Красной Армии, 23 февраля, отпраздновали переходом линии фронта. Правда, по следам на снегу шестаковцев выследила группа фашистских авто-

матчилов. Бой был недолгим. Гитлеровцы, унося убитых и раненых, отступили, вызвав подкрепление. Бойцы «Славного» по приказу командира заминировали лыжню и вскоре услышали за спинами взрывы. Маленькая первая победа над врагом вселила в бесстрашных бойцов уверенность, что весь предназначенный им путь они пройдут, во что бы то ни стало!

Когда 49 бойцов «Славного» вошли в одно из сел Брянской области, расположенное недалеко от поселка Ивот, встречать их вышли все жители. Местные жители долгое время находились в информационной блокаде и жили слухами. Наперебой они рассказывали, о том, что немцы говорят о захваченной фашистами Москве и других городах. С интересом расспрашивали о новостях с Большой земли и жадно впитывали каждое слово, произнесенное чекистами. На следующий день к командиру пришла группа молодых людей из поселка Ивот с требованием принять их в отряд. Местные жители, как никто другой, знали здешние тропы, и они очень помогали в разведке. К маю 1942 г. численность отряда выросла до 83 человек.

В марте 1942 г. взвод лейтенанта Головина с группой партизан отряда Золотухина совершили налет на железнодорожную станцию Людиново. Перебив охрану, бойцы подорвали 6 железнодорожных стрелок, восемнадцатиметровый мост, повредили железнодорожное полотно на нескольких километрах. Одновременно другая группа бойцов «Славного» взорвала железнодорожный мост близ станции Бетлица.

Когда пришло время в целях конспирации и обеспечения безопасности сменить место дислокации «Славного», все жители поселка, от мала до велика, вышли провожать их. Местным жителям тяжело было расставаться с шестаковцами, поэтому, невзирая на все просьбы, они прощались с ребятами красиво, с гармошкой, с песнями.

Базируясь в брянских лесах, бойцы отряда Шестакова совершили множество диверсий и разведопераций. Они устраивали засады, уничтожали вражеские гарнизоны, а вместе с ними карателей и полицейских, немецких офицеров и солдат, захватывали вражескую провизию, большую часть которой тут же передавали местным жителям.

Отряд оперативного назначения имел в своем составе мастеров на все руки. Они восстановили танкетку и однажды совершили 150-километровый марш. Бронемашина, под красным флагом пронесшаяся по вражеским тылам, вызвала панику в рядах оккупантов, посчитавших ее появление за подход регулярных частей Красной Армии.

День за днем, километр за километром пробирались отважные бойцы по лесам и болотам, теряя друзей и прокладывая путь армии-освободительнице. В выше-названном дневнике Михаила Оборотова нет пафоса, лирических отступлений, а только строгая констатация фактов и подвигов, которые отважные шестаковцы совершали не ради славы, а ради жизни на земле. Порой бойцам «Славного» приходилось часами неподвижно лежать в снегу при обжигающем морозе или под проливным дождем, без сна, отдыха и пищи проходить десятки километров для достижения поставленной цели.

«...29 мая 1942 г. В д. Неделька Жирятинского р-на вместе с отрядом Панасенкова взято 9 ярых полицейских в плен и расстреляно. Отряду приказано перейти из Дятьковского района в Жирятинский. Немцы стали наступать со всех сторон большими силами на партизанский район. Ввиду того, что сразу всем отрядом переходить было невозможно, то отряд разбили на 3 группы. Переходы были трудные: нужно было перейти железную дорогу Рославль — Брянск, которая сильно охранялась, дnevать в небольшом лесочке перед Десной. На вторую ночь переправляться на лодках по 2–3 человека, через

Десну, которая разлилась на 500–600 м, что отнимает много времени, а ночь короткая, на правом берегу Десны гарнизоны немцев и полиции. Поэтому в одну ночь нужно переправиться через Десну, перейти после дороги Рославль — Брянск и еще пройти 8 километров, чтобы попасть в безопасную зону. Переправились все благополучно, и весь отряд к 10 июня 1942 г. собрался в деревне Козелкин Хутор Жирятинского района. К этому времени у нас было около 100 партизан.

6 июня 1942 года. На ж. д. линии Клетня — Красное произведена диверсионная боевая операция, в результате которой захвачена и сожжена казарма полицейских, порвано ж. д. полотно на 2000 м., порвана телефонная связь на 6 км. Участвовал Шатов, который руководил минерами.

7 июня 1942 года. Группа Мадзя на ж. д. Рославль — Брянск заминировала ж. д. полотно. Шедший эшелон, который имел впереди паровоза 3 платформы с разным грузом специально для того, чтобы не повреждался при взрыве паровоз, уничтожены 3 платформы, шедшие впереди паровоза. Паровоз и вагоны не повреждены. Немцы хитрят. Теперь приходится взрывать только механическим способом или электродинамикой.

8 июня 1942 года. Разведка и 1 взвод с нач. шт. Медведченко в д. Кульнево Жирятинского р-на заготовили продукты для отряда. В Жирятинском районе обстановка была более напряженной, чем в Дятьковском до блокады. Здесь находится недавно организованный партизанский отряд Панасенкова. Во многих деревнях из местного населения была организована самооборона, которая охраняла свою деревню от немцев. В каждой такой деревне был начальник самообороны. Было хорошее взаимодействие между самообороной одной деревни с другими и с партизанами. С появлением самообороны улучшилась жизнь в районе. В случае надобности самооборона снабжала партизан продовольствием, лошадьми.

15 июня 1942 года. Группа Бухмана на шоссе Рославль — Брянск на участке Брезгоника — Песочная взорвала 3 семитонные автомашины с прицепами и пушку.

20 июня 1942 года. Мадэй, Лептеев, Семёнов, Мартынов спустили под откос ж. д. эшелон на участке Рославль — Брянск возле станции Тростна. Разбито 15 вагонов с грузом. Убито 75 и ранено 26 немцев. Ж. д. дорога отстоит от нашего расположения за 35–40 км, куда был затруднен проход ввиду того, что перед ж. д. проходила шоссейная дорога и затем протекала река Десна, где не было никаких переправ, поэтому Десну переплывали. Подход к железке был также очень трудный, так как немцы имели посты через 200–300 м, между которыми ходили патрули с собаками. Приходилось, рискуя жизнью, ставить мину под носом у немцев.

Мадэй, Моршиков, Левачев, Захаров, Магер, на ж. д. линии Рославль — Брянск между д. Жуковка — Тростна взорвали бронепоезд зарядом тола в 18 кг. На железной дороге сильная охрана, невозможно было поставить мину обычным путем, то Мадэй при приближении бронепоезда выскочил на дорогу, положил взрывчатку, а сам быстро уходил. Бронепоезд, подошедший на это место, был взорван электрическим путем. После взрыва бронепоезд, оставаясь на месте, открыл сильный огонь. В результате обстрела Мадэй легко ранен. На обратном пути, на шоссе Рославль — Брянск порвали телефонную связь около 300 метров.

22 июня 1942 г. Группа Плетнева на шоссе Рославль — Брянск взорвала 2 грузовые автомашины с пушкой, а 23-го Мадэй, Соловьев, Семенов, Магер, Лептеев на ж. д. Клетня — Жуковка взорвали эшелон. Разбит паровоз и 20 платформ с лесом (большой заряд). Взаимодействовали с подрывниками отряда Панасенкова. Было так: подрывные группы расположились одна от другой на расстоянии 500–600 м. 2 поезда шли один за другим. Наша группа пропустила два поезда, вторая

группа взорвала первый эшелон, второй эшелон, забрав раненых и убитых с первого эшелона, направился в обратный путь, тогда-то его и взорвала наша группа. С 9 по 15 июля. Мадэй, Магер, Константинов, Левий, Мортиков на ж. д. Рославль — Брянск взорвали ж. д. эшелон с танками и автомашинами. Разбито 7 вагонов. Движение остановлено на 12 часов.

Командир взвода л-т Оборотов с группой в 5 чел. разминировал 250 мин весом каждая 5 кг возле д. Катово. Мины доставлены в отряд для диверсионных работ.

Группа разведчиков: Ермолаев, Ожогов, Кузовков разведывали немецкий гарнизон в д. Песочня, где попали на немецкую засаду. Убит Ожогов Жорж, лейтенант Красной Армии, прибывший из отряда Воробьева.

24 июня 1942 года. Командир отряда Шестаковна шоссе Рославль — Брянск с 1 и 2 взводами совершили налет на немецко-полицейский гарнизон в д. Брозготка. В результате операции уничтожено: полицейское караульное помещение, убито 5 немцев и 16 полицейских, сожжена автомашина с прицепом. Гранатой, которую бросил командир второго взвода Яковлев Иван Иванович, уничтожен ручной пулемет противника. Наших потерь нет.

25 июня 1942 года. Группой Бухмана на шоссе Рославль — Брянск на участке Брозготка — Песочня взорвана одна грузовая машина с прицепом. Население и местные отряды очень довольны.

Садовников Н., Шатов, Ермолаев, Коржуев, Дормидонтов взорвали ж. д. эшелон из 55 вагонов на линии Гомель — Брянск на участке Почеп — Красный Рог. Взрыв произвели днем. Весь успех зависел от Садовникова и Коржуева.

3 июля 1942 года. Отряд совместно с отрядом Панасенкова совершили налет на полицейский гарнизон в д. Мужилово, где уничтожены 43 человека из полицейских, разбит маслозавод, взято масло, разбита волость,

захвачено много хлеба, предназначенного для сдачи немцам и мяса. Этот гарнизон был наиболее активным в борьбе с партизанами, подошло подкрепление немцев и полиции в большом количестве, которые открыли сильный артиллерийско-пулеметный огонь по деревне и по дороге, по которой стал отходить наш обоз. Несколько передних лошадей было убито, обоз остановился, застыл. Люди залегли и открыли огонь в сторону врага. Был под угрозой весь обоз. Спас положение командир отряда Шестаков, который под сильным огнем противника, прискакал на лошади и сам лично стал выводить обоз. Ранен боец Вахидов. Есть раненые у Панасенкова. Шестаков беспредельно смелый человек. Еще крепче завязалась дружба между отрядами Панасенкова и нами. Шестакова любят не только наши бойцы, но и партизаны других отрядов и местное население.

В этом районе не было возможности дальше оставаться. Решили перейти в клетнянские леса. Вместе с отрядом Панасенкова двое суток двигались ночью по глухому лесу, по тропинкам. Часто застревали повозки в болоте, ломались дуги, оглобли, вытягивали все на себе.

26 июля 1942 года. Отряд, совместно с отрядом Панасенкова и Мглинского, совершил налет на крупный полицейский гарнизон в д. Вельжичи. Вся боевая работа выпала на наш отряд, т. к. мы вышли прямо на школу, где размещался гарнизон. Нашим отрядом бито более 40 полицейских, разбита волость, сожжена казарма. Взяты трофеи: 30 винтовок и 5000 патронов. У нас убили двух кадровых бойцов, переходивших линию фронта: Элердова и Романова, которых уложили в гроб в д. Мамалька и похоронили в лагере № 1.

7 сентября 1942 года. Коржув, Садовников порвали 1 км телефонной связи на линии Мглин — Почеп. Красная Армия ведет тяжелые бои на Южном фронте. Мы ежедневно читаем сводки информбюро, которые не

веселят нас, но мы уверены, что скоро наступит перелом в ходе тяжелых действий. Помогаем Красной Армии уничтожать немцев.

Клетнянский район удобен для стоянки в лагерях, в местах, где нет ни железных, ни шоссейных дорог и других узлов. Очень плохо тем, что приходится далеко ходить на операции. 50–60 км — это самая ближайшая ж. д., которая проходит в основном по полю.

Взрывчатки для диверсий не хватало. Все время обещают прислать груз. Так что все наши действия направлены на агентурную разведку и уничтожение немецко-полицейских гарнизонов, которых здесь мы уже уничтожили достаточно. Начинаем заготавливать продукты для отряда на зиму.

21 сентября 1942 года. Мадэй с группой из 8 человек уничтожил полицейский гарнизон в д. Дятьковичи, Журовский р-н. Командир отряда Шестаков с отрядом Панасенкова выехал на операцию в д. Оскилково, где полиция опять хотела обосновать себе гарнизон. Уже несколько дней подряд полиция ежедневно наезжает в эту деревню, где устраивает засады на партизан и не дает проходить мелким группам партизан. Операция проводилась днем. Подъехав к деревне, отряд сходу бросился на деревню, где завязался небольшой бой. Полиция от неожиданности растерялась. Первым в деревню ворвался НШ Медведченко, который захватил ручной пулемет с тремя магазинами к нему и открыл огонь по полиции. В результате боя убито 2 изменника и один (Кудрявцев) взят в плен, после допроса он был расстрелян. Значение операции состояло в том, чтобы помешать полиции в организации гарнизона. После этого боя гарнизона там не было, приезжали немцы или полиция очень редко, и то только днем.

29 ноября 1942 года. Отряд, совместно с отрядами 3-й клетнянской партизанской бригады, принял участие по разгрому немецко-французского гарнизона на

ст. Бельнковичи. Операцией по разгрому ст. Бельнковичи руководил майор Шестаков. В результате боя уничтожено большое количество немцев и французов (эти тоже, продув войну нацистскому вермахту, исправно и старательно воевали на стороне германских нацистов, в том числе и во французской дивизии СС «Шарлемань». — *Авт.*), взорваны ж. д. пути и стрелки, водонапорная башня и прочие сооружения. Со стороны партизан убито до 20 партизан. В этом бою был ранен ком. роты отряда Федорова (Героя Советского Союза) Балицкий. В этой операции отличились отряды Федорова и Еремина.

Наш отряд под командованием Чупеева находился в засаде на шоссе Хотимск — Бельнковичи с задачей не допустить подкрепления немцев со стороны Хотимска к ст. Бельнковичи. В этой операции Чупеев Андрей Ефимович, зам. командира отряда, с которым вместе переходили линию фронта, погиб при следующих обстоятельствах: минеры заминировали шоссе и ушли с того места. Чупеев с минерами поехал выставять к тому месту засаду. По ошибке минера Семенова они въехали на минное поле, лошадь наступила передней левой ногой на мину. От взрыва от ноги лошади оторвалась половина подковы и ударила Чупеева в голову. Спустя 5–10 мин Чупеев в беспамятстве скончался. Ехавшие с ним на повозке люди (Давыдов, Дианов, Семенов) не получили даже и царапины. Забрав труп Чупеева, отряд двинулся в обратный путь. До лагерей было более 50 км. Чупеева похоронили в лагере № 2 в клетнянском лесу.

Одновременно в эту же ночь клетнянская партизанская бригада совершила налет на ст. Жудилово, где также уничтожено много немцев, взорвано ж. д. полотно, станционные сооружения...»

Вместе с боевой не прекращалась ни на минуту агентурно-оперативная работа. Результаты работы спецслужбы отряда вместе со своими подопечными иногда были просто великолепными.

Из дневника М. Оборотова: «...Апрель 1943 года. Уже несколько месяцев связная отряда, жительница г. Мглин, по заданию командования отряда работает среди власовцев. Вчера в результате проведенной агентурной работы Грибковым, Латышевым, Коровашкиным и другими в наш отряд перешла 3 рота “добровольческого” батальона РОА «Припять» в составе 120 человек во главе с Ишенко, командиром роты, капитаном Красной Армии. При себе имеют вооружение: 2 станковых пулемета “Максим”, 8 ручных пулеметов, один 82 м/м миномет, четыре 50 м/м миномета с большим запасом боеприпасов и обоз. Вместе с ними приехали и наши связные со своими семьями: после такой работы им нельзя больше оставаться в городе...»

Одной из основных и важных особенностей боевых действий бойцов «Славного» была внезапность и тщательная подготовка к операции. Они нападали на противника, как правило, из засад. Наносили удар и сразу уходили. Лишь в исключительных случаях им приходилось драться с врагом врукопашную. Тактика внезапных, дерзких нападений и позволяла партизанам наносить врагу куда более ощутимый урон по сравнению с собственными потерями.

«13 мая 1943 г. Группа бойцов под командованием Мадэя провела операцию в деревне Влазовичи, что в 6 километрах от г. Сураж. Задача была взять, если возможно, лошадей без выстрела. В немецком гарнизоне около 100 немцев охраняли более 400 артиллерийских лошадей. Лошади находились в колхозных сараях в 200–300 м от деревни. Выставив от деревни засаду, бойцы подобрались к сараю и стали брать лошадей. Операция прошла тихо, без выстрела, и взято 49 лошадей. По открытому полю наши бойцы, имея по два коня, ехали все время рысью и галопом, меняя на ходу коней. Немцы не верили, что это сделали партизаны, т. к. партизаны в эти места еще ни разу не приходили. После установили, что

в сарае, в котором брали лошадей, было шесть немцев, которые испугались и не сделали ни одного выстрела. Командир отряда всем участникам операции объявил благодарность. Большинство партизан отряда имеют коня, что увеличивает скорость передвижения, маневренность и сберегает силы бойцов».

Эти лошади 4 и 5 июня им оченьгодились, а многим попросту спасли жизнь.

Насколько эффективно работал отряд в тылу врага, видно из доклада Павла Судоплатова руководству НКВД СССР: «...в период времени с 13 февраля по 5 ноября 1942 года отрядом "Славный" спущено под откос 13 поездов с живой силой и техникой врага, в результате уничтожено до 4000 солдат и офицеров. Подорван на mine бронепоезд, 31 автомашина, из них 14 семитонных с боевой техникой, живой силой и уничтожено до 900 солдат и офицеров. Подорвано около 12 километров железнодорожного полотна, взорвано 7 мостов, в том числе один железнодорожный. Повалено до 7 тысяч телефонных столбов. Во время засад и боев столкновений убито 465 солдат, 7 офицеров, 226 полицейских, 4 начальника полиции, сожжено 6 казарм. Расстреляны 32 изменника Родины, 9 бургомистров и старост. В качестве трофеев у противника захвачено: 4 пулемета, 65 винтовок, 22 пистолета, 1 автомат, 10 000 патронов. Составлено и отправлено более 70 разведдонесений о дислокации военных объектов противника и его коммуникациях на Брянском направлении фронта. Проводится политикомассовая работа с населением, выпущено и распространено 500 листовок, на 22 собраниях присутствовало около 10 000 человек. Потери отряда: 4 человека убиты, 3 ранены».

О героизме и непоколебимой стойкости чекистов и их добровольных помощников свидетельствуют выдержки из доклада командира отряда «Славный» А. П. Шестакова: «...Спортсмены Фролов В. и Газаев Б.,

будучи ранеными, находились в окружении, не сдались гитлеровцам, а застрелились <...>

Разведчицы Пульгуева А. и Кузовкова Е. в г. Клетня были схвачены фашистами. Несмотря на зверские пытки, они ничего врагу не сказали. Публично гитлеровцами были повешены...»

А вскоре поступил новый приказ. И после передислокации на землю Белфруси (1 мая 1943 г/) «Славный» был переподчинен НКГБ Белорусской ССР. На землях Гомельщины он действовал с 12 июня 1943 г. Основным местом дислокации отряда стал остров Веремеевка в усакинских лесах, находившийся среди болот. Отряд «Славный» вел активную боевую деятельность на территории Бельничского, Быховского, Кличевского и Березинского районов. Его бойцы наладили связи с подпольем местных городов, с партизанскими соединениями Гомельской области.

В Рогачевском районе Гомельской области против отряда немцы подготовили карательную операцию «Июньский жук». Ареной битвы стали окрестности деревень Каменка Рысковская и Перекоп.

Из дневника Оборотова: «3 июня 1943 г. в 2 часа дня отряд выступили по маршруту. По деревням раздаем газеты, листовки, проводим летучие митинги, читаем сводки Информбюро, рассказываем о жизни в Советском Союзе, призываем население к активной борьбе с оккупантами. Население приветствует нас, любит наш вид и вооружением, говорят, что первый раз они видят таких партизан. О нашем отряде здесь уже знают. Командир отряда Шестаков с группой бойцов порвал телефонную связь на линии Корма — Журавка возле д. Каменка протяжением 250 метров.

В 3 часа ночи переехали шоссе Гомель — Могилев в д. Белое Болото и остановились в д. Рысково, от шоссе в 3 км; было уже 4 июня. Отдохнув 3 часа, отряд был поднят. Раненые и обоз были отправлены в лес.

Автоматчики-пулеметчики, количеством 50 чел. под командованием Шестакова, вышли в засаду на шоссе Гомель — Могилев в деревню Белое Болото. Расположились для засады за домами, бревнами, палисадниками в деревне.

Двух человек с гранатами посадили под мост на шоссе на случай появления танков или бронемашин. Кони под охраной были оставлены 300 м в тылу. Часов в 10 утра появились немецкие автомашины. Первая машина, доехав до центра засады, стала останавливаться. Майор Шестаков в это время открыл огонь, за ним весь отряд обрушил шквал огня на немцев. Колонна шла в шесть автомашин. 3 машины, вошедшие в сектор обстрела, были разбиты и большинство немцев убито, оставшаяся часть немцев стала забрасывать нас гранатами и отстреливаться. 3 машины, не вошедшие в сектор обстрела, были также под обстрелом, после подхода отделения. Бой идет уже больше пол часа, огнем и гранатами уничтожаем немцев. Окончательного успеха пока еще не было, нам нужно было добить всех до одного немцев, чтобы взять их вооружение и боеприпасы.

Шесть разведчиков и НШ поползли по канаве к шоссе. На первой машине был установлен зенитный пулемет и сзади прицеплена 22 м/м пушка. Группа открыла огонь, под прикрытием огня разведчик Баранов вскочил в машину и открыл огонь из зенитного пулемета, одновременно разведчик Дворецкий отцепил пушку и выстрелил без наводки вдоль шоссе. Снаряд, перелетев вторую машину, попал в третью. Машина загорелась; в ней были снаряды, и сзади также была прицеплена 45 м/м (русская) пушка. Стали рваться снаряды. Наших людей осколки не поражали, т. к. лежали мы за штабелями бревен, а немцы, неся потери, стали убегать, и в этот момент отряд бросился в атаку и добил немцев. В результате засады разбили и сожгли шесть автомашин, убито 60 солдат и офицеров, 2 немца и 3 полицейских

взяты в плен. Захватили трофеи: 23 винтовки, 4 пулемета, 4 автомата, 12 пистолетов, один 50 м/м миномет и более 100 мин к нему, одну 22 м/м пушку со снарядами, взято 500 комбинезонов, около 40 пар обуви. Один миномет и 45 м/м пушка взорваны взрывами снарядов при горении машины. Захвачено много другого снаряжения и имущества.

В этом бою погиб Долгушин Саша, чемпион СССР по гребле, и Барановский из отряда Шемякина. Тяжело ранены Софийков и Хромов.

Закончив бой, двинулись к обозу, появились два немецких самолета, которые бомбят лес возле шоссе. Стоит жаркая погода, солнце печет, еще не прошло возбуждение от боя, всем хотелось пить. Население д. Рысково встретило нас приветливо, вынесли молока, квасу и воды, кто что мог, на улицу, и мы пили всё, что было, утоляя жажду. Население в нас видело настоящих партизан.

Отряд расположился в небольшом лесу, возле деревень Каменка-Рысковка, в 7–8 км от места боя. Выстроив участников засады, Шестаков объявил благодарность. О нашем бое знали уже партизаны и население.

Допросили пленных, которые рассказали, что ехали в д. Рыскова для уничтожения семей партизан, коммунистов. Им было предложено воевать вместе с нами против немцев, они отказались. После допроса немцы и полицейские были расстреляны.

Пауль Минкель, попал к нам в плен несколько дней назад, дал согласие воевать вместе с нами против немцев. Он заявил, что немецкие офицеры распространяют слух о том, что партизаны издеваются над немцами, но теперь видит всю ложь их рассказней и готов вместе с нами уничтожать немцев, хотя и одной нации с ними. Ходил Пауль свободно, под негласным надзором. Были случаи, когда он удалялся на поле, во время движения отряда, на 2 км вперед один и раздавал листовки населе-

нию. Командование решило: если уйдет к немцам, то он сам будет знать и товарищам расскажет об обращении партизан, о жизни и силе, а останется с нами, пусть воюет. Похоронили Долгушина и Барановского в д. Каменка Рысковская. При похоронах собралось все население деревни.

5 июня 1943. Встал в 4 часа утра, поднял отряд и стали подготавливаться для проведения засады на варшавском шоссе, что было предусмотрено вечером 4 июля. Над нашим расположением появился самолет-разведчик, в д. Каменка Рысковская открылась пулеметная стрельба. Выслали разведку в деревню, которая находилась около нас. Разведчиков встретили девушки около деревни и сообщили, что в деревне немцы. Разведчики убедились в правильности сведений и, завязав перестрелку, стали отходить к лагерю. В лагере были уже все в сборе. Решили переехать через ржаное поле в большой лес, что находился в 800 м. НШ с пятью разведчиками отправились разведать опушку леса. Бесперывно летает и обстреливает самолет. Перескочили поле и въехали на опушку леса, обследовали ее, немцев не было. В это время отряд стал вести бой с наступающими на лагерь немцами. Немцы окружили отряд с трех сторон, оставалось только незаметным то место, где проскакала разведка, но немцы стали сразу же закрывать этот проход. Разведчики решили вернуться к отряду и, выехав на перекопское поле, с расстояния 300–400 м были обстреляны движущейся с правой стороны колонной немцев. Мы вернулись в лес.

Отряд ведет сильный бой, горит деревня и разведка, отрезанная немцами, ничем не может помочь своим товарищам. Проехав с километр на северо-запад, остановились, выслав наблюдение на опушку леса. В 400 метрах от разведки послышалась сильная стрельба, крики. Предполагая, что немцы прочесывают лес, тронулись в путь, пробираясь по густому болотистому лесу в на-

правлении д. Свержень за Варшавское шоссе, где намечался сборный пункт отряда. Отряд вел тяжелый, неравный бой. Немцы вели наступление при поддержке двух самолетов и трех танков. Отряд держал бой в течение 4 часов, немцы и власовцы подползали на 100–70 метров и кричали, призывая сдаваться, но майор Шестаков и бойцы отвечали русским крепким матом и автоматными очередями. Один танк из трех, которые вели непрерывный огонь, наши артиллеристы подбили. На другом танке была уничтожена прислуга пушки. Пушка молчала, двигались танки и автомашины, в это время к пушке бросился наш пленный Пауль Минкель. Первым выстрелом из пушки он уничтожил автомашину со снарядами, но выстрелом из танка была разбита пушка и убит Пауль.

Майор Шестаков подготовил отряд к атаке, и сам бросился вперед с криками “вперед за Родину!”, “ура!”, и люди все подхватили, устремились вперед, ведя впереди себя сильный огонь.

Рядом с майором бежал татарин Вельшаков, который заметил, что целится в майора немец и вскоре должен произвести выстрел. Он подскочил и толкнул майора в сторону, а немец выстрелил и ранил в ногу Вельшакова. Майор невредим. Выскочив на опушку леса, отряд захватил 82 м/м миномет с минами и 10 повозок с боеприпасами и продовольствием. Как вдруг немцы бросили в атаку эскадрон кавалерии. Отряд был уже в безопасности от конницы и открыл сосредоточенный огонь по коннице. Большая часть эскадрона, подпущенная на 200–300 метров, была уничтожена, остальные, бросая лошадей и оружие, бежали. Отряд, выставив временные посты, стал готовить носилки для раненых из плащ-палаток. Находившийся на посту бывший власовец Зуев заметил двух едущих верхом немцев и, подпустив на 15–20 м, открыл огонь по всадникам. Немцы были убиты. Лошади оказались невредимыми. Взяли

оружие, документы и другое имущество. Установили по документам, что убили командующего карательной экспедицией против нас майора Аммона с адъютантом. У них мы нашли приказ на наступление на наш отряд, где говорилось, что отряд имеет численность в 600 чел., а немцы вели наступление силою до 3000 чел. В то время нас было всего 150 человек. Отряд, унося раненых, стал отходить по болоту в глубь леса.

Результаты этого неравного боя таковы: убит майор Аммон с адъютантом, свыше 200 солдат и офицеров, подбит 1 танк, сожжена 1 а/машина с боеприпасами. При этом захвачены трофеи: 1 — 82 м/м миномет, 4 автомата, 10 лошадей, 2 седла и несколько подвод с боеприпасами и продовольствием.

У нас убиты: Лептеев, Писарев, Осетров, Коняев Василий, Левыкин, Софийков. Ранены: Подвербный, Соловьев, Желанов, вторично ранен Хромов и тяжело ранены: Абашев, Уколов, Вельшаков, Себенев, Борисов.

Мы потеряли весь обоз и всю конницу, но из неравной схватки на оккупированной врагом земле мы вышли победителями. Еще раз был проверен личный состав отряда. Бойцы подтвердили свою преданность, сплоченность, высоту боевого духа и дисциплину. Отряд забрался в болото возле д. Княженка, где просидели без огня и пищи двое суток. Раненых все время носили на себе. Затем отряд прибыл в лес возле деревни Ударник.

После того жаркого боя разведчики “Славного” прибыли в д. Александровку, где их приняли за “добровольцев”, т. е. власовцев, потому что были все одеты в немецкую униформу (синие комбинезоны), с автоматами все и на немецких лошадях. Покушали и взяли немного продуктов, разведка отправилась на поиски отряда.

Все разведчики лишь говорят о том, чтобы был жив майор. Если майор погибнет, то отряд не сумеет выйти из такого положения. На опушке леса возле д. Пахарь встретили Мадэя с группой в 12 человек. Мадэй

сообщил, что половина отряда, вместе с майором, имея 5 убитых и 9 раненых, вышла из окружения, а половина отряда неизвестно где. Решили идти за шоссе Москва — Варшава к д. Свержень. В лесу, на левом берегу Днепра, возле села Кистени встретили бригаду Подолян, которые знали про наши бои 4 и 5 июля, но об отряде никаких сведений не имели».

Немцы, упустив «Славный», зверствовали. Они дотла сожгли Каменку, Рискон и Перекоп. Нелегко давалась Победа...

О том, что был такой московский герой-богатырь Александр Долгушин, семикратный чемпион СССР по гребле, жители деревни Каменка Рогачевского района Гомельской области помнят и поныне. Единственная деревенская улица носит его имя. А памятник спортсмену-снайперу из отряда «Славный», который погиб в бою 4 июня 1943 г., — в здешних окрестностях одно из самых посещаемых и забываемых мест.

Из воспоминаний местного краеведа библиотекаря Рисконской сельской библиотеки Зои Александровны Тоболич: «Не знаю, почему так, но история отряда “Славный” и моя жизнь идут параллельно. Еще в школе мы ухаживали за местами захоронениями “славнинцев”. Правда, тогда никто не знал, что это “Славный”. Просто герои войны. Однажды отец рассказал, что, подавшись в партизаны (из-за малости лет на фронт не взяли), пересекся с группой чекиста-сибиряка Анатолия Шестакова. Участвовал в нескольких диверсионных операциях “Славного”. В своих рассказах он называл их “шестаковцы”». Настоящее название отряда в те времена было тайной.

Случай, происшедший в конце 80-х, вывел Зою Тоболич на «славнинскую» прямую. Отдыхая в санатории в Пицунде, Зоя Александровна обратила внимание на пожилого мужчину, которой с одной и той же книгой в руках появлялся повсеместно. Поинтересова-

лась — что за раритет. То была документальная повесть «Юность уходит в бой». Пролистав, увидела знакомые фамилии, много раз слышанные от отца.

«Так ведь у нас похоронен Александр Долгушин!», — потрясла я и себя, и нового знакомого. Последний, к слову, объяснил, что Анатолий Шестаков спас ему жизнь».

С того момента Зоя Александровна буквально по крупицам стала собирать все, что было связано с отрядом «Славный» на рогачевской земле: рассказы очевидцев, свидетельства партизан. Из воспоминаний З. А. Тоболич: «Отряд действительно особенный. Потрясающий внутренний дух. Своих не бросали. Стояли всегда до последнего. У них был собственный боевой марш. Многие писали стихи. Все, кто прошел через “Славный” и выжил, и потом оставались по-настоящему сильными духом».

От бойцов «Славного» Зоя Тоболич впервые услышала про карательную операцию «Июньский жук» по планомерному уничтожению белорусских партизан, начало которой планировалось на 5 июня 1943 г.

Юлия Георгиевна Кутас-Холопова не любила вспоминать о войне. В партизанах недавняя школьница оказалась сразу после выпускного бала. Всю войну — боец-разведчик известнейших спецотрядов НКВД: Медведева, Кочуевского, Шестакова. Перерыв был лишь однажды — учеба в Московской парашютно-десантной школе, той самой, которую прошла и Зоя Космодемьянская.

Из воспоминаний Ю. Г. Кутас-Холоповой: «Сашу Долгушина у нас все звали Милок. Он так ко всем обращался — “милок”. В отряде даже присказка родилась: “У Милочка — два мешочка. Оба весом — два пудочка”. А потому, что у него всегда все было. Любую мелочь попроси — пуговицу, иголку — у Долгушина есть. Тяжкая была потеря».

Сегодня места последнего упокоения бойцов отряда «Славный» в Рогачевском районе под опекой УКГБ

по Гомельской области. Памятники погибшим бойцам обновлены. Встречи ветеранов, уроки мужества для школьников, торжества по случаю праздников не позволяют забыть о героях войны.

В братской могиле в деревне Перекоп покоятся: младший лейтенант Лептеев, Писарев, Осетров, Коняев, Левыкин, Софийков и другие партизаны. Есть основания полагать, что среди них немец Пауль Минкель из Дюссельдорфа, который погиб в этом же бою.

Кстати, Лептеев Иван Денисович родился в 1916 г. в д. Ильковичи Бельничского района Могилевской области. Имя его занесено на мемориальную доску УКГБ Республики Беларусь по Могилевской области в 2006 г.

Обычно в разного рода изданиях о партизанской борьбе как-то весьма лапидарно освещается такой важный аспект, как медицинское обеспечение спецгрупп. А ведь от этого существенно зависела их боеспособность в тылу врага. Характер и динамика медико-санитарной работы в отряде «Славный» видны из нескольких отчетов, в которых его командование сообщало в Центр: «...Только в течение одного дня — 1 мая 1942 года — Давыдовым было проведено 17 операций обмороженных и раненых бойцов группы Чупеева и Брянского отряда. Одна из сложнейших операций спасла жизнь партизану Никитину из Рогнединского отряда.

Кроме больницы больные и раненые партизаны многих отрядов и гражданское население обслуживались одним врачом на местах. Лишь за период с 23 февраля по 15 мая было обслужено по отрядам: Лидиновскому, Рогнединскому, Жуковскому, Чупеева и гражданского населения: раненых и обмороженных — 68; оперированных — 33; больных — 116.

В связи с возрастанием боевой работы отряда в Жирятинском районе возросло и количество раненых. Только в июле месяце 1942 г. отряд имел 8 раненых. К августу 1942 года удалось по деревням и при разгро-

ме вражеских гарнизонов собрать кое-какой хирургический инструмент для отряда. За период дислокации отряда в клетнянских лесах через отрядную санчасть прошло всего 12 раненых и 5 легко обмороженных.

Ввиду того что дислоцирующиеся в том же районе партизанские отряды: Клетнянский, Орджоникидзеградский, Зебницкого (НКВД БССР. — Авт.), Еременко, Каленченко и другие в этот период не имели врачей, они также обслуживались нашим отрядом и нашим врачом.

Так, до 4 мая по ним было обслужено 66 раненых, оперированы из которых 50, и больных более 100. В течение суток 27 апреля в бригаде только Короткова было проведено хирургических обработок и операций — 29.

В тяжелых условиях проводились даже сложные полостные операции. Кроме партизанских отрядов обслуживалось и гражданское население деревень Каменец, Мамаевка, Вормины, Николаевка и многих других.

Особо трудным моментом был выход отряда из-под Каменки Рысковской, где по пояс в болоте много километров были пронесены 7 тяжелораненых. После хирургических операций все раненые были вылечены и стали в строй».

«...В связи с боевыми операциями в Кличевском и Бельничском районах Могилевской области загрузка санчасти достигала иногда до 20 человек раненых. В период блокады в феврале 1944 года раненых приходилось много километров носить на себе.

Большие переходы по маршруту и тяжелые бои при разгромах вражеских гарнизонов в Койдановском, Ивенецком и Юратишском районах Барановичской области приносили сразу от 10 до 19 тяжелораненых. Однако здесь работа врачей значительно была облегчена возможностью эвакуации самолетом через линию фронта оперированных и обработанных раненых. Только в мае и июне 1944 года таким образом было эвакуировано 15 тяжелораненных и 7 инвалидов.

На пути следования отряда по деревням в районе Лида — Новогрудок, где в этот момент была эпидемия сыпного тифа, эпидемия вспыхнула и в отряде, когда заболели сразу 11 человек. Двух, наиболее тяжелых, пришлось оставить в местных отрядах, остальные 9 больных были перенесены на себе.

Из других заболеваний следует отметить кожные — пиодермии и экземы, особенно на ногах, и фурункулез, вызванный частыми переходами, болотами и ночевками на снегу, а также воспалением легких (10 случаев).

Наряду с работой в санчасти, врач отряда и его помощники принимали нередко непосредственное участие в разгромах вражеских гарнизонов и засадах.

Фельдшер Мельников Евгений, например, прекрасно действовал в бою у деревни Пупково, при подрыве железнодорожного моста около Жуковки, где был ранен, и на засаде в Сукремле. Героически погиб 30 декабря 1942 года во время блокады.

Врач отряда, участвуя во многих боях, особенно хорошо действовал во время засады в деревне Белое Болото, своевременно стреляя, под сильным огнем противника оказывал помощь раненым, на себе относил их в укрытое место и снова возвращался в бой...»

«...За весь период действия отряда в тылу врага через санчасть прошло всего 120 раненых:

Из них тяжело — 10, умерло вследствие тяжелых ранений — 8, эвакуировано в советский тыл раненых и инвалидов — 30, эвакуировано через медсанбат РККА — 5, встало в строй — 77, находятся на излечении — 5.

Проведено по отряду хирургических операций — 23. Случаев заболевания сыпным тифом — 11. Оставлено в других отрядах — 1. Встали в строй — 9.

Прочих заболеваний — 200. Эвакуировано — 5. Оставлено в других отрядах — 4.

За это же время оказали помощь другим партизанским отрядам, где обслужено: раненых — 139, хирургическими операциями — 90 и до 400 больных.

Обслужено больных из числа гражданского населения деревень — 90, хирургических операций — 14...»

В другом отчете указывалось: «...Силами партизанских отрядов в поселке Ивот была восстановлена больница, обслуживающая партизан и гражданское население партизанского района, не имея, однако, врачебных кадров, обслуживание ее было возложено на Давыдова. Из всех отрядов в больницу стали стекаться раненые и больные партизаны.

Недостаток медикаментов и особенно хирургических инструментов остро почувствовались, когда была привезена тяжелораненая разведчица одного из отрядов — Таня и командир Жуковского партизанского отряда Андришин. В обоих случаях требовалась срочная сложная операция. Один, наполовину импровизированными инструментами, Давыдов осуществил подобную операцию, благодаря которой Таня была возвращена к жизни...»

Трудно приходилось отряду на территории оккупированной Беларуси. Один раз для уничтожения «Славного» были брошены 2500 солдат и полицейских, 4 танка, 4 самолета, 2 отдельных кавалерийских эскадрона, 5 специальных зондеркоманд. Количество карателей во много раз превышало численность отряда. Однако бойцы с честью выходили из этих непростых ситуаций.

О тех сложнейших условиях, в которых приходилось действовать бойцам спецотряда «Славный» свидетельствует этот документ: «10 июня 1943 года. Копия Меркулову (нарком НКГБ СССР. — Авт.); подпись — Судоплатов. Из района Гомеля БССР; Шифротелеграмма получена 9. 06. 1943 г.

Текст: "...5 июня с. г. наш отряд был окружен немецкой карательной группировкой численностью до 2500 человек при поддержке трех танков, двух эскадронов кавалерии и четырех самолетов.

В результате 10-часового боя был разгромлен штаб карателей, возглавляемый майором МАНН, захвачены

документы и планы карательной экспедиции. Взяты трофеи: один батальонный миномет, два автомата, десять лошадей. Уничтожено в бою 100 человек противника. Наши потери: семь человек раненых и пять человек убитых. Прорвав кольцо блокады, отряд вышел из окружения. Шестаков”.

Примечание: отряд Шестакова численностью до 300 человек находится в чечерских лесах (севернее Гомеля) и согласно нашим указаниям вышел для дальнейшего продвижения в район гор. Барановичи.

Начальник 2 отдела 4 Управления НКВД СССР Маклярский; № 4/8/608...»

Это была подпись того самого Маклярского, который участвовал в организации не одной блестящей операции спецгрупп Четвертого управления в тылу врага. Вспомним хотя бы подготовку легендарного разведчика Николая Кузнецова, дезинформационную радиоигру на территории Беларуси против разведки Главного управления имперской безопасности Третьего рейха «Березино», связанную с якобы находящейся в советском тылу немецкой воинской частью под командованием полковника Шерхорна...

Послевоенная судьба Маклярского оказалась к нему более милостивой и благосклонной, чем к его бывшим начальникам по Четвертому управлению НКГБ СССР Павлу Судоплатову и Науму Эйтингону. А незаурядный литературный талант позволил ему стать автором ряда интересных произведений, а также сценария знаменитого фильма «Подвиг разведчика» с Павлом Кадочниковым в главной роли...

Безусловно, что без надежной радиосвязи с Центром разведывательная и боевая работа в тылу врага теряла свою оперативность. О высокопрофессиональной и качественной подготовке радистов для спецгрупп (в частности, для «Славного») свидетельствует учебная характеристика на слушателя Бойко Николая Семенови-

ча (псевдоним «Гончаров»), окончившего спецфакультет Высшей школы НКВД СССР за время с 16 октября 1942 г. по 16 января 1943 г.

«Общее образование — 2 курса финансово-экономического техникума. Политически развит хорошо. Отношение к занятиям серьезное. Благодаря настойчивости в учебе достиг хорошей успеваемости. В практической работе инициативен, работает уверенно. В окружающей обстановке ориентируется хорошо. Готов к упорной черновой работе. Дисциплинирован, исполнительен.

За время прохождения спецкурса достиг следующих результатов: прием на слух — 100 знаков в минуту; цифрового текста — 80 знаков в минуту. Передача на ключе — буквенного текста — 80 знаков в минуту; цифрового текста — 50 знаков в минуту.

Прошел эфирную практику 160 часов с оценкой “отлично”, спеаппаратуру усвоил на “хорошо”. Прослушал лекции и активно участвовал в семинарских занятиях по курсу “Великая Отечественная война и основы чекистской работы”. Изучил матчасть оружия, выполнил упражнения по стрельбе из револьвера “Наган” и пистолета “ТТ”. Военную топографию сдал на “хорошо”. Сделал один тренировочный прыжок с парашютом.

Результаты выпускных экзаменов: 1. Прием на слух — 100 знаков в минуту — “хорошо”; 2. Прием цифр — 70 знаков в минуту — “отлично”; 3. Передача на ключе букв — 70 знаков в минуту — “хорошо”; 4. Передача на ключе цифр — 55 знаков в минуту — “хорошо”; 5. Знание кода и жаргона — “хорошо”; 6. Знание спеаппаратуры — “хорошо”; 7. Эфирная связь — “отлично”.

Может быть использован на самостоятельной практической работе.

Начальник учебного отдела ВШ НКВД СССР Ягодкин; Начальник спецфакультета ВШ НКВД СССР Фомин; Преподаватель спецфакультета № 1 Коломийченков.

“УТВЕРЖДАЮ”: начальник Высшей школы НКВД СССР старший майор госбезопасности Баштаков...»

Высококласный радист Николай Бойко являлся важным связующим звеном «Славного» с Центром, ибо даже в самые трудные для отряда дни не ослабевала разведывательная и диверсионно-боевая работа, о результатах которой незамедлительно направлялись шифротелеграммы в Центр.

Только в августе — сентябре 1943-го было осуществлено 29 диверсий, ударов, засад и налетов на гарнизоны врага, взорвано 2 воинских железнодорожных состава, сожжено 5 казарм, уничтожено 6 дотов, броневик и 9 грузовиков.

С августа 1943 г. отряд «Славный» обосновался на небольшом островке Веремеевка среди реликтовых болот в не тронутых цивилизацией бескрайних усакинских лесах.

Весьма эффективно работали подрывники отряда со специальными английскими магнитными минами, их самолетами доставляли с Большой земли. Используя эти мины, они взорвали на станции Могилев четыре цистерны с бензином и нефтью, а в самом городе — казарму и телефонную станцию. На станции Вендриж были взорваны две казармы с гитлеровцами.

Хорошо владея методами оперативной работы, разведчики «Славного» налаживали связи с подпольем местных городов, партизанскими соединениями. Дневниковые записи начальника штаба М. И. Оборотова позволяют нам окунуться в эпоху войны и его глазами посмотреть на то, как это было: «15 августа 1943 г. В д. Колбча (Кличевский район) приехали изменники Родины власовцы для сбора урожая, которых насчитывалось до батальона. В другие деревни также прибыли изменники с такой же задачей ограбить партизанский район и оставить огромную партизанскую зону без продовольствия. Других отрядов не было, чтобы отбить вла-

совцев. Майор Шестаков взял только что вернувшуюся с задания группу Мадэя и сконцентрировал две 45 м/м пушки, 82 м/м миномет в д. Колбчанская Слободка. Открыли беглый огонь по д. Колбча из пушек и миномета. Майор Шестаков повел группу Мадэя в атаку на власовцев. Власовцы не выдержали и стали бежать в беспорядке. Майор в пылу боя вырвался на коне вперед и помчался за власовцами, стреляя на скаку из пистолета. Пришлось удержать Шестакова. Власовцы открыли огонь из пушек из д. Матеевичи по деревне Колбча, но мы рассредоточились, заняли оборону. Деревня была наша. Население благодарит майора за освобождение деревни. А на утро подошедшими на подкрепление отрядами Исоха и 208 партизанского полка был полностью уничтожен батальон власовцев, остановившийся в 3 км от д. Колбча в д. Матеевичи (Березинский район). Отряды уничтожили боле 200 власовцев и более 250 взяты в плен. Сожжено много автомашин и захвачены пушки, пулеметы, снаряды, лошади, обмундирование и многое другое. Дали урок власовцам. Больше они не пытаются лезть к нам.

...30 сентября 1943 года нашей агентурой на станции Могилев 15 сентября уничтожено 4 вагона с бензином и железнодорожная казарма...»

Три крупные диверсии в Бобруйске успешно провели подопечные Василия Рыкина, начальника разведки отряда. В частности, было взорвано здание на углу улиц Котельной и Луговой, в котором размещалась зенитная часть врага, при этом были убиты три офицера вермахта, пятеро солдат ранены. Четырмя сутками позже после получения разведанных прогремел взрыв на улице Пушкина. Результат — уничтожены 4 рации и 12 радиостов, 5 фашистов ранены. Михаил Плетнёв, передавший мины подпольщикам, лично уничтожил в городе большой склад лесоматериалов. Нашим партизанам активно помогали подпольщики. Квартира электрика Николая Пиневича в Могилеве была не только явочной, там на-

ходилась и склад боеприпасов. Иногда в ней скапливалось до полтонны взрывчатки и десятки маломагнитных мин.

В конце августа 1943 г. Шестаков получил задание: усилить наблюдение за магистралями Могилев — Гомель, Могилев — Бобруйск, Могилев — Березино; выяснить, какие оборонительные работы проводят гитлеровцы на реках Березина и Друть в районе Бельничей. Захватом Бельничей и уничтожением крупного гарнизона врага руководил Шестаков.

Из дневника начштаба «Славного» Михаила Оборотова: «10 сентября 1943 г. наш отряд с отрядами кличевских лесов: 208 партизанский полк, отряд Перестенко и 600 партизанский полк под общим руководством Могилевского обкома ВКП(б) совершили налет на г. Бельничу, который расположен в 30–35 км от г. Могилева в зоне шоссе Могилев — Минск. Операция была достаточно подготовлена: каждый отряд имел ясно поставленную задачу с планом города, хорошо знали расположение казарм, складов, управлений и других учреждений. На шоссе с обеих сторон выставили сильные засады и заминировали шоссе, чтобы не допустить подкрепления немцев. В одну эту же ночь били еще 6–7 крупных гарнизонов и ж/д станций, наносили одновременные сильные удары в нескольких местах по фашистским гнездам.

Когда шоссе было перерезано, приняв боевые порядки, пошли без шума в наступление с юго-восточной стороны. Без огня достигли окраины города. Левым соседом у нас был 600 п/п, правым — отряд Перестенко, 208-й п/п был правофланговым. На окраине города посты открыли панический недейственный огонь. Партизаны ответили огнем со всех видов оружия и бросились в атаку с криком «ура!» и стрельбой. Впереди всех шел помощник Шинкарев Никита. Немцы открыли огонь с минометов и в отряде были ранены: Бычков, Киселев,

Маркина Зина, Ковалев, которых немедленно перевязали, запрягли лошадь и отправили в тыл. Отряды успешно продвигались по улицам города, очищая квартиры от немцев и полиции. Особенно жестокий бой шел на участке 208 партизанского полка. На нашем участке немцы сидели в дзотах возле церкви и вели по улицам огонь. Из пушки дзот был уничтожен с немцами. Второй дзот с ручным пулеметом уничтожили брошенными гранатами Сазонкин и Бабошин. Напали на казарму власовского эскадрона, власовцы частично были убиты, частично взяты в плен, а некоторые убежали. Храбро, бесстрашно вели себя Сазонкин и Бабошин, Пинчук, Латышев, Самченко, Баштан и особенно Шинкарев, Зуев — бывший власовец. В разгаре боя за казарму был убит Шинкарев Никита, которого подобрали и отправили в тыл. Немцы вели огонь из церкви. Около 10 власовцев выбежали с РП и сдались нам с оружием. Оружия у них не отбирали, а приказали им вести огонь вместе с нами. Вели себя хорошо, впоследствии из них стали хорошие бойцы и многие из них погибли за Советскую Родину.

Бой закончился, и мы стали уходить победителями. Нашим отрядом убито около 40 изменников и полицаяев, 7–10 власовцев взяты в плен, уничтожен дзот. Сожгли конюшню, казарму двухэтажную с постельными принадлежностями и много другого имущества.

Захватили трофеи: ЗРП, 10 винтовок, 35 лошадей немецких с седлами, 10 повозок с лошадьми, 2 ящика патронов, 20 коров, отобранных власовцами у семей партизан, одежду, соль и много другого имущества. Другие отряды также захватили богатые трофеи. Около 20–25 убитыми потерял 206 партизанский полк, незначительные потери понесли отряд Перестенко и 600 полк. Ехали из боя в лагерь на конях. Население приветствовало партизан и поздравляло с победой».

Главный итог боя в Бельничках в том, что партизаны взорвали все построенные нацистами оборонительные

сооружения, а это впоследствии поспособствовало быстрому продвижению наших частей, наступающих в обход Могилева...

Из дневника М. Оборотова: «14 декабря 1943 года. Первая рота и рота отряда Перестенко под руководством Оборотова и Мадэя организовали засаду на шоссе Минск — Могилев в 2 км западнее деревни Волы. Место для засады было не совсем удобное. Т. к. лес был вырублен от шоссе кусками и все дорожки и тропинки заминированы немцами. Выставив охрану, расположились в засаду и стали ждать. День, как назло, морозный, и было холодно лежать на снегу.

За шоссе Мадэй наблюдал лично. Для удара в лесу было сосредоточено: 6 ручных пулеметов, ПТР. Шоссе просматривалось хорошо. Появилась колонна. Автомашины, свыше 50 штук, пропустили, наблюдая за шоссе. Эта колонна, проехав 1–2 км, высадила около 60 немцев, которые пешим порядком стали двигаться в нашу сторону. Впустили в расположение засады немцев, которые шли растянувшись...

На участке роты Перестенко немцы вели огонь, потому что они сразу не ошеломили немцев и не бросились в атаку. Но потом положение выправили; наши пулеметчики стали вести огонь вдоль шоссе по кюветам и березняку, затем, открыв сильный огонь, бросились в атаку и уничтожили немцев. Один немец в маскхалате лежал незамеченным и выстрелил в Мадэя. Пуля пробила брюки возле колена. Он почувствовал толчок и увидел в 5–6 метрах целившегося в него немца. Сильным рывком Мадэй выбил из рук немца винтовку и, подняв его на руках, ударил об шоссе. Немец остался жив, и его взяли в плен. С левого фланга продолжал строчить пулемет. Но он не мог причинить нам вреда.

Мы могли бы уйти, но решили уничтожить пулемет. Вступили в дуэль два пулемета: Маркова и Козолупа. Марков тяжело ранен в живот, Козолуп ведет огонь.

Автоматчик Самченко ранен в руку. Тогда Парфенов Валентин подобрался к немцам метров на 50–60 и бросил 2 гранаты в сторону немцев и быстрым рывком, под прикрытием разрывов подскочил к пулемету и расстрелял немцев из автомата.

В этом бою свыше 50 немцев убиты, 1 взят в плен. Захвачены трофеи: 15 винтовок, 1 РП, 1 автомат, 15 комплектов обмундирования и обуви. Около 30 маскхалатов.

Рота потеряла убитыми Полосухина и Маркова. Ранены: Самченко, Рыжов. Тяжело ранен Шорстов Коля. Во время боя он был послан к роте Перестенко с приказом перейти в атаку. Приказание передал и возвращался к НШ. Но забыл об инструктаже перед боем и решил перейти дорожку, ходить по которой было опасно. В результате наступил на мину, ему оторвало правую ногу.

Ивана Маркова и Ефима Полосухина похоронили в д. Глубокий Брод, в одной могиле с Шинкарёвым Никитой.

В основном все вооружение отряда состояло из трофеев, отбитых у врага. Катастрофически не хватало боеприпасов. Их экономили, выменивали у партизан других отрядов. Случалось, что не вступали в бой, стараясь как можно ближе подпустить врага, чтобы ударить наверняка...

...26 декабря 1943 года. Первая рота с Мадзем и Оборотовым выехала 24 декабря в Крупский район для заготовки продовольствия и проведения боевой операции. В отряде абсолютно нет продовольствия. Питаемся одной кониной, соли тоже нет.

26 декабря находились в д. Барсуки, где были размещены по квартирам. Часов в 7 утра в 1–2 км послышалось несколько пулеметных очередей. Оборотов вышел на улицу и выставил дополнительные посты, приказал поднять бойцов и запрячь коней.

Через 10–15 минут на опушке леса появились немцы и, развернувшись, пошли на деревню. Мы вывели из деревни обоз в противоположную от немцев сторону.

Немцы вели огонь по деревне из минометов и пулеметов. Мы, экономя патроны и боеприпасы, которых у нас в малом количестве, пока не вели огонь. Немцы засыпали нас минами. Подпустив их метров на 250–300, мы открыли огонь. Немцы стали отходить на опушку леса.

Обнаружили пулеметчика Афанюшина и открыли огонь из миномета. Свыше 20 мин разорвались около него, не причинив вреда.

У нас был миномет и одна мина. Решили выпустить ее, направив на вражеский миномет. И наша мина угодила в цель. Это, конечно, было случайностью, но одной миной разбит миномет. Немцев было около 400, и они стали окружать деревню. Так как бой длился уже полтора часа и они не могли добиться никакого успеха, наступая в лоб. Мы, чтобы не попасть в окружение без боеприпасов, стали отходить, прикрываясь огнем. Одна обходная немецкая группа уже заходила к нам в тыл, но ее отогнал сильным огнем Пинчук с 10 бойцами. С первым взводом, который отходил последним, отходил и начальник штаба Оборотов. Вражеская мина 82 мм миномета упала в 2 метрах от него. Но не разорвалась. Мы счастливы. У нас ни одного даже не царапнуло.

В этом бою уничтожено 7 и ранено 12 немцев. К тому же немцы и полицаи в деревне Ухваты не застали ни одного жителя: все они ушли в лес. Враги стали грабить деревню. Перестреляли кур, кабанов. Забрали одежду, даже постилки и горшки с едой, которые достали из печей. Часа через 3–4, когда они покинули деревню, мы вместе с жителями вернулись. Взвод Шурупова с отрядом Изоха принял участие в разгроме Кличева...»

Конечно, партизанская жизнь была полна смертельной опасности. Очень часто не хватало еды, но на этот

случай у «Славного» были неплохие агентурные позиции в рядах гарнизонов врага: «31 декабря 1943 года. Начальник гарнизона в деревне Вятеевка был связан с партизанским отрядом, у нас находился его родной брат. Гарнизон состоял из 60–70 человек. С сильным вооружением. Часть полицейских согласились перейти на сторону партизан и с помощью партизан уничтожить убежденных полицейских, которые были настоящими врагами партизан и Советской власти.

Вызвали на связь начальника полиции, он сообщил, что в гарнизон на подкрепление прибыли немцы. Договорились о том, что они впустят нас через свои посты в деревню и покажут хаты полицаяв, которые не хотят переходить на сторону партизан. Войдя в деревню, выставили засаду от гарнизона немцев и полиции и взяли в семьях полицейских хлеба и мяса. Немцев мы не могли бить, потому что не было, совершенно не было патронов, а немцы имели хорошую, укрепленную крепость, которую можно взять только путем договора или разбивать с помощью орудий. Выехали благополучно из деревни и направились в партизанскую деревню Тильковка».

1944 г. «Славный» встретил «салютом» и боевыми партизанскими буднями. Партизанская жизнь всегда была полна смертельных опасностей. В начале 1944 г. «Славный» вновь оказался в блокаде и вновь вступил в открытые бои с подразделениями нацистских оккупантов. Отряд оперативного назначения, используя в этой ситуации лошадей, которых захватили при разгроме гарнизона в Бельничках, маневрировал по окрестностям, нанося противнику ощутимые неудобства и потери.

Как уже отмечалось, важным элементом в деятельности спецгрупп являлось поддержание устойчивой радио- и иной связи с Центром. Но бывали в этом деле и досадные сбои, о чем свидетельствовала шифротелеграмма № 79 от 10 января 1944 г. майора Шестакова:

«По просьбе Могилевского обкома сообщаю следующее. При Могилевском обкоме КП(б)Б есть оперативно-чекистская группа, которой руководят тов. Стельмах и Лебедев. Они имеют ряд документов и материалов, однако указаний о работе ни от кого не получают. Часть документов направлена в Белорусский штаб партизанского движения.

Резолюция наркома НКГБ БССР Л. Цанавы от 12.01.1944 г.: “4-е Управление — срочно доложить!”

Указание нач. 4 Управления тов. Спирина: дать тов. Шестакову необходимые указания; документ в дело группы...»

Однако вернемся к дневнику М. Оборотова: «В честь Нового года немцы в 24-00 15 минут вели огонь из всех видов оружия во всех гарнизонах. Продуктов у нас теперь достаточно и могло хватить на 15–18 дней. Погода установилась, но, вероятно, ненадолго.

22 января 1944 года. Прибыл из-под Быхова командир взвода разведки Бухман, он вел разведку Быхова. 24 января 1944 года. Прибыл связной Званский от ком. 1 роты Мадзэ и сообщил: 17 января на шляху Погост — Вяшевка напротив деревни Фрайгант, была организована засада на немцев силами 20 человек. Шел немецкий обоз из пяти подвод. Огнем из засады убили 7 немцев, но пришлось отойти, т. как пришло подкрепление. С каждым днем становится все труднее производить засады, немцы не ездят, как раньше, малыми группами, без особой нужды не “вылазят” из гарнизонов, по которым мы не в силах бить без пушек. Поэтому приходится выслеживать немцев по несколько дней и бить из засады, которая дает больше преимуществ партизанам перед немцами и эффективнее: уничтожаем немцев, берем трофеи, а сами редко имеем потери.

21 января 1944 года. Оставив в лесу роту, Мадзэ и Борзухин вышли на разведку шляха Денсовичи — Ухвала с целью организации засады. Подойдя к дороге,

увидели обоз из 7 подвод. Мадэй и Борзухин открыли огонь по немцам, бросились к дороге и захватили две подводы с продовольствием, где было пудов 30 хлеба и 100 кг соли. Что было для нас весьма кстати, соли был большой недостаток.

Мадэй часто рискует собой, сам ходит в опасные разведки, сам наблюдает за шоссе, иногда подолгу лежит один в кювете.

27 января 1944 года. Обстановка вокруг нас изменилась. Немцы крупными силами стали занимать деревни, расположенные по реке Друть (Техтин, Сермяженка и др.), тем самым рассекли партизанские отряды Могилевского района с кличевскими партизанами. С другой стороны заняли деревню Дулебы, подойдя вплотную к кличевскому лесу.

Ведем усиленную разведку, выясняем обстановку. С этой целью выехал майор к Перестенко в Глубокий Брод. А комиссар Пегов в обком партии. Над лесом беспрерывно кружатся немецкие самолеты. Прибыла в лагерь первая рота и привезла мясо и хлеб...

8 февраля 1944 года. Обстановка вокруг нас быстро изменилась: немцы в 2 ночи со стороны г. Бельничичи заняли д. Маковка, Семиковка, Заполье. В 16 00 немцы прошли через Глубокий Брод, Рубеж и заняли Аксеньковичи. Со стороны Чечевич немцы заняли Заличинку и Долгое. Ввиду совершенного отсутствия боеприпасов партизаны не могут держать оборону. Немцы ведут наступление с разных сторон. Ведем разведку. Рота Мадэя еще не пришла. Летает и обстреливает немецкий самолет «стрекоза».

В лагерь к нам съехались тылы отрядов Бельничичской военно-оперативной группы. Выслали наблюдение в д. Усакино и Дубно.

9–10–11 февраля 1944 года. Ведем по всем направлениям усиленную разведку. Немцы заняли деревни Аксеньковичи, Сермяжинка, Ядреная Слобода и др. Летает «стрекоза», обстреливает и бомбит.

12 февраля 1944 года. Два немецких самолета «стрекоза» бомбили и обстреливали наш лагерь. Жертв нет, весь личный состав был выведен заранее в лес и рассредоточен. Убита в лагере лошадь.

Решили выехать из лагеря и маневрировать по деревням. Обстановка усложняется. Сильные немецкие отряды по 1000–1500 ч с сильным вооружением. Кочуем по деревням, не останавливаясь долго на одном месте. Мы заминировали весь лагерь и выехали в д. Журавок, где было пока спокойно. Мадэй вернулся с операции.

13–14 февраля 1944 года. Ведем по всем направлениям усиленную разведку. Немецкие самолеты летают над партизанскими лагерями и деревнями и бомбят. Нас пока не обнаружили. Соблюдаем строжайшую маскировку. Днем по деревне нет никакого движения. С Аксинькович и Сермяженки немцы перешли в Заполье и Добриловичи. Решили нанести удар по немцам. Но операцию не удалось провести, т. к. пришло к ним большое подкрепление...»

На уничтожение Кличевской партизанской зоны было брошено до 60 тыс. немецких солдат и офицеров. Блокада была долгая и тяжелая. Были потери со стороны партизан и больше со стороны немцев.

Кровь стынет в жилах, когда читаешь в дневнике М. Оборотова такие строки: «Мурашкин Павел убит 19 февраля в лесу возле д. Осовцы. Немцы издевались над трупом: все лицо было изрезано ножами. Глаза проколоты, руки, ноги порезаны, выкручены, череп снесен, нос отрезан. Не забыть немецких зверств!»

Вот почему у бойцов «Славного» было правило: никогда и не при каких обстоятельствах не покидать раненых и убитых товарищей на поле боя. И они, рискуя жизнью, во что бы то ни стало, старались его выполнять.

Из дневника М. Оборотова: «25 февраля 1944 года. Только пришли в лагерь и стали слушать радио, передали неожиданное, радостное известие: на нашем участ-

ке фронта, в 30–40 км от нас, Красная Армия прорвала немецкую оборону и освободила город Рогачев. Нашей радости не было конца. Партизаны повеселели, дух поднялся. Красная Армия заняла знакомые нам деревни: Озеране, Слобода, Родомысличи и другие.

26 февраля 1944 года. Послали группу 13 человек во главе с Плетневым к линии фронта. Наши ожидания были пока напрасны. Кр. Армия остановлена на занятом рубеже, а в нескольких местах отошла на 5–6 км, в этих боях несколько десятков красноармейцев попали в окружение. Их взяли в партизанские отряды. К нам в отряд прибыл мл. лейтенант Волосович. Тоже из окруженцев. С Красной Армией упрямились соединиться: отряды Сухова, Лебедева, Грицана, Михайлова...»

Тем временем шифротелеграмма из Центра от 4 марта 1944 г. категорически требовала: «...Исходящей ш/т от 14.03.1944 года корреспонденту № 1 Шестакову по его телеграмме относительно выхода на соединение с частями Красной Армии сообщаю следующее:

1. Выход оперативной группе на соединение с Красной Армией категорически запрещен.

2. Сообщаю, что дополнительно сбрасывается груз, с получением которого Вам надлежит с группой немедленно передвигаться в Барановичскую область в район Лиды или Слонима в зависимости от обстоятельств на месте. Задачи остаются прежние.

Дополнительные указания получите по прибытии к месту новой дислокации.

3. Раненых, больных, слабых и уставших возглавить проверенной группой работников с задачей их выхода на соединение с Красной Армией.

Предложено телеграфировать количество работников, направляющихся в Барановичскую область и за линию фронта.

Одновременно сообщаю, что груз будет сброшен 16 марта, причем, если груз в это день не позволит вы-

бросить погода, предложено ждать груз каждый день с выброской его по старым сигналам.

Ст. оперуполномоченный 1 отделения 1 отдела 4 Управления НКГБ БССР лейтенант госбезопасности Железников...»

Новый приказ, поступивший из Москвы, свидетельствовал прежде всего о том, что территория, на которой находится «Славный», вскоре будет освобождена советскими войсками. Это, конечно, всех радовало. Но к этому примешивалась и грусть: «Славному» вновь предстояло удаляться от фронта.

31 марта 1944 г. в заявке на получение вооружения для выброски оперативно-диверсионной группе НКГБ БССР «Славный» руководителя группы Шестакова за подписью наркома Л. Цанавы указывалось: «...ОСНОВАНИЕ — распоряжение наркома.

Вооружение: тол — 120 кг., мин «МЗД-4» — 50 шт., мин «МЗД-5» — 50 шт., патроны к «ППШ» — 2 ящ., патроны винтовочные (бронепробойные) — 2 ящ., гранаты «Ф-1» — 3 ящ., капсули-детонаторы «ГРТ-8» — 100 шт., упрощенные взрыватели — 100 шт.

Начальник 1 отдела 4 Управления подполковник Пикалов

«СОГЛАСЕН»: начальник 4 Управления НКГБ БССР майор Дечко...»

Однако вернемся к дневнику отряда: «24 марта 1944 года. При разведке д. Рубеж из засады убит разведчик Панькевич и 2 партизана отряда Перестенко.

В соответствии с приказом майора Шестакова № 21 по отряду, расстреляны за мародерство и в братской могиле похоронены партизаны: Яцкевич, Найхсмарь, Красовский, Силков (из числа местных жителей, вступивших в отряд. — *Авт.*)».

1 апреля 1944 г. кличевские партизаны провожали «Славный» на запад, в новый боевой рейд: «...В 11-30 отряд был выстроен в полном составе. 370 человек, хо-

рошо вооружены, бойцы и командиры имеют большой опыт партизанской войны. Смелые, храбрые, преданные Родине. Одним словом, с такими людьми не пропадешь в самых сложных переделках.

Вооружен отряд, как говорят, “правильно”. Рота имеет свыше 20 ручных пулеметов, миномет, ПТР, до 60 автоматов. Таких отрядов, как наш, были единицы, а в кличевских лесах — единственный. При переходе линии фронта имели всего один ручной пулемет да 5–6 автоматов. Вооружились мы так сильно за счет немецких трофеев. Более 30 пулеметов выменяли на патроны. Командование уверено в своих подчиненных и пользуется авторитетом. Выстроив отряд, майор Шестаков выступил с краткой речью: “Товарищи, мы уходим выполнять правительственное задание дальше на запад. Будут трудности и лишения, на пути придется вести бои и сталкиваться с неожиданностями. Кто чувствует себя слабым, больным и не сможет вынести трудности перехода, лишений и голода — прошу выйти из строя». Но люди стояли как вкопанные. Они готовы с таким командиром на все. У Шестакова на глазах появились слезы, слезы гордости за ребят, которых он воспитал. И теперь ему предстояло выполнить это задание со своими воспитанниками. Отряд вытянулся в походную колонну. Впереди конный взвод разведки. Командир 760 партизанского отряда Перестенко выстроил свой отряд и подал команду баянисту Быкадорову, он заиграл марш шестаковцев, и наш отряд стал проходить мимо строя. Командование простилось с отрядом Перестенко и командиром. Отряд пошел. Но трудно, очень трудно оставлять своих боевых товарищей и лес, из которого мы провели столько славных набегов. Личный состав отряда бодр, весел. Идем налегке. Груз весь лежит на подводах. Часам к 8 вечера прибыли в д. Колбча, пройдя 25–30 км, и остановились ночевать. В этой деревне встретили партизан из-за реки Березина, которые рассказали, что обстановка за Бере-

зиной намного ухудшилась, т. к. немцы заняли ряд деревень, в которых разместили свои гарнизоны».

Совместные боевые операции, потери и победы сроднили бойцов. М. Оборотов пишет о минутах расставания: «А как каждому из нас хотелось остаться здесь, в этом лесу. Ведь всего в 30–40 км от нас стоит наша освободительница, Красная Армия. Нам все время приходилось отходить на запад вместе с отступающими немцами. Таков приказ. А мы лелеяли надежду здесь соединиться с Красной Армией и вздохнуть полной грудью, войти в город, проехать на автомашине или поезде. Отдохнуть, раздевшись, в постели, без постов и разводящих. Но нам доверяет командование и надеется на нас. Нам дали задание, и мы должны его выполнить».

5 апреля 1944 г. В 12.00 вышли по маршруту дальше на Запад. День был прекрасный: чувствовалась во всем весна, солнце грело по-весеннему; снега уже не было, и только кое-где лежали серые грязные клочья. Идем таким же порядком, как и раньше, растянувшись на 1,5–2 км. Разведка и боковое охранение на конях. Идти тяжело, но все бодры, радуются весне, солнцу. Население встречает приветливо, смотрят на наш отряд с некоторым удивлением. Много они видели партизан, но таких, как мы, не видели. Дисциплина воинская, хорошо вооружены, одеты и обуты в немецкое обмундирование, и люди, как на подбор: здоровые, рослые, веселые. К вечеру достигли д. Усохи, где остановились ночевать. Деревня стоит в лесу на болотистой местности. По дорогам и в деревне грязь непролазная. Часть хат сожжена. Разместились по 15–20 человек. С продуктами также плохо. Здесь встретили группу Виницкого, который был с нами под Могилевом и ушел раньше нас на запад. Вечером с Василием Васильевичем и Пеговым В. С. Оборотов ездил в партизанскую бригаду Корешкова, где уточнили обстановку, договорились насчет проводников для дальнейшего движения и перехода ж. д. Минск — Бобруйск.

Наметили участок на ж. д., где удобнее всего перейти. Интересуются нашим отрядом.

14 апреля 1944 года. Переехали в д. Поречье, где расположились более удобно и лучше, чем в д. Селище. С нашим отрядом движется группа Веницкого. Майор Сорока также получил приказ о выходе на запад. Его отряд будет идти с нами.

В д. Поречье есть церковь, которая работает нормально. К майору Шестакову приходил священник, который просил, чтобы были пропущены верующие из соседних деревень партизанского района в церковь под пасху и в день пасхи. Его просьба была удовлетворена, и личный состав был предупрежден о том, чтобы никто не чинил препятствий свободному проходу верующих. Возле церкви выставили посты, чтобы дать в полном спокойствии провести церковную службу. Население вместе со священником было довольно таким обхождением. Часть продуктов, собранных священником в церкви, было передано нашему отряду. А деньги на самолете отправлены в фонд помощи Красной Армии. В д. Поречье ночевали три ночи, хорошо отдохнули. Дорога стала лучше, подсохло...»

Нелегким был путь на запад. На многих участках дорог нацисты производили оборонительные работы, и партизанам нередко приходилось вступать с ними в бой. Зато эти встречи позволяли безошибочно угадывать, на каких участках фронта оккупанты особенно боятся прорыва советских войск, где сосредоточивают резервы для ответных ударов. О своих наблюдениях и выводах руководство отрядов регулярно сообщали в Центр.

Обходя столицу Беларуси, «Славный» приблизился к железной дороге Минск — Барановичи. К середине мая 1944 г. вышли на реку Исlochь, а точнее — в район Налибокской пуши.

Успешным продвижением по большому и сложному маршруту «Славный» был во многом обязан местным партизанам и отрядам из состава ОМСБОН НКГБ СССР, в разное время заброшенным в тыл врага. Некоторые из них — «Победа» лейтенанта Ивана Кузина, «Местные» подполковника С. А. Ваупшасова, «Неуловимые» М. С. Прудникова. При отправке на задание эти отряды насчитывали всего по 30–50 человек. А здесь, в тылу врага, они превратились в мощные партизанские бригады...

Чем меньше у врага оставалось захваченной территории, тем сильнее он ожесточался. Особенно тяжелыми оказались бои «Славного» с гарнизонами противника, расположенными в деревне Новоселки и местечке Камень, на пути к Ивенцу и Воложину.

«...Рота Мадэя ночью с 8 на 9 мая 1944 года разбила сильно укрепленный гарнизон немцев и полицейских при немецком хозяйстве в д. Новоселки. Лил дождь, рота двигалась в полном молчании, не производя шума. Из расспросов населения установили, что гарнизон сильно укреплен. Два двухэтажных каменных дома с другими постройками окружены в 2–3 метра высокой стеной толщиной в 2–3 метра. Стена деревянная, между бревен насыпано 2–3 метра земли. По углам стояли дзоты, опутанные колючей проволокой. Ворота на ночь запираются. В середине двора также имеются дзоты. Немцы и полицаи были до некоторой степени беспечны, так как надеялись на сильные укрепления. Партизаны гарнизон не тревожили, и они чувствовали себя полными хозяевами. Да и близко, всего в 7 км, находился г. Дзержинск, где стояли крупные немецкие силы.

Все обдумав и взвесив, Мадэй решил разбить гарнизон, противопоставив немецким укреплениям внезапность, отвагу и смелость своих бойцов-партизан. По дороге из д. Новоселки на г. Дзержинск была поставлена засада с задачей не допустить в случае затяжного боя

немецкого подкрепления и уничтожить прорвавшихся из гарнизона немцев. Ночь, темно, дождь. Рота идет. Настроение в предвидении скорого боя приподнятое.

Бесшумно подошли к укрепленной стене и дзотам, в которых не было немцев. Они спали в казармах, возле которых стояли часовые. Расположились вдоль стены, направив оружие на окна. Около 15 самых отважных бойцов, вызвавшихся добровольцами, были собраны под командование помкомроты Шурупова возле ворот для штурма. Они должны были сломать ворота и ворваться в немецкие дзоты, что во дворе, и в казармы, чтобы не выпустить немцев из казарм. Все готово. Как долго идут минуты, секунды. Ждут, замерли. Мадэй пустил ракету в окна, и рота открыла убийственный, ошеломляющий огонь по окнам, дверям, двору. Штурмовая группа сломала ворота и бросилась внутрь двора, занимая дзоты и выходы из казарм. Начались схватки с немцами. Рота рванулась во двор, на казармы. Немцы отчаянно сопротивлялись, схватывались врукопашную. Старый партизан нашего отряда Кулибаба, которому было более 50 лет, передвигался возле стены вдоль казармы. Из-за угла неожиданно выскочил немец и хотел ударить прикладом автомата Кулибабу, но он пригнулся, и немец ударил автоматом о стену, сломал приклад. Кулибаба бросился на него и повалил на землю. Немец крутился. Вертелся, кусался, бил ногами и головой, но боец прижимал его к земле. Подбежали на помощь другие бойцы отряда, и немец был взят живым в плен. Он оказался комендантом гарнизона по фамилии Цейнтрубе. В другом месте схватили полицейского Гаспировича. Рота овладела нижним этажом, но немцы засыпали бойцов со второго этажа гранатами, бросая их в специально сделанные отверстия в потолке первого этажа. Бой шел в темноте в комнатах, коридорах. Второй этаж взят. Наши бойцы успешно уничтожают немцев. Среди наших бойцов есть раненые.

В это время засада открыла огонь. Оставалось 10–15 минут до отхода. Специально выделенные бойцы бросились к конюшням, где взяли 20 лошадей и 26 коров, которых немцы отобрали у населения. Захвачены трофеи: 1 ручной пулемет, 7 винтовок, 1 автомат, 4 пистолета, 410 патронов, 13 немецких костюмов, 18 шинелей, 7 пар обуви.

У нас убит старый партизан-минер Коробицын, проделавший путь с отрядом из брянских лесов. Тяжелораненых нет. Средней тяжести ранения получили: Борисов, раненный в партизанах в четвертый раз, Столяров, Зиновьев, Пинчук, Любанов, Карещкий, Шандаревич, Храпилевский. Многие получили по несколько осколков, но ходят и чувствуют себя нормально: Ноздрим, Шурупов, Мерзляков, Заботин, Коцарь, Парфенов, Болтнев, Кондрашев, Терехов, Шейнгарт. Успех операции зависел от храбрости бойцов и сильного автоматического оружия. Особенно отличилась штурмовая группа под командованием Шурупова, которая больше всех понесла потерь в раненых. Вооружение у нас было сильное. Достаточно сказать, что в этой только роте было 24 ручных пулемета, ИТР, миномет и около 70 автоматов.

Рота соединилась с отрядом в д. Валовники. Этой операцией доказали, что никто не может противостоять храбрости и натиску наших партизан. И главное, не давать покоя немцам, постоянно, в любых условиях, уничтожать их, тревожить.

Слух о разгроме гарнизона далеко разнесся за пределы Дзержинского района по деревням и партизанским отрядам. Население радостно встречало героев боя. А жители брянских лесов говорили, что это наши, брянские, гордясь нашим отрядом.

13 мая 1944 года. Отряд, с помощью отряда Сталинской бригады, за исключением раненых и больных, выехал под вечер на разгром гарнизона польских легионеров в м. Камень. Раненые отправлены в лагерь Сталинской бригады.

Вышли уничтожить гарнизон и отомстить за деревню Великое Село. Гарнизон этот не давал прохода партизанским разведгруппам и диверсионным группам, постоянно устраивал засады на наиболее вероятных путях движения партизан. Принимать открыто бой с равными силами партизан польские легионеры не решались (очевидно, именно таким образом «храбрые тихотемные» проявляли свою активность в борьбе против нацистских оккупантов, безжалостно уничтоживших в 1939-м их польскую государственность. — Авт.). Наши отряды двигались в полном молчании, обходя гарнизон со стороны леса с целью отрезать его от г. Ивенец.

Гарнизон польских легионеров размещался возле костела, кругом которого были дзоты и каменная стена. Главный удар наносила 2-я рота нашего отряда, наступая на кладбище и костел. Первая рота наступала левее второй на волостное управление, школу, маслозавод. Ввиду того что у сталинцев было недостаточно боеприпасов, то они наступали только на дома, где могло оказаться несколько легионеров. Выставили две засады, чтобы не дать возможности противнику получить подкрепление. Первая засада со стороны г. Ивенец была расположена в лесочке на большаке Камень-Ивенец, то есть на главном направлении. В засаде был 4 взвод 1 роты.

2-я засада расположилась со стороны д. Старинки. В засаде была рота сталинцев. Наступление повели со стороны райцентра Ивенец в 3 часа 30 минут 14 мая 1944 года. Шли в цепь, молча подбираясь поближе к гарнизону.

При подходе к кладбищу легионеры открыли огонь по 2-й роте. Отряд открыл мощный огонь и, стреляя на ходу, с криками «ура!» бросился на гарнизон. Легионеры, застигнутые врасплох, несмотря на их большую численность, не смогли оказать везде организованное сопротивление. Сопротивления первой роте не было, а вот вторая рота вела сильный бой, а возле костела схватка была врукопашную.

Помощник командира роты Диваков продвигался вдоль ограды к костелу, как вдруг из-за угла на него напали два легионера и стали выхватывать оружие, Диваков отбивался ногами, руками, не выпуская оружие. В это время на помощь командиру роты подскочил Башкиров и в упор расстрелял легионеров. Башкирова ранило в спину очередью, выпущенной из-за стены, и его стали оттягивать назад.

Первая рота зашла во фланг противнику и, очищая квартиры от легионеров, стала двигаться к костелу на помощь второй роте. Пулеметчик Наздрин и Соловьева в одной из квартир взяли в плен трех легионеров.

1 рота вскоре овладела стеной у костела с южной стороны. Уничтожено несколько легионеров и захвачены трофеи. В это же время 2-я рота, уничтожив противника на кладбище, уничтожив несколько дзотов, овладела костелом с северной и восточной стороны. Легионеры вели огонь из костела, но мы заставили их замолчать, обрушив лавину огня. От пуль, взрывов гранат и снарядов загорелась деревня. Был сильный ветер и много домов сгорело.

В этом бою уничтожено свыше 90 польских легионеров, 12 были взяты в плен. Захвачены трофеи: 2 станковых пулемета системы «Максим» с лентами, 2 РП, 20 винтовок, 10 мин к 50 м\м миномету, 2000 патронов, пистолет, 15 пар обуви, обмундирование, а также большой продовольственный склад, где было масло, мед, конфеты, водка и другое. Захвачено у легионеров 20 лошадей и 20 коров, в горевших домах сожжено много боеприпасов. Убили заместителя командира легиона. Отомстили за Великое Село.

Потери понесла исключительно 2-я рота. Она наступала на самом трудном участке. Это самая большая потеря за всю партизанскую жизнь в нашем отряде. Даже в периоды полного окружения не было таких потерь. Произошло это потому, что были сильные укрепления

и легионеры оказали сильное сопротивление у костела. Большинство убитых — это новые, недавно пришедшие бойцы отряда. Для некоторых это был первый бой. Убиты: Мерза, Варламов, Аомов, Громов, Храменков. Убитые похоронены в гробах и с воинскими почестями на хуторе Усса Ивенецкого района, в 5–6 км. от деревни Налибоки.

Ранены: Ковыляев, Плетнев, Панин, Дрогунов, Чердниченко, Халамов, Пирожков, Башкиров, Кацко, Козленков, Курлапов, Тетюшев. Сравнительно легко ранен Пирожков, остальных тяжелораненых отправили на самолетах в Советский Союз.

Слава о нашем отряде разнеслась по всем уголкам пуши. К нам в отряд приезжали партизаны за 50–60 км, чтоб поблагодарить нас за разгром гарнизона польских легионеров и просили поделиться опытом ведения боев. Все предлагали идти в район расположения их отрядов, где много работы. Мы были заслуженными героями.

Большую помощь раненым оказала Сталинская бригада и Барановичский подпольный обком партии, так как именно они поспособствовали переправе раненых на самолете, который был прислан в его распоряжение.

Своим поведением и боевыми успехами мы завоевали авторитет среди местного населения, которое стало уважительно относиться к партизанам нашего отряда.

Враги тряслись и боялись нашего отряда. Среди них разнесся слух, что крупный отряд пришел из брянских лесов. Мы еще раз дали пример местным партизанам, как нужно воевать. Им было не по себе, и они стыдились нас, так как гарнизон стоял уже давно и причинял им много вреда, а они не смогли разбить его, несмотря на крупные силы. Мало инициативы в местных партизанских отрядах».

Вражеский гарнизон в местечке Камень, как и накануне в Новоселках, был полностью разгромлен. Эти две дерзкие операции, последовавшие одна за другой, вы-

звали среди нацистов переполох. Чтобы покончить со «Славным», они бросили против него батальон солдат из Ивенца на автомашинах и кавалерийский эскадрон из Старинок. На дороге между местечками Мазулевщина и Кралевщина каратели с ходу атаковали отряд. Однако командир «Славного» майор Шестаков уже знал об их приближении, успел не только выбрать выгодный для обороны рубеж, но и правильно расположить огневые средства. Бойцы открыли по оккупантам дружный огонь из пулеметов и противотанковых ружей. Те не ожидали такого отпора и повернули назад. На поле боя осталось несколько подбитых автомашин, более десятка оседланных лошадей, немало убитых и раненых немцев.

У «Славного» в этот раз потерь не было. Но раненых прибавилось. Теперь они еще больше затруднили дальнейшее продвижение отряда. Командир принял решение возвратиться в Налибокскую пушу, чтобы дать передышку личному составу и попробовать эвакуировать тяжелораненых бойцов. По договоренности с партизанской бригадой имени Сталина, которая располагала полемым аэродромом, организована эвакуация раненых. Особенно сильно беспокоило состояние потерявшего зрение Владимира Клименкова и Дмитрия Халамова, у которого началась гангрена обеих ног.

Вскоре отряд принял первый самолет. Потом второй, третий... В течение нескольких ночей удалось отправить на Большую землю не только всех раненых и больных, но и несколько женщин и стариков. Эта помощь оказалась очень своевременной. Едва была выполнена поставленная задача, как поступило указание Центра — отряду выйти в треугольник железных и шоссейных дорог, связывающих Молодечно и Лиду с Каунасом.

В сложившейся ситуации каждый новый шаг в глубь территории, занятой врагом, становился все труднее. К середине лета 1944 г. протяженность коммуникаций противника еще больше сократилась, и он усиленно их охранял.

По решению Центра отряд поначалу разместился в деревне Ягодень Бакштовского сельсовета. Надо было подождать до тех пор, пока подчиненные подполковника В. В. Рыкина не разведают и детально не изучат новый маршрут.

Из разных источников становилось известно, что в войсках противника, расположенных в Минске, Барановичах, Лиде, Молодечно и Гродно, наблюдается нервозность, граничащая с паникой. Она была вызвана не только поражениями оккупантов на фронтах, но и резким усилением активности партизан, особенно на коммуникациях.

Немецко-фашистское командование спешно принимало спасительные меры. Южнее Минска и под Слуцком оно бросило против партизан крупные силы регулярных войск, танки и авиацию. Спецотряду приходилось беспрестанно маневрировать...

Тем временем Центр требовал от командира «Славного» решительных действий, о чем свидетельствовала шифротелеграмма от 14 мая 1944 г.: «На Вашу телеграмму от 12 мая с. г. сообщаем:

1. Для передислокации Вашей группы мною был предназначен Вам район Лиды, между тем из Вашей телеграммы не видно, какого района Вы достигли. Если в район своих действий Вы не прибыли, то Вам надлежит немедленно двигаться в назначенный Вам пункт.

2. Груз для Вас подготовлен и будет выброшен по получении точных данных с обозначением площадки и сигналов, только при условии Вашего прибытия на место.

3. По получении груза в районе Вашего действия широко разверните диверсионную работу по железнодорожной магистрали Лида — Гродно, Лида — Молодечно, Лида — Барановичи, Лида — Вильно и шоссейных дорогах в районах этих пунктов.

4. В агентурной работе по оккупированной территории Белоруссии ставлю Вам задачу:

Внедрение квалифицированной агентуры в белорусские и польские националистические организации, проникнув в их руководящие центры для разложения и разработки. Внедрение нашей агентуры в разведывательные органы противника для выявления немецкой агентуры на месте и засылаемой в Советский Союз.

Приобретение агентуры в формируемых немецких частях «Белорусской краевой обороны», «Русской освободительной армии» и полицейских гарнизонах для разработки этих формирований, разложения солдат и офицеров и перевода их на сторону партизан.

Выявление через агентуру предателей, изменников, немецких ставленников и другого антисоветского элемента.

5. Засылка строго проверенной и надежной агентуры на собственную территорию (Польши и Германии) для создания там резидентур, диверсионных групп, продумав и обусловив связь с засылаемой агентурой через специальных курьеров. Как один из каналов для засылки используйте насильственную отpravку мобилизованных и эвакуацию населения на территорию Польши и Германии, проводимую немцами.

Этой агентуре дайте указание, что после освобождения территории Белоруссии в случае потери с ними связи они могут явиться на нашу территорию в ближайший орган НКГБ для последующей связи с НКГБ БССР.

На каждого агента, засылаемого в Польшу и Германию, оформляйте личные дела с приложением письменных заданий и обусловленной связи, которые при первой возможности специальным нарочным высылайте нам. В случае угрозы захвата противником — уничтожить.

6. Для усиления агентурной работы Вам с группой будет командирован оперативный работник.

Привет. Фомич (это псевдоним Л. Цанавы. — Авт.)...»

И пока Василий Рыкин со своими помощниками отыскивал новый маршрут, бойцы отряда успешно соверши-

ли несколько налетов из засад. Около села Вишнево они подбили и сожгли четыре автобуса с летным составом, возвращавшимся из Воложинского дома отдыха, а также легковой автомобиль с пятью офицерами.

Но этот успех мало обрадовал командира. Его тревожило одно: почему отряд до сих пор не сумел перейти железную дорогу. И без того немногословный, Анатолий Петрович замкнулся в себе, сделался угрюмым, стал сам выезжать на операции, даже на такие, которые совершенно не требовали его личного участия.

Однажды один из командиров, находясь в засаде рядом с майором Шестаковым, вдруг заметил, что от сильного нервного перенапряжения у него начался бред. Сразу же были взяты для охраны несколько бойцов, и больного эвакуировали в Ягодень. Там составили срочную радиограмму в Центр и запросили самолет. Но Шестакова не пришлось эвакуировать: наступила трагическая развязка.

«Сколько замечательных людей, в мирное время никто не мог подумать, какая у них сила, любовь к Родине, товарищам! — записал в этот день в дневнике Оборотов. — Сколько друзей позналось в тех тяжелых условиях! Одним из таких боевых Друзей с большой буквы был командир “Славного” майор Анатолий Шестаков. Его трагическую смерть бойцы “Славного”, белорусские партизаны восприняли как огромное горе. Смерть потрясла всех: погиб командир, чье имя наводило ужас на гитлеровцев на всем боевом пути отряда от г. Сухиничи Калужской области до г. Лида Гродненской области...»

На берегу Ислочи в скорбном молчании выстроились бойцы «Славного». Отдать последний долг талантливому и бесстрашному командиру, с которым они прошли по тылам врага от Подмосковья до Западной Беларуси, прибыли представители и других партизанских отрядов. Велика была общая скорбь. Шла война, большая, тяжелая. Она вырвала из рядов партизан многих

боевых друзей. Унесла она и всеми любимого Анатолия Петровича.

Командиром «Славного» Центр назначил Конрада Андреевича Мадэя. Такое решение никого не удивило. В тылу врага этот спортсмен быстро освоил тактику партизанской борьбы. Почти ни одна серьезная операция не проходила без его участия. Мадей умел поднимать боевой дух людей, руководить ими в бою и добиваться успеха. Несмотря на его скромное воинское звание (он лишь недавно стал младшим лейтенантом), Мадэя хорошо знали и уважали партизаны других отрядов, с которыми нам приходилось проводить совместные операции.

Созвав командиров, Мадэй объявил о решении немедленно пробиваться в район, указанный Центром.

«Пусть наш успех, — подчеркнул он, — станет последней, самой лучшей, почестью Шестакову, которому так дорого обошлась задержка возле дороги».

Из боевой характеристики, данной НКГБ БССР премнику А. П. Шестакова: «МАДЭЙ Кондрат (правильно Конрад. — Авт.) Андреевич — мл. лейтенант, 1912 года рождения, беспартийный, с 9 февраля 1942 года по июль 1944 года вместе с партизанским отрядом НКГБ БССР находился в тылу врага на выполнении специальных заданий.

За 29-месячное пребывание в тылу врага МАДЭЙ с бойца-минера вырос до командира отряда. За этот срок организовал и провел более 30 боевых операций, до 15 диверсий на коммуникациях противника. В результате этих операций уничтожено: гитлеровцев свыше 500 чел., взято в плен свыше 350 чел., разгромлено более 30 гарнизонов, взорвано или сожжено до 70 автомашин, более 10 предприятий противника, 23 вражеских эшелона с техникой и живой силой противника.

МАДЭЙ за этот период приобрел большой опыт в организации и проведении боевых операций, показывая при этом подлинные образцы боевого командира,

в котором уживались личная храбрость, высокое чувство патриотизма.

Так, например, 24 июня 1943 года МАДЭЙ с небольшой группой бойцов, рискуя жизнью, проник в г. Рогачев. В укрепленном районе обошел посты противника, дойдя до хлебозавода, снял его охрану, нагрузил обоз хлебом и солью, затем поджег завод, в результате огнем пожара полностью уничтожен важный стратегический объект, снабжавший немецкий гарнизон хлебом, в огне сгорели вместе с заводом запас муки и 6 тонн свежего хлеба.

Несмотря на обнаружение группы немцами, которые тут же открыли ураганный огонь, МАДЭЙ умело, без потерь, вывел группу из города.

В сентябре 1943 года в 4 километрах от г. Быхова МАДЭЙ с группой подрывников заминировали ж. д. полотно с расчетом взорвать заряд в момент прохождения эшелона противника. В течение двух суток в непосредственной близости немецкого гарнизона группа ожидала прохождения немецкого воинского эшелона. За этот период участникам этой операции не раз приходилось маскировать заряд, который часто размывался сильным дождем. Успех этой операции зависел от настойчивости и умелого руководства МАДЭЯ. На третьи сутки воинский эшелон взрывом снаряда был спущен под откос, при этом уничтожены паровоз и 20 вагонов с боеприпасами и техникой противника.

10 сентября 1943 года во время операции по разгрому немецкого гарнизона г. Бельниччи МАДЭЙ возглавлял штурмовую группу из 50 бойцов. В этой операции МАДЭЙ, показывая пример личного героизма, сумел внезапным ударом разгромить две укрепленные казармы противника, 4 дзота, уничтожить более 20 гитлеровцев, тем самым обеспечил успех всей операции по разгрому указанного гарнизона.

Боевая слава партизанского отряда “Славный” связана с именем МАДЭЯ как талантливого, боевого командира, овладевшего мастерством руководства боевыми операциями в тылу противника.

За выдающиеся успехи в деле борьбы с немецкими оккупантами в тылу противника и за успешное выполнение специального задания МАДЭЙ удостоился награждения правительственными наградами: орденами Красного Знамени, Красной Звезды и медалью “Партизану Отечественной войны” 2-й степени...»

Отметим, что новый маршрут для отряда оказался не легче прежнего. В районе железнодорожной станции Полочаны «Славному» пришлось вступить в бой с охранным подразделением противника и отклониться в сторону. Как уже отмечалось, в лесной деревушке Копачи разведчики внезапно обнаружили усиленно охраняемый объект. Вскоре выяснилось, что отряд случайно набрел на специальную школу абвера, которая готовила агентов и диверсантов для засылки в советский тыл и в партизанские отряды.

Такое гнездо, разумеется, нельзя было обходить и оставлять нетронутым. Упорный ночной бой завершился полным разгромом школы. Несколько агентов удалось захватить в плен. Этому особенно обрадовался Василий Васильевич Рыкин.

Второй сокрушительный удар партизан по гарнизону, расположенному вблизи дороги, еще больше всполошил противника. Теперь о переходе «железки» в зоне станции Полочаны, как предусматривалось планом, и думать было нечего.

Вначале командир подумал, что вышестоящие военачальники не похвалят его за такую инициативу. Но он напрасно волновался. Центр одобрил разгром копачевской школы. Больше того: Мадэю было предложено задержаться здесь и подобрать площадку для посадки самолета, который прилетит за немецкими агентами.

В ожидании крылатого гостя с Большой земли Мадэй с частью сил отряда нанес удары по Березовке, Вересковому и Вселюбу. Предчувствуя близкое наступление советских войск, гитлеровцы спешили превратить эти деревни в опорные пункты. Враг сопротивлялся отчаянно. Но «Славный» сумел разогнать его строительные подразделения.

Жаркое дыхание приближающегося фронта ощущалось все явственнее. 27 июня стало известно, что войска действующей армии уничтожили крупную вражескую группировку, окруженную в районе Витебска. Потом они взяли Оршу, Могилев, Бобруйск...

Вскоре лесные дороги и большаки оказались буквально забитыми отступающими немецкими частями. Но как не походили эти солдаты на тех, которых приходилось видеть ранее. Усталые, грязные, в большинстве своем безоружные, они начинали дрожать при виде людей с красными ленточками на головных уборах. При первом же окрике солдаты «великого фюрера» поднимали руки и угодливо семенили туда, куда приказывали им идти. Для сбора пленных была облюбована большая поляна, но вскоре возникли опасения, что и она окажется тесной.

Правда, не все гитлеровские вояки протрезвели от сокрушительных ударов Красной Армии. Нередко приходилось вступать в бой с одичалыми, бродячими группами фашистов, чаще всего с такими, которыми руководили эсэсовские офицеры. Но вскоре и они, убедившись в невозможности пробиться на запад, начали отыскивать партизанские заставы, чтобы сдать в плен.

Конечно, нелегко было находиться в одном котле с гитлеровцами. А с застав поступали все новые группы военнопленных. Их число перевалило за несколько сотен. В «Славном» уже не знали, что с ними делать, чем их кормить. Среди вражеских солдат немало было раненых, приходилось оказывать им медицинскую по-

мошь. На бинты был изрезан даже последний парашют. «А я хотел, было, сберечь его для музея!» — пошутил помощник начальника разведки старший лейтенант Захар Шуманский. Он совсем недавно спустился к бойцам «Славного» на этом парашюте. Попал в реку. Оттуда его с трудом выловили партизаны бригады Пономаренко.

В полдень 7 июля с одной из застав прискакал на взмыленной лошади боец Арсений Леонтьев. Он был взволнован, но по его радостному лицу все сразу же догадались: наконец-то свершилось! Наступил день, которого партизаны так долго и нетерпеливо ждали, — день встречи с родной армией. Вскочив на коней, командир комиссар В. В. Рыкин, начальник штаба и еще несколько человек поскакали в Бакшты.

Там несколько солдат, руководимых лейтенантом, разматывали телефонный кабель. Минут через десять подъехал «виллис». Из машины вышел высокорослый генерал, сопровождаемый двумя автоматчиками. Приветливо поздоровавшись с партизанами, он подозвал лейтенанта и сказал ему: «Сматывай-ка кабель! Здесь задерживаться не будем. Возьми у партизан проводников до местечка Ивье. Там и развертывайся!»

Потом обратился к Мадэю: «Как переправы? Наверное, все мосты успели взорвать? А у меня арtpолк на подходе! Придется просить у вас помощи».

Вслед за генералом все направились в Ягодень. Все улицы были заполнены советскими солдатами. Партизаны группами собирались возле них, знакомились, вступали с ними в оживленные разговоры, встречали знакомых и даже родственников. У тех и у других на лицах — радостные улыбки.

Откровенно говоря, бойцы «Славного» тогда смутно представляли себе, какой силой стала регулярная Красная Армия за те два с половиной года, которые отряд провел в тылу у врага. Теперь мимо них нескончаемым потоком двигались автомашины, бронетранспортеры,

танки, самоходные артиллерийские установки, целые подразделения «катюш». Всех поражало обилие новой военной техники. От ее железного рокота сотрясались избы и деревья, казалось, прогибается даже земля.

8 июля, завершая полное окружение крупной группировки противника, войска 1-го Белорусского фронта освободили Барановичи. Это еще больше увеличило количество взятых в плен немцев. А командиры проходивших частей подбрасывали партизанам своих пленных, чтобы они не были для них помехой. Только 14 июля поступил приказ Центра: «Славному» прибыть в Минск и доставить туда военнопленных. Отряд завершил свой беспрецедентный 29-месячный боевой рейд в составе 315 человек с обозом и вооружением, конвоируя более 300 пленных немцев, направился в Минск в распоряжение НКГБ БССР.

В пяти километрах от белорусской столицы в деревне Сухарево бойцов «Славного» встретила группа коллег из Центра и Белорусского штаба партизанского движения.

4 августа 1944 г. в рапорте о расформировании спецгруппы НКГБ БССР «Славный» указывалось: «...Спецгруппа НКГБ БССР “Славный” под руководством мл. лейтенанта госбезопасности тов. Мадэя Конрада Андреевича, заместителя по оперативной работе Рыкина Василия Васильевича и оперработника ст. лейтенанта госбезопасности Шуманского Григория Федоровича 7 июля 1944 года в составе 285 человек соединилась с частями Красной Армии. 17 июля с. г. группа в этом же составе прибыла в гор. Минск в распоряжение 4 Управления НКГБ БССР.

Прошу Вашего разрешения группу “Славный” расформировать и личный состав направить: 1. В ОК НКГБ БССР — 53 человека; 2. В военкомат г. Минска — 130; 3. В совпарторганы — 16; 4. В ОК НКВД БССР — 13; 5. В Белорусский штаб партизанского движения — 21; 6. К месту прежнего жительства — 23.

В составе группы “Славный” находятся 28 человек из ОМСБОН НКВД СССР во главе с руководителем группы мл. лейтенантом Мадэем. По вопросу их дальнейшего использования прошу Ваших указаний.

Начальник 4 Управления НКГБ БССР Дечко».

Спустя несколько дней часть личного состава отряда влилась в ряды действующей армии. В середине августа, сдав отчет, Конрад Мадэй, майор Пегов, подполковник Рыкин, лейтенант Оборотов и другие сели в «дуглас». Этим же самолетом в Москву летели прославленные партизанские вожаки Кирилл Орловский и Станислав Ваупшасов... Под крылом проплывала освобожденная земля Беларуси, потом — Брянщины. А вот и Подмосковье, откуда начал свой долгий путь спецотряд «Славный».

За два с половиной года «Славный» прошел с боями по тылам нацистских оккупантов более полутора тысяч километров — от Калужской области России до Налибокской пуши в Беларуси. Отряд потерял 80 бойцов. За это время школу мужества «Славного» прошли 575 человек. На боевом счету спецотряда — бесперебойно поступающая в Центр ценная разведывательная и контрразведывательная информация, около 30 разгромленных гарнизонов, 22 пушенных под откос эшелона с живой силой и техникой гитлеровцев, уничтоженный бронепоезд, десятки взорванных железнодорожных и шоссейных мостов. На шоссейных дорогах ими было уничтожено 3 танка, танкетки, 91 воинская автомашинa с живой силой и военными грузами. Более трех с половиной тысяч гитлеровцев нашли себе могилу в белорусской земле...

ОСОБЫЙ ФРОНТ. ОТ МОГИЛЕВА 1941-го ДО ОСВОБОЖДЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Из телеграммы-молнии № 861 от 21.11.1944 г.: «Тбилиси, 14 720 ФЦ. Срочно. Минск, НКГБ БССР Н. А. Ми-

хайлашеву. / Офицерский состав сослуживцев поздравляет Вас с высокой наградой — присвоением звания Героя Советского Союза и желает Вам здоровья и успехов в работе на благо нашей Родины. Н. И. Эйтингон...»

Наш земляк, уроженец древнего Шклова, заместитель начальника Четвертого управления НКГБ СССР генерал-майор Наум Эйтингон прекрасно знал Николая Афанасьевича Михайлашева по его боевым делам как легендарного партизана «первого часа», командира разведывательно-диверсионной спецгруппы «Буря» НКГБ БССР, действовавшей в Вилейской области Беларуси в 1944 г.

А родился будущий герой в 1917 г. Когда подошел срок призыва в РККА, Николай Михайлашев как единственный кормилец матери подлежал освобождению от службы. Но он хотел быть в армейском строю. Семья Михайлашевых была не против — пусть идет Родину защищать. И тогда вместо армии обком партии направил Николая... в органы госбезопасности. Спецподготовку курсант Михайлашев получал в Межкраевой школе НКГБ в Ростове. Но... вместо двух лет учиться пришлось всего-то четыре месяца.

В конце 1939-го его досрочно откомандировали в освобожденную Западную Беларусь. Службу он проходил сначала в Столинском, а затем в Ганцевичском районе Брестской области. Здесь Михайлашеву довелось лично участвовать в выявлении и последующем задержании абверовского резидента Чернявского и его агента Кристмана. Так что о практике работы нацистских спецслужб он знал отнюдь не понаслышке еще до войны. С тех пор на целых 36 лет стал Николай Афанасьевич бойцом особого фронта...

Знойным июнем 1941 г. Михайлашев возвращался через Москву из отпуска и в ночь на 22 июня 1941 г. оказался в поезде Москва — Минск. О начале войны он узнал от проводника. А уже к 25 июня НКГБ БССР

спешно перебрался из Минска в Могилев. Туда также пробивались его сотрудники из оккупированных и прифронтовых районов. В городе, готовящемся к обороне, формировались специальные истребительные отряды для борьбы с вражескими диверсантами и лазутчиками. В один из них был зачислен 24-летний сержант госбезопасности Николай Михайлашев. Так он оказался в числе героических защитников древнего белорусского города на Днепре...

...Начало Великой Отечественной войны обнажило многие проблемы безопасности страны. Ведь мысль о том, что буквально через несколько дней Могилев может стать прифронтовым городом еще 22 июня 1941 г. никому из военных, а тем более гражданских руководителей разных рангов и в голову не приходила. Поэтому оборонительные мероприятия сводились в основном к вопросам ускоренного и организованного проведения мобилизации и усиления охраны объектов промышленности и транспорта, в особенности таких важных, как Осиповичский и Могилевский железнодорожные узлы.

Между тем оперативно-боевая обстановка менялась стремительно. Руководство республики к 25 июня 1941 г. уже переместилось в Могилев. В Могилевской межкраевой школе НКГБ во исполнение директивы Центра в те дни в войска отправлялись обученные курсанты, шла подготовка к организации обороны города.

Уже на второй день войны, 23 июня 1941 г., руководитель МКШ Н. И. Калугин направил в Могилевский обком партии секретаря парткома Могилевской межкраевой школы НКГБ СССР А. И. Удальцова, который проинформировал руководство обкома КП(б)Б о решении собрания курсантов и преподавателей создать полк народного ополчения. В обкоме Удальцов встретился с первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко, Маршалом Советского Союза Б. М. Шапошниковым и командующим Западным фронтом генералом

армии Д. Г. Павловым (в последующем арестованным по указанию И. В. Сталина и расстрелянным согласно приговору Особого совещания). После чего весь личный состав школы начал действовать уже в составе истребительных батальонов, ведущих борьбу с вражескими парашютистами и агентами.

Совместными действиями чекистов, сотрудников милиции и курсантов Могилевской МКШ за время обороны города были выявлены более двухсот диверсантов, шпионов, вражеских парашютистов и сигнальщиков. К сожалению, сражаясь с ними, личный состав истребительных батальонов и школы нес потери.

Боевую задачу по обезвреживанию германских десантников-диверсантов и ракетчиков совместно с курсантами Могилевской МКШ НКГБ выполнял и Н. А. Михайлашев. В ходе одного из боестолкновений с врагом на его глазах героически погиб лейтенант госбезопасности П. И. Ефименко. В целом же в составе истребительных отрядов погибло немало сотрудников милиции и УНКВД по Могилевской области.

В связи с вышеизложенным весьма странно прозвучало уже после окончания войны одно из утверждений о том, что все эти германские диверсанты и парашютисты в большинстве своем были ни более ни менее как плодом фантазии паникеров или же самих чекистов. Автором подобного широко растиражированного в бывшем СССР утверждения являлся генерал-лейтенант Л. М. Сандалов — бывший начальник штаба 4-й армии. В своей книге воспоминаний «Пережитое» он писал, что в районе Могилева ему вместе с генералом В. С. Поповым встретилась группа из истребительного батальона, командир которой, обмундированный в форму сотрудника НКГБ, доложил ему: «Разыскиваем вражеских диверсантов». Со слов Сандалова, генерал Попов скептически ему ответил: «Едва ли вы найдете этих парашюти-

стов. Лучше бы разобрались, что за люди сообщили вам о них».

И далее генерал Л. М. Сандалов с пафосом, достойным иного применения, живописал: «Сколько раз во время отступления из Белоруссии мы отрывали войска для розыска якобы выброшенных с самолетов вражеских диверсантов, и, как правило, сведения об этом были ложными, исходили от враждебных элементов. Теперь мы имели возможность убедиться, что на такого рода поиски отвлекались не только военнослужащие».

Однако эта удивительно неверная оценка положения со стороны боевого видавшего виды генерала, пытавшегося показать никчемность действий истребительных батальонов, особенно во главе с якобы бестолковыми сотрудниками НКГБ (НКВД), противоречила даже его собственному боевому опыту.

Ведь в той же самой своей книге генерал Л. М. Сандалов, рассказывая, какими путями доходили до штаба 4-й армии сведения о сосредоточении у советских границ немецких войск накануне их вторжения на белорусском направлении, писал, что многое штаб узнавал от задержанных при переходе границы и передаче радиogramм немецких шпионов, от двух пойманных в Полесье диверсантов-парашютистов, а также от арестованного в Гайновке резидента абвера, осуществлявшего связь со своими хозяевами посредством голубиной почты. А эта работа была как раз-таки делом сотрудников НКГБ БССР и военной контрразведки...

Да, так гитлеровцы действовали накануне войны. Однако эти их действия приобрели невиданные масштабы и тотальный характер, когда соединения вермахта ринулись на советскую землю. И пример тому — героическая оборона Могилева и его окрестностей...

«В начале июля второй секретарь ЦК КП(б)Б П. З. Калинин (с осени 1942 г. начальник Белорусского штаба партизанского движения. — Авт.) провел совещание

партийно-советского актива, на котором было принято решение о немедленном создании партизанских баз и подготовке к подпольной борьбе на оккупированной врагом территории. Лично я хотел попасть в партизанский отряд, когда придет для этого время, но получил разъяснение, что подчинен непосредственно НКГБ СССР и, возможно, мне будут даны особые указания...», — вспоминал майор госбезопасности Н. И. Калугин...

И если Брест стал образцом беспримерного мужества на первом рубеже, пограничном, то на втором стратегическом рубеже — реке Днепр — очагом еще более упорного сопротивления являлся Могилев. Его оборона сыграла значительную роль в мобилизации сил на отпор врагу. Героические защитники города приковали к себе четыре пехотные дивизии, третью танковую, часть сил 10-й моторизованной дивизии СС «Дас Райх», полк «Великая Германия». Под стенами Могилева они понесли весьма чувствительные потери, что не могло не сказаться на общем темпе наступления нацистских орд.

Недаром автор бессмертного романа «Живые и мертвые» Константин Симонов, завещавший развеять свой прах над Буйничским полем, в своем военном дневнике отмечал: «Мне остается перешагнуть из июля в декабрь, из-под Могилева в бои под Москвой. Тем более что, по моему глубокому убеждению, сложившемуся тогда, к концу сорок первого года, начало будущего разгрома немцев под Москвой было положено именно в тех кровавых июльских боях».

Исходя из директивы ЦК ВКП(б) и СНК СССР партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. и Постановления ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск», главными задачами белорусских чекистов являлись: подготовка и заброска в тыл наступающих германских войск партизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп из числа чекистов и пар-

тийно-советского актива с целью нанесения ударов по противнику на его коммуникациях; создание диверсионно-разведывательных резидентур в неоккупированных районах республики с задачей начать активную деятельность в случае занятия этих районов противником; организация чекистских групп и истребительных отрядов в прифронтовой полосе для борьбы с немецкой агентурой.

Из воспоминаний бывшего начальника управления НКГБ по Могилевской области подполковника П. С. Чернышова: «...Уже в начале июля возникла необходимость решения двух важнейших задач — создание групп, которые должны были стать основой партизанских отрядов на оккупированной врагом территории, и создание глубокого подполья, чтобы вести разведывательную работу в тылу врага и осуществлять связь с центром. Эта работа велась под руководством партийных органов — обкома и горкома КП(б) Белоруссии. Подготовкой партизанских групп персонально занимались секретари горкома партии И. А. Хавкин и А. И. Морозов, от областного управления НКГБ участвовал и мой заместитель И. Е. Бунаков. После подбора людей в эти группы из оперативного состава управлений НКГБ и НКВД, курсантов Могилевской межкраевой школы НКГБ, студентов пединститута и других организаций были определены командиры групп и проведено с ними специальное совещание, которым руководил первый секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко...

Группам ставилась задача в пунктах назначения создать постоянные и запасные базы, изучить обстановку, выявить подходящих людей из местного населения для вовлечения в партизанскую борьбу с фашистами, подобрать связных, создать широкую сеть подполья. С командирами групп был обсужден вопрос о связи с подпольным обкомом партии при занятии города врагом. Группы получили, хотя и в ограниченном количестве,

стрелковое оружие — винтовки, кавалерийские карабины и очень немного автоматов. Работники областного управления НКГБ возглавили шесть партизанских групп.

...Разведанные и сведения о боевых действиях частей 172-й дивизии мы передавали в Москву по радиоперехватам группы капитана госбезопасности В. И. Пудина, направленного в Могилев из 1 управления (внешняя разведка) НКГБ СССР. Других средств связи с Центром с 13 июля Могилев, увы, не имел. По радиоперехватам мы обращались туда с просьбой о помощи авиацией и боеприпасами. По этой же линии связи однажды поступил запрос Ставки Верховного командования (насколько я помню, за подписью Жукова) о том, в чьих руках находится Могилев...»

Тем временем в течение нескольких суток истребительный отряд, в котором воевал Н. А. Михайлашев, продолжал преследовать фашистские диверсионные группы, отлавливать вражеских шпионов и сигнальщиков. Дни и ночи слились в сплошную череду тревог, маршей и боев. А 3 июля в отряд поступила телефонограмма с распоряжением безотлагательно переправиться в тыл противника для организации там в соответствии с директивой ЦК КП(б)Б партизанского сопротивления.

Сдав партийные билеты и дождавшись вечера, чекисты углубились в лес. Но линию фронта переходить так и не потребовалось. Уже на рассвете по шоссе, рассевшему лесной массив, прогрохотали немецкие танки. Так чекисты внезапно оказались в тылу врага. А вернувшись на стоянку, они обнаружили, что и отряда там уже нет. Тогда Михайлашев и его товарищи решили двигаться на восток. К сентябрю они оказались в чечерских лесах. Со временем местные жители связали их с подпольным райкомом партии. Так в их судьбе произошел крутой поворот, который в определенной мере спас их от нацистского плена и способствовал дальнейшей борьбе во вражеском тылу...

В Могилеве же 12 июля 1941 г. штаб народного ополчения назначил начальника МКШ НКГБ СССР майора госбезопасности Н. И. Калугина командиром сводного полка народного ополчения города. В этот полк вошли оперативные работники НКВД (НКГБ), милиции и противовоздушной обороны города. Это формирование имело в своем составе три батальона. В 1-й батальон входили работники НКВД западных областей БССР, часть работников постоянного состава и курсантов Могилевской межкраевой школы НКГБ, 2-й батальон был создан из курсантов школы милиции. Все они были направлены на передовую линию обороны города. 3-й батальон состоял из работников местной противовоздушной обороны города и использовался для борьбы с вражескими диверсантами. Комиссаром полка стал начальник областного управления НКВД Я. И. Пилипенко, его заместитель А. П. Бачурин являлся помощником Калугина по хозяйственной части.

15 июля из Москвы поступил приказ командиру 61-го корпуса, гласивший: «Бакунину. Приказ Верховного Главнокомандующего: Могилев не сдавать». Из этого стало понятно, что обороне города на Днепре в Центре придается большое значение. 16 июля советские войска оставили Смоленск, Кричев. Части 61-го корпуса, по сути дела, оказались во вражеском окружении. В такой сложной обстановке нужно было принять правильное решение: продолжать бои или выводить войска из окружения. Фактически руководивший обороной города командир 172-й стрелковой дивизии генерал-майор М. Т. Романов собрал совещание командиров частей и разъяснил им непростую задачу. Общее мнение было единодушным: город в любом случае не сдавать...

Однако силы стойко оборонявшихся в течение десяти дней воинов неуклонно таяли. А контрудара с востока уже не ожидалось. Н. И. Калугин после войны вспоминал: «25 июля на утренней заре меня и комис-

сара вызвали в штаб дивизии, который размещался по улице Менжинского. На командном пункте нас встретил командир 172-й стрелковой дивизии генерал-майор М. Т. Романов. Он встал и подошел ко мне: «Сегодня в 24.00 дивизия начнет выход из окружения. На ваш полк возлагается задача прикрыть ее отход»».

Это последнее задание чекистами, постоянным составом и курсантами Могилевской межкраевой школы НКГБ СССР, было с честью выполнено. Многие из них пали в том неравном бою. Другие же уходили в леса для организации партизанской борьбы или переходили в подполье. Немногим удалось пробиться к своим, преодолев линию фронта...

Ныне в здании современного Белорусско-российского университета, где находилась Могилевская межкраевая школа НКГБ СССР, на мраморной доске у главного входа высечено: «В этом здании в июле 1941 года был сформирован полк НКВД-НКГБ под командованием майора госбезопасности Калугина Н. И. Личный состав полка принимал активное участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками при обороне города Могилева».

Судьбы многих из этих людей потом сложились трагически. О тех событиях и их последствиях напоминают строки из докладной записки бывшего начальника Соколовского РО НКГБ по Белостокской области А. Д. Крючкова, направленной в декабре 1942 г. в ЦК КП(б) Белоруссии: «...Отступал я через Столбцы, Негорелое, так как Минск был занят, с двумя бойцами (Степанов и Кочкарев). Пошли по направлению Могилева, обходя города и местечки. По дороге, переодевшись в штатское, нами 9 июля в Бельничском районе был обнаружен немец и расстрелян, который, переодевшись в форму политука, задерживал под предлогом организации отряда бойцов, выходивших из окружения, а потом расстреливал их и издевался над населением...

17 июля я перешел линию фронта и пришел в Могилев. При управлениях НКГБ и НКВД была создана чекистская группа, куда прикомандировали и меня. 26 июля Могилев был захвачен, и я в числе других чекистов был взят в плен...

20 июля все чекисты перебрались в педагогическое училище, где держали оборону, 25-го я вместе с другими проверял дома и квартиры с целью обнаружения ракетчиков (наводчиков) и автоматчиков.

Когда вернулись, то всех собрал начальник УНКВД т. Пилипенко и, отобрав около 100 человек, направил в распоряжение облвоенкомата. Там отобрали человек 40, остальных отправили обратно. В педучилище нас встретил зам. начальника УНКВД Бунаков и снова приказал вернуться в облвоенкомат. Хотя ему говорили, что это не нужно.

Придя туда вечером 25 июля, нас расположили в окопах и дали сектор наблюдения. Задача состояла в том, чтобы без выстрелов задерживать людей, едуших со стороны и на сторону противника. В час ночи нам предложили покинуть окопы и идти в облвоенкомат. Там стояли бойцы, штатские и автомашины. Сказали, что готовится сдача города, а куда идти, не известно. Тем временем немцы усилили обстрел города, многие начали отходить в направлении шелковой фабрики. Я с Федотовым (пом. нач. Столбуновского РО) начал отходить в направлении шелковой фабрики. Немцы встретили всех ураганным огнем. Отошли обратно.

Мы с Федотовым зашли в педучилище. Там было несколько чекистов. Спросили, где Чернышов (начальник УНКГБ), Пилипенко (УНКВД) и другие лица. Никто этого не знал. Мы с Федотовым пошли к Днепру, хотели перебраться на ту сторону, но там были уже немцы. Рассвело...

Слышим крики немцев на русском: "Стой! Руки вверх!" Кругом уже были немцы. Мы спрятались в зем-

лянку, но были обнаружены и задержаны, так как немцы, взяв Могилев, задерживали не только бойцов, но и местных жителей от 15 лет и старше (мужчин). Всех задержанных 27 июля пригнали в Ермаловичи (25 километров от Могилева). По минскому шоссе дорогой гнали почти бегом. Отставших и уставших, кто не мог бежать, особенно стариков, расстреливали.

В Ермаловичах нас поместили под открытым небом — военных отдельно, остальных отдельно. Среди задержанных было много чекистов, в том числе нач. УНКГБ Чернышов, зам. начальника УНКВД Байчурин, а также партийных ответственных работников. Немцы над нами издевались, не давали ни пить, ни есть. Многие находились в обморочном состоянии.

28-го я решил бежать. Пошел на риск, переодевшись женщиной, и ушел. Потом пробирался к фронту, еще несколько раз задерживался, попадал в лагеря, бежал. Наконец 16 ноября перешел линию фронта.

Меня направили в Куйбышев в отдел кадров НКВД СССР, а 17.12.1941 года уволили с передачей в армию.

В органах НКВД я с 1933 года. В сентябре 1939-го был послан в Западную Белоруссию как один из лучших. В марте 1941-го с должности начальника Свислочского РО НКГБ выдвинут, как один из лучших, на должность начальника Соколовского РО.

Сейчас оказался не нужным, так как до последней минуты находился в своем районе, выполнял специальные задания, в результате чего попал в окружение...»

К сожалению, и тут я должен вновь повториться, к вынужденным окруженцам (вне зависимости от того, к какому ведомству или партийно-государственной структуре они принадлежали) отношение в те времена было в ряде случаев негативное...

Из характеристики Н. А. Михайлашева: «С 5 июля 1941 года по 16 октября 1943 года находился в тылу противника и действовал в составе партизанских соеди-

нений Гомельской области в Чечерском партизанском отряде имени Калинина, в спецотряде НКВД СССР «Вперед» Добрушской партизанской бригады имени Сталина.

С 17 апреля по 2 июля 1944 года вторично находился в тылу противника по заданию НКГБ БССР в должности руководителя разведывательно-диверсионной группы «Буря».

За время пребывания в партизанских соединениях занимал должности командира отделения, командира взвода, заместителя командира отряда, заместителя комбрига...»

Итак, в январе 1942-го небольшая группа Михайлашева влилась в Чечерский партизанский отряд на правах взвода. Вскоре по рекомендации Гомельского подпольного обкома его назначили заместителем командира отряда, ответственным за разведывательную и контрразведывательную работу.

В то время немецкая разведка, обеспокоенная растущей активностью народных мстителей, начала проявлять повышенный интерес к партизанской зоне. Через своих подручных нацисты пытались выведать силы и места расположения партизан, чтобы выбрать удобный момент и нанести неожиданный удар. Через агентуру партизаны узнавали о готовящихся против них карательных экспедициях и успевали поменять дислокацию и предупредить население.

Столь же эффективно Михайлашев возглавлял разведку и в спецотряде НКВД СССР «Вперед», прибывшем с Большой земли в августе 1942-го и впоследствии переросшем в бригаду, а затем в Добрушской партизанской бригаде им. Сталина. Отряд «Вперед» формировался в легендарном ОМСБОНе НКВД (НКГБ) СССР...

Разведчикам Михайлашева удалось тогда внедриться в органы гитлеровской контрразведки, где они добыли списки их кадрового состава и агентуры. После приобретения новых источников к партизанам начала поступать упреждающая информация о планах врага.

А о проведенных ими диверсионных операциях молва расходилась широко. Вначале был взрыв турбин на бумажной фабрике в Добруше, оставивший без электричества все предприятия города, в том числе мастерские, где ремонтировали танки. Затем взлетела на воздух электростанция в Гомеле, что надолго парализовало все городское хозяйство. Вслед за этим партизанам и подпольщикам удалось уничтожить гомельскую телефонную станцию, обеспечивавшую связь с частями врага на брянском направлении. Эти операции стали своего рода классикой диверсионного дела.

В Белорусский штаб партизанского движения из Добрушской партизанской бригады им. Сталина поступил «Отчет о боевой деятельности и политической работе бригады в тылу противника за время с 1 мая 1943 года по 1 октября 1943 года. Район действия Гомельская область БССР. Основание — приказ штаба № 090 от 25.3.1943 года», в котором, в частности, указывалось: «Во исполнение вышеуказанного приказа в ночь на 13.4.1943 года в клетнянском лесу (Орловская обл.) самолетом была выброшена группа 4 человека в составе ком. отряда Кривенченко И. Л., работника по комсомолу Вывич, радистки Андреевой и подрывника Федосова (погиб 6.5.1943 г.). Вооружение — 3 автомата и 7000 патронов к ним. Эта группа и вооружение послужили основой для создания Добрушского партизанского отряда, в дальнейшем — бригады имени Сталина.

Помощи, предполагаемой приказом № 090, ни один отряд нам не оказал, ни личным составом, ни вооружением.

Груз, отправляемый штабом бригаде: из 9 самолетов получили только 1 самолет (автоматов — 7 шт., ПТР — 3 шт., 1 ротный миномет, 500 кг тола). Другие три самолета были получены Бальковым и Диканом. А груз пяти остальных вообще неизвестно кому сброшен.

Отряд также, как и в дальнейшем бригада, комплектовался не за счет сформированных партизанских

кадров (как предусматривалось приказом), а исключительно за счет новичков из населения, военнопленных, бежавших из лагерей, и перебежчиков из добрармии (власовцы) и полиции. Вооружение и боеприпасы также пополнялись только трофеями.

В заданный район действий прибыли только в мае. До 25.7. действовали лишь одним отрядом, а с 25.7. из состава этого же отряда создали 2-й отряд (комсомольско-молодежный кавалерийский им. Буденного). Тогда же приказом представителя штаба тов. Жданович оба отряда были сведены в бригаду, наименованную Добрушской партизанской бригадой имени И.В. Сталина.

Командный состав бригады: 1. Кривенченко И. П. — командир; 2. Гатальский И. М. — комиссар бригады; 3. Захаров П. П. — нач. штаба бригады; 4. Михайлашев Н. А. — нач. разведки бригады.

В боях убито 231 полицейских и немцев. Кроме того, в момент отступления немцев с 15.9. по 29.9. на засадах и в открытом бою подразделениями бригады убито и ранено до 300 гитлеровцев и взяты пленные: 1 майор-немец (командир немецкого батальона), 1 унтер-офицер и 250 власовцев и немцев — все переданы в отдел контрразведки “СМЕРШ” 197-й стрелковой дивизии.

На станциях Добруш, Закопутье, Злынка агентурой заложено 4 английских магнитных мины к 4 эшелонам с горючим.

В Добрушском районе разложены 3-й и 4-й отряды полиции, а также Марышский, торфозаводской и городской участки полиции.

В результате разложения перечисленных гарнизонов полиции и добровольцев из 221 охранной дивизии в нашу бригаду перешли 206 власовцев и 120 полицейских.

Через нашу агентуру добыты списки личного состава полиции Добрушского района, списки начальствующего состава Добрушской райуправы и другие доку-

менты, изобличающие в антисоветской деятельности подучетного элемента Добрушского района. Все эти документы переданы начальнику Добрушского РО НКГБ подполковнику Фукину.

В момент отступления немцев пойманы и переданы в РО НКГБ и контрразведке 137 СД 6 немецких чиновников, 1 агент СД и 1 агент абвера, закончивший Гомельскую школу разведки...»

В характеристике на начальника разведки партизанской бригады лейтенанта госбезопасности Николая Афанасьевича Михайлашева от 7 декабря 1943 г. за подписью начальника отдела кадров БШПД подполковника Романова отмечалось: «Тов. Михайлашев, 1917 года рождения, член ВКП (б) с 1939 года, образование среднее, в Красной Армии не служил. В органах НКВД с 1931 г. В партизанском отряде состоял с июля 1941 г. по октябрь 1943 г.

В первые дни Отечественной войны т. Михайлашев по заданию НКГБ БССР был оставлен в тылу противника со специальным заданием.

Во время пребывания в партизанских отрядах занимал ряд должностей, где проявил себя только с положительной стороны. Принимал активное участие в организации партизанских отрядов в Могилевской и Гомельской областях.

Являясь начальником разведки бригады им. Сталина, т. Михайлашев проделал огромную разведывательную и диверсионную работу в г. г. Добруш и Гомель. Под его руководством в г. Гомеле взорваны: электростанция, телеграф, радиоузел и водокачка, два зенитных орудия, два артиллерийских склада. Сожжены: нефтебаза, 10 вагонов с интендантским грузом и четыре крупных интендантских склада.

Тов. Михайлашев, как начальник разведки, регулярно вел разведку противника. Его разведанные способствовали отрядам в проведении боевых действий по разгрому немецких гарнизонов и полицейских участков.

Тов. Михайлашев дисциплинирован. Требователен к себе и подчиненным. Хорошо освоил методы партизанской борьбы в тылу противника. В бою смел и решителен. Политически развит. Идеологически выдержан...»

После того как в конце сентября 1943 г. Добрушская партизанская бригада соединилась с наступающими частями Красной Армии, Михайлашев был откомандирован в распоряжение НКГБ БССР. Лесная партизанская жизнь с ее опасностями, тревогами и тяготами, казалось, для него завершилась. Но пребывать «в тиши и покое» было не в характере Николая Афанасьевича...

Весной 1944-го командующий 1-м Белорусским фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский направил в НКГБ БССР телеграмму. В ней он не только благодарил чекистов за работу в немецком тылу, но и просил направлять на оккупированные территории диверсионно-разведывательные отряды и небольшие чекистские группы, которые должны собирать разведанные о планах и действиях немецкого командования, сочетать разведку с диверсиями, особенно на железнодорожных магистралях. Для Михайлашева телеграмма Рокоссовского стала своеобразной путевкой во вражеский тыл...

В этой связи в рапорте начальника Четвертого управления НКГБ БССР подполковника госбезопасности М. Ф. Дечко от 6 апреля 1944 г. на имя наркома госбезопасности комиссара 3-го ранга Л. Цанавы указывалось: «...В целях усиления агентурно-диверсионных групп, действующих на территории Вилейской области, нами подобраны оперативные работники и подрывники для направления в распоряжение подполковника госбезопасности тов. Соснова и представлены на Ваше утверждение в составе:

Руководителя агентурно-диверсионной группы лейтенанта госбезопасности тов. Михайлашева, работающего в органах НКВД — НКГБ с 1939 г., окончивше-

го в этом году Ростовскую межкраевую школу НКВД, с 1941 г. работал ст. оперуполномоченным Пинского управления НКГБ, с июня 1941 г. по декабрь 1943 г. в тылу противника зам. командира партизанской бригады по разведке.

За время работы в органах госбезопасности тов. Михайлашев освоил агентурно-оперативную работу и лично изъявил желание работать в тылу противника. Тов. Михайлашеву присваивается псевдоним “Кубанский”.

Заместителем руководителя спецгруппы по диверсии тов. Алфеева, 1917 года рождения, уроженец Горьковской области, Спасского района, село Солениха, беспартийный.

Тов. Алфеев в 1937 году окончил педучилище и по его окончании работал учителем в Воротынском районе Горьковской области.

До Отечественной войны служил в Красной Армии, в 1941 г. в боях под г. Орша попал в окружение немецкими войсками и после был пленен. Будучи военнопленным, в конце 1942 г. был направлен на службу в РОА — батальон “Припять”, где служил около 4 месяцев 3-м поваром. Был связан с ОО НКВД партизанской бригады и сообщал ценные сведения об этом батальоне.

В апреле 1943 г. вместе с 3 солдатами батальона “Припять” с оружием перешел на сторону партизан. Находясь в Гомельской партизанской бригаде, был бойцом, затем командиром спец взвода по охране штаба бригады.

Тов. Алфеев со своей группой в количестве 6 человек подорвали 24 вражеских эшелона. По работе в тылу противника зарекомендовал себя как хороший подрывник-диверсионник. В настоящее время работает минером по разминированию зданий при Гомельском обкоме КП(б)Б. Тов. Алфееву присваивается псевдоним “Ястребов”.

В качестве подрывников в состав группы включить: Гетина Николая Яковлевича — 1919 г. р., Максимова Николая Сергеевича — 1913 г. р., Попова Виктора Ильича, 1918 г. р.

В качестве радиста группы придается Цыганков Василий Алексеевич, 1926 года рождения, уроженец Калининской области и района, дер. Санковец, член ВЛКСМ, в 1942 г. принимал участие в боевых операциях бойцом партизанской бригады Мельникова. За участие в борьбе с немецкими захватчиками награжден медалью “Партизану Отечественной войны 2-й степени”. Окончил школу НКГБ БССР по специальности радист.

Оперативными работниками для направления в состав действующих групп Вилейской области:

1. Лейтенанта госбезопасности Лопачева, в органах НКВД — НКГБ с 1939 г., оперуполномоченным, а затем ст. оперуполномоченным, с июня 1941 г. по октябрь 1943 г. работал в тылу противника уполномоченным ОО НКВД партизанского отряда им. Ворошилова 1-й Гомельской бригады. Участвовал в ряде операций по разгрому гарнизонов противника и проводил агентурно-оперативную работу в тылу врага. Тов. Лопачеву присваивается псевдоним “Тульский”.

2. Старшего лейтенанта госбезопасности тов. Жарихина, в органах НКВД — НКГБ с 1938 г., окончившего Ленинградскую школу НКВД СССР, после работал ст. оперуполномоченным по Ярославской области, с мая 1943 г. по февраль 1944 г. начальником Нейского РО НКГБ этой же области, в настоящее время в резерве НКГБ БССР. Тов. Жарихин лично изъявил желание работать в тылу противника. Ему присваивается псевдоним “Теплов”.

Направляемой в тыл оперативной группе присваивается псевдоним “Буря”. Указания по работе группы даются отдельно радиограммой подполковнику госбезопасности тов. Соснову.

Прилагаемые при этом заявки на экипировку группы прошу утвердить...»

В ночь на 17 апреля самолет с Н. А. Михайлашевым, избравшим себе псевдоним «Кубанский», и бойцами спецгруппы Четвертого управления НКГБ Белорусской ССР «Буря» пересек линию фронта.

Небезынтересно, кстати, ознакомиться с раздаточной ведомостью на экипировку и вооружение спецгруппы «Буря» НКГБ БССР от 14.04.1944 г. Ведь все это богатство нужно было в конечном итоге тащить исключительно на себе да еще оборудовать укромные и безопасные базы (основную и запасную) для размещения спецгруппы, а также крупногабаритные и малогабаритные тайники.

По сравнению с 1941–1942 гг. оснащенность спецгрупп, конечно, многократно возросла. Итак, что же имелось у «Бури» в сухом остатке: «...Автоматов ППШ — 11 шт., патронов к ППШ — 5160, пистолет ТТ — 2 шт., винтовки (карабины) — 7 шт., патроны винтовочные — 1600 шт., приборов “Брамит” — 3 шт., патронов к бесшумной винтовке — 300 шт., гранат Ф-1 — 23 шт., тол — 300 кг, поездные взрыватели ПВ-42 — 50 шт., взрывателей ВПФ — комплект — 20 шт., упрощенных взрывателей (МУФ) — 50 шт., капсуля ТАТ-8 — 100 шт., детонирующий шнур — 150 м, термитные груши — 50 шт., изоляционная лента — 350 г, мин МЗД-5 и 4 — 55 шт., сигнальные устройства — 15 шт., компасы — 8 шт., фляги с чехлами — 8 шт., котелки — 8 шт.

2. Обмундирование: шинели р/с — 6 шт., гимнастерки р/с — 8 шт., шаровары ватные — 8 шт., белье нательное летнее — 16 пар, шаровары летние — 16 пар, пилютки р/с — 8 шт., полотенец — 8 шт., портянки летние — 16 пар, вешмешки (парашютные) — 8 шт., комбинезоны — 8 шт., сумки полевые — 4 шт., сумки гранатные — 8 шт., сапоги кирзовые — 8 пар, плащ-палатки — 8 шт.

3. Медикаменты: медаптечка — 1 комплект, мыло туалетное — 16 кусков.

4. Радиооборудование: рация “Белка 4Д” с комплектом батарей, питание к рации “БАС-60” — 4 компл., элемент накала — 4 компл., ручной привод — 1 шт., запасной комплект радиоламп — 1, вольтметр “Соловей” — 1 шт.

5. Продпитание: красноармейские пайки месячные — 8 компл., соль — 15 кг, табак — 3 кг, конфеты-леденцы — 3 кг.

6. Парашюты и мешки: парашюты людские — 8 шт., парашюты грузовые — 7 шт., мешки грузовые — 7 шт., лопат саперных — 4 шт.

Сдал: ст. оперуполномоченный 2 отделения 1 отдела 4 Управления НКГБ БССР ст. л-т госбезопасности Черников

Принял: командир спецгруппы “Буря” ст. л-т госбезопасности Михайлашев. 14.04.1944 г.; г. Гомель.

Радию “Белка 4Д”, запасные части к ней и оборудование, поименованное в 4-м разделе “Радиооборудование” получил в полной исправности — радист спецгруппы “Буря”...»

Характерно, что уже на шестые сутки после десантирования тройка парашютистов на перегоне Сморгонь — Сола взорвала эшелон с немецкими солдатами. Еще через 2 суток подрывники уничтожили состав с пушками и грузовиками. Эшелоны в треугольнике Вилейка — Сморгонь — Молодечно взлетали на воздух с пугающей немцев регулярностью. Потери от этих диверсий были весьма чувствительны, кроме того, каждый взрыв надолго «закупоривал» стратегически важные железнодорожные линии Вильно — Молодечно и Молодечно — Полоцк, по которым перебрасывались пополнение и военная техника. Оккупанты были в бешенстве. Они понимали, что им противостоит дерзкий и искушенный профессионал. За голову Михайлашева была назначена немалая по тем лихим временам награда — 100 тысяч рейхсмарок. Но... предателей так и не нашлось...

Поставленные задачи отряд не смог бы выполнить без своих надежных помощников — местных подпольщиков. Тепло вспоминал Н. О. Михайлашев о сморгонском железнодорожнике М. И. Шилко: «Он регулярно обеспечивал нас сведениями о перевозках по железной дороге Вильно — Молодечно, предупреждал наши диверсионные группы, на каких участках засады и ловушки в виде натянутой проволоки с ракетами.

А однажды, когда охрана, полиция и воинские части организовали цепь засад на участках Солы — Сморгонь и Сморгонь — Залесье, по предложению Шилко наша группа направилась на участок городской границы, в трехстах метрах от вокзала поставили мины и старательно замаскировали. На следующий день М. И. Шилко рассказал, что на минах подорвались 2 эшелона, которые следовали в сторону фронта».

Со временем Николай Афанасьевич пополнил свою группу чекистами из других отрядов и местными партизанами, доведя ее численность до 35 человек. Так она стала отрядом. Это позволило значительно увеличить количество подрывников и применить тактику комбинированных ударов, хорошо отработанную еще под Гомелем.

В начале июня 1944-го из НКГБ БССР поступила радиограмма с требованием скорейшего усиления ударов по железнодорожным коммуникациям противника. На фронте явно назревали серьезные события. Оккупанты тоже ждали наступления Красной Армии и, чтобы обезопасить до его начала свои тылы, предприняли самую масштабную карательную операцию против местных партизан. Передав в подпольный обком партии полученные из надежных источников данные об этих планах нацистов, бойцы «Бури» начали готовиться к боевым действиям в условиях блокады.

Ввязываться в открытые столкновения с гитлеровцами они не собирались и избрали другую тактику: про-

сачиваться через цепи карателей и уже за их спинами развивать максимальную активность, чтобы сковывать врага и отвлекать часть его сил на охрану дорог. Такой способ действий себя оправдал. Взрывы на дорогах продолжали греметь днем и ночью...

2 июля 1944-го были освобождены Вилейка, 5-го — Молодечно и Сморгонь. После чего часть разведчиков и подрывников «Бури» ушла на фронт. А Михайлашев и остальные кадровые сотрудники отправились в Минск, где им предстоял отчет о своей работе в тылу противника. Всего за 75 дней они пустили под откос 43 вражеских эшелона с живой силой, техникой, снаряжением и продовольствием. За все время Великой Отечественной войны ни одна из спецгрупп не смогла превзойти «Бурю» по результативности.

Кроме того, в итоговом отчете «Бури» с 17 апреля по 15 июля 1944 г. значилось: «...Диверсионными актами нанесен следующий ущерб противнику: а) разбито паровозов — 41, вагонов — 206, платформ — 210, автомашин — 154, танков — 2, самолетов — 3; пушек — 16; бронеплощадок — 2; б) повреждено паровозов — 2, вагонов — 115, платформ — 39; в) железнодорожное движение задерживалось на 420 часов...

Имея подрывные средства в достаточном количестве и дерзкое стремление побольше уничтожить фрицев и их техники, стало необходимо увеличить группу и создать несколько диверсионных групп. Руководитель группы Михайлашев обратился за помощью к зам. нач. УНКГБ по Вилейской области т. Соснову, который 29 апреля 1944 г. передал 8 человек из опергруппы капитана ГБ Фролова, а также помог в выделении из партизан бригады им. Ворошилова группы украинцев — 6 человек. Таким образом, ко 2 мая 1944 г. спецгруппа «Буря» состояла из 22 человек. К этому времени нами были обучены и полностью подготовлены 3 командира диверсионных групп из наших бойцов-подрывников «Са-

енко”, “Никольского”, “Витковского”, что способствовало созданию 3 диверсионных групп. Последующая работа наряду с совершением диверсий была направлена на улучшение и полное укомплектование диверсионных групп за счет смелых, отличившихся на деле бойцов. Для этой цели дополнительно нами взяты из партизанских соединений 15 человек, из которых были усилены наши диверсионные группы и создана хозяйственная группа из 6 человек для снабжения продуктами питания нашей разведки и диверсионных групп. Для помощи оперработником были выделены бойцы-разведчики.

К моменту соединения с частями Красной Армии в оперативной группе “Буря” по списку насчитывалось уже 37 человек, из них 29 апреля 1944 года прыгало с парашютом 8 человек.

Фактически же вышло на соединение с частями Красной Армии 34 человека, так как один боец Левченко Тимофей Минович в ночь с 4 на 5 июня 1944 г. в хуторах Нароты Сморгонского района при выполнении боевого задания погиб. 2 бойца были возвращены обратно в партизанское соединение за недисциплинированность и по собственному желанию.

За период своей работы в тылу врага личный состав спецгруппы представлял из себя сплоченную боевую единицу, бойцы которой в результате повседневной воспитательной работы с ними со стороны основного ядра спецгруппы были высоко дисциплинированными, морально устойчивыми и решительными в выполнении поставленных перед ними задач. Это являлось залогом успешного выполнения задания...»

После окончания Великой Отечественной Николай Афанасьевич еще 30 лет прослужил в оперативно-техническом подразделении КГБ БССР. В 1975 г. полковник Михайлашев уволился в запас. Долгие годы он консультировал молодых коллег, делился с ними уникальным опытом, в том числе и на минских Высших курсах КГБ

при СМ СССР, активно работал в ветеранской организации Комитета. Герой Советского Союза был широко востребован и в военно-патриотической работе. Участие в ней ветеран считал и честью, и долгом — перед павшими друзьями и перед новыми поколениями, не знавшими войны.

Николай Афанасьевич Михайлашев награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, «Знак Почета», медалями «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны» I и II степеней, нагрудными знаками «Заслуженный работник НКВД» и «Почетный сотрудник госбезопасности».

За особые заслуги в защите Отечества, большой личный вклад в военно-патриотическое воспитание молодежи и в связи с 65-летием со дня учреждения звания Героя Советского Союза Указом Президента Республики Беларусь от 15 апреля 1999 г. Николай Афанасьевич Михайлашев был награжден орденом «За службу Родине» III степени...

Он ушел из жизни 7 февраля 2008 г. Но память о Николае Афанасьевиче жива, ведь судьба его — яркое свидетельство героизма, скромности, верности человеческим идеалам и своему профессиональному долгу. Его деятельность внесла значительный вклад в историю партизанского движения, отечественной спецслужбы и нашего государства.

Отметим тот факт, что деятельность разведчиков, входивших в период Великой Отечественной в состав оперативных, разведывательно-диверсионных отрядов и групп НКВД (НКГБ) СССР, получила в свое время высокую оценку Георгия Константиновича Жукова, который справедливо отмечал: «Безусловно, благодаря блестящей работе советской разведки весной 1943 года, — писал он, — мы располагали рядом важных сведений о группировке немецких войск перед летним наступле-

нием... Хорошо работающая разведка... была одним из слагаемых в сумме прочих, обеспечивающих успех этого величайшего сражения».

Оценивая действия советских разведчиков и партизан, Маршалу Советского Союза вынужденно вторил и битый в боях гитлеровский танковый генерал Г. Гудериан: «Малая война за линией фронта оказала решающее влияние на исход целых сражений, например, в 1944 году на центральном участке Восточного фронта».

Все эти высокие оценки с полным основанием можно отнести и к Николаю Афанасьевичу Михайлашеву. В одной из дневниковых тетрадей этого героя особого фронта есть строки, которые можно смело назвать его заветом своим нынешним и будущим потомкам: «Как очевидец тех событий могу с уверенностью сказать, что чекисты сражались честно, смело и решительно. И в конце пути приятно сознавать, что осилил ношу, возложенную на тебя жизнью. Значит, прожил ее не зря. И пусть мои внуки и правнуки оглядываются на род свой и помнят, что не одно поколение его не шадило жизни для защиты Отечества и не жалело сил для его блага».

НА НОВОМ ЭТАПЕ БОРЬБЫ

Вернемся, однако, после столь впечатляющих примеров в суровые и малопредсказуемые будни 1942 г. в тылу врага, когда лишь только намечался подъем партизанской борьбы. Отметим, что разведывательную, контрразведывательную и диверсионную работу спецгруппы НКВД (НКГБ) вели в различных условиях: с собственных баз в тылу противника; с баз местных партизанских формирований (они имели наибольшее преимущество); с позиций партизанских формирований, созданных из ядра самих оперативных групп за счет притока местных жителей, когда выполнение специальных задач Центра

осуществлялось под «флагом» партизанского отряда или соединения, т. е. легендировался партизанскими действиями.

Напомним, что ввиду фактического прекращения деятельности НКВД БССР в его прежней форме приказом от 20 января 1942 г. была создана Центральная оперативно-чекистская группа НКВД по БССР, перед которой были поставлены задачи по выявлению и изъятию провокаторов, диверсантов, агентуры немецких разведывательных органов, а также по организации диверсионной и разведывательной работы.

Для выполнения этих важных задач на оккупированной территории БССР было создано 5 оперативно-чекистских групп общей численностью 179 человек: Витебская оперативно-чекистская группа (54 чел.), Минская (16 чел.), Гомельская (47 чел.), Могилевская (50 чел.) и Полесская (12 чел.).

За период с января 1942 по январь 1943 г. ими была проведена значительная разведывательно-диверсионная и боевая работа: пушено под откос 192 вражеских эшелона, 5 бронепоездов, взорвано 37 железнодорожных и 83 шоссейных мостов. Подчинявшиеся Оперативно-чекистской группе НКВД по БССР отряды и группы провели 197 боевых операций, в ходе которых было разгромлено 70 гарнизонов и штабов противника, убито и ранено 19 249 солдат и офицеров противника.

Помимо указанных выше опергрупп было сформировано и направлено в тыл противника 39 агентурно-оперативных и диверсионно-разведывательных групп в количестве 708 человек. Непосредственно в тылу было создано 11 диверсионно-разведывательных групп численностью 124 человека.

В тылу противника агентурно-оперативные и диверсионно-разведывательные группы распределялись по областям Беларуси следующим образом: Витебская (30 групп, 381 человек), Минская (15 групп, 169 человек),

Гомельская (7 групп, 63 человека), Могилевская (4 группы, 269 человек) и Полесская (3 группы, 13 человек.

С 1942 г. с учетом накопленного опыта начала изменяться и система управления силами и средствами ведения зафронтовой работы, что следовало из докладной записки руководства ОЧГ НКВД по Белорусской ССР Л. Ф. Цанавы от 2 мая 1942 г.: «...Для работы в 5 восточных областях Белоруссии было отозвано из тыловых областных управлений и откомандировано в мое распоряжение Отделом кадров НКВД СССР из межкраевых школ 356 человек. Мною немедленно были организованы ОЧГ и направлены для работы в Витебской области — в составе 75 оперативных работников во главе с начальником ОЧГ капитаном госбезопасности т. Юриным. Группа в полном составе прибыла в район расположения 3-й ударной армии Калининского фронта...

Вместе с группой был командирован мой заместитель майор госбезопасности т. Бельченко, который в настоящее время находится на месте и оказывает практическую помощь т. Юрину...

...Во главе оперативно-чекистской группы назначены: по Могилевской области — капитан госбезопасности Политико, по Гомельской области — капитан госбезопасности Фукин.

Для работы по Минской области — ОЧГ в составе 9 человек во главе с капитаном госбезопасности Крысановым. Оперативная группа находится в районе расположения 4-й ударной армии Калининского фронта.

Подготовлена ОЧГ во главе с капитаном госбезопасности т. Ивашенко для работы в Полесской области, ...район расположения 61-й армии Брянского фронта...

Оперативный состав НКВД БССР направлялся также для усиления работы Особого отдела Западного фронта (18 человек), для усиления работы УНКВД в освобожденных районах Смоленской области (81 человек)...

А согласно итоговому докладу руководителя ОЧГ НКВД по БССР в Центр от 23 декабря 1942 г. следо-

вало, что «...для обеспечения оперативно-чекистского обслуживания освобожденных Красной Армией местностей Белоруссии были созданы 5 оперативно-чекистских групп: Витебская оперчекистская группа в количестве 54 человек, Минская — 16 человек, Гомельская — 47 человек, Могилевская — 50 человек, Полесская — 12 человек. Всего — 179 человек...

Всего направлено в тыл противника 28 диверсионно-разведывательных групп общим количеством 376 человек...

Действующие в тылу противника диверсионно-разведывательные группы распределяются по областям следующим образом: направлено в Витебскую область 15 групп — 234 человека, в Минскую область — 3 группы — 18 человек, в Гомельскую область — 7 групп — 56 человек, в Могилевскую область — 3 группы — 68 человек.

Подготовлено в данный момент для переброски в тыл противника 5 диверсионно-разведывательных групп общим количеством 63 человека...»

Позже в кратком обзоре работы органов НКВД БССР за первые два года Великой Отечественной войны от 1 января 1943 г. в разделе «Работа в Особом отделе НКВД фронта», в частности, указывалось: «Проводя свою работу в тесном контакте с особыми отделами НКВД армий, оперативно-чекистские группы НКВД в районах своего дислоцирования оказывали самое активное содействие особым органам в их следственной и агентурной работе, выделяя для этого из своего состава наиболее квалифицированные кадры.

Всего для усиления работы особых отделов армий и дивизий Западного и Калининского фронтов было выделено 92 человека...

Кроме того, в соответствии с решением ЦК КП(б) Белоруссии выделено в распоряжение ЦК КП(б) Бело-

руссии для работы в тылу противника 12 наиболее квалифицированных оперативных сотрудников...»

В течение 1942 г. органы НКВД БССР подготовили и направили на оккупированную территорию республики 39 оперативных групп общей численностью свыше 700 человек. Непосредственно в тылу противника было тогда организовано еще 11 спецгрупп с общей численностью более 120 человек. Тогда же из бойцов спецотряда «Смерть фашизму», вышедшего в конце 1941 г. из-за линии фронта, были созданы четыре оперативных группы под командованием Я. И. Шпилевого, П. П. Кочуевского (а после его гибели — Н. В. Зебницкого), О. С. Бычека, А. В. Метелкина. В свою очередь, эти группы служили базой для создания в последующем новых боевых единиц. В частности, в августе 1943 г. опергруппа Н. В. Зебницкого разделилась на четыре самостоятельные группы.

В связи со сложившейся обстановкой, неблагоприятной для противника, немецкое командование усилило в этот период разведывательную и контрразведывательную работу, создало антисоветские войсковые формирования (так называемые Русскую освободительную армию, Белорусскую краевую оборону и др.), организовало ряд новых националистических организаций и активизировало деятельность ранее созданных, чтобы через них оказывать влияние на советских граждан, проживавших на территории республики. Оно вынуждено было держать войсковые силы для нанесения ударов по партизанам.

За успешное выполнение заданий Родины в тылу врага на оккупированной территории Беларуси высокого звания Героя Советского Союза были удостоены 14 командиров чекистских партизанских отрядов и групп: Олег Сергеевич Бычек (группа НКГБ БССР «Третьи») — посмертно, Станислав Алексеевич Ваупшасов (группа НКГБ СССР «Местные»), Борис Лаврентьевич Галушкин

(группа НКГБ СССР «Помощь») — посмертно, Николай Васильевич Зебницкий (группа НКГБ БССР «Вторые»), Петр Григорьевич Лопатин (партизанская бригада «Дяди Коли»), Николай Афанасьевич Михайлашев (группа НКГБ БССР «Буря»), Евгений Иванович Мирковский (группа НКГБ СССР «Ходоки»), Валентин Леонидович Неклюдов (группа НКГБ БССР «Боевой»), Федор Федорович Озмитель (группа НКГБ СССР «Гром») — посмертно, Кирилл Прокофьевич Орловский (группа НКГБ БССР «Соколы»), Михаил Сидорович Прудников (партизанская бригада «Неуловимые»), Александр Маркович Рабцевич (группа НКГБ БССР «Храбрецы»), Александр Никитич Шихов (группа НКГБ СССР «Богатыри»).

Однако все шло на разных этапах борьбы в тылу противника не так просто и гладко даже при наличии соответствующих указаний Центра и необходимых наработанных методик.

О НЕКОТОРЫХ ВЗАИМНЫХ ТРЕНИЯХ В ТЫЛУ ВРАГА

О том, насколько своеобразно поначалу складывалось оперативное взаимодействие руководства оперативных отрядов Четвертого управления НКВД СССР с некоторыми руководящими партийными функционерами ЦК КП(б) Белоруссии, отвечавшими за организацию партизанского движения в ряде оккупированных районов БССР, свидетельствовал отчет о проделанной работе от 2 января 1943 г. командира отряда НКВД СССР Н. Бойко, в котором указывалось: «По заданию 4 Управления НКВД СССР с отрядом в 55 человек перешел линию в районе Усвят (21 стрелковая бригада) 25 февраля 1942 года.

В одном из пунктов задания было указание на организацию партизанского движения и активизацию действий уже имеющихся групп и отрядов в тылу противника.

Пройдя линию фронта, в 10–12 км. повстречался с командиром партизанского отряда т. Дьячковым, численный состав отряда был около 70 человек.

Следует отметить, что отряд тогда по существу только формировался и к боевым операциям еще не приступал. Тут же стало известно о существовании отрядов т. Райцева и Дика, тоже не приступивших к боевым действиям. С каждым из отрядов провели совместные боевые операции с отрядом т. Дьяčkова в м. Смоловке; Райцева и Дика — засаду на карательный отряд в д. Плоты, где было уничтожено и ранено около 280 немцев. Это послужило хорошей проверкой личного состава всех 4-х отрядов. С этого времени открывается их боевой счет...»

Группа Бойко согласно указанию Центра перешла затем в треугольник Витебск–Орша–Смоленск, осуществляя активную разведку и диверсионную деятельность. Вместе с тем выявлялись характерные недостатки в организационных вопросах, о чем в отчете указывалось: «Отряды и группы делали операции под носом друг у друга. Несогласованность и отсутствие единоначалия явно мешали работе. Так даже стало известно о продвижении бригады “Алексея” в район того же леса, начали появляться представители с задачами формирования бригад в районе действия уже имеющихся отрядов и т. д.

Все это происходило, несмотря на то, что мы ежедневно были связаны с НКВД по радиии, и возможно было целый ряд вопросов увязать...

...В связи с тем, что штаб с отрядом не мог найти место, для руководства отрядами было вынесено решение, если обстановка не изменится — перейти Двину и оттуда осуществлять работу.

В Скрылевской пуше был отдан приказ № 18 от 29.9.1942 г., но этот приказ комиссар зоны отказался подписать, а уполномоченный обкома т. Стельмах и пом. комиссара по комсомолу Позняк, прочитав при-

каз — отказались его выполнять. Таким образом, вторая попытка выполнить решение обкома и мой приказ были не выполнены. Комиссар Резников заявил: “Я этого приказа не подпишу. Я болен и иду на ту сторону мыться...”

Тов. Стельмах, отказавшись от выполнения, заявил: “Я Вам не курьер, я Вам не подчиняюсь, и выполнять не буду. Я еду в обком”. И как результат всего, товарищи Резников, Стельмах, Позняк, Зюков, Грибков и несколько бойцов 23.9.1942 года ушли за линию фронта.

Следует отметить, что это явление наблюдается не впервые. Тов. Стельмах, прибыв в бригаду 17 июня, целый месяц просидел в бригаде, не занимаясь своей непосредственной работой. Тов. Зюков до конца своего пребывания не приступал к своим обязанностям.

И в тот момент, когда бригада находилась в затруднительном положении, и работа должна была происходить в наиболее сплоченной обстановке, когда требовалась максимальная дисциплинированность бойцов, тт. Резников, Стельмах, Зюков, Позняк отделились и не только занимались обсуждением приказаний, но и дискредитировали их, лично нарушая дисциплину и даже в присутствии бойцов и командиров, после отдачи приказа, посылали меня и нач. штаба нецензурными словами. Пускали дискредитирующие слухи, обвиняя в фальсификации боевой деятельности бывший штаб бригады, т. е. меня, комиссара, начальника штаба, пом. нач. штаба и начальника разведки.

В таких же скверных отношениях они были и с тов. Заслоновым (да-да, с тем самым легендарным Константином Заслоновым. — Авт.).

Без всякого моего разрешения эти лица отказались выполнить приказ о связи с бригадами и перешли за линию фронта, и здесь пустили среди бойцов слухи, что якобы нас с начальником штаба Вы уже передали в трибунал.

Прошу Вашего приказания привлечь к ответственности этих болтунов и склочников, которые вместо того, чтобы воевать, занимаются совершенно ненужными делами и мешают работе...»

Наряду с этим ст. лейтенант госбезопасности Змушко (командир партизанского отряда, образованного на базе оперативной группы НКВД СССР «Храбрецы» под руководством А. М. Рабцевича, после войны — начальник УМГБ БССР по Минской области) был вынужден направить в адрес начальника Особого отдела НКВД Западного фронта следующую шифротелеграмму: «...Начиная с 1.10.1942 года, мы настойчиво требуем от 4-го Управления НКВД СССР о подброске нам взрывчатых веществ, вооружения и боеприпасов, так как у нас в данное время в отряде насчитывается 40 человек, и в этом имеем большую нужду. Но, несмотря на наши посланные до двух десятков радиogramм и требование в письменной форме, мы от 4-го Управления получили в течение 4-х месяцев всего три радиogramмы, в которых говорится: “Готовим груз, рацию и радиста, из-за плохой погоды самолет выслать не можем”, в то время как на базу Козлова по линии ЦК КП(б) Белоруссии прибывают самолеты, куда доставляют необходимые грузы, а у работников 4-го Управления видимо в течение 4-х месяцев не было ни одного дня ясной летной погоды.

Видимо их, из 4-го Управления, Отечественная война не беспокоит и по всей вероятности они полагают “так воевать” еще 10 лет с немецко-фашистской Германией, в то время в связи с успехами Красной Армии на ряде фронтов бойцы отряда с нетерпением рвутся в бой, дабы наносить фашистскому зверю чувствительные удары, как они наносили в августе—сентябре и октябре 1942 г.

Прошу через ЦК КП(б) Белоруссии подбросить нам через базу Козлова взрывчатых веществ, вооружение и боеприпасы. Связь с базой Козлова мы поддерживаем регулярно, где пользуемся услугами связи».

Однако вопросы взаимодействия между различными управленческими структурами, участвовавшими в организации разведывательной работы в партизанских отрядах, обеспечения их безопасности и конечные результаты управленческой деятельности показывали, что ряд недостатков в этой сфере носил системный характер.

Кроме того, в ряде партизанских формирований задержанные агенты германских спецслужб расстреливались сразу же после признания о своей причастности к разведке противника, не подвергались тщательному предварительному допросу по существу полученных заданий и об известных им других агентах. В частности, задержанные партизанской бригадой имени «Правды» в Минской области агенты немецкой разведки Лейман и Лебедева, несмотря на то, что находились под следствием в опергруппе, были расстреляны по распоряжению Особого отдела бригады как раз в тот момент, когда начали давать серьезные показания. После расстрела Лебедевой у нее были обнаружены зашитые в бюстгальтер адреса явок на нашей территории. Значение этих адресов в связи с расстрелом Лебедевой не было установлено.

Аналогичный случай произошел в 3-й Минской партизанской бригаде, где по распоряжению заместителя комбрига немецкие агенты Романенко и Веремьев были расстреляны без тщательного допроса. У Романенко после расстрела были также обнаружены в заплате на брюках адреса лиц, проживающих на территории СССР в тылу Красной Армии. И эти факты тоже носили не единственный характер. Естественно, что в подобного рода условиях не могло быть и речи о каких-либо агентурных комбинациях и долговременных оперативных играх со спецслужбами противника, связанными с последующим внедрением туда агентуры органов НКВД (НКГБ).

Кроме того, управление партизанским движением часто было предметом «торга», трений и мелочных

разбирательств между «профессионалами» из НКВД (НКГБ) и «политиками» из ВКП(б) и КП(б) Белоруссии. И, вероятно, результаты партизанской борьбы в разведывательном и чисто оперативном плане могли бы быть куда более весомыми, если бы не амбициозность, а зачастую некомпетентность и непрофессионализм отдельных партийных руководителей (не умаляя, разумеется, позитивной деятельности большинства из них. — Авт.).

О разрешении в конечном итоге этих «спорных проблем» свидетельствуют фрагменты «Отчета о проведенной партизанскими отрядами и группами НКГБ БССР диверсионной и боевой работе в тылу немецко-фашистских войск»: «Всего опергруппами НКГБ БССР на оккупированной территории Белоруссии за период с июля 1941 года по июль 1944 года организовано в тылу 66 партизанских отрядов и групп, в которые вовлечено местного населения и переведено из гарнизонов противника состоявших из различных националистических военных формирований 17 328 человек.

В 1943 году в соответствии с указаниями ЦК КП(б) Белоруссии НКГБ БССР были созданы в тылу противника во всех оккупированных областях республики чекистские центры во главе с заместителями начальников областных управлений НКГБ. Руководители этих областных оперативно-чекистских центров входили в состав подпольных обкомов партии и проводили свою работу в тесном контакте с партийными органами».

В одном из документов на эту тему отмечалось: «До момента организации областных оперативно-чекистских центров в тылу противника развитие партизанского движения тормозилось в силу следующих обстоятельств:

Имела место засоренность партизанских отрядов и бригад вражеским элементом.

Была плохо поставлена работа партизанских разведок, что приводило к неизбежным провалам в деятельности отрядов.

Имели место массовые случаи проявления со стороны партизан пьянства, что вызывало отрицательную реакцию со стороны местного населения и понижало в его глазах авторитет партизан, давая при этом в руки врага факты, порочащие советских партизан.

Преобладал элемент стихийности в руководстве партизанскими подразделениями, что зачастую не давало должного эффекта в борьбе против немецких захватчиков.

Выполняя поставленную задачу, областные чекистские центры в короткое время под непосредственным руководством подпольных обкомов партии устранили имевшиеся недостатки в партизанских отрядах».

А эти самые типичные недостатки и явные злоупотребления видны в приводимом ниже документе о работе в районе Руденска: «Командиру и комиссару партизанской бригады “Беларусь” т. Юрковцову и Блажнову. Начальнику Руденского РО НКВД т. Безуглову.

Докладная записка о политико-моральном
состоянии

партизанской бригады “Беларусь” на 1. 9. 1943 года

В прошлом месяце командование отряда “За Родину” в погоне за количественным ростом личного состава отряда проводило насильственную мобилизацию. Подобные методы показали, что насильственная мобилизация, проводившаяся партизанами, привела к тому, что ряд бойцов пришлось отпустить из отрядов домой. Командируемые для проведения мобилизации лица, набирали народ в отряды без всякого разбора и подробного предварительного знакомства, чем способствовали засорению партизанской среды и открывали возможность для проникновения в отряды враждебных элементов.

В частности, 9 июля 1943 года по приказанию командования партизанского отряда “За Родину” группа бойцов проводила мобилизацию в деревнях Русаковици, Червоня Слобода, Долгое. Старшим группы являлся

Мисько. Набранных лиц вскоре пришлось отправить по домам. Среди мобилизованных оказались лица, на которых велись разработки, в частности, Л. Рысавец (д. Долгое). 17 августа 1943 года была взята в отряд им. Сталина Василевская Шура. Она в течение двух дней не принимала пищу, ссылаясь на ее плохое качество, а также высказывала недовольство по поводу условий жизни партизан, чем способствовала организации “коллективов” и созданию негативной обстановки в группе.

На основании имеющихся следственных дел по случаям незаконного расстрела ни в чем не повинных граждан, как некоторыми партизанами, так и отдельными командирами в партизанских отрядах, можно сделать вывод, что подобные вопиющие факты является действиями, направленными, прежде всего, на подрыв и дискредитацию партизанского движения в целом.

Так, 22 июля 1943 года следствием установлено, что партизан отряда “Беларусь” Жеребцов, будучи в пьяном виде, произвел в доме местного жителя бесцельный выстрел из автомата, вследствие чего убил жителя деревни Березино Минского сельского района Зубченко Р. Е.

...По установленным фактам мародерства в отношении населения, заключавшимся в незаконном самовольном изъятии имущества, выявлено, что это имело место со стороны отдельных партизан или групп, командировавшихся командованием в дальние места для выполнения заданий. Эти люди, как правило, вообще не контролировались, и, кроме того, не отчитывались о своих действиях, а по выявленным фактам иногда вообще не привлекались к ответственности...

Всего в бригаде “Беларусь” 754 человека (из них женщин — 58); пулеметов ручных 25, винтовок — 423, автоматов — 66, ПТР — 4, личного оружия — 106. Винтовочных патронов — по 11 штук на бойца.

Начальник особого отдела НКВД партизанской бригады “Беларусь” Умецкий».

Древние недаром говорили: «Si vis pacem, para bellum» — «Хочешь мира — готовься к войне». Горький опыт первого года и последующих лет Великой Отечественной войны, а также уроки современных локальных, «гибридных», информационных, психологических войн и конфликтов, волна терроризма последнего времени со всей очевидностью показывают, что нет неких застывших форм организации сопротивления агрессору, использующему новейшие технологии уничтожения противника или же склонению к так называемому «пассивному бездействию».

Лишь только один белорусский исторический, боевой и оперативный опыт войны против нацистских агрессоров говорит о том, что государство, которое заботится о своей безопасности и территориальной целостности, должно быть заблаговременно готово во всех формах, наряду с чисто военными, к сопротивлению с использованием иррегулярных формирований.

ПРОТИВНИК, ПРОТИВОСТОЯВШИЙ ЧЕКИСТАМ В БОЯХ НА «НЕВИДИМОМ ФРОНТЕ»

В годы Великой Отечественной войны спецслужбы нацистской Германии развернули против СССР беспрецедентную и тотальную войну. Достаточно сказать, что в целом на советско-германском фронте действовало более 130 разведывательно-диверсионных органов и около 60 специальных разведывательно-диверсионных школ, готовивших для них кадры. Только за 1942 г. ими было подготовлено более 7 000 шпионов и почти 25 000 диверсантов. Им противостояли органы госбезопасности. Это был беспощадный и напряженный поединок спецслужб. На войне как на войне.

В наше время кое-кто позволяет себе заявлять о некой неадекватности сопротивления народа нацистскому

режиму. Словно он знает меру той самой адекватности. И уж вовсе кошунственно звучат утверждения о «расцвете белорусскости» на территории оккупированной Беларуси. Хотя бы в Минске, где была самая минимальная для выживания «недочеловеков-славян» норма «довольствия» и добыть пропитание удавалось лишь благодаря натуральному обмену, где было уничтоженное в ходе «цивилизаторской миссии на востоке» еврейское гетто, лагеря смерти для военнопленных и местных жителей, тюрьмы СД и тайной полевой полиции (ГФП), где привычными стали облавы, виселицы, публичные казни и массовые расстрелы, «аусвайсы», ежедневный учет перемещений минчан. Для большинства наших земляков каждый начинавшийся день мог стать последним.

Но это была далеко не последняя страница в деятельности коллаборационистов. Создавая «добровольческие» военизированные формирования, нацисты ставили цель, с одной стороны, привлечь их для выполнения полицейских и охранных функций, для борьбы с партизанами, чтобы можно было высвободить определенный контингент немецких войск для нужд фронта, а с другой — использовать их как орудие прямого давления на население, что способствовало бы его склонению на сторону немцев. Оккупанты стремились разжечь в Беларуси братоубийственную войну. Так предатели и коллаборационисты увеличивали количество жертв войны.

Из ряда «постулатов» Генерального комиссара «Вайсрутении» (Белоруссии) Вильгельма Кубе времен нацистской оккупации следовало: «Белорутения уже сейчас может послать в Германию тысячи своих молодых людей и девушек от 18 до 25 лет в качестве сельскохозяйственных рабочих. Германии интересно получить в расовом отношении приличного, привыкшего к тяжелому труду рабочего...» И еще один перл, касавшийся будущего белорусов-«унтерменшей»: «...Нет необходимости восстанавливать города в Белоруссии, так как город портит белорусена».

Массовое уничтожение населения (фактический геноцид) сопровождалось издевательствами над арестованными в тюрьмах, лагерях смерти и гетто, а также во время карательных операций в городах и сельской местности. Только в Минске и его окрестностях от рук оккупантов погибло более 300 000 граждан. На территории Беларуси гитлеровцы истребили более 2 200 000 жителей и более 810 000 военнопленных. Нацисты угнали в рабство в Германию, другие страны более 380 000 военнопленных. В результате, согласно последним данным, за время оккупации был уничтожен каждый третий житель Беларуси...

В разведсводке ОЧГ НКВД по БССР «О зверствах немцев над мирным населением Минска» от 1 июля 1942 г. указывалось: «Осенью 1941 года, немцы в течение одного дня повесили до 50 человек, под предлогом принадлежности к партизанам. Разведчик лично видел, как четыре тройки было повешено: в большом сквере около театра БССР, около управы, что расположена по ул. Карла Маркса, на улице Ворошилова у дрожжевого завода и на Комаровке.

В каждой тройке повешенных было по два мужчины и одной женщине. На шее у каждого повешенного висели доски с надписью — «Мы партизаны, стрелявшие по германским солдатам».

В гетто, которое расположено по улицам: Немига, Немигский переулок, Витебская, Островская, квартал Республиканской и другие, производили зверские издевательства над евреями: загоняли их в сараи и зажигали последние. Всех пытавшихся убежать из горящего сарая — расстреливали из автоматов. Всех евреев, размещавшихся в гетто по ул. Немига и Витебской расстреляли на 100 процентов, количество семей погибших определить не возможно, но эти улицы были полностью заселены евреями по 3–4 семьи в комнате. Особенно большой еврейский погром был совершен в день Октябрьской

революции 7-го ноября 1941 года. Перед праздником немцы вывесили приказ о том, что бы никто из русских не прятал в своих квартирах евреев, в противном случае будут уничтожены все хозяева квартир и сами квартиры, где будут обнаружены укрывшиеся евреи.

По городу распространился слух, что немцы решили “поздравить евреев с праздником”, перед этим за городом заготовили большие ямы, а с утра 7-го ноября и до вечера на грузовых автомашинах к ямам подвозили еврейские семьи. Женщины кричали, “зачем вы нас убиваете, что мы вам сделали плохого, пожалейте детей”. Фашисты не обращая внимания, раздевали всех, сталкивали с машин, сопротивлявшихся били прикладами, детей насаживали на штыки и бросали с машины. Дети кричали и с таким общим криком, машины шли по всей улице к ямам, там всех выстраивали вокруг ямы и расстреливали из пулеметов. Детей, пытавшихся бежать — накальвали на штыки и бросали еще живыми в ямы.

В течение дня 7-го ноября фашисты вывезли все семьи, помешавшиеся по улицам: Немига, Немигский переулок, Витебская, Островского, квартал Республиканской, квартал Хлебной и другие. Все эти улицы приспособлялись под гетто и были полностью заселены только евреями.

В данное время в городе Минске находится большое количество евреев свезенных из города Гамбурга, Западной Белоруссии и Минской области.

В городе Дисна Вилейской области БССР с приходом немцев был введен порядок, по которому все еврейское население города организовывалось в так называемые еврейские общины, во главе которых стоял совет (юденрат). Членами общины избирался старшина и члены совета. Совет еврейской общины в г. Дисна состоял из 12-и человек, как правило, в совет избирались богатые. Такая же община существовала в городе Глубокое. Евреи обязательно носили на груди и спине желтые ше-

стиконечные звезды. Все евреи жили только в гетто, им не разрешалось выходить из его пределов. Оккупационные власти использовали еврейскую общину, как источник рабочей силы, используя евреев на всевозможных работах, в приказном порядке заставляли сдавать золото. Как только в апреле 1942 года дисненская еврейская община сдала немцам 500 золотых рублей, насильно заставляли сдавать другие ценности и вещи.

Всех не подчинявшихся распорядку, заносили в так называемую “черную книгу”, после чего с нарушителями жестоко расправлялись.

В апреле 1942 г. немецкая жандармерия арестовала 28 евреев, обвинявшихся в нарушении порядка в общине. Сначала их избивали резиновыми плетками, а потом расстреляли.

15 июня 1942 г. в 4 часа утра, немцы и полиция окружили гетто в г. Дисна, открыли огонь по евреям, а оставшихся собрали в кучу, здесь же выкопали ямы и расстреляли...»

Тактика «обезлюживания», осуществлявшаяся гитлеровцами в соответствии с планом «Ост», выразилась в создании на территории Беларуси более 260 лагерей смерти. Расистским, человеконенавистническим нацистским планом «Ост» предусматривалось выселение в течение тридцати лет 75 % белорусов с их территории (имеется в виду их последующее уничтожение как народа) и онемечивание оставшихся 25 %. Этот документ хранится ныне в Федеральном архиве ФРГ.

Документы Национального архива Республики Беларусь свидетельствуют о том, что, несмотря на рассказы потомков полицаяев и коллаборационистов о якобы «благодарных Гитлеру-освободителю белорусах», оккупанты с самого начала войны не чувствовали себя уютно на белорусской земле. Ширились партизанское движение и подпольная борьба. Хотя их размах мог бы быть сразу гораздо большим, если бы не предвоенные «перегибы и шарахания»...

В ходе войны нацисты во главе с «Гитлером-освободителем» ставили своей целью ликвидировать имевшуюся на то время национальную государственность Беларуси в ее советском варианте, колонизировать и превратить республику в аграрно-сырьевой придаток Германии. В целях «оперативного управления» ее территория была безжалостно расчленена на ряд частей. Так, северо-западные районы Брестской области и Белостокскую область с городами Гродно и Волковыском нацисты присоединили к Восточной Пруссии; южные районы Брестской, Пинской, Полесской и Гомельской областей отошли к рейхскомиссариату «Украина»; северо-западные районы Вилейской области были включены в генеральный округ Литвы; Витебская, Могилевская, большая часть Гомельской области и часть Минской области были переданы в зону оперативного тыла группы армий «Центр». Оставшаяся третья часть Беларуси была преобразована в генеральный округ «Белоруссия» («Вайсрутения»), который возглавил генеральный комиссар В. Кубе.

Подобное расчленение сыграло негативную роль в ходе оккупации: разжигалась национальная рознь, карательные отряды из рейхскомиссариата «Украина», Литвы, Латвии в составе местных уроженцев, посылавшиеся германскими нацистами в «Вайсрутению», оставили свой кровавый след на белорусской земле.

На оккупированной территории Беларуси, особенно в крупных ее городах нацисты намеревались создать поселения для привилегированных слоев немецкого общества. Количество местных жителей, которое нацисты планировали оставить в этих городах, определялось педантичным немецким расчетом: на каждого господина высшей германской расы — два раба «низшей расы».

В обозе гитлеровских войск в Беларусь прибыли из эмиграции активно сотрудничавшие с оккупантами в установлении «нового порядка» белорусские нацио-

налисты. Они начали издавать на белорусском языке пронацистские националистические газеты, создавать свои организации, среди которых наибольшую известность поначалу приобрела так называемая Белорусская народная самопомощь (БНС). В ее преступную деятельность вовлекались местные националисты. Все они становились волею оккупационных властей соучастниками террора против народа Беларуси. По мере «совершенствования» оккупационной политики и режима нацисты стали все активнее вовлекать в эту систему белорусских националистов.

С первых же дней оккупации Беларуси нацисты жестоко регламентировали практически все, начиная от прописки и мест проживания. Так, жители городов и местечек, а также вынужденно оказавшиеся там должны были обязательно получить удостоверение личности сроком на 2 или 3 месяца, которое надлежало продлевать. В противном случае администрацией до определенной поры взимался штраф.

Собственно, и в других случаях существовало три вида наказания: штраф, тюрьма (или концлагерь) и смертная казнь. Последний вид наказания по мере ухудшения для нацистов положения на фронтах становился со временем все более «предпочтительным».

Возвращаясь к оккупационным документам, отметим, что удостоверение местных жителей заполнялось на белорусском (или русском), а также немецком языках. Его заверяла круглая немецкая печать. При этом второй экземпляр фотографии хранился у местного бургомистра (bei Buergermeister). В обязательном порядке в этом удостоверении указывались приметы его владельца: рост, телосложение, цвет волос и глаз и другие внешние особенности. Не местные жители «клеимались» в удостоверении особо. Там ставился специальный знак — немецкая литера «F» (Fremder, Fremde) либо русская «Ч» (чужой, чужая). Кроме того, использо-

вались паспорта и советского образца, куда вклеивался дополнительный «квиток» с описанием примет владельца документа.

Лицам, не имевшим паспортов и дезертировавшим из Красной Армии, местным жителям выдавались специально изготовленные временные удостоверения личности, разного цвета для разных округов. Срок действия такого удостоверения был от шести месяцев до года.

При выдаче новых паспортов в начале 1944 г. требовалась фотография, которую нужно было делать у специальных фотографов. Фотография, каждая за отдельным номером, печаталась на особой бумаге в 2-х экземплярах и сдавалась лично фотографом в паспортный стол.

Прописка в городах была обязательной, и за этим должны были бдительно и строго следить местные администрации, назначенные оккупантами. Они же отвечали за ведение домовых книг, поскольку прописка лиц, имевших литер «Ч» (чужой), являлась обязательной.

Городские администрации строго следили за ведением домовых книг, поскольку прописка вновь прибывших была обязательной. Для поездки в другой населенный пункт необходимо было получить пропуск в местной комендатуре, действительный только на одну поездку. И в нем, кроме цели и сроков поездки указывались, как и в удостоверении, личные приметы его обладателя.

Но имелись и некоторые другие нюансы. В частности, по распоряжению «радетеля истинной белорусскости» В. Кубе от 22 сентября 1943 г. вокруг Минска была объявлена запретная зона. Выход и вход в город был разрешен только в шести пунктах. Появившиеся же из запретной зоны безжалостно расстреливались, а их имущество конфисковалось в пользу Третьего рейха. Если «унтерменш» все же оказывался в городе без пропуска, также следовал его расстрел. Вот такая «обыкновенная», почти ежедневная нацистская селекция...

Входы и выходы из других городов также тщательно охранялись. Прибывшие в город должны были явиться в ортскомендатуру, зарегистрироваться и там же отметить потом об убытии. У постовых, как фиксировала партизанская разведка, можно было иногда откупиться за 100–200 марок. Но это бывало скорее волей случая...

Выезд из населенных пунктов и въезд в них разрешались только по указанным оккупационной администрацией дорогам. Находиться вне домов, особенно в городах, разрешалось только в дневное время, о чем свидетельствовали такие документы оккупантов, как «абвесткі» (объявления), переведенные с немецкого: «Объявление для занятой области. 20 декабря 1941 года:

1. Запрет передвижения. Немедленно запрещено передвижение за пределами своей общины. Только в следующих случаях делается исключение

– А) поездки в занятой области для начатия определенной службы, работы в производствах или управах, врачебной деятельности, рыночно-базарной торговли и т. д. Для этого необходимо иметь пропуск, так называемую справку местной комендатуры или иного немецкого служебного места. Б) поездки за пределы области командующего с разрешением пропускного отдела «ОСТ V» при Главнокомандующем армии. Противодействия будут строго наказываться, в тяжелом случае — расстрелом.

2. Пользование железнодорожным транспортом гражданскими лицами. Каждое пользование железнодорожным сообщением и нахождение на полотне железной дороги гражданскому населению, кроме ж/д служащих, запрещено. Вскакивать на поезда и входить в состав запрещено. Железнодорожной страже приказано в лиц, не соблюдающих этого, а в особенности при вскакивании на поезда, стрелять.

3. Запрет гражданскому населению находиться вне своих домов. Где местная комендатура не допустила ис-

ключения, гражданское население должно находиться по домам: в городах — от 1 – 31/1 с 16.30 час. до 7 час. утра; от 1 – 28/2 с 17.30 час. до 6 час. утра; от 1 – 31/3 с 18.30 час. до 5 час. утра; в деревнях — от 1 – 31/1 с 17.00 час. до 6.00 час. утра; от 1 – 28/2 с 18.00 час. до 5. 30 утра; от 1 – 31/3 с 9.00 час. до 5.00 час. утра...»

Контрразведка, разведка, карательные мероприятия были у нацистов на «высоком уровне». Скажем, оперативные группы СД (айнзатцгруппы) были созданы еще накануне войны, в мае 1941 г. Всего было создано 4 группы — А, Б, Ц, Д. Каждая из групп состояла из штаба, специальных команд (зондеркоманд), действовавших в районах расположения армейских частей, и оперативных команд (айнзатцкоманд), действовавших в оперативном тылу армии.

Айнзатцгруппы и их подразделения укомплектовывались служащими полиции, гестапо и СД. За несколько дней до начала войны с СССР шеф РСХА Гейдрих отдал приказ о занятии всеми подразделениями СД исходных пунктов, из которых впоследствии они выдвинулись вглубь советской территории. К этому времени, каждая из айнзатцгрупп насчитывала в своем составе до 600 человек. Эти группы были также снабжены необходимым количеством автотранспорта. Оперативные и особые команды СД насчитывали в своем составе 120–170 сотрудников. Из них: 10–15 — офицеры, 40–50 — унтер-офицеры и 50–80 рядовых СС.

Оперативные и особые команды СД направляли в небольшие города, райцентры и местечки свои подразделения — тайлькоманды и отряды численностью 10–18 человек. Такие отряды состояли из начальника подразделения, 5–6 следователей, 2 писарей, 4–5 переводчиков, 4–5 шоферов и 6–8 полицейских-охранников.

Перед этими оперативными группами и командами ставились следующие задачи: захват и обыск помещений советских партийных, правоохранительных органов

и штабов воинских частей; захват учреждений, имеющих архивы и картотеки; проведение розыскных мероприятий, арестов и уничтожение советских партийных работников, сотрудников НКВД, армейских политработников, офицеров; выявление и ликвидация местного партийного и комсомольского актива, общественников, советской агентуры, евреев; ведение борьбы в тыловых районах со всеми проявлениями антинемецкой деятельности; информирование командующих тылами немецких армий о положении в подведомственных им районах.

Тяготел СД и к изучению «национального вопроса» в Беларуси, делая при этом свои весьма «глубокомысленные» выводы. В частности, в справке по данному вопросу, составленной в 1942 г., говорилось о том, что «население “Вайсрутении” составляют в основном белорусы, а также русские и поляки. Обстановка в областях, давно входивших в состав СССР и присоединенных в 1939 г., разная. На западе население приветствовало немцев, на востоке — выжидало. Широкие массы сельского населения (75 %) — это простые крестьяне с примитивным и ограниченным мышлением. Они не могут что-либо решать самостоятельно, их нельзя в чем-либо убедить только словом. В городах лучшие силы служили коммунизму, и поэтому с приходом немцев они бежали в Россию. Некоторых белорусских эмигрантов, проживавших в Германии и Польше, оккупационные органы привезли сюда как единственных лиц, которым можно доверять. Но их авторитет здесь невелик.

Большинство поставленных нами на руководящие должности от Белостока до Смоленска — это выходцы из Польши и в основном католики. Поэтому они смотрят на Белоруссию через польские очки. Но белорусы-католики — это не настоящие белорусы, под лозунгом Белоруссии они стремятся построить новую Польшу... Между белорусами и поляками происходит острая борьба.

Немецкие оккупационные власти вернули в Белоруссию польских помещиков, которые в 1939 г. бежали от русских».

В другом донесении СД по Белоруссии, от 1 мая 1942 г., ставилось под сомнение вообще существование белорусской национальной проблемы. В нем, в частности, утверждалось, что «среди белорусов почти не замечается чувства национальной принадлежности. Белорусский народ и его язык действительно существуют, но нет белорусской проблемы как националистически-автономистской проблемы. Белорусский народ — это аморфная масса, не имеющая своей интеллигенции и своего государства. Единственным критерием принадлежности к белорусскому народу является употребление белорусского языка. Начиная с XVII века белорусский язык вообще не развивался, и даже в настоящее время в сравнении с другими европейскими языками является примитивным. В нем отсутствуют даже такие понятия, как культура, техника и другие. Кроме языка, в Белоруссии нет других признаков нации...»

Смелые, однако, выводы. Но вернемся все же к основному вопросу. Если взглянуть на немецкую карту оккупированного Минска, то видно, что город после его захвата нацистами был буквально наспигован структурами СД (служба безопасности), абвера (разведка и контрразведка вермахта, конкурировавшие с СД), ГФП (тайная полевая полиция, аналог гестапо на оккупированной территории БССР) и созданными ими разведывательно-диверсионными школами под прикрытием сначала Белорусской самопомощи, а затем Белорусской краевой обороны, местных полицаяв, других организаций (в том числе торговых) и т. д. Одновременно функционировали и разного рода коллаборационистские «суполкі». Этим обеспечивался так называемый «новый порядок», осуществлявшийся в соответствии с директивой об «Особой подсудности в районе “Барбаросса”».

В связи с начинавшимся движением сопротивления на территории оккупированной Беларуси нацисты начали «совершенствовать» свою оккупационную карательную политику. Так, из оперативной сводки германского коменданта в Белоруссии от 10 сентября 1941 г. следовало: «...Вести успешную борьбу без моторизованных частей против этих партизан невозможно, так как последние при нападении патрулей и команд отходят пешком далеко вглубь непроницаемых лесов и там бесследно исчезают...»

Потом, разведав места расположения немецких гарнизонов, они снова исчезают, чтобы на следующий день снова появиться в совершенно других населенных пунктах. Агентура и разведка партизан, кажется, работают очень хорошо, так как они заранее узнают обо всех акциях против них...»

Испытав первые удары белорусских партизан, оккупанты с первых же месяцев войны пытались вооруженным путем подавить партизанское движение в тылу своих войск. В 1941 г. ими был проведен ряд крупных карательных операций против партизан Беларуси. На борьбу с ними были брошены 221, 286, 403-я охранные, 339 и 707-я пехотные дивизии, 1-я кавалерийская бригада СС, артиллерийские, танковые и саперные подразделения, моторизованные части полевой жандармерии, полицейские полки и батальоны.

Бои между партизанами и карателями обычно носили упорный, ожесточенный характер. По этому поводу солдат 8-й роты 747-го полка 707-й дивизии Ганс Риммель в августе 1941 г. писал домой: «Самое опасное — это партизаны. Они хуже, чем фронт, так как русские хорошо обучены в этом отношении, и, к сожалению, мы несем от них потери убитыми и ранеными. Многие из моих товарищей погибли от их рук. Это ужасно... Немецкие солдаты все больше убеждаются в том, что против нас борется весь народ...»

В директиве начальника генштаба Сухопутных войск Ф. Гальдера от 16.08.1942 все сформированные из советских граждан подразделения и части получали название восточных войск, а военнослужащие — добровольцев. Немало советских граждан служило в спецформированиях и боевых частях СС. Многие из них и в настоящее время не подлежат реабилитации, поскольку такие преступления, как предательство, кровь соотечественников на руках, измена Родине сроков давности не имеют.

В своих карательных акциях нацисты широко использовали территориальные органы полиции безопасности, СД, оставившие наиболее кровавый след на белорусской земле. Один из приказов руководителя команд СД о методах проведения карательных экспедиций против партизан и мирного населения Беларуси от 18 ноября 1942 г. гласил: «Рейхсфюрер СС, обергруппенфюрер СС Бах придают огромное значение результатам разведки полиции безопасности СД. Прошу поэтому немедленно развернуть разведывательную деятельность, используя весь накопленный полицией безопасности и СД опыт и применяя для этой цели все средства... Обергруппенфюрер СС предоставляет руководителю команды СД право решать исключительно самому, сжигать ли деревни, уничтожать или эвакуировать их жителей». И они их в основном жгли и уничтожали...

При так называемом нацистском «новом порядке» с первых дней оккупации гитлеровцы стремились террором и насилием подавить сопротивление белорусского народа. С особым зверством и жестокостью расправлялись оккупанты и полиция с советскими активистами и еврейским населением. Скорбный мартиролог жертв нацизма в Беларуси весьма длинный.

По мнению генерального комиссара «Вайсруте-нии» В. Кубе, «главного хранителя “белорусскости”» (каким его считают некоторые до сих пор преданные

«дети капитана гранта»), нацистская «государственная мудрость» должна была заключаться в том, чтобы неуклонно насаждать нацистский «новый порядок» с максимальным использованием местных, а также привезенных в своем обозе коллаборационистов и предателей. Беларусь стала ареной невероятной по своему размаху, жесточайшей тайной войны спецслужб. А согласно плану «Ост» и расовой теории нацистов (проводником которой и являлся В. Кубе) — войны на уничтожение большинства местных «туземцев-неарийцев»...

Правда, уже в XXI в. «профессор-ленинец» Л. Лыч, восславлявший «при ненавистном совке» Октябрьскую революцию, прелести развитого социализма, грядущего коммунизма и интеграции всех советских республик, в своем творении 2011 г. «Нацыянальна-культурнае жыццё на Беларусі ў часы вайны (1941–1944 гг.)», изданном в Вильнюсе, дописался до такого кощунства и дикости: «...Если бы возник вопрос об избрании кого-нибудь из первых политических руководителей нашего Отечества за последние 70 лет (оказывается, Кубе был руководителем белорусского государства!? — Авт.) почетным членом товарищества белорусского языка имени Скорины, то у Кубе (!?) было бы больше шансов, чем у других, стать таковым». Это к вопросу о квазиидеологии XXI столетия.

Вот только «подвинуть» бы самого «спадара» Лыча экзекуционной эсэсовской дубиной к той жуткой оккупационной реальности, да еще поближе к краю смертельной бездны, к полыхавшим день и ночь печам для уничтожения безвинно убиенных и расстрельным ямам только лишь одного из нацистских концлагерей под названием «Тростенец» (занимавшего печальное третье место в общей системе лагерей смерти после Освенцима и Майданека), где было уничтожено 206 тысяч человек. Да посмотреть, что и как «спадар» Лыч тогда на самом бы деле «заспяваў»!

Ведь в Беларуси нацисты уничтожили, повторим, каждого третьего, и доказанное руководящее участие генерального комиссара «Вайсрутении» и «благодетеля вайсрутенов» В. Кубе в этом массовом злодеянии никем не оспаривается. И осталась в памяти народной такая его циничная фраза, произнесенная после осуществления оккупантами одной из многочисленных расстрельных карательных акций: «Надо, чтобы только упоминание одного моего имени приводило в трепет русского и белоруса, чтобы у них леденел мозг, когда они услышат “Вильгельм Кубе”. Я прошу вас, верных подданных великого фюрера, помочь мне в этом».

Когда позже состоялся судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных германскими нацистами в Беларуси, кое-кто из этих преступников пытался оправдываться: дескать, если бы партизаны не взорвали генерального комиссара «Вайсрутении», то мы не убили бы всего за несколько дней две тысячи минчан. На что судебный обвинитель задал резонный вопрос: «Ну а операция “Волшебная флейта”, во время которой было арестовано 52 тысячи минчан и большинство из них уничтожено... Ведь вы ее проводили до убийства Кубе! А план начальника отдела колонизации первого главного политического управления по делам оккупированных восточных областей доктора Эриха Ветцеля, составленный еще до 22 июня 1941 года, который вы начали осуществлять с первого дня войны?» Ответить подсудимым нацистам было нечего. Убийственные факты и доказательства свидетельствовали против них.

Впрочем, это было уже не внове. В свое время на этой «ниве», не покладая обгаренных кровью рук, «потрудились» все — от Гитлера, Гимmlера, Геббельса до местных коллаборантов. Однако проявилась и другая тенденция. Вполне коллаборационистская. Так, Сергей Захаревич в своем «творении» 2012 г. «Партизаны СССР: от мифов к реальности», изданном в Вильнюсе

под редакцией все того же «суперисторика» и фальсификатора А. Тараса, горько сожалел о том, что нацисты в Беларуси действовали якобы «нерешительно» в ходе своих карательных акций и маловато убили «неправильных белорусов».

Внимательно вчитаемся в эти чудовишные строки, прямо или косвенно оправдывающие предательство и коллаборационизм: «...Основной тезис стратегов Рейха об СССР как “колоссе на глиняных ногах” с национальным вопросом в качестве “ахиллесовой пяты” (именно на ней “подвернулся” Советский Союз в начале 90-х годов) был верным. Да вот беда — немцы, похоже, до конца сами не представляли, как и кто будет реализовывать предоставившиеся им выгодные возможности развала “империи Советов” по национальному принципу (да уж, нацисты просто спали и видели, как бы это им поскорее создать это самое «независимое белорусское государство» — для того только лишь и вломились с огнем и мечом в чужой дом. — *Авт.*)...

...Три года оккупации на значительной части территории Белоруссии царило фактическое безвластие («Какая жалость!» — *Авт.*) — вот причина расползания “партизанской бациллы”. Немцы взяли под контроль лишь более или менее крупные населенные пункты и транспортные артерии, а на остальных территориях, куда оккупационные власти лишь совершали вылазки для реквизиций (!) да за рабочей (!) силой, возник вакуум, которым воспользовались партизаны.

Нет сомнения в том, что если бы в 1941–42 гг. были созданы национальные вооруженные (кем и какие? — *Авт.*) формирования, подчиненные национальной (?!) администрации (?) (Радослав Островский оценивал их вероятную численность не менее 90 тысяч человек), это означало бы конец партизанской вольницы в республике (вернее, оставшегося от нее ошметка в виде оккупированной нацистами «Вайсрутении» под «фюрерством»

Кубе, а потом фон Готтберга. — Авт.). Ведь в таком случае своей численностью национальные вооруженные силы (!?) значительно превзошли бы партизан (а как насчет все тех же более чем 260 нацистских концлагерей и лагерей смерти в Беларуси? — Авт.).

Но Берлин вел себя как собака на сене — «и сам не гам, и другому не дам» (Какая смелость в оценках постфактум! А вот тогда бы Гиммлеру это все верноподданнически в уши вдуть и сразу после этого — в концлагерный крематорий! — Авт.). С 1941 года началось противоборство между Кубе и Гиммлером. «Когда некий белорус или украинец создает свою армию, то, несмотря на это, он все равно остается русским»... Такого вот понатворил нам этот дурак Розенберг».

Цитата эта «спадаром» С. Захаревицем была взята из книги О. В. Романько «Коричневые тени в Полесье. Белоруссия, 1941–1945» (М., 2008). Хорошей, честной, реалистичной, антинацистской и аргументированной, надо сказать, книги. Как-то даже не хочется дальше что-то комментировать и доказывать. Думается, читатель, ознакомившись с ней, сам необходимые выводы сделает, ибо в ней предугадано будущее в том случае, если «коричневые тени» все-таки восторжествуют.

Ну а для завершения этой темы буквально несколько цитат из «Страявога вайсковага статуту», который «пераапрацаваў з нямецкага вайсковага статуту (Ausbildungsvorschrift für Infanterie Heft 2-a) падпаручык артылерыі Мікула Віталі», изданного в 1943 г. в Минске в «Schul- und Jugendverlag in Minsk (Выдавецтве Школьных Падручнікаў і Літаратуры для Моладзі ў Менску)», а праше — тогдашнем и нынешнем Доме печати на современном проспекте Независимости нашей столицы).

О чем громко «протрубил» на его второй странице «Галоўны Кіраўнік БНС д-р Ермачэнка»: «З днём выданьня Беларускага Вайсковага Статуту становіцца ён абавязкавым для БСА на ўсім абшары Беларусі. Адна-

часна можа быць выкарыстаны ў радах беларускай паліцыі, у школах і іншых арганізацыях пры фізічна-ўзгадаваўчых занятках».

Приложил тут свою руку и все тот же «капітан Кушэль — камандзір Беларускага Перападрыхтоўчага Афіцэрскага Курсу»: «...Усе каманды і тэрміны ўзараванья на нямецкім строі і апрацаванья на Беларускіх Перападрыхтоўчых Афіцэрскіх Курсах у Менску». И никак не иначе! Только по немецкой кальке, образцу и подобию! Вот такая «полная незалежнасць»...

Однако всем этим бравым кушелевским «стральцам» все чаще приходилось выполнять довольно однообразные и панические команды: «Зброю ў казлы!», «З дарогі!», «Лягай!», «Нельга прайсьці!», «Лятун – хавайся!»...

А поначалу Берлин все требовал неуклонного усиления борьбы с партизанами. 18 ноября 1942 г. начальник оперативного штаба полиции безопасности и СД «Остланд» Пифрадер обратился к начальникам всех разведкоманд с письмом, в котором сообщил, что рейхсфюрер СС Гиммлер возложил на обергруппенфюрера СС и генерала полиции фон Бах-Залевски подавление партизанской деятельности в генеральном округе «Белоруссия» и что последний поручил ему лично «проведение всех необходимых задач со стороны полиции безопасности и СД». Пифрадер предупредил начальников подчиненных ему разведкоманд, что «обергруппенфюрер придает большое значение результатам разведки, проводимой полицией безопасности и СД» и что поэтому следует, «используя прежний опыт полиции безопасности и СД, все средства, ведущие к достижению цели, немедленно начать разведывательную деятельность...».

Действительно, у гитлеровских спецслужб, действовавших в тот период наступательно и изобретательно, был изрядный опыт агентурно-оперативной работы, сыгравший, пожалуй, решающую роль в оккупации ряда европейских стран. В Беларуси их деятельность была

наиболее активной и масштабной. Ибо ставка на тотальность была отличительной чертой германской разведки и контрразведки еще со времен Первой мировой войны, являясь наследием ее первого многолетнего руководителя Вальтера Николаи.

Основными формами подрывной деятельности нацистской разведки и контрразведки против СССР были: военный шпионаж, диверсионные акты, террор, попытки организовать внутри страны бандитско-повстанческое движение, психологическая война.

Соответственно, органы госбезопасности все свои силы и средства сосредоточивали на выполнении основных задач: борьба с подрывной деятельностью разведки и контрразведки противника; оказание помощи Красной Армии в боях с немецко-фашистскими захватчиками; ликвидация германской агентуры в тыловых районах страны; организация разведывательной, разведывательно-диверсионной и контрразведывательной работы в тылу врага на оккупированной им территории.

С партизанами и подпольщиками, спецгруппами и отрядами НКВД, НКГБ и ГРУ, отдельными разведчиками на оккупированной территории Беларуси должны были бороться, с одной стороны, вермахт (и его абвер — военная разведка и контрразведка с их «фауманами»), с другой — полиция безопасности и СД (айнзатцкоманды и айнзатцгруппы, система «фауманов»). Они должны были действовать независимо друг от друга, в разных районах, выполнять различные задачи; каждая имела при этом свое командование.

Вместе с тем с целью реализации полученных агентурно-оперативных материалов команды и группы СД осуществляли свою деятельность в координации и взаимодействии с абвером (поглощенным в июле 1944 г., после покушения на Гитлера, Главным имперским управлением безопасности) и ГФП (тайной полевой полицией).

В задачу ГФП входило главным образом производство арестов по указанию органов военной контрразведки, ведение следствия по делам о государственной измене, предательстве, шпионаже, саботаже, антифашистской пропаганде среди военнослужащих немецкой армии, а также расправа с партизанами и другими советскими патриотами.

Кроме того, на ГФП еще возлагались такие функции как: организация контрразведывательных мероприятий по охране штабов армейских соединений, командующего соединением и представителей главного штаба; контроль за почтовой, телеграфной и телефонной связью гражданского населения; содействие цензуре за полевой почтовой связью; розыск оставшихся на оккупированной территории советских военнослужащих, воспрепятствование уходу их, а также гражданского населения с оккупированной территории за линию фронта; допросы и наблюдения за лицами, появившимися в зоне боевых действий.

Организацией агентурной разведки в Управлении «Абвер-заграница» при штабе Верховного командования вооруженных сил Германии (ОКВ) занимался «Абвер-1», диверсионные, террористические акты, восстания на территории противника, разложение его войск и тыла осуществлял «Абвер-2», борьбой с разведками противника (контрразведкой) руководил «Абвер-3». В соответствии с этой нумерацией и направлением дальнейшего использования создавались под различными прикрытиями и легендами абверштелле, абверкоманды, мельдекопфы и школы по подготовке «фауманов» абвера (разведка № 1, диверсии, террор № 2, контрразведка № 3). Нет нужды скрупулезно перечислять все их номера и в основном однотипные по каждому направлению их деятельности функции.

Остановимся лишь на некоторых из них. Так, под прикрытием службы связи Генштаба вермахта «Фер-

биндугштелле-ОКВ» в Минске весь период оккупации действовал контрразведывательный орган «Абвернебенштелле-Минск» («АНСТ-Минск»), подразделявшийся на несколько рефератов, который вел борьбу против советской разведки, партизанского движения и партийного подполья. Орган подчинялся «Абверштелле-Остланд», дислоцировавшейся в г. Риге.

«АНСТ-Минск», в свою очередь, имел периферийные службы «Абвер-офицеры» (АО) в г. Барановичи, Молодечно, Глубоком, Лиде, Слониме, Слуцке и Могилеве. «АНСТ-Минск» возглавляли: подполковник Вильгельм Крибитц, майор Кресснер, майор Шмидт, подполковник Ойлер. В июне 1944-го «АНСТ-Минск» эвакуировался в г. Познань.

«АНСТ-Минск» располагался в здании партшколы по ул. К. Маркса, имел явочные квартиры по улицам Берсона, Комсомольской, Островской, на площади Свободы (при нацистах — Адольф-Гитлер-плац).

На счету «АНСТ-Минск» — разгром Минского партийного подполья весной и осенью 1942 г., в результате которого погибли несколько сот минских патриотов-подпольщиков, выявление готовившегося восстания военнопленных в концлагере по улице Широкой в Минске.

Лишь после вывода Минского городского и областного подпольных Комитетов Компартии Белоруссии под непосредственную опеку оперативной группы (позже отряда) НКГБ СССР «Местные» под руководством Станислава Ваупшасова массовые репрессии и провалы подполья прекратились. А деятельность «АНСТ-Минск» была скована.

Деятельность абверовского органа «АНСТ-Минск» связана с судьбой его сотрудника А. Х. Ханзена (после войны в Швеции он вдобавок к Ханзену стал еще и Христенсенем), привлеченного в 1939 г. в Латвии к агентурному сотрудничеству представителями «Абверштел-

ле-Кёнигсберг» Нотци и Крибитцем. Последний, кстати, оказавшись после окончания войны в Западной Германии, поступил на службу в «организацию Гелена» (будущую БНД) и являлся объектом совместной разработки внешней разведки (ГУР) МГБ ГДР и ПГУ КГБ СССР.

С началом войны с июня по октябрь 1941 г. Ханзен служил в радиоцентре радиоразведывательной службы фашистской Германии в Псковской области, а затем при содействии не забывавшего его офицера абвера Крибитца, возглавлявшего «Абвернебенштелле-Минск», оказался на территории оккупированной Беларуси, где действовал в составе этого органа вплоть до февраля 1944 г.

Должность переводчика полевой комендатуры и учреждения связи верховного главнокомандования вермахта служила ему неплохим прикрытием при осуществлении им через агентов разведоргана сбора и передачи сведений о действиях подпольных антифашистских патриотических организаций, советских разведывательных групп, забрасывавшихся на оккупированную территорию. Ханзен лично вербовал агентов из числа советских граждан, вставших на путь измены Родине. Таких «нашлось» шестнадцать. Немало советских разведчиков, подпольщиков и партизан навеки в муках сгинуло затем в застенках СД и ГФП.

«Пиком» карьеры Ханзена в оккупированном Минске была работа с «известным» предателем, агентом абвера, Борисом Рудзянко. Об этом позже достаточно полно было сказано в обвинительном заключении в отношении А. Христенсена-Ханзена:

«...В декабре 1941 года начальник “Абвернебенштелле-Минск” Крибитц при участии в качестве переводчика Христенсена-Ханзена дал указание агенту Рудзянко временно перейти в распоряжение оберфельдкомендатуры для выявления в лазарете военнопленных РККА подпольной патриотической организации.

Будучи внедренным в лазарет, Рудзянко вскрыл эту организацию. Получив данные о существовании патриотической организации в лазарете, гитлеровцы жестоко расправились с советскими патриотами — сотни военнопленных были арестованы, многие из них казнены.

В начале 1942 года Ханзен, неоднократно встречаясь с агентом Рудзянко один либо с офицером германской разведки, получил от Рудзянко данные о существовании в городе Минске подпольного комитета КП(б) Белоруссии и подпольной типографии. При этих встречах агенту Рудзянко офицерами германской разведки через Ханзена была поставлена задача обманным путем проникнуть в партийную организацию и выявить участников партийного подполья, что им и было выполнено.

Таким образом, в результате шпионской деятельности Рудзянко, других агентов германской разведки и СД было выявлено руководящее ядро Минского подпольного городского и районных комитетов КПБ...»

После этого в сентябре–октябре 1942 г. нацистские каратели произвели массовые аресты подпольщиков, в том числе членов Минского комитета КП(б)Б и секретарей городских районов: К. И. Хмелевского, Н. К. Корженевского, О. И. Курильчика, А. Л. Котикова, И. К. Ковалева, В. К. Никифорова, Д. А. Короткевича, И. К. Кабушкина и других. Арестованные подвергались пыткам и издевательствам, многие из них были расстреляны и повешены. Нацистами была также разгромлена типография Минского комитета КП(б) Белоруссии.

«Деятельность» Ханзена в 1942 г. носит весьма разноплановый характер. Когда в апреле в районе Барановичей гитлеровцами была захвачена группа советских парашютистов-разведчиков РУ ГШ РККА в составе Крупкина, Базара, Семченка и Михасюка, то двое последних из них были привлечены абвером к шпионской деятельности. При этом Семченок после вербовки был передан в распоряжение «Абвернебенштелле-Минск» для ис-

пользования в радиоигре с руководством РУ ГШ РККА. Для осуществления радиоигры в Барановичи вместе с агентом Л. Семченком (кличка «Владислав») конспиративно прибыл Ханзен. Он был в гражданской одежде, с документами прикрытия работника Центрального торгового общества «Восток» на вымышленную фамилию Янсон. В Барановичах они обосновались на конспиративных квартирах, откуда с помощью портативной радиостанции советского производства «Север» в течение июня–сентября 1942 г. вели радиоигру с РУ ГШ РККА. Она преследовала цели: путем передачи по радио дезинформации о движении немецких войск и военной техники ввести в заблуждение командование РККА; выявлять у командования РККА, какими данными о противнике оно могло интересоваться; вывести в немецкий тыл советских разведчиков-парашютистов с целью их захвата и продолжения радиоигры.

Последствия этой разведывательной акции оказались для военной разведки РККА просто катастрофическими. Во-первых, передававшаяся ей немцами дезинформация о движении германских войск и военной техники принималась «за чистую монету». Во-вторых, в ходе радиоигры у советского командования были выведены и переданы германской разведке секретные данные военного значения. В-третьих, командование РККА было спровоцировано на заброску в тыл гитлеровцев парашютиста-разведчика И. Гарбуза.

По прибытии Гарбуза в Барановичи Ханзен некоторое время лично осуществлял наблюдение за ним с целью выявления его связей, неизвестных немецкой разведке. Затем по указанию Ханзена Гарбуз и другие лица были схвачены Барановичской СД.

По окончании радиоигры уже в Минске Ханзен продолжал через агентуру сбор информации о партизанах, их связях, патриотах-подпольщиках, советских парашютистах-разведчиках (НКВД (НКГБ) и РУ ГШ РККА), дей-

ствовавших на оккупированной территории Беларуси. С этого времени интерес к нему проявляло Четвертое управление НКГБ СССР, однако активные мероприятия по Ханзену ему провести не удалось.

К началу 1943 г. через агента Ленжина Ханзену удалось выявить в Минске сотрудника НКВД БССР В. В. Журавля, за которым «Абвернебенштелле-Минск» было установлено наблюдение, а затем он был вместе со своими связями арестован и погиб в застенках СД. В «послужном списке» Ханзена были и неудачный розыск выданных агентом Тридюновым-Петровым в Минске разведчиков одной из спецгрупп НКВД БССР, и арест двух жителей Минска, заподозренных в связях с партизанами, и попытки внедрения агентуры в партизанский отряд, действовавший в Койдановском районе. Действовал он профессионально, расчетливо и весьма изобретательно.

Практиковал Ханзен и так называемое «спаривание агентов». Так, в 1943 г. для сбора шпионских сведений о партизанах были сведены вместе агенты В. Екимов и А. Панов, которые, являясь провокаторами, выявили согласившихся вывести их в партизанский отряд супругов Михаленко. После ареста и зверских пыток в СД они были расстреляны. За активный шпионаж в пользу Третьего рейха Ханзен в 1943 г. был награжден гитлеровским крестом за военные заслуги II класса.

Незаурядный практик и аналитик, Ханзен к середине 1944 г. понял, что дни гитлеровской «империи» сочтены. Находясь в Польше, в небезызвестном штабе «Валли», он предпринял усилия, чтобы в ноябре 1944 г. бежать в нейтральную Швецию. Его легализации там помогла тщательно продуманная легенда, новые документы и тот факт, что один из его родственников был уничтожен гестапо после провала покушения на Гитлера.

По окончании войны Ханзен не был забыт спецслужбами государств-победителей (США и Великобритании),

с которыми он небезуспешно сотрудничал. Его похождения спустя годы вновь вынужденно продолжились на белорусской земле.

Этому предшествовала ювелирная оперативная комбинация, в которой были задействованы органы внешней разведки ГДР, ПНР, разведка, контрразведка (а затем и их агентура) КГБ при СМ БССР, а также следователи Комитета. В конечном итоге собственные контраргументы, интуиция и сверхосторожность все-таки подвели Ханзена. Возобновленная им переписка с бывшей любовницей в оккупированном Минске Станиславой Гусаим (проживавшей к тому времени в Польше), родившей от него сына, и вновь вспыхнувшие любовные и отцовские чувства через несколько лет привели его на волне ностальгии в Восточный Берлин. Но Станиславы в аэропорту Шёнефельд не оказалось — там его уже ждали сотрудники МГБ ГДР и КГБ при СМ БССР, после чего Ханзен спецавиарейсом через несколько часов был доставлен в Минск. Он получил свой срок заключения.

Правда, через несколько лет, 28 декабря 1963 г. последовало постановление Президиума Верховного Совета СССР за подписью Л. И. Брежнева, которое было достаточно кратким: «...Освободить досрочно из мест заключения, выдворить из пределов Советского Союза и передать шведским властям шведского подданного Христенсена-Ганзена Аксея, осужденного военным трибуналом Белорусского военного округа за шпионскую деятельность против СССР к 6 годам лишения свободы». Его обменяли на советского разведчика, арестованного спецслужбой одного из государств Западной Европы. Длившаяся без малого 25 лет шпионская эпопея Аксея Ханзена завершилась.

Во время Великой Отечественной войны на территории оккупированной Беларуси действовали и другие германские спецслужбы. Характерно, что наряду с НКГБ по мере накопления опыта существенно расши-

рились масштабы зафронтовой работы ГУКР «СМЕРШ», которая начала давать весомые результаты.

Военной контрразведке в этот период удалось внедрить ряд зафронтовых агентов в формирования РОА генерала-предателя А. Власова с целью их разложения. В результате в общей сложности 1202 человека перешли на советскую сторону.

Одна из блестящих операций того периода — внедрение управлением контрразведки «СМЕРШ» 1-го Прибалтийского фронта в Смоленскую диверсионную школу агента К. С. Богданова (кстати, этот факт попытался приписать в заслугу ЦШПД Пантелеймон Пономаренко. — *Авт.*). Бывший командир взвода младший лейтенант Красной Армии Богданов в августе 1941 г. попал в плен, был завербован германской военной разведкой, после чего прошел обучение в Смоленской диверсионной школе.

За период пребывания в абверовской школе Богданов склонил к сотрудничеству с советской контрразведкой шестерых агентов-диверсантов, поручив им после перехода линии фронта явиться в органы «СМЕРШ» с заранее обусловленным паролем. Кроме того, в селе Преображенском ему удалось подобрать у местной жительницы явочную квартиру. В октябре 1943 г. Богданов был назначен командиром группы для проведения карательных мероприятий против партизан в районе Орши. Во время формирования отряда ему удалось убедить командира другой группы Афанасьева перейти вместе с курсантами его подразделения к партизанам.

В результате своих действий Богданов и Афанасьев привели в 16-ю Белорусскую партизанскую бригаду 88 человек, которые в дальнейшем прекрасно зарекомендовали себя в боях с оккупантами. По возвращении в органы «СМЕРШ» Богданов сообщил необходимые данные на 12 официальных сотрудников и 53 агентов Смоленской диверсионной школы.

Из справки 2-го отдела УКР этой организации 3-го Белорусского фронта, касавшейся перевербованной германской агентуры, следовало: «За период с 01.10.43 г. по 01.03.44 г. из тыла противника вернулись два зафронтовых агента: “Зоркий” и “Турецкий”».

Агент “Зоркий” при переброске в тыл противника 25 ноября 1943 года имел задание завербовать разведчика крупкинского (н. п. Крупки) разведпункта Шаркова, имевшего намерение явиться к нам с повинной, с тем чтобы последний склонил на явку с повинной в советские органы хорошо знакомых ему немецких разведчиков Ляпина и Гаврюшина.

Ввиду того, что к моменту возвращения на пункт указанные разведчики оттуда выбыли, агент “Зоркий” обработал на явку с повинной к нам другого разведчика — Валькова (арестован УКР “Смерш” Белорусского фронта). Кроме того, “Зоркий” передал органам “Смерша” активного немецкого агента Сапсая и принес сведения о приготовленной и подготавливаемой агентуре в крупкинском разведпункте и в минском штаб-бюро...

Во исполнение нашего задания Турецкий сообщил пароль на явку с повинной в советские органы немецкому разведчику Крымову и при переброске немцами на нашу сторону 14 марта 1944 г. доставил ценные сведения контрразведывательного характера».

В целом благодаря личным наблюдениям и показаниям возвратившихся из-за линии фронта агентов военные контрразведчики задержали с октября 1943 по март 1944 г. 43 германских разведчика, получили установочные данные на 620 официальных сотрудников вражеских разведорганов и 1103 агентов. Из этого числа были в последующем арестованы органами УКР «СМЕРШ» фронтов 273 человека. Безусловно, к тому времени каждый из разведорганов абвера и РСХА находился под пристальным вниманием не только военных контрразведчиков, но и четырех подразделений

НКГБ СССР и НКГБ БССР. Ну а абвер-группа 210 в конечном итоге переместилась сначала в Литву, а затем в Восточную Пруссию.

А ранее, еще осенью 1941 г., в полосе Западного и Калининского фронтов действовали 5 абверкоманд, 19 абвергрупп, особая команда полиции безопасности, СД «Москва» и другие. Число забрасываемых ими агентов неуклонно увеличивалось.

На территории Беларуси также действовала военная полиция — жандармерия, которая сначала подчинялась полевым и местным комендатурам, затем — комиссариатам. В каждом округе функционировало окружное управление жандармерии, в райцентрах — жандармские посты, в сельской местности — опорные пункты. Иногда команды полевой жандармерии придавались управам. На территории тылового района группы армий «Центр» жандармерия функционировала при соответствующих воинских формированиях и административных структурах.

Наряду с этим в июле 1941 г. началось создание вспомогательной полиции из местного населения, позже переименованной в службу порядка (OD — Ordnungsdienst), функции которой в целом были схожи с функциями немецкой полиции поддержания порядка OrPo, занимавшейся поддержанием общественного порядка, патрулированием, охранной деятельностью, контролем за движением на дорогах и т. д. Деятельность OD курировали отделения охранной полиции, местные комендатуры, гарнизонные коменданты. Силы OD формировались из расчета 1 полицейский на 100 сельских жителей и 1 полицейский на 300 горожан. В структуре OD действовала служба стражи, имевшая в своем составе стационарные и передвижные посты, дежурные команды. Подчинялась она руководству охранной полиции. Следует отметить, что структура полицейского аппарата и функции различных служб неоднократно корректировались.

Миссия же СД (Sicherheitsdienst — служба безопасности) с самого начала была ясна: она должна была иметь дело с мирным населением оккупированной Беларуси. Пять лет спустя Международный трибунал в Нюрнберге дал этой миссии юридическое определение: «Гестапо и СД использовались для целей, которые являлись, согласно Уставу, преступными и включали... эксцессы на оккупированной территории».

В Нюрнберге было также отмечено, что СД выполняла две функции: «С одной стороны, ей была поручена расправа над определенными элементами, с другой стороны, она осуществляла законную полицейскую функцию, связанную с обеспечением безопасности тыловых коммуникаций армий и в этой связи действовала главным образом против партизан».

До декабря 1941 г. на оккупированной территории Беларуси действовали только оперативные органы полиции безопасности и СД. Первоначально вся Беларусь была отнесена к зоне деятельности Айнзатцгруппы «Б».

С конца сентября 1941 г. Минская область была отнесена к зоне деятельности Айнзатцгруппы «А». В Минске и Барановичах дислоцировались подразделения СД под командованием штандартерфюрера СС Эгера.

В Минске, Витебске, Бобруйске, Орше, Могилеве, Гомеле вели контрразведывательную работу местные подразделения СД. В состав каждой айнзатцгруппы входило от 1000 до 1200 человек, распределенных между несколькими айнзатцкомандами. Профессиональный состав команд был тщательно продуман и взвешен.

На 1000 человек приходилось примерно 350 эсесовцев, 150 шоферов и механиков, 80 сотрудников вспомогательной полиции (набиравшихся обычно из местных коллаборационистов), 130 сотрудников полиции порядка, 40–50 работников уголовной полиции и 30–35 сотрудников СД. Полагалось также определенное число переводчиков, радистов, телеграфистов, управленческих работников.

В инструкциях, определяющих круг их обязанностей, на первом месте стояла «ликвидация» евреев и политических комиссаров. Еврейская часть населения подлежала полному уничтожению в гетто и концлагерях (в чем, кстати, особо «отличился» такой концлагерь тотального уничтожения, как Малый Тростенец).

В декабре 1941 г. в связи с созданием рейхскомиссариата «Остланд» и реорганизацией органов полиции безопасности и СД руководителем этого органа был назначен оберштурмфюрер СС Штраух. Он подчинялся начальнику айнзатцгруппы «А», а с марта 1943-го — командующему полиции безопасности и СД «Остланд».

Само управление полиции безопасности и СД размещалось в Минске в зданиях университетского городка, как раз напротив Дома правительства. Там же, в тупичке двух улиц была расположена и относительно небольшая школа по индивидуальной и групповой подготовке «фауманов» СД, предназначенных для выявления в городе партизан и подпольщиков, подрывной работы непосредственно в партизанских отрядах и подполье Минской области, а также, по мере роста числа поражений вермахта на фронтах, и для заброски в советский тыл. А на верхнем подземном уровне нынешнего торгового центра «Столица» на площади Независимости размещались камеры пыток СД.

Кроме того, в 1943 г. полицией безопасности и СД были созданы три Белорусских батальона, которые участвовали в карательных экспедициях против партизан, несли охранную службу в концентрационных лагерях. В них имелись свои «фауманы» для обеспечения внутренней безопасности. В этом же году по распоряжению Гимmlера на территории Беларуси оккупанты создали оперативный штаб по борьбе с партизанским движением. Руководителем штаба был назначен фон Бах-Залевски.

В середине 1943 г. в Минск прибыла и развернула активную деятельность Смоленская СД, руководимая

белорусским коллаборационистом Н. Алферчиком. Он душой и телом был предан СС, даже соответствующие нацистские татуировки имел. Располагалась эта СД тогда на улице Островского (ныне Раковской), имела свою школу «фауманов», комплектовавшуюся во многом из числа членов Союза белорусской молодежи (СБМ), созданного в 1942 г. по указанию В. Кубе, и являвшегося «клоном» нацистского «Гитлерюгенда».

Смоленская школа «фауманов» Н. Алферчика взаимодействовала со школой СД в Красном урочище (неподалеку от 53-го военного городка на нынешнем Партизанском проспекте в Минске), в которой проходили спецподготовку исключительно «контактные» белорусские девушки «приятных форм и наружности в целом», как это значилось в документах СД.

Каждая из школ «фауманов» (агентов) работала под соответствующим прикрытием (курсы пропагандистов, подготовки младшего вспомогательного персонала того или рода войск противника, механиков-водителей, штурманов и т. д.).

В программу обучения в школах СД в различных вариациях (сокращенной или расширенной), в частности, входили: 1. Военная топография; 2. Немецкий язык (при необходимости — и польский); 3. Формы диверсии (массовое умерщвление при помощи отравления пищи, водных бассейнов; порча машин; минирование и подрывание железных дорог, подпилка мостов); 4. Индивидуальный террор (устройство засад, налетов, нападений на группы подозрительных лиц, явочные квартиры, захват важных документов, похищение нужных лиц с последующим выбиванием из них необходимой информации, завершавшееся их убийством или же доставкой в СД); 5. Способы озлобления народа, массовые и индивидуальные. Внесение элементов национальной розни и раскола в обществе; 6. Выработка истинного нордического характера, хладнокровия и рассудительности, умений

и навыков методично анализировать факты и события, делать необходимые для агентурной работы выводы; «7. История развития национал-социалистической партии Германии и выдающаяся роль в этом великого фюрера германской нации Адольфа Гитлера. Что представляет собой современная Европа под господством и водительством тысячелетнего Третьего рейха»; 8. Методы, способы и характерные приемы ведения разведки и контрразведки в различных, в том числе весьма специфических условиях военной обстановки (городские и полевые условия), осуществление разведывательного проникновения на объект; 9. Тактика германской армии и некоторых ее спецподразделений в борьбе с коммунистическими «лесными бандами» и регулярными войсками. «Фауманами» изучались также соответствующие разведпризнаки возможной принадлежности изучаемого лица к подпольным, партизанским структурам и советским спецслужбам.

Это дело было поставлено в СД и абвере на поток, и довольно серьезно, не говоря уже о массивной идеологической, психологической и шовинистической обработке «фауманов» в каждой из школ.

С учетом возможного характера будущего задания также изучались: способы и психологические особенности установления и закрепления ненавязчивого личного контакта «фаумана» с представляющими для СД интересами лицами (причем в этих ситуациях могло предусматриваться так называемое поэтапное «спаривание» агентов СД, участвующих в разработке, с передачей изучаемого лица от одного «фаумана» другому); дальнейшее развитие контакта с разрабатываемым лицом: возможные легенды, под которыми мог в дальнейшем выступать «фауман»; обеспечение собственной безопасности, «отступные» легенды в случае подозрений со стороны подпольщиков и партизан в отношении «фаумана»; возможные формы связи с кураторами из СД (личная, без-

личная, посредническая, с вероятным использованием радиосредств и т. д.).

Разработка подпольных и партизанских структур, а также резидентур советских спецслужб предусматривала: вербовку или же перевербовку их членов и разведчиков; подставу им своих «фауманов» (в некоторых случаях — кадровых сотрудников); активное дезинформирование; оказание необходимого психологического и провокационного воздействия с целью склонения на свою сторону. При этом в отличие от советских спецслужб, для «фауманов» каких-либо ограничений в их деятельности не существовало. В отношении «врага» допускалось практически все. «Конечная цель» оправдывала самые жестокие и бесчеловечные пути ее достижения.

Подготовка «фауманов» подразделялась на индивидуальную («штучный товар» необходимо было готовить на соответствующих квартирах, в иных местах, в том числе в помещениях школ, обеспечивавших конфиденциальность) и групповую подготовку (что при ее массовости приводило иногда к провалам, но в этих случаях нацисты «человеческий материал» особо не жалели). Подготовка подразделялась также на элементарную (когда «фауман» усваивал минимум необходимых знаний и навыков) и углубленную.

«Фауманы» условно подразделялись в зависимости от своих функций на разведчиков, информаторов, вербовщиков, групповодов, провокаторов, наводчиков, наблюдателей, боевиков, радистов, подрывников, диверсантов, содержателей легендированных явочных пунктов и квартир, передаточных пунктов, конспиративных адресов, конспиративных телефонов, мест прикритий, внутрикамерных и внутрилагерных разработчиков, агитаторов, документальщиков, связников, курьеров, «фауманов» наружного наблюдения, установщиков и т. д.

Из их личных качеств внимание акцентировалось прежде всего на таких: дисциплинированность и послу-

шание; беспрекословное подчинение (даже несмотря на поначалу кажущуюся абсурдность некоторых указаний их кураторов); ответственность за конечный результат порученной акции; смелость (в сочетании с «оперативным нахальством» и куражом); решительность; дерзость; способность пойти на риск и действовать как в составе группы, так и самостоятельно, принимать оптимальные решения в условиях дефицита времени; хорошее состояние здоровья и физическая подготовленность; профессиональное владение стрелковым оружием (при необходимости — радиоделом, минно-подрывным делом и т. д.).

В процессе обучения «фауманы» изучали кроме всего прочего: возможные действия противника, направленные против лжепартизанских отрядов, лжеподпольных групп «сопротивления»; структуру, формы и методы работы контрразведывательных и иных органов «врага»; социальные, физико-географические условия района предстоящих действий; специальное оружие и минно-взрывную технику, способы минирования, мины-ловушки, сюрпризы, их обезвреживание (если это было связано с выполнением задания); парашютно-десантную подготовку (при необходимости); тактику действий в составе небольших подразделений при проведении засад, налетов, захватов, ведения разведки на местности в городских и полевых условиях и т. д.); ориентирование на незнакомой местности; базирование вне населенных пунктов; физподготовка (рукопашный бой и некоторые иные способы самозащиты и нападения). Вся подготовка этих категорий «фауманов» определялась характером будущего индивидуального или группового задания.

Кроме того, значение имело знание (и дальнейшая шлифовка) немецкого или польского языка (в зависимости от характера индивидуального задания), а также привитие навыков выживания в экстремальных ситуациях.

Особое значение для успешного решения оперативных задач имело легендирование и обеспечение «фауманов» соответствующими легальными документами прикрытия и фальшивыми советскими документами.

При этом правдоподобность легенды и ее закрепление достигалось: путем внесения в нее подлинных сведений; снабжения «фаумана» соответствующими документами и предметами экипировки; в особых случаях путем проведения спецмероприятий, рассчитанных на то, что в ходе их осуществления к противнику попадут данные, подтверждающие легенду; путем уменьшения вымышленной части отрабатываемой легенды и подкрепления ее соответствующими документами или фактами, имевшими место в прошлом и могущими быть подтвержденными свидетелями или документами.

Большое внимание уделялось правдоподобному объяснению причин появления «фаумана» (наблюдателя, разведчика и т. д.) в том или ином населенном пункте. При этом любое объяснение, как правило, подтверждалось конкретными лицами и фактами. Свое появление «фауманы» чаще всего объясняли наиболее типичными для данного момента причинами: миграцией населения, поиском родственников либо работы, обменом продуктов и личных вещей, частным предпринимательством и иными.

В связи с вышеуказанным один из отчетов подобного «фаумана» в СД гласил: «Командиру полиции безопасности и СД. Минск. (Касается сообщения № 3 от 28.8.1942 г.): 28 августа в 13 часов из направления Андросовщина (7 км северо-восточнее Копыля) в местечко Рим (6 км севернее Копыля) двигалась русская армейская автомашина, на которой был установлен тяжелый пулемет системы “Максим”. Впереди машины ехали два наездника на лошадях и один позади машины... В Андросовщине он достоверно слышал, что в ночь с 26 на 28.8, между 2 и 3 часами, 30 партизанских повозок двигались

по дороге из дер. Вилечин (5 км северо-восточнее Копыля) в направлении Русак–Старица. Почти на каждой повозке был установлен тяжелый или легкий пулемет, на нескольких повозках даже по 2 тяжелых пулемета. За колонной следовало свыше 100 партизан. Вид у них был очень усталый, а местность они не знали, спрашивали дорогу в Старицы.

Между Андросовщиной и Русаками он вновь повстречал одного наездника и телегу, на которой сидело пятеро бандитов. Последние проводили собрание населения на кирпичном заводе возле дер. Андросовичи. У восточного выезда из дер. Русаки, возле мельницы в 20.00 он встретил телегу с 7 бандитами, которые ехали из дер. Бадзечи (2 км восточнее Русаки) при себе имели винтовки. В лесу, западнее дер. Старицы, он наблюдал выстрел красной ракеты...»

Справка СД: «На основании представленного донесения, источник, который очень надежный, видно, что район вокруг Старицы — единственный, в котором дислоцируются большие партизанские банды. Во всех других районах, вокруг Копыля, располагаются многочисленные, но мелкие банды, подойти к которым невозможно, так как они постоянно в движении и очень хорошо охраняют себя...»

Своеобразны были подходы СД к подбору и проверке своих «фауманов», с которыми нацисты особенно не церемонились. В ходе работы «с человеческим материалом» они обычно останавливались на людях, у которых на допросах выявлялся сильный характер, выразившийся в том, что они не сдавались быстро, могли держать удар, вели себя спокойно, не проявляя, несмотря на угрозы и другие крайние меры воздействия (в том числе и физические), трусости и малодушия.

Пытки первой, второй, третьей степени, другие «методы устрашения», когда загнанные под ногти иголки были только прелюдией иных варварских истязаний,

выдерживали далеко не все. Согласия «обрабатывавшихся» лиц на негласную работу представители германских спецслужб добивались также провокациями и шантажом, а достигнув цели, освобождали завербованного из тюрьмы и дней через 10–15 давали ему так называемую «пробу», которая заключалась в том, что к завербованному постепенно подводили группу «фауманов» (провокаторов), которые занимались изучением свежеиспеченного источника, или же его прикрепляли втемную к одному из «фауманов» и вместе с ним вводили в агентурную разработку реальной антифашистской группы. Вопрос о дальнейшем использовании проверяемого решался в зависимости от качества его работы по разрабатывавшейся группе и особенностей личного поведения. В конечном итоге исчерпывающую характеристику ему давал «фауман», подведенный спецслужбой к проверяемому.

Вместе с тем существовали и иные основы вербовки. В годы оккупации Беларуси нацистские спецслужбы, дабы скрыть свои истинные цели, опутать ложью доверчивых и слабовольных людей, толкнуть их на путь предательства, прикрывали создание своей агентурной сети, резидентур и так называемых добровольческих антисоветских формирований самыми различными псевдопатриотическими и националистическими вывесками.

Комплектование подобных формирований индивидуальным и групповым способами осуществлялось, как уже указывалось, в основном методами шантажа, террора, угроз ареста, насильственного угона в Германию или заложничества (угроза ареста или же арест родственников и близких лиц, уничтожения соответствующих деревень и поселков, лишения средств к существованию с учетом карточной системы), хотя попадались и идейные добровольцы, лица, не желавшие голодного существования (вербовка за «сытный паек»), обычные авантюристы с жадой приключений, уголовники, быв-

шие заключенные, ненавидевшие советскую власть, некоторые категории узников нацистских концлагерей, военнопленные, «фольксдойче», лица польской национальности, разного рода эмигранты-националисты и их местные «прыхільнікі», не выдвинутые оккупационными властями на «руководящие должности», полагавшие, что «самы росквіт незалежнасці Беларусі прышоў дакладна толькі ў час яе акупацыі Нямеччынай пад кіраўніцтвам вялікага фюрера Адольфа Гітлера», предатели и дезертиры из рядов Красной Армии, партизанских отрядов, скомпрометированные участием в карательных акциях нацистских оккупантов (кстати, участие в подобных акциях являлось в целом ряде случаев и проверкой лояльности «фаумана», будучи одним из способов окончательного закрепления его вербовки) и т. д.

Кроме того, органы полиции безопасности и СД насаждали агентурную сеть среди местного населения. В качестве «фауманов» использовались старосты деревень, волостные старшины, полицейские, лесники, владельцы буфетов, закусокных и ресторанов. Тех из них, кто до вербовки занимал ответственные должности, переводили на малозаметную работу в качестве мельников, счетоводов и прочих. Агентура была обязана следить за появлением в населенных пунктах партизанских разведчиков, парашютистов, лиц из числа комсомольского и партийного актива. Агентурная сеть сводилась в резидентуры. Резидентами назначались коллаборационисты из числа служащих оккупационных учреждений. В первый период войны нацисты при вербовке отдавали предпочтение лицам, пострадавшим от репрессий, и перебежчикам. Впоследствии агентура вербовалась из задержанных партизан, разоблаченных советских агентов-парашютистов. Некоторая часть «фауманов», как уже отмечалось, проходила специальное обучение азам контрразведки и разведки. Наряду с этим при командах

полиции безопасности и СД существовала штатная агентура, которая засылалась в населенные пункты для обнаружения советских партизан, парашютистов и подполья.

Говоря о длительной разработке подпольных групп, отметим, что соответствующим отделом СД «фауману» поручалось создать якобы «антифашистскую группу» из 3–5 человек, затем этой группе давалось задание установить связь с настоящей антифашистской организацией или группой (партизанский отряд, подпольный партийный комитет или разведгруппа, резидентура ГРУ, НКГБ и т. д.). После того как созданная «фауманом» группа, войдя в доверие, проникала в активно действующую подпольную организацию и разработкой устанавливала все данные о ней, а также выявляла не менее 50 % личного состава организации, оперативная разработка реализовывалась путем ареста известных СД участников организации или группы. Остальной состав ликвидированной организации выявлялся в процессе следствия.

«Фауманы» для зашифровки, как правило, также «арестовывались» и в процессе реализации дела использовались в разоблачении арестованных на очных ставках.

Часть участников ликвидируемой организации, выявленных в процессе следствия, оставалась СД на свободе, к ним подводили «фаумана», через которого продолжали вести разработку оставшейся группы и ее связей.

Разработку неблагонадежных или подозрительных для немцев лиц СД вело также через «фауманов», которых подводили в одиночку или группами, легендируя их как советских парашютистов-разведчиков или партизан. Разработку объекта «фауман» начинал обычно с разговора о том, что разрабатываемое лицо якобы знает в Москве, в ЦК ВКП (б) или ЦК КП(б)Б, командовании Красной Армии (в Центре) и что он («фауман») прислан на связь или ему рекомендовано обратиться за помо-

шью в работе против немцев. В случае если разрабатываемое лицо поддавалось на такую провокацию, оно бралось в активную разработку, а затем, по получении достаточных материалов, свидетельствовавших о связи его с группой или организацией, арестовывалось (одно или в составе всей группы, выявленной в процессе разработки).

«Фауману», как правило, поручалось абсолютно не стесняться в открытом выражении недовольства немцами-оккупантами с расчетом, что такое поведение провокатора может оказаться хорошей приманкой. Если СД удавалось через «фаумана» натолкнуться на людей, связанных с партизанами, то провокатор вводился в партизанское соединение следующим образом.

«Фауман» начинал легендировать перед окружающими лицами, что он якобы может отправить к партизанам большую группу людей или же имеет возможность снабдить отряд оружием, боеприпасами, немецкими документами прикрытия (могушими якобы обеспечить, согласно терминологии СД, «легализацию лесных бандитов»), медикаментами, сахарином, бумагой и другими предметами, в которых испытывают нужду партизаны и подпольщики. В этих случаях СД шла на действительную передачу через своего провокатора некоторых предметов партизанам, преследуя при этом цель более глубокой разработки организации и внедрения в нее других «фауманов».

Для разработки подпольных партийных комитетов немцы практиковали создание своих «подпольных лжекомитетов» и, установив через них связь с действительными комитетами, начинали вести глубокую их разработку, направленную в конечном итоге на их уничтожение. Контрразведка противника в этих случаях ставила во главе провокационных подпольных комитетов своих проверенных агентов из числа предателей, ранее занимавших видное положение. Так, жертвой абвера и СД

дважды стал и Минский подпольный горком КП(б)Б, и не только.

Одним из классических примеров успешной работы группы «фауманов» и кадровых сотрудников СД являлся разгром могилевского подполья, главную роль в котором сыграла «фольксдойче» Хелена (Генриетта) Боос, работавшая ранее в Симферополе, в местном отделении СД. Следует отметить, что СД в Крыму с помощью полиции и некоторых активистов из числа местного населения быстро справилась с советским партизанским движением и подпольем. Хотя борьба позже патриотами и была продолжена, но, однако, не с тем размахом, на который рассчитывали...

В отличие от Крыма, тыл группы армий «Центр», особенно в районах Восточной Белоруссии, постоянно находился под ударами партизан и подпольщиков. В Могилеве в 1941–1942 гг. находился штаб СС и полиции тыла группы армий «Центр», которым руководил все тот же группенфюрер СС фон Бах-Залевски. Однако, несмотря на это, в 1942 г. подпольщики Могилева провели ряд успешных и громких диверсий против оккупантов. Летом прямо на путях у вокзала был взорван эшелон с боеприпасами, а в ноябре Валентин Готвальд взорвал школу унтер-офицеров, при этом погиб и начальник школы обер-лейтенант Раше.

В декабре неожиданный удар был нанесен по самой могилевской СД. Подпольщик Василий Варчук, слесарь тюрьмы, освободил из камеры своего товарища по подполью, а затем они вдвоем выпустили из тюрьмы около десятка подпольщиков и партизан. При этом они уничтожили 8 немцев и охранников-полицейских, практически всю смену тюрьмы, причем оружием Варчука был обыкновенный слесарный молоток.

Фон Бах-Залевски жестко поставил перед Берлином вопрос об усилении могилевского СД, что и было незамедлительно сделано. В Могилев перевели ряд опытей-

ших сотрудников службы безопасности РСХА. В их числе из Крыма прибыла и Генриетта Боос. Она работала «под крышей» переводчицы СД. Правда, следователями могилевского СД были бывшие советско-партийные активисты — Костин, Курочкин, Колтунович, Семенюк, которым для работы с арестованными местными подпольщиками и партизанами переводчики были не нужны.

А фрау Генриетте целесообразнее было иметь именно эту должность, находясь как бы «в стороне». Так удобнее было подбирать кандидатов на «В», вербовать «фауманов», встречаться с ними на конспиративных квартирах, создавать резидентуры, внедряться в подполье и т. д. Присутствуя в качестве переводчицы на допросах, она иногда активно вмешивалась в их ведение, проявляя особую личную жестокость к тем, кто молчал и не желал выдавать товарищей.

С прибытием Генриетты Боос в Могилев была создана и специальная группа по борьбе с подпольем и партизанами, входившая в структуру зондеркоманды СД. Работой этой группы руководили Ганс Кульман и сама Боос. Местная полиция порядка была подчинена и выполняла задания этой спецгруппы. Естественно, они работали в тесном контакте с ГФП, жандармерией и комендатурой.

С первых же дней пребывания в Могилеве фрау Боос активно занялась розыском и выявлением подпольных организаций. Ее отличали хорошее знание советской довоенной действительности, психологии советской женщины-работницы, безупречная легенда. И результаты не заставили себя ждать. Генриетта создала многочисленную агентурную сеть, что позволило СД и полиции в 1943 г. практически уничтожить городское подполье.

Так, с использованием лжеструктур «сопротивления» из числа «фауманов» были разгромлены подпольные группы на железной дороге, в поселке Кирова, на хлебозаводе и некоторые другие. В 1943 г. СД аресто-

вало заведующего крупным армейским складом, офицера вермахта австрийского происхождения Рудольфа Вебера, помогавшего местным жителям и партизанам. Вот только самой Генриетте Боос после освобождения Беларуси удалось скрыться и следы ее затерялись. Чувствовалась все-таки железная выучка школы СД...

Отметим, что особо «отличившихся» агентов-provокаторов («фауманов») или же скомпрометированных долгой работой на оккупированной территории СД с конца 1943 г. обычно забрасывало в советский тыл с заданием проникнуть в органы советской разведки, добиться там роли проводников разведывательных групп, засылаемых на оккупированную территорию, чтобы при выброске группы с проникшим в нее «фауманом» нейтрализовать в самом зачатке ее работу.

К сожалению, практикой подтверждалась эффективность этого метода проникновения немецкой агентуры в советские разведывательные группы.

На случай отступления немцев с оккупированной ими территории Беларуси все «фауманы» предназначались к оставлению на прежнем месте (оседанию) для подрывной работы в тылу Красной Армии.

В ноябре 1943 г. одним из партизанских отрядов, действовавших в Беларуси, был захвачен приказ штаба по борьбе с партизанским движением. В документе говорилось: «Вся агентура полиции безопасности и СД и агентурные материалы должны быть переданы органам фронтовой разведки. В каждой резидентуре резидент должен подобрать 5 агентов из числа стариков и женщин, не подлежащих призыву в армию и трудмобилизации. С приближением фронта резидент должен поставить перед ними следующие задачи: агент обязан оставаться на территории, занятой Красной Армией, и собирать сведения о воинских частях: нумерация и место их нахождения, род войск, расположение штабов, батарей, аэродромов, танковых, зенитных и проти-

вотанковых частей, численность самолетов и типы танков. Особое внимание обращать на расположение многоствольных минометов «Катюш»; перед оставлением местности разведчасти инструктируют агентов, уточняя задание, и снабжают их паролем для обусловленного места встречи».

В процессе разработки заподозренных СД в подрывной работе лиц практиковалось широкое применение службы наружного наблюдения (НН), где задействовались «фаумены». Как правило, «фаумены» НН одевались довольно прилично, имели соответствующие пропуска для свободного хождения до 24 часов. За объектом наблюдения они ходили вплотную, часто сопровождали его, передвигаясь на велосипедах.

Агенты НН от службы СД, а также ГФП (тайной полевой полиции) имелись на базарах и в других общественных местах. Для чего в ходе их предварительной подготовки в СД изучались на практике соответствующие формы и методы ведения наружного наблюдения с использованием условных «объектов», вероятные и характерные попытки выявления НН «объектом», способы фиксации «фауманом» тех или иных подозрительных моментов в поведении «объекта», попыток вступления (или вступления) его в контакт с другими лицами, возможного использования им неких условностей, дающих основание полагать, что он пытается провести «тайные встречи или контакт» с лицом, имеющим связь с подпольем, разведкой противника или же лицом, ведущим себя подозрительно и, более того, попадавшим ранее в поле зрения НН, и т. д.

Заметим, что в целом в годы нацистской оккупации Беларуси контрразведывательными органами противника была отработана достаточно четкая система мер по приобретению «фауманов» из числа советских граждан, внедрению их в подпольные группы сопротивления, их оперативной разработке и ликвидации. Подразделени-

ями партизанской разведки и контрразведки, органами госбезопасности проводился в связи с этим большой комплекс активных мероприятий по противодействию подрывной деятельности германских спецслужб.

В апреле 1944 г. (накануне освобождения Беларуси в ходе операции «Багратион») начальником СД «Вайсрутении» был назначен Эрмингер, подчинявшийся непосредственно шефу РСХА Кальтенбруннеру. Штаб Эрмингера, кроме других, имел в своем составе отдел «А» (разведка), подчинявшийся непосредственно Берлину. Отдел располагал большим количеством агентуры, используемой против партизан, подполья, сбора сведений военного и экономического характера о положении в советском тылу. Возглавлял отдел оберштурмфюрер СС доктор Гейзер, его заместителем был унтерштурмфюрер СС Поль. Полиции безопасности и СД подчинялись два внешних отдела в Барановичах и Вилейке, которые, в свою очередь имели по три периферийных отделения, располагавшихся в Слониме, Новогрудке, Ганцевичах и Молодечно, Лиде, Глубоком, соответственно.

В местечке Колдычево этот Барановичский отдел имел свой печально известный концлагерь. В 1943 г. был создан еще и 13-й батальон СД (преимущественно из местных полицаев), пять рот которого выполняли охранные и карательные функции.

Тогда же, в 1943 г., по распоряжению Гимmlера в Беларуси был создан также специальный штаб по борьбе с партизанским движением, который работал в тесном контакте с управлением полиции безопасности и СД.

Необходимо отметить, что партизанской разведке и контрразведке, советским спецслужбам пришлось бороться с сильным и жестоким противником. Так, например, в карательных операциях в Беларуси в первой половине 1944 г. участвовало до 380 тысяч фашистов и местных карателей. Еще 184 тысячи врагов распола-

гались в 1800 гарнизонах, насажденных почти по всей территории республики.

Для борьбы с подпольем, партизанами и спецгруппами советской разведки гитлеровцы использовали 17 групп абвера, 28 групп и команд тайной полевой полиции ГФП, 44 опорных пункта полиции безопасности и СД, 7 зондеркоманд и отрядов карательной Айнзатц-группы-«В», а также разведывательно-диверсионные органы «Зондерштаб-Р», «Цеппелин», «Ингвард». Кроме того, с советскими патриотами боролись ортскомендатуры и фельдкомендатуры, моторизованные отряды жандармерии, местная полиция, особые команды для пеленгации раций и перехвата радиосообщений.

В целях активизации борьбы с партизанским движением в оккупированных районах СССР, в том числе и Беларуси, немецкими спецслужбами в марте 1942 г. был создан уже упоминавшийся контрразведывательный орган «Зондерштаб Р», маскировавшийся под вывеской Восточной строительной фирмы «Гильген» и работавший в тесном контакте с СД и ГФП. Он предназначался для разведки партизанских отрядов, контрразведки, антисоветской пропаганды в целях разложения партизанских отрядов путем внедрения туда своей агентуры.

В контрразведывательном плане межобластные резидентуры «Зондерштаба Р» широко применяли маршрутные поездки агентов под видом переписи скота, учета беспризорных детей, торговли штучными товарами. Осуществляли также разработку лиц, связанных с партизанами. Велась и контрразведывательная работа по выявлению советских разведчиков-парашютистов и участников антифашистского подполья.

Созданный в марте 1942 г. в составе главного управления имперской безопасности (РСХА) специальный разведывательно-диверсионный орган с условным наименованием «Унтернемен Цеппелин» («Предприятие Цеппелин») в своей деятельности руководствовался т. н.

планом действий для политического разложения Советского Союза. Его задачи определялись так: «...Надо стремиться к тактике возможно большего разнообразия. Должны быть образованы специальные группы действия, а именно: 1. Разведывательные группы для сбора и передачи политических сведений из Советского Союза. 2. Пропагандистские группы для распространения национальной, социальной и религиозной пропаганды. 3. Повстанческие группы для организации и проведения восстаний. 4. Диверсионные группы для организации и проведения восстаний».

На «Цеппелин» возлагались политическая разведка и диверсионная деятельность в советском тылу. Немцы также намеревались на основе межнациональных и конфессиональных противоречий развернуть сепаратистское движение националистических элементов, направленное на отторжение союзных республик от СССР и организацию марионеточных государств под протекторатом гитлеровской Германии.

Наряду с другими в конце 1942 г. в Берлине отделом пропаганды штаба главного командования немецкой армии (ОКВ) совместно с разведкой был создан т. н. «Русский комитет» во главе со все тем же изменником Родины бывшим генералом А. Власовым.

«Русский комитет», так же как и другие национальные комитеты, привлекал к своей работе военнопленных и советских граждан, вывезенных в Германию на работу, отработывал их в фашистском духе и формировал части т. н. «Русской освободительной армии» (РОА).

Значительное участие в этом процессе принимали и белорусские националисты. В своей подрывной работе «Цеппелин» действовал в контакте с абвером, главным штабом верховного командования германской армии и имперским министерством по делам оккупированных восточных областей.

Партизанской разведке и контрразведке, НКВД (НКГБ), ГРУ поэтапно становилась все более понятной система деятельности спецслужб противника по выявлению партизанской агентуры и ее дезинформированию, подставе агентов-двойников, да и просто провокаторов, засылке агентов из числа военнопленных с целью внутреннего разложения партизанских отрядов, мародерства, отравления партизан, убийств командного и оперативного состава в ходе боевых действий.

Одним из методов борьбы германских спецслужб с партизанским движением было создание на оккупированной территории Беларуси лжепартизанских отрядов («партизан-разбойников»), которые, выдавая себя за борцов против оккупантов, грабили, насиловали и уничтожали гражданское население, нападали на партизан, а также вели разведку. Однако самой главной их задачей была дискредитация партизанского движения в глазах населения. В случае успеха данной кампании оккупационным властям удалось бы лишить партизанское движение опоры и поддержки народа и укрепить свои позиции на оккупированных землях.

Создание лжепартизанских групп и отрядов началось уже в конце 1941 г. и продолжалось вплоть до освобождения БССР. В каждом из них наряду с другими имелся и «фауман» так называемой внутренней контрразведки, докладывавший обо всех действиях своих «колег» непосредственно своему куратору в СД. Даже после начала операции «Багратион» в разведывательной сводке оперативной группы Белорусского штаба партизанского движения на 3-м Белорусском фронте отмечалось, что «в последнее время немцы с целью ведения разведки в партизанских зонах создают ложные партизанские группы из изменников и частей СС. Предатели одеты в форму партизан, на головных уборах — красноармейские звездочки, а некоторые имеют медали «Партизан Отечественной войны» I и II степени».

В Национальном архиве Республики Беларусь имеется перевод текста одного из докладов рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера «Борьба против банд», который гласит: «...оказывается пригодным создание противобанд. Они образуются из сил полиции безопасности, частей СД и полиции порядка. К тому же присоединяются туземцы, надежность которых хорошо проверена... Цель противобанд — сеять недоверие между отдельными бандами».

Соответственно, для офицеров вермахта еще 24 сентября 1941 г. была введена инструкция «Об организации и борьбе с партизанами», где указывалось, что «хороших результатов добились небольшие группы, переодетые в гражданскую одежду и используемые в качестве разведывательных дозоров или карательных команд».

В последующем в связи с активизацией деятельности сил сопротивления продолжилась тенденция к возрастанию вала разведывательно-контрразведывательного «бумагооборота», «бумаготворчества» и педантичного «отчетного учета» в ряде структурных подразделений уже упоминавшихся германских спецслужб.

Весной 1942 г. борьба в тылу врага продолжала усиливаться. С учетом реальных условий оперативно-боевой обстановки на новый уровень была поставлена разведывательная и контрразведывательная деятельность в отрядах белорусских партизан, спецгрупп, спецотрядов НКВД (НКГБ). В этих условиях немецкие контрразведывательные и карательные органы всячески активизировали свою деятельность.

Согласно ориентировкам 1943 г. только группы НКГБ БССР «Северные», направлявшимся командирам партизанских отрядов и бригад, имелась следующая информация о некоторых успешно действовавших «фауманах» СД: «Минской школой СД выпущено 200 человек — шпионов под видом летчиков, окончивших шестимесячную школу. Из них: 1. Ляхович Павел. 2. Эпштейн Наум.

Ляховичу Павлу удалось предать в 47 Украинском батальоне 10 человек, которые вели подготовку уйти в партизаны».

Из другой ориентировки: «Минской школой СД выпущено и заслано в партизанские отряды поодиночке 9 агентов под руководством Николая Васильевича Ерошевича.

В том числе: 1. Забавский Сергей. 2. Пясковский Флориан. 3. Башинский Антон. 4. Крюк Иван. 5. Махно Максим. 6. Гавриш. 7. Петрашевский. 8. Гуреенко Мария.

Ерошевичу Николаю Васильевичу удалось предать отряд имени Ворошилова № 4».

Безусловно, дальнейший ход войны в тылу противника требовал строгого соблюдения правил конспирации и обеспечения безопасности, четкой регламентации агентурно-оперативной деятельности с учетом специфики территориальной обстановки.

Решая свои задачи, германские спецслужбы довольно часто практиковали заброску в партизанские отряды групп агентов. В частности, оперативной группой НКГБ БССР «Искра» в конце 1943 г. в Брестском партизанском соединении была выявлена и разоблачена целая резидентура, состоявшая из 13 агентов во главе с резидентом Леонтьевым.

В одном из партизанских отрядов этого соединения Леонтьев стремился поддерживать приятельские отношения со многими партизанами. А чтобы слыть патриотом, принимал активное участие в боевых операциях (что ему было рекомендовано его германским руководством). Однако один из партизан все-таки обратил внимание руководства оперативной группы на то, что Леонтьев довольно часто встречался с одними и теми же партизанами и почему-то стремился уединиться с ними при разговорах.

В итоге плотное оперативное наблюдение за ним показало, что Леонтьев в вечернее время регулярно покидает отряд. С помощью же другого помощника опергруппе удалось достоверно установить, что в одном из сел он встречался с человеком, которого местные жители не знали.

Одновременно поступала и другая информация о подозрительном поведении Леонтьева, и он был арестован. Германский резидент довольно быстро признался, что был завербован абвером и внедрен к партизанам для совершения террористических актов в отношении командиров, политработников и партийного актива.

Следовали и другие ответные не менее эффективные акции советских спецслужб. В череде многих имеющихся на сей счет фактов небезынтересна радиogramма об очередном выпуске агентуры из Минской школы СД, направленная в мае 1944 г. в Центр спецгруппой НКГБ БССР «Березина». Ориентируя одновременно и другие спецгруппы органов госбезопасности, действовавшие в Могилевской области, «Березина» сообщала, что «шпионы предназначены для внедрения их в партизанские отряды, а их засылка к партизанам производится под видом беглецов из плена, с окопных работ и беженцев, отказавшихся выехать на работы в Германию».

Известная абверовская памятка для «фауманов» «Размышления разведчика», в частности, гласила: «Отныне ты — воин тайного фронта. Забудь свое прошлое. В основе твоей жизни лежит легенда. Не вербуй себе в помощники неразвитых людей. Но в то же время не забывай, что под глупой физиономией может скрываться золотой человек... Если ты любишь женский пол, то никогда не влюбляйся и чаще меняй женщин. Ибо объект твоей любви может оказаться на службе в контрразведке, и тогда ты пропал...»

Из документов абвера, захваченных УКР «СМЕРШ» 2-го Белорусского фронта: «Совершенно секретно. Отчет от 18 февраля 1942 года.

1. При вербовке в первую очередь использовать лиц, владеющих русским языком из кругов белорусских, русских, украинских активистов, раскулаченных или ранее арестованных большевиками за политические преступления. При этом следует проявить осторожность, так как русская разведывательная служба может специально послать этих людей. Для перепроверки кандидатур, намеченных для вербовки, по разрешению полковника Герлица взять с собой вербовщицу Марию Шейн, которой выплачивать 250 марок ежемесячно. 2. В Борисове работу по вербовке агентов не проводить. 3. Завербованным лицам подписать обязательства. 4. При проведении вербовки следует обращать внимание на советских военнопленных, заслуживающих доверие железнодорожников, в частности машинистов...»

В Национальном архиве Республики Беларусь меня заинтересовала одна немецкая инструкция, ярко свидетельствующая о том, что оккупанты весьма обеспокоились тем обстоятельством, что ряд подразделений коллаборационистов, служивших оккупантам, в результате успешной разложенческой работы стали переходить на сторону партизан. Документ имел название «Относительно: организация абвера (контрразведки) в русских частях». В нем, в частности, указывалось: «...Обнаружившиеся в связи с переходом одной их восточных рот к бандитам недостатки в организации абвера дают повод для следующего приказа:

1. Усиливающаяся в восточных войсках и среди русского гражданского населения вражеская пропаганда делает необходимой коренную реорганизацию контрразведки в частях восточных войск.

2. Офицеры контрразведки немедленно должны проверить агентурную сеть своей части. Не нужно пугаться полной перестройки системы контрразведки, если старая система имеет пробелы и недостатки.

3. Так как основная масса восточных солдат характеризуется положительным отношением к немцам, то после строгого отбора можно найти особенно ценных и подходящих солдат, пригодных для использования в качестве фауманов (агентов-связников). При этом целесообразно отбирать фауманов не только среди русского командного, но и среди рядового состава. Это обеспечивает надежный контроль над внутренней жизнью части.

4. Близкие отношения между немецким персоналом и фауманами приводят к раскрытию системы. Их следует поэтому избегать. В целях взаимного контроля фауманов они ничего не должны знать друг о друге.

5. Офицеры контрразведки не должны предоставлять фауманов самим себе; давая твердые задания, следует направлять их деятельность по определенному пути или на определенное лицо.

6. Фауманов можно завербовать также и среди гражданского населения; они должны сообщать об отношениях между восточными частями и населением определенных пунктов.

7. Как установлено на основании опыта, при умелых одновременных действиях пропагандистов и фауманов будет в зародыше задушено всякое посягательство на безопасность восточных войск.

8. За всеми лицами, проходившими курс пропаганды в Берлине — Дабендорфе, должен быть установлен специальный надзор. Их следует оставить на занимаемых ими теперь местах и незаметно наблюдать за ними. Нужно прежде всего избежать того, чтобы через личные связи они не смогли оказывать

влияние на русских командиров и младший командный состав. Следует немедленно доносить о всех важных фактах, замеченных при наблюдении за слушателями прежних курсов в Дабендорфе. По имеющимся здесь данным, фельдфебель Голубь Николай и унтер-офицер Кирюченко Фёдор, находящиеся при штабе 642-го Восточного батальона, проходили курс пропаганды в Дабендорфе.

Находящиеся в восточных батальонах офицеры контрразведки или командиры отдельных восточных рот должны к 25.8.43 г. прислать в Разведотдел при командующем восточными войсками подробную характеристику о каждом пропагандисте части.

Эта характеристика должна охватывать следующие пункты: 1) Фамилия, имя, звание; 2) Время и место рождения; 3) Специальность, полученная в результате обучения и практики; 4) Последнее место жительства; 5) Образование и знание языков; 6) Семейное положение; 7) Служба в Красной Армии и полученные там звания; 8) Время и место, где был взят в плен (время, когда перебежал); 9) Наказание, понесенное в гражданской жизни, в Красной Армии и во время нахождения в германской армии; 10) Нахождение в компартии, комсомоле и т. п. организациях; 11) Служебные познания; 12) Испытание перед лицом врага; 13) Политическая благонадежность; 14) Пригодность как пропагандиста (духовное развитие и т. д.)...»

Однако, несмотря на тотальный охват так называемых национальных частей политическим сыском и слежкой за «неблагонадежными», их боеготовность продолжала снижаться, переходя затем в абсолютную деморализацию личного состава. То же самое начало мало-помалу происходить и с создававшейся нацистами в 1944 г. пресловутой «Белорусской краёвой обороной».

Партизанской разведке и контрразведке, НКВД (НКГБ), РУ ГШ РККА поэтапно становилась все более понятной система деятельности спецслужб противника по выявлению партизанской агентуры и ее дезинформированию, подставе агентов-двойников, да и просто провокаторов, засылке агентов из числа военнопленных с целью внутреннего разложения партизанских отрядов, мародерства, убийств командного и оперативного состава в ходе боевых действий.

При так называемом нацистском «новом порядке», с первых дней оккупации гитлеровцы стремились террором и насилием подавить сопротивление белорусского народа. С особым зверством и жестокостью расправлялись оккупанты и полицаи с советскими активистами и еврейским населением.

Следует отметить, что в годы Великой Отечественной войны спецслужбы нацистской Германии развернули против СССР беспрецедентную и тотальную войну. Достаточно сказать, что в целом на советско-германском фронте действовало более 130 разведывательно-диверсионных органов и около 60 специальных разведывательно-диверсионных школ готовили для них кадры. Только за 1942 г. ими было подготовлено более 7000 шпионов и почти 25 000 диверсантов. Им противостояли органы госбезопасности. Это был беспощадный и напряженный поединок спецслужб.

К ВОПРОСУ О РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ И ЕЕ ДОБЫВАНИИ

Разведывательная и контрразведывательная информация, поступающая из тыла противника от оперативных и разведывательно-диверсионных групп, начала

тогда подразделяться по своему характеру и назначению: на военную, добываемую для войск действующей армии; политическую и экономическую — для партийных и советских органов в отношении политики, проводимой гитлеровцами в Беларуси (ограбление природных ресурсов, угон жителей в германское рабство, репрессии против мирного населения, моральное состояние войск противника); оперативную — для партизанских формирований относительно карательных операций, инфильтрации вражеской агентуры в партизанские отряды.

На способы создания агентурной сети и методы руководства ее работой существенное влияние оказывали условия, в которых организовывалась и велась разведка. Наиболее типичными из них были: привлечение к разведывательной работе местных жителей; установление связи с действовавшими в населенных пунктах антифашистскими подпольными организациями и использование их в интересах разведки; устройство разведчиков на жительство или работу (легализация) вблизи важных объектов противника; вербовка агентов из числа лиц администрации, войск и спецслужб оккупантов.

Использование в разведывательной работе подпольных организаций патриотических сил имело особое значение для рейдирующих партизанских формирований и оперативных групп, перебрасывавшихся в определенные районы Беларуси из Центра воздушным путем. Прибывая в новые, незнакомые районы, партизаны на первых порах испытывали значительные трудности в организации агентурной разведки. В преодолении этих трудностей большую помощь им оказывало местное подполье, с которым партизаны стремились как можно скорее установить связь.

При подготовке разведчика к устройству на жительство вблизи объекта обычно составлялась леген-

да, в которой предусматривалось, каким образом человек оказался в данном районе, где работал до этого, где живут его родственники и знакомые и всё, что касалось его личности. Легенда составлялась с таким расчетом, чтобы разведчик мог пользоваться ею при общении с людьми как из враждебного, так и из сочувствующего лагеря.

Отважно действовал в тылу противника, несмотря на невероятно сложные и опасные условия, кадровый разведчик Василий Иванович Пудин, участвовавший во многих оперативных играх советской внешней разведки в 1920–1930-х гг. Еще в первых числах июля 1941 г. группа сотрудников НКГБ СССР во главе с Пудиным согласно заданию П. А. Судоплатова должна была осесть в Могилеве для последующего ведения разведывательной работы. Когда 12 июля оперативная группа прибыла в город, то на его окраинах уже шли ожесточенные бои. После упорных кровопролитных сражений Могилев был оставлен войсками Западного фронта. И тут случилось непредвиденное: взрывом снаряда В. И. Пудин был тяжело ранен и несколько часов пролежал на поле боя. В беде его не оставили, местная жительница Шура Ананьева с риском для своей жизни в течение нескольких дней ухаживала за ним, а потом устроила в больницу, где Василию Ивановичу ампутировали ногу.

Надо сказать, что гитлеровцы неоднократно посещали палату, где он лежал, учиняли ему изнурительные, провокационные допросы, полагая, что имеют дело с одним из советских генералов, оборонявших Могилев, но так ничего не смогли добиться у разведчика, неукоснительно придерживавшегося отработанной легенды. Он не пал духом и, хотя потерял связь со своей группой, все равно продолжал искать надежных помощников для борьбы с противником и выполнения своей основной задачи.

Немного окрепнув, В. И. Пудин решил заняться сапожным ремеслом, используя эту профессию для прикрытия своей разведывательной деятельности. Никому и в голову не приходило, что тихий, скромный сапожник с помощью местного учителя Волчкова установил надежную связь с партизанами, действовавшими за Днепром, а затем организовал разведывательно-диверсионную группу в составе 19 человек, которые совершали диверсии на железнодорожном узле станции Могилев.

Тем временем в конце 1942 г. в городе в одном из уцелевших трехэтажных зданий появились гитлеровцы. Это здание стало усиленно охраняться, доступ в него посторонним был закрыт. Пудин весьма заинтересовался этим таинственным учреждением. Не сразу удалось установить его предназначение. Однако вскоре белорусскому чекисту Анисимову, также оставленному для работы в тылу противника, удалось установить контакт с работающим в этом учреждении В. Готвальдом, который, убедившись, что имеет дело со своими, сообщил ему, что в здании функционирует германская разведывательно-диверсионная школа, готовящая агентов и диверсантов для заброски в тыл действующей армии и партизанские отряды.

В. И. Пудин принял решение с помощью Готвальда взорвать эту школу. Готвальду при этом удалось проникнуть на склад, взять там несколько килограммов взрывчатки и заложить ее в специальный шкаф, которым пользовались начальник школы и его заместитель. Теперь достаточно было им лишь открыть дверцу, чтобы произошел взрыв.

Так и получилось, когда ноябрьским утром шеф школы вошел к себе в кабинет и открыл шкаф. Последовал мощный взрыв, и здание рухнуло. Гитлеровцы пытались напасть на след разведчиков, но все их усилия были тщетны.

Лишь через полтора года удалось В. И. Пудину установить связь с Центром. Летом 1943 г. с помощью ко-

мандира партизанского отряда Османа Касаева (позже, в 1944 г., уже в Западной Белоруссии он взаимодействовал с оперотрядом НКГБ БССР «Славный») ему удалось передать в Москву весть о себе и своих товарищах, а также разведывательную информацию. За активную разведывательную и боевую деятельность в тылу противника В. И. Пудин был награжден орденом Ленина.

Широкое применение в практике партизанской борьбы имела вербовка агентов из числа лиц, работавших у противника. В частности, разведка партизанского соединения под командованием С. А. Ваупшасова (опергруппа НКГБ СССР «Местные») осенью 1943 г. завербовала бургомистра города Слуцка (Минская область). Бургомистр в прошлом был советским гражданином, уроженцем бывшей Автономной Республики немцев Поволжья.

Разведчики разработали вербовочное письмо, в котором внимание бургомистра обращалось на то, что Германия войну проиграла и всех немецких пособников ждет суровое наказание. Ему настоятельно предлагалось искупить свою вину активной помощью партизанам. Ответ бургомистр должен был вложить в тайник, описание которого содержалось в письме. Письмо было опущено в почтовый ящик квартиры бургомистра.

Двое суток бургомистр размышлял, а затем сообщил о своем согласии. Он сотрудничал с партизанами вплоть до освобождения Беларуси. Бургомистр предоставил им ряд ценных разведанных о перегруппировках войск противника, о дислокации гарнизона г. Слуцка, о готовившихся карательных экспедициях и иные. Через него разведка получала бланки паспортов и других немецких документов, которые затем использовались в оперативной работе.

Агентурная разведка в годы минувшей войны проникала в основные и промежуточные объекты противника,

добывала разведывательную информацию и проводила активные мероприятия. Подобное внедрение широко применялось разведкой и контрразведкой. В частности, в Борисове был внедрен в городское управление фашистской полиции подпольщик В. И. Козыро (агент «Сокол»). При внедрении были использованы его связи — один из давнишних знакомых, работавший следователем в этом управлении.

В. И. Козыро начал службу в городском управлении полиции секретарем, но вскоре обратил на себя внимание начальства исключительным прилежанием, аккуратностью и исполнительностью. Эти качества выгодно отличали его от других сослуживцев, за которыми водились такие грешки, как пьянство, сексуальная распушенность, взяточничество. Вскоре смекалистого Козыро назначили следователем городского управления полиции, а затем старшим группы следователей 2-го отдела полиции безопасности СД по политическим преступлениям. Работая в Борисове, в самом логове немецко-фашистских карательно-разведывательных органов, Козыро проникал в кабинет начальника полиции и снимал копии с секретных документов. Однажды ему удалось изъять список тайных агентов полиции.

На улицах Борисова этого мужчину лет шестидесяти жители встречали и провожали обычно презрительными взглядами. «Сокол» тяжело переживал это и не раз просил оперработников и командование соединения зачислить его в партизанский отряд. Однако его просьбу оставляли без удовлетворения, поскольку своей работой в СД он один заменял фактически целый отряд.

С самого начала Великой Отечественной войны, когда еще отсутствовал достаточный опыт использования в тылу противника оперативных групп, органы госбезопасности СССР и БССР, а также военная контрразведка

уделяли большое внимание агентурному проникновению в немецкие административные и разведывательные службы на оккупированной территории. А это было невероятно сложно.

КАЖДЫЙ ВЫПОЛНЯЛ В ТЫЛУ ВРАГА СВОИ ЗАДАЧИ

При решении задач по проникновению в разведывательные и контрразведывательные органы противника и их агентурную сеть разведка и контрразведка применяли такие способы, как подстава и перевербовка.

По мере накопления опыта оперативной работы на оккупированной территории Беларуси наряду с подставой органы НКВД (НКГБ) СССР и БССР, военная контрразведка начали осуществлять целенаправленную перевербовку агентов противника. В связи с коренным изменением общей военно-политической и оперативной обстановки на фронтах 1943–1944 гг. эти мероприятия начали наиболее активно проводиться.

При этом с целью исключения возможного проникновения в агентурный аппарат органов госбезопасности агентуры противника перевербовка ее осуществлялась лишь в следующих случаях: если они подробно рассказывали о времени и способах их вербовки, полученном задании и способах его выполнения; называли разведорган и сотрудников, у которых состояли на связи; охарактеризовывали структуру, задачи спецслужбы противника и его практическую деятельность на оккупированной территории Беларуси; сообщали об известных им агентах спецслужб противника (ГФП, абвера, СД и т. п.), предателях и пособниках оккупантов и других лиц, сотрудничавших с ними; раскрывали свою практическую деятельность, называли пароли и способы связи с разведорганами противника.

Для подставы, как правило, привлекались опытные агенты и подпольщики. Рассчитывать на успех можно было лишь в том случае, если они своим поведением, своей искусной игрой были способны заинтересовать противника.

Примером организации удачной подставы ГФП своего агента «Веры» может служить операция разведки партизанского соединения под командованием В. А. Карасева (опергруппа НКГБ БССР «Олимп»). Когда стало известно, что за «Верой» настойчиво ухаживает офицер ГФП майор Бокиш, ей было дано указание не уклоняться от встреч с ним. Вскоре агент сообщила, что немец, по-видимому, намерен завербовать ее. В. А. Карасев предложил «Вере» согласиться на «сотрудничество» с ГФП, что она и сделала. Бокиш поставил «Вере» задачу — выявлять возможных партизан. При этом он указал на карте известные ему места базирования партизанских формирований, в том числе оперативной группы органов госбезопасности СССР «Ходоки» (командир Е. И. Мирковский).

В последующем через «Веру» партизаны узнали о подготавливаемой гитлеровцами карательной экспедиции и о действовавшем в Ельском районе Полесской области лжепартизанском отряде. Эти данные помогли партизанам сорвать замысел карательной операции противника и ликвидировать его агентуру, направленную под видом «партизанского отряда» для дискредитации партизанского движения и выявления советских патриотов, помогавшим бойцам оперотрядов. При помощи «Веры» было разоблачено несколько агентов ГФП.

Подстава широко применялась в минувшей войне органами госбезопасности не только с партизанских баз, но и непосредственно из Центра. Чаше всего для этого использовались «перебежчики», лица, которым якобы угрожала судебная ответственность, разоблачение и т. п.

Что касается перевербовки, то объектами ее чаще всего были заброшенные к партизанам или подставленные им вражеские агенты. Перевербовка предоставляла разведке большие возможности для дезинформирования противника.

Важным направлением оперативной работы являлось добывание разведывательной информации. Оно осуществлялось такими способами, как: негласное изъятие документов у противника; визуальное наблюдение; захват носителей секретов для последующей доставки их на партизанские базы; приобретение секретных документов и получение необходимой информации методом угрозы вооруженного воздействия; приобретение интересующих их материалов путем коммерческой сделки; отбор ценных сведений из различных легальных источников.

Великая Отечественная война дала немало примеров успешного захвата носителей секретов противника путем подстав. Так, летом 1942 г. оперативная группа НКГБ БССР «Четвертые» (командир А. В. Метёлкин, комиссар В. П. Морозов) с помощью агентуры и резидента «Марии Божан» провела операцию в Могилевской области по захвату резидента германской разведки фон Файта. Получив данные о том, что руководитель разведывательно-диверсионной школы вблизи г. Климовичи, замаскированной под лесничество, крупный абверовский разведчик фон Файт подбирает себе секретаря, чекисты дали Лидии Асмоловской задание через подругу предложить свои услуги.

Позже она вспоминала: «Война застала меня в Могилеве, где я занималась в пединституте на историческом факультете. Все жители города, студенты, воинские части готовились к обороне города. Нас, студентов, мобилизовали копать противотанковые рвы. Работа была очень тяжелой, но выполняли ее охотно и дружно. Враг подходил к городу Могилеву. Советские войска,

трудящиеся героически отстаивали город, но пришлось временно отступить. Я, с группой студентов, пешком возвратилась в г. Климовичи...»

Город встретил ее тогда настороженной тишиной: кто мог, эвакуировался, остальные находились в неизвестности, отдав себя на произвол судьбы. Райкомы партии и комсомола собрали оставшихся в городе коммунистов и комсомольцев, рассказали что знали о складывающейся обстановке, заверили в том, что враг будет разбит и мы обязательно победим. А пока нужно организовать сопротивление германцу, поэтому те, кто останется в городе, нужны будут здесь, в тылу врага. Что предстоит делать, ничего тогда не сказали, потому как никто толком ничего не знал.

Ясно стало, когда въехали в город передовые части оккупантов. Запыленные, наглые, беспринципные, они врываются в дома горожан, грабят, насиловали. В городе стоял стон женщин, плач испуганных детей, предсмертный хрип животных. Так устанавливался пресловутый «новый порядок».

Немцы разбили свой лагерь в местном парке. Здесь же разделявали убитую скотину, готовили себе пищу. Потом, наевшись и напившись, они начали «учить жизни» рабов, а если кто-то не понимал — незамедлительно следовало наказание. Вот такая «европейская цивилизация» на нашу голову вдруг свалилась.

Лида, как и многие горожане, поначалу растерялась, а потом начало расти ожесточение, каждая новая жертва от рук гитлеровцев порождала гнев и неодолимое желание отомстить врагу.

Подполье в Климовичах начало формироваться в 1942 г., одновременно с партизанским отрядом «Алесь». Командиром его стал Алексей Леонович Костровский («Алесь»), комиссаром — Иосиф Николаевич Перовский.

Доцента Могилевского пединститута И. Н. Перовского призвали в армию 28 июня 1941 г. В Новозыбкове Брянской области прошел краткосрочные курсы, где учили, что и как нужно делать, чтобы найти и объединить патриотов для организации подполья. Таким образом, Перовский стал единственным в Климовичах человеком, хоть как-то подготовленным к подпольной работе, до тех пор, пока к нему не присоединились настоящие профессионалы.

Оперотряд Четвертого управления НКВД СССР «Четвертые», насчитывавший 24 бойца, был десантирован с самолета в июне 1942 г. в районе Климович. В зону его деятельности входили Кричевский, Чериковский, Чаусский районы. В его задачи входили ведение разведки, диверсии, организация партизанского движения. Командир отряда Александр Метёлкин уже успел несколько раз побывать в тылу врага, слыл опытным диверсантом и разведчиком. Отряд Костровского стал базовым для «Четвертых».

Как опытный оперработник Метёлкин сразу же развернул работу в своей зоне: отправил гонцов в районы, быстро нашел патриотов, готовых бороться с врагом, которые стали собирать информацию о дислокации вражеских воинских частей. Отряду «Алеся» тоже хорошо — получили связь с Большой землей через радию «Кочубея» — таким псевдонимом назывался Метёлкин.

После соответствующей проверки Лидия Асмоловская («Татьяна») была принята на работу к немцам. Ей действительно нужен был заработок. На Лиде лежала ответственность за младших сестер и бабушку. Родителей они рано потеряли. Отца убили бандиты, за то, что создавал в районе колхозы, мама умерла позже — надорвалась на работе. Растила их бабушка да местная власть помогала. При новой власти выживать приходилось самим.

А партизанам нужны были «глаза и уши» в стане оккупантов. Барон Эрнст фон Файт, у которого стала работать Лида, охватывал своим лесничеством огромный массив на территориях Могилевской, Гомельской, Смоленской и Брянской областей. Но это было лишь прикрытием его истинной цели пребывания у нас. В этом Лида вскоре убедилась сама. Барону было под 70, но выглядел он хоть куда и сразу начал приглядываться к новой секретарше, причем оценил не только ее деловые качества.

Нужно было завоевать доверие барона, так велел Перовский, и Лида старалась безукоризненно выполнять все поручения своего нового шефа. Вскоре у него развеялись все сомнения в отношении Лиды. Он начал ей доверять и постепенно раскрываться. Она не преминула тут же этим воспользоваться и исподволь начала прощупывать своего шефа.

Как-то Лида будто невзначай поинтересовалась, где барон научился говорить по-русски почти без акцента? Оказалось, до войны он долгое время жил в СССР. Его пригласили работать как специалиста-лесоведа. Вот тогда фон Файт и выучил язык. «В то время многие немцы работали у вас специалистами. И неплохо, надо сказать, работали...» — загадочно улыбнувшись, сказал ей барон и взялся за работу, решив, что на первый раз информации для секретарши достаточно.

Как только представилась возможность, Лида отправилась в лес на встречу с Перовским. Она почувствовала, что фон Файт — далеко не простая птица. И он ей пока еще не совсем доверял. Тем более что хозяйство фон Файта занималось к тому же снабжением 4-й германской армии.

Аккуратно выполняя задания своего шефа, «Татьяна» не проявляла никакого интереса к людям, служившим в этом учреждении, но успевала ознакомиться с целым рядом интересных немецких документов. Молодая

секретарша постепенно завоевала доверие фон Файта. В дальнейшем при содействии агента резидентуры «Татьяны» оперативная группа захватила германского разведчика.

Но этому предшествовало указание из Москвы по захвату располагающего нужной информацией «языка». Для чего барон как раз-таки подходил идеально. Ответ из Москвы пришел на удивление быстро и полностью подтвердил предположения «Кочубея». Барон Эрнст фон Файт действительно продолжительное время работал в Советском Союзе в качестве иностранного специалиста-лесоведа. По заданию разведки он занимался сбором информации о дислокации военных и промышленных объектов. Попал в поле зрения советской контрразведки, был арестован и впоследствии обменен на наших разведчиков. «Принять все необходимые меры для захвата барона и переправки в Москву. Брать живым!» — радировали из Центра.

«Кочубей»-Метёлкин отправился вместе с Перовским на встречу с Лидой Асмоловской. Успех операции теперь во многом зависел от нее. «После этой встречи я много дней и ночей не имела покоя. Я должна была думать, как безошибочно выполнить задание», — вспоминала позже Лидия Петровна. Она к этому времени была научена осторожности на примерах многих своих товарищей-подпольщиков, попавших в ловко расставленные сети СД. К сожалению, позднее не миновала эта трагическая участь и Артура Гордиевича. После жесточайших пыток, не выдав никого из товарищей, он был расстрелян.

Продумывая план операции, Лида решила, что наиболее удобным местом для захвата фон Файта может быть красивая роща вдоль реки Лобжанки. В довоенное время здесь обычно отдыхали горожане. Перовский, осмотрев предложенное Лидой место, одобрил ее выбор, здесь же нашли удобное место для засады. Операцию

согласовали с Кочубеем и стали ждать подходящего момента.

Лидия Петровна позже вспоминала: «Операция пленения фон Файта была намечена на 26 июля 1942 года. Партизаны устроили засаду вдоль дороги. У меня была цель — вывести фон Файта на засаду партизан. Трудность заключалась в том, что мы находились на довольно большом расстоянии от засады. Я предложила фон Файту пройтись, посмотреть на красивые луга и речку Лобжанку. Мы шли к засаде. Партизаны, увидев нас, выскочили с автоматами и бросились на барона. Он успел выхватить пистолет и выстрелить в меня, но я стала за дерево. Так, после долгой, напряженной работы 26 июля 1942 года возле речки Лобжанки был взят в плен фон Файт.

...После этого я не могла вернуться в город. Ушла в партизанский отряд «Алеся» Костровского».

А вскоре в местной газете появилось объявление, где немцы обещали большое вознаграждение тому, кто выдаст Л. П. Асмоловскую.

Доставленного в отряд фон Файта командир спецгруппы Метёлкин подверг тщательному допросу. Немец представлял собой довольно жалкое зрелище. Заносчивый барон быстро превратился в трясушегося за свою жизнь барана и выложил всё, что ему было известно. На допросе фон Файт рассказал о своей шпионской деятельности в Советском Союзе до войны, аресте органами НКВД, назвал разведывательные органы, дислоцировавшиеся на территории Беларуси, и сообщил данные о ряде агентов, заброшенных в тыл Красной Армии, засланных в подполье и в партизанские отряды.

В своем отчете командир опергруппы Метёлкин писал: «Материалы и ценные сведения сообщили по радию, все допросы направили через линию фронта бойцом отряда Пешковым Валентином. Офицера (фон Файта. — Авт.) использовали для того, чтобы он подписывал нам

Ф. А. Буров. 1941 г.

А. Ф. Буров. 1953 г.

А. Ф. Буров. Минск, 1943 г.

Минск, Гитлерплатц (пл. Свободы). 1943 г.

Жертвы нацистского террора и геноцида

Л. Ф. Цанова

Плакат 1941 г.

А. П. Максименко

В. Л. Неклюдов

Оперотряд НКГБ БССР «Славный» (1943–1944). А. П. Шестаков 4-й слева в первом ряду

Командир спецгруппы
НКГБ БССР «Славный»
А. П. Шестаков

Н. А. Михайлашев

Спецгруппа НКГБ БССР «Буря». Получен очередной воздушный груз из Центра

Инструктаж перед боевым заданием

Взорванный эшелон на перегоне Сморгонь–Молодечно

Н.А. Михайлашев и радист группы «Буря»

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

Отдел Кадров

23 апреля 1946 г.

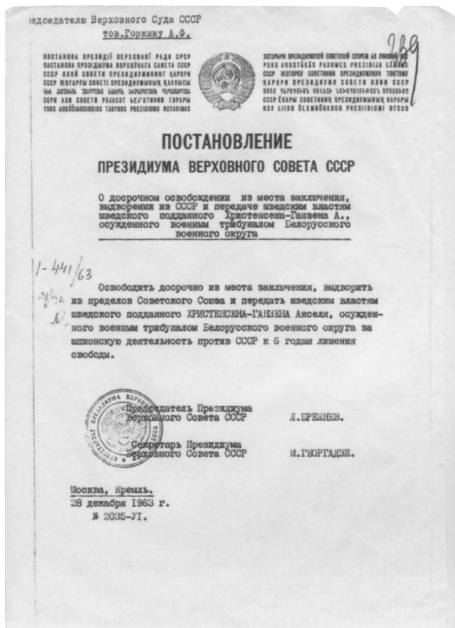
М. П. ВЕРСИЛА

СПРАВКА

Дана **МИХАЙЛАШЕВУ** Николаю Афанасьевичу в том, что он приказом МГБ СССР № 00187 от 17 апреля 1946 года за успешную работу по выполнению заданий МГБ СССР награжден знаком "Заслуженный работник НКВД" № 0270.
Выдана взамен грамоты.

ЗАМ ЧАЧ ОТДЕЛА КАДРОВ МГБ СССР (Бавкин)
Генерал-майор (Бавкин)

Справка, выданная Н. А. Михайлашеву, о награждении знаком «Заслуженный работник НКВД»

Борис Рудзянко

**Постановление Президиума Верховного
Совета СССР о выдворении
из СССР А. Христенсена-Ханзена**

Аксель Христенсен-Ханзен

Майор Крибитц, начальник
«Абвернебенштелле-Минск»

Медицинское оборудование партизанского госпиталя

Перевязка в ходе партизанского боя

Партизанский госпиталь. Общий вид

Полевая медицинская сумка-укладка санитаря (фельдшера)

Красноармеец С. С. Романовец

Копия

СПРАВКА

В штаб
им. Б. Берия
№ 20.7.44
В 54

Дана настоящим г. РОМАНОВЕЦ Стенану Семеновичу
в том, что он был связан с отрядом им. Берия с июля
и-ца 1943 г. по 1 июля 1944 года. Работал честно
и добросовестно.

И. П.
(МОСКОВ)

И-к штаба
капитан

Форма № 1

ИЖВ: *Косо* Велом на жительство не служит
год: *Лицев* При утере не возобновляется

Справка № *2269*

Выдана гражданину(е) *Романову Стенану Семеновичу*

1910 года рождения, уроженцу(е) *Богословск обл.*

гражданство (подданство) *СССР* национальность *Белорус*

и в том, что он(а) с *4 ноября 1943* г. освобожден(а) из *лагеря им. Берия* (департамент тюрьмы)

и *20 июля 1944* г. освобожден(а) из *лагеря им. Берия* (департамент тюрьмы)

и *20 июля 1944* г. освобожден(а) из *лагеря им. Берия* (департамент тюрьмы)

и *20 июля 1944* г. освобожден(а) из *лагеря им. Берия* (департамент тюрьмы)

и *20 июля 1944* г. освобожден(а) из *лагеря им. Берия* (департамент тюрьмы)

до ст. *Б-Ольгинский Мишкин р-н* железной дороги.

Настоящая справка выдана *20 июля 1944* г.

Начальник тюрьмы *И. П. Романов*
Секретарь *И. П. Романов*

Место для фотокартки или действительного уважительного пальца правой руки. М. П.

Справка. Отряд им. Берии

Справка о содержании в тюрьме

Справка "Г"

Турма № 1
ИЧК БССР
гор. Минск

Выдан на читательство по адресу:
При утере не возобновляется.

СПРАВКА № 2869

Выдана гражданину **РОМАНОВИЧ**
Степану Семеновичу

1910 года рождения, уроженцу Полесского обл.,
гражданство (подданство) СССР национальность белорус в том,
что он с 4 ноября 1944 г. содержался в тюрьме № 1 ИЧК БССР и
20 июля 1945 года освобожден с прекращением дела в порядке
от.от. на основании приказа № 149 ИЧК БССР от 19/VII-45 г.

..... ИЧК (И)
и следует к месту жительства: в гор. д.Б.-Троцкий Минский р-н
до ст. железной дороги.

Настоящая справка выдана 20 июля 1945 года

.....
.....

И.П.

Место для фотографирования или доставки удостоверительного знака указать нельзя красной ручкой.

Степан Семенович Романовец

Справка об освобождении

Гр-ну РОМАНОВИЧУ Степану Семеновичу

Минская обл., Минский район,
д.Большой Тростянец,
ул.Соколовная, 5

По Вашей просьбе направляем справку об участии в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны.

НАЧАЛЬНИК ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВА КГБ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
(Емельяненко)

" 16 " октября 1974 года

Справка из архива КГБ

IV. Участие в Великой отечественной			Справка АЖ войне с Германией и в войне с Японией	
О выслуге лет (М-С, ГОД)	По какому званию (М-С, ГОД)	Должность	Войсковая часть, отделение, фронт, армия	
июль 1943 г.	июль 1944 г.	связист	Партизанский отряд "Меситские".	
УДОСТОВЕРЕНИЕ УЧАСТНИКА ВОЙНЫ ВРУЧЕНО			Справка архива КГБ при ЦК БССР № 1237 от 16.10.74 И.П. (Емельяненко)	

Удостоверение офицера запаса С. С. Романовца

Генерал-лейтенант МГБ ГДР К. Кляйнюнг и начальник УОО КГБ СССР по ГСВГ генерал-лейтенант И. Л. Устинов (справа сзади) во время встречи с советскими контрразведчиками в Потсдаме. 1978 г.

Генерал-лейтенант МГБ ГДР К. Кляйнюнг

- 1 -
Сов. секретно

НК О - С С С Р
У П Р А В Л Е Н И Е К О Н Т Р А З В Е Д К И
"С М Е Р Ш"
М И Н С К О Г О В О Е Н Н О Г О О К Р У Г А

Вх. № _____ на № _____ от _____ 194 г.

НА Ч А Л Ь Н И К У У П Р А В Л Е Н И Я Н К Г Б Б С С Р
П О Л К О В Н И К У

Ф о р м а т _____ 194 г.

№ _____
Г о р . М и н с к

Т О В . Ф Е Д О Р О В У
Г . И . И . Н . С . И .

Г л а в н о м у
М и н и с т р у
и д о к л а м е н т н о м у
С о в м е н т н о
Р о з б р а т с а я
Д е р ж а в н о м у
С о в м е н т н о

В э т о м н а п р а в л я е м п о д п и с ь н а а г е н т у р у
з а в е р б о в а н н у ю о р г а н а м и Н К Г Б - Н К В Д в п е р и о д о к у -
д а т а м Б е л о р у с с и и , д л я о п е р а т и в н о г о и с п о л ь з о в а н и я ,
к о т о р ы е п р и с л а н ы н а м У К Р "С М Е Р Ш" Б Б е л о р у с с о г о
Ф р о н т а , з а х в а ч е н н ы е н и м у н е м ц е в п р и в з я т и и К е н и г -
с б е р г а .

П Р И Л О Ж Е Н И Е : _____ по тексту.

З а м . н а ч а л ь н и к а У П Р А В Л Е Н И Я К О Н Т Р А З В Е Д К И
"С М Е Р Ш" М И Н В О - П О Л К О В Н И К

З а м . н а ч а л ь н и к а з о т д е л е н и я У К Р "С М Е Р Ш" М И Н В О
П О Д П О Л К О В Н И К

С П . Ч и н н о в . _____ (Р Ы Б Ц О В)

С Е В Е Р У Х И Н)

(Р Ы Б Ц О В)

Минский

28/10/45

РАССЕКРЕТНО

Документ УКР СМЕРШ об обнаруженных в абвере подписках особых отделов партизанских отрядов. 1945 г.

О. С. Бычек

Герои Советского Союза

Н. В. Зebницкий

Б. Л. Галушкин

П. Г. Лопатин

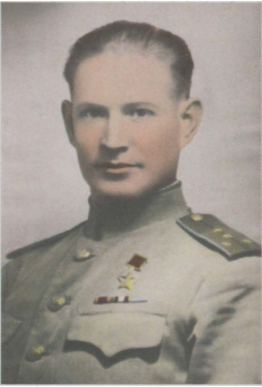
В. З. Корж

Т. С. Мариненко

Е. И. Мирковский

Н. А. Михайлашев

В. Л. Неклюдов

В. А. Лягин

Ф. Ф. Озмитель

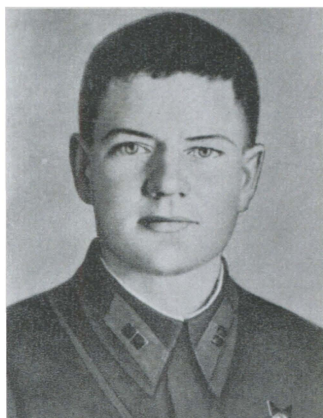
К. П. Орловский

М. С. Прудников

А. М. Рабцевич

В. М. Чеботарев

А. Н. Шихов

пропуска, по которым мы имели возможность пройти в любое учреждение. Офицер жил в отряде один месяц, после чего его расстреляли». По законам военного времени иного исхода матерому шпиону ждать не приходилось. Да и резко усложнившаяся обстановка, отсутствие связи с Центром никак не позволяла к тому времени переправить его в Москву. Центр одобрил это решение.

В сентябре собрался на Большую землю отряд «Кочубей». Вместе с ним ушла и большая группа партизан. Линию фронта перешли без боя 29 сентября 1942 г. «Кочубей» со своими бойцами сразу ушел на Москву, остальные добирались, как говорится, своим ходом.

За свою боевую партизанскую деятельность Лидия Петровна Асмоловская была награждена медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. А 8 мая 1965 г. в Комитете госбезопасности при СМ СССР ей вручили орден Красной Звезды.

В другом случае летом 1943 г. оперативной группой НКГБ БССР «Бывалые» (командир П. Г. Лопатин) в Борисове был захвачен один из руководителей шпионской школы полковник Нивелингер. Он был переправлен в Москву, где дал ценные сведения о работе германской разведки, об агентуре, которую он готовил и забрасывал в тыл Красной Армии и в партизанские отряды.

В практике партизанской борьбы активные мероприятия чаще всего выражались в продвижении к противнику дезинформационных материалов, проведении агентурных комбинаций, в разложении аппарата военно-политической администрации врага и его воинских формирований, в распространении среди населения, органов местного управления и войск ложных слухов, в ликвидации представителей политических партий, оккупационных учреждений и спецслужб противника, в проведении других акций, которые вводили врага в заблуждение, компрометировали его союзников и пособников, скрывали истинные намерения партизанского

командования и Центра, усиливали трения и противоречия в стане противника, наносили ему серьезный ущерб.

Наиболее опасным и требовавшим тщательной конспиративной подготовки способом внедрения агентами органов госбезопасности в германские спецслужбы была ее легендированная переброска через линию фронта под видом перебежчиков или же случайно попавших в плен советских военнослужащих. Подобный способ заброски активно использовался Четвертым управлением НКВД (НКГБ) СССР, аналогичным подразделением НКГБ БССР и военной контрразведкой.

Как уже отмечалось, УКР «СМЕРШ» фронтов получали данные о противнике в ходе изучения материалов следствия, захваченных материалов гитлеровских спецслужб, административных органов, лагерей военнопленных, а также в ходе осуществления зафронтовых разведывательных операций. Конечно, столь ответственные задания доверялись отнюдь не каждому агенту-разведчику, поскольку и не всякий мог выдержать подобные испытания, огромные морально-психологические нагрузки, стрессы, которые обычно испытывал в ходе их выполнения человек, добровольно оказавшийся в стане противника и действовавший под легендой врага...

Таких, как они (скажем, Александр Иванович Козлов, псевдоним «Следопыт», эффективно действовавший в борисовской школе абвера, имевшей радиопозывной «Сатурн»), в годы минувшей войны ввиду распространенности подобных агентурно-оперативных мероприятий в практике ГУКР «СМЕРШ» НКО СССР, УКР «СМЕРШ» фронтов было много. По большому счету, никто не мог насильно заставить этих людей работать на Победу. Они были настоящими патриотами. И даже сейчас трудно назвать цифру, сколько же их погибло, оставшись безвестными, на «той стороне», выполняя задания военной контрразведки.

Специфической формой оперативных мероприятий разведподразделений органов военной контрразведки в тылу противника являлась работа с перевербованной агентурой германских спецслужб, вновь забрасывавшейся за линию фронта. Особого внимания требовали также вопросы организации агентурной связи с подобными источниками как на оккупированной, так и на освобожденной территории Беларуси.

О некоторых особенностях работы «СМЕРШ» свидетельствует фрагмент из докладной записки в ГУКР «СМЕРШ» «О зафронтной работе УКР “СМЕРШ” 3-го Белорусского фронта в январе–апреле 1944 г.»:

«...За период с 1 октября 1943 г. по 1 марта 1944 г. из направленных в тыл противника агентов (исключая перевербованных нами германских разведчиков) перевербованных немцами не было.

В качестве способов связи с агентами, направляемыми в тыл противника, применяются: а) направление агентами по паролю связников, приобретенных на месте работы агента, через линию фронта или в партизанские отряды; б) оставление агентами связников на освобожденной Красной Армией территории с последующей явкой последних в органы “Смерш” по паролю; в) оставление агентами в обусловленных местах на оккупированной территории собранных материалов, которые подбираются нами при освобождении данной местности Красной Армией; г) посылка агентами писем по обусловленному адресу через местных жителей, остающихся на освобожденной территории; д) использование агентами отдельных местных жителей, остающихся на освобожденной территории, для передачи с ними сведений об агенте втемную».

Вместе с тем дальнейший ход войны в тылу противника требовал четкой регламентации агентурно-оперативной деятельности с учетом специфики территориальной обстановки. Подобного рода отчетность пред-

ставлялась особыми отделами в вышестоящие инстанции ежемесячно в соответствии со всеми требованиями исполнительской дисциплины. При этом возможное очковитирательство сурово каралось по законам военного времени.

Однако данная отчетность, наличие большого количества формализованных документов (подписок, рапортов, планов, донесений, агентурных сообщений и т. д.) требовали строжайшего соблюдения мер конспирации и безопасности. Их нарушение приводило к тяжким последствиям. Так, в сентябре 1944 г. УКР «СМЕРШ» 3-го Белорусского фронта направило в адрес НКГБ БССР более ста подписок агентуры партизанских формирований о ее сотрудничестве с органами госбезопасности и разведкой партизанских отрядов, обнаруженных после захвата в Кёнигсберге архивов одного из подразделений германского абвера.

Причем германские спецслужбисты даже успели перевести этот массив документов на немецкий язык. Ввиду чего поначалу возникла неразбериха – кому, собственно, изначально принадлежат эти подписки. То ли абверу, то ли особым отделам партизанских формирований? И лишь обратный перевод с немецкого языка выявил их явно славянское происхождение.

Как выяснилось в ходе расследования, это были захваченные противником в конце 1943-го — начале 1944 г. подписки агентуры ряда партизанских соединений, о чем их командование в Центр (т. е. ЦШПД–БШПД) не сообщало. Свидетельством тому материалы обширной переписки, хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь.

Начало ее было положено письмом УКР «СМЕРШ» Минского военного округа от 10 февраля 1946 г. в адрес начальника Управления НКГБ БССР полковника Федорова: «При этом направляем подписки на

агентуру, завербованную НКГБ–НКВД в период оккупации Белоруссии, для оперативного использования, которые были присланы нам УКР «Смерш» 3 Белорусского фронта, захваченные ими у немцев при взятии Кенигсберга»...

Затем в Белорусский штаб партизанского движения последовал запрос УКР «СМЕРШ» Минского военного округа от 11 марта 1946 г., в котором значилось: «... Просим сообщить, кто являлся командиром партизанских отрядов «Дядя Коля», «Смерть фашизму», имени Ворошилова, действовавших в 1943–44 гг. в районе дер. Курганы Минского района и области и адрес места нахождения их в настоящее время.

Одновременно с этим просим сообщить, когда эти отряды подвергались блокировкам со стороны немецкого гарнизона, находившегося на расквартировании в дер. Курганы, кто в 1943–44 годах являлся начальником Особого отдела отряда «Дяди Коли» и где он находится в настоящее время. Находился ли в партизанском отряде «Дяди Коли» Ч... (следуют установочные данные). Являлись ли связными этого отряда жители деревни Усборье (перечисляются 10 фамилий)»

Да, в тот период абвер смог осуществить подставу своей агентуры в эти отряды и заманить их в подготовленный для карательной акции район. В ходе возникшего боя металлические ящики с секретными документами были закопаны оперсоставом в лесном массиве. Однако один из внедренных к партизанам нацистских агентов, бежав, сумел затем указать абверовцам их точное местонахождение. В результате этого ряд источников был арестован СД и ГФП. Некоторые из них были расстреляны, отдельные перевербованы. После расследования этих фактов виновные должностные лица понесли наказание. Однако постфактум это обстоятельство уже мало что решало практически.

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ» ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТА КАРЛА КРУГА

Как уже отмечалось, важнейшее значение в деятельности оперативных групп органов госбезопасности Белоруссии и военной контрразведки продолжала занимать разведывательная и контрразведывательная работа, которая была весьма многогранной.

Так, весной 1943 г. оперативная группа «Победители» сумела добыть важные сведения о переброске противником на Курское направление нескольких пехотных и танковых дивизий из Франции, Африки и из-под Ленинграда. Эта и другая разведывательная информация в общей мозаике сведений советских спецслужб сыграла определенную роль в раскрытии планов гитлеровского командования на лето 1943 г. Военные Советы фронтов давали высокую оценку разведывательной деятельности оперативных групп НКВД (НКГБ) на коммуникациях противника.

В спецсообщении НКГБ СССР в Государственный комитет обороны от 23 мая 1943 г. указывалось: «...Действующая в Минской области оперативная группа под командованием чекиста Лопатина захватила в тылу противника начальника отдела связи ВВС Центральной группы германских войск, который дал исключительно ценные показания о подготовке немецким командованием крупного наступления на Орловско-Курской дуге, в район Орла с 5 апреля 1943 года подводятся войска, танки, артиллерия и авиация...»

Действительно, в мае 1943 г. опергруппой «Бывалые» после склонения (а не захвата, как значилось в спецсообщении. — Авт.) через своих источников к добровольной явке в партизанский лагерь офицера разведывательного отдела штаба германских ВВС Центрального фронта Карла Круга (Глусгалса) была получена ценная информация о предполагаемом наступлении

немцев в районе Орловско-Курской дуги, дислокации 32 аэродромов, системе их ПВО, расположении складов с авиабомбами и другие сведения. Круг был незамедлительно доставлен самолетом в Москву.

А началось все с того, что с Большой земли пришло очередное задание — раздобыть новейший образец противогАЗа. Лопатин, командир группы «Бывалые» (выросшей со временем в отряд «Дяди Коли»), пригласил своего заместителя по разведке Владимира Рудака помозговать над проблемой. После недолгих раздумий пришли к выводу: на решение задачи нужно ориентировать своих надежных связных из Борисова, Минска, Колодищ. В Колодищах успешно действовала не по возрасту вдумчивая и обстоятельная Марина Молокович.

Нужные Центру сведения, скорее всего, можно было получить в военном городке Уручье. Здесь располагался тщательно охраняемый штаб военно-воздушных сил группы армий «Центр». Марина вспомнила, что в городке работала ее школьная подруга Вера Тоболевич. Она как-то рассказывала о своем новом знакомом — немецком офицере, с которым познакомилась необычным образом. Убирая его комнату, Вера не удержалась и включила радиоприемник. Заслушавшись передачей из Москвы, не заметила, как вошел хозяин. Преодолев испуг, Вера сказала: «Что ж, можете выдать меня». Офицер, не проронив ни слова, повернулся и вышел.

Несколько дней ходила Вера сама не своя в ожидании того, что Карл Круг (так звали офицера) сдаст ее в лапы СД. На удивление, ее не только не арестовали, но, как заметила Вера, Карл умышленно оставлял ее одну в комнате, когда начинались передачи из Москвы. Через несколько дней он попросил рассказать, о чем говорит столица. Вскоре они стали слушать радио вместе. Офицер о себе рассказал, что он связист военно-воздушных сил вермахта, до войны состоял в Союзе социалистической рабочей молодежи. Своим положением тяготился, роль оккупанта была явно не по нему.

Получив информацию о Карле Круге, Лопатин призадумался. Надо бы изучить этого парня и использовать его в получении нужной нам информации, в том числе противогАЗа. «А вообще, нужно склонить его к переходу на нашу сторону», — посоветовал Рудаку Петр Григорьевич.

Москва одобрила эту задумку, и Вера Тоболевич приступила к выполнению задания. Несмотря на кажущуюся лояльность, предложение уйти в лес обер-лейтенант воспринял настороженно (возможно, опасался провокации), и Вере стоило немалых трудов, чтобы убедить его все же отважиться на решительный шаг.

Занимаемая должность и звание, помноженные на смекалку и решительность, позволили Кругу уйти в лес поистине с полными руками. Он захватил с собой пулемет, образец нового противогАЗа для офицеров, карты дислокации действующих и строящихся аэродромов, системы их охраны, инструкции радиотелеграфной службы фашистской авиации.

Из сообщения НКГБ СССР № 307/М в ГКО о выводе в район расположения оперативной группы П. Г. Лопатина офицера германской армии Карла Круга: «17 марта 1943 г. нами в Борисовский район Минской области БССР была переброшена оперативная группа в составе 21 человека под руководством Лопатина Петра Григорьевича с задачей проведения подрывной работы на коммуникациях противника.

В настоящее время группа тов. Лопатина возросла до 300 человек за счет местного населения и бывших военнослужащих Красной Армии, попавших в плен и окружение противника.

В начале текущего года группой были получены данные об антифашистских настроениях инженер-лейтенанта германской армии Карла Круга, шефа отдела связи военно-воздушных сил центральной группы войск, дислоцированного в г. Минске.

На проверку этих данных и возможного привлечения Карла к сотрудничеству с нами, оперативной группой было решено отправить нашу связную “Веру”.

“Вере” удалось установить с К. Кругом дружеские отношения и склонить его к переходу на сторону Красной Армии.

11 мая текущего года К. Круг принял решение перейти на нашу сторону и в сопровождении “Веры” направился в расположение нашей оперативной группы. Карл Круг до выяснения искренности его перехода на нашу сторону изолирован и находится под специальным наблюдением.

В результате допросов, проведенных на месте, К. Круг показал о себе следующее: по национальности он немец, в 1928 г. получил звание инженера электротехники и точной механики, окончил высшую школу при имперском почтовом ведомстве. В германской армии — с 1935 г., с 1940 по 1942 г.г. находился во Франции, а с октября 1942 г. — в г. Минске в качестве шефа отдела связи военно-воздушных сил центральной группы войск.

Тов. Лопатин сообщил нам по радио следующие сведения военного характера, полученные им от К. Круга: от помощника начальника штаба группы войск, дислоцированного в г. Орле, генерал-майора Вильферкинга К. Кругу известно, что генеральный штаб германской армии намечает летом текущего года прорвать фронт в районе г. Орла, пойти на Сталинград и отрезать Кавказ. После падения г. Сталинграда форсировать Волгу и организовать захват Урала, куда к этому времени должны быть заброшены специальные десантные войска для удара с тыла. После захвата Урала вновь повести наступление на Москву.

По данным К. Круга, с 5 апреля текущего года в район г. Орла подводятся войска, танки, артиллерия, авиация и другая техника для подготовки прорыва.

На аэродромах в районе г. Брянска находятся советские самолеты, в свое время захваченные противником, предназначенные для заброски диверсионных групп в тыл СССР, в частности в район Урала, с задачей проведения подрывной работы на железных дорогах и в военной промышленности.

К. Круг показывает, что немцы активно подготавливаются к химической войне: 1 декабря 1942 г. по германской армии был издан секретный приказ верховного командования закончить подготовку к химической войне к февралю 1943 г.

К. Круг сдал в оперативную группу полученный им в штабе военно-воздушных сил центральной группы немецких войск новый противогаз, который впервые выдается штабным офицерам и сохраняется в секрете.

К. Круг утверждает, что на центральном участке фронта немцы сосредоточили до 1000 самолетов. Ставка командования военно-воздушных сил центрального участка фронта, возглавляемая полным генералом авиации Ритером фон Граймом, размещена в г. Орле.

К. Круг сообщил дислокацию 32 аэродромов центрального участка фронта (17 действующих и 15 строящихся), данные о количестве самолетов на аэродромах и состоянии противовоздушной обороны.

НКГБ СССР считает целесообразным поручить командующему авиацией дальнего действия т. Голованову доставить К. Круга в Москву для передачи его в распоряжение Генерального штаба Красной Армии».

С немалыми трудностями К. Круга удалось все же отправить в Москву, но перед этим, что называется, пришлось натерпеться страху.

С конца мая нацисты приступили к операции «Котбус» — уничтожению «Партизанской республики» на озере Палик. Избегая кровопролитных боев, Лопатин, маневрируя, уводил бригаду к Домжерицким болотам. В этих условиях комбриг все сильнее тревожился за безопасность К. Круга. Основания для этого были.

Незадолго до этого Владимир Рудак разоблачил в бригаде несколько агентов абвера и СД. Один из них, некий Мужиканов, даже умудрился стать командиром роты. Он был арестован, но ему удалось бежать. Нельзя было исключать наличия других агентов, а это значило, что они наверняка получат приказ найти и уничтожить К. Круга. Поэтому Лопатиным и Рудаком принимались все меры, чтобы сохранить в строжайшей тайне пребывание в бригаде обер-лейтенанта гитлеровского люфтваффе. Теперь уже бывшего.

Дальнейшая послевоенная судьба Карла Круга была связана с ВВС Национальной народной армии Германской Демократической Республики. А Вера Тоболевич стала его женой.

И ВЕЧНЫЙ БОЙ...

С учетом тотального характера деятельности спецслужб Германии по массовой засылке шпионов и диверсантов в партизанские отряды на оккупированной территории Беларуси органами госбезопасности большое внимание уделялось организации и укреплению органов их разведки и контрразведки. Кадры для этой работы черпались из числа сотрудников оперативных отрядов и групп. В частности, только в партизанских отрядах работали более 60 человек. Им удалось с мая 1942 г. по январь 1943 г. лишь на участке действий бригады М. Я. Бирюлина выявить и разоблачить более ста гитлеровских шпионов.

Успешно использовалась нашей разведкой и контрразведкой также информация, полученная в ходе допросов разоблаченных изменников Родины, касавшаяся как методов работы, так и тактических приемов гитлеровских спецслужб.

Несмотря на жесточайший оккупационный режим, массовые карательные акции, репрессии среди мирного населения и широкомасштабное использование шпионов, террористов и диверсантов, добиться реального преимущества в борьбе с оперативными группами и отрядами органов госбезопасности СССР и БССР, ликвидировать всенародное белорусское партизанское движение гитлеровцам так и не удалось.

В течение 1943 г. под руководством Оперативно-чекистской группы НКВД по БССР (а с мая 1943 г. уже НКГБ БССР) было дополнительно направлено в тыл врага более 50 чекистских подразделений со специальными разведывательными заданиями. Таким образом, во вражеском тылу в Беларуси действовало более 400 участников, активно боровшихся с оккупантами.

К 1943 г. в Беларуси кроме подразделений органов НКВД (НКГБ) БССР действовало более десяти опергрупп НКВД (НКГБ) СССР, в их числе в тылу врага активно боролись «Неуловимые» (М. С. Прудникова), «Дяди Коли» (П. Г. Лопатина), «Соколы» (К. П. Орловского), «Вперед» (П. Г. Малюгина) и др. В течение 20 дней июня 1942 г. на территории республики находилась опергруппа «Победители» (руководитель Д. М. Медведев). Все они возглавлялись наиболее опытными чекистами СССР, неоднократно выполнявшими сложные задания органов госбезопасности за границей и в условиях вражеского тыла. Многие из командиров формировали свои группы сами и проводили специальную подготовку бойцов.

В 1943 г. НКГБ БССР уже мог организовать тщательную подготовку или переподготовку всех своих подразделений, уходивших в тыл врага. Направлялись спецгруппы в основном в Могилевскую, Минскую, Гомельскую, Барановичскую, Пинскую и Брестскую области.

Опергруппам вменялось в обязанность кроме основных функций оказание посильной помощи партизанским отрядам, бригадам и соединениям. Такая цен-

трализация в руках профессионалов позволяла активизировать боевую деятельность чекистских сил, а также белорусских партизан. Таким образом, к июлю 1943 г. в тылу врага на территории Беларуси завершилась работа по созданию достаточно разветвленной и боеспособной структуры органов госбезопасности республики, которая оказалась способной решать сложные задачи. К этому времени в тыл врага дополнительно было десантировано, в том числе повторно, несколько групп НКГБ БССР («Первые», «Родные», «Мстители»), а также две группы НКГБ СССР («Олимп», «Артур»).

Всего же в период с июня 1943 г. по 1 июля 1944 г. НКГБ БССР было подготовлено и заброшено в тыл врага 54 оперативные и диверсионные группы (728 человек).

Именно в это время на территории Беларуси создаются и активно действуют оперативно-чекистские конспиративные центры в Витебской, Минской, Могилевской, Полесской, Вилейской, Барановичской, Пинской, Брестской, Белостокской областях во главе с заместителями начальников соответствующих управлений НКГБ БССР А. П. Максименко (единственный из белорусских чекистов, награжденный полководческим орденом Кутузова), Ф. Ф. Хвесько, М. И. Филимоновым, И. М. Стельмахом, Г. И. Слеповым, К. М. Сосновым, Д. М. Армяниновым, В. П. Лошининым, А. Н. Дроздовым, Д. И. Мануйловым.

Эти центры на местах планировали и осуществляли многочисленные совместные боевые операции чекистских подразделений и партизанских отрядов, что сыграло известную мобилизующую роль при концентрации партизанских сил в Беларуси накануне ее полного освобождения от немецко-фашистских захватчиков.

Что и видно из некоторых информационных данных, поступавших от оперативного и руководящего состава восстановленных на оккупированной территории Беларуси органов НКГБ БССР. В частности, таких:

«Уполномоченному ЦК КП(б)Б т. Сарычеву.
31.10.1943 года.

Получены агентурные данные из Пуховичей, что согласно приказу немецкого командования все немцы с охраны железной дороги якобы снимаются и отправляются на фронт. Охрана железной дороги передается французам и чехам и что, якобы, это мероприятие уже проводится в жизнь от линии фронта до разъезда Блу-жа. Имеются также сведения, что в Пуховичи прибыло 300 человек французов.

Немцы произвели также эвакуацию Марьиногорского техникума, его помещение приготавливается для расквартирования немцев, прибытие которых вскоре ожидается.

По железной дороге в западном направлении немцы везут большое количество беженцев с Гомельщины (300 семей), которые принудительно эвакуируются из прифронтовой полосы. Беженцы расквартировываются немцами на ст. Пуховичи и в прилегающих деревнях.

Начальник Руденского РО НКВД Безуглов».

Однако кроме этого необходимо отметить, что оперативные группы НКГБ смогли создать агентурные позиции, с помощью которых поступали разведывательные данные не только тактического, но и военно-стратегического характера.

Так, уникальные по ценности сведения о подготовке наступления германских войск летом 1943 г. незамедлительно поступили от оперативных групп «Бывалые», «Местные», «Победители». Полученная информация позволила Ставке Верховного Главнокомандования верно оценить ситуацию и сосредоточить силы для контр-удара на нужном направлении.

Опергруппа «Победители» передала в Центр полученную агентурным путем информацию о готовящейся немецкой разведкой заброске в Иран группы диверсан-

тов с целью ликвидации руководителей союзных держав по антигитлеровской коалиции во время Тегеранской конференции.

Безусловно, без героизма, самопожертвования и самоотверженности добровольных негласных помощников белорусских оперативных работников успехи в разведывательной и контрразведывательной работе были бы невозможны. Всего 17 лет было М. В. Кулаковой, когда она начала свою борьбу с оккупантами. На минской бирже труда она доставала так необходимые партизанским разведчикам спецгруппы «Четвертые» бланки для документов, осуществляла сбор развединформации. Но 24 марта 1944 г. при возвращении с задания она была схвачена и в течение трех месяцев мужественно переносила допросы и пытки, никого не выдал. После этого Кулакова была казнена гитлеровцами. Посмертно она награждена орденом Отечественной войны I степени.

Ценную информацию о противнике давал оперотряд НКГБ БССР «Дружба» под командованием И. А. Жолобова. В этой боевой работе отличились Е. И. Матвиевич, М. М. Ломовцев, М. М. Лашин, Б. А. Зубкевич. Молодежную группу, созданную отрядом, возглавлял А. Г. Буренков. Группа добывала и передавала развединформацию и оружие. Связь с ней отряд поддерживал через агента «Каренину» — Г. В. Пеньковскую. К сожалению, 12 ноября 1943 г. она и еще шесть человек из группы Буренкова были схвачены нацистами. Спасти их помогло чудо. Членам группы в тюрьме удалось склонить на свою сторону гитлеровского солдата-охранника, серба по национальности И. А. Верховчака. Обезоружив охрану, Верховчак освободил разведчиков и вместе с ними прибыл в отряд. Затем он героически сражался в рядах партизан, был награжден.

В июле 1942 г. учительница из Полоцка В. Н. Смирнова добровольно изъявила желание вести разведывательную работу. По заданию группы «Неуловимые» под

руководством М. С. Прудникова она добывала ценную разведывательную информацию о гарнизонах противника в Полоцке, Боровухе. Однако по доносу предателя Смирнова была арестована. Несмотря на зверские пытки и издевательства, во время которых ей выкололи глаза и переломали все пальцы, она ни слова не сказала об участниках группы.

О СОЮЗЕ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ (СБМ) ПОД «ФЮРЕРСТВОМ» САМОГО ВИЛЬГЕЛЬМА КУБЕ

Между тем информация по пронацистским организациям на оккупированной территории Беларуси, о которой ранее уже говорилось, не просто накапливалась. Ее можно было получить только путем внедрения туда своих людей. Так что неспроста тогда в Указании ГУКР «СМЕРШ» от 14.08.1944 «Об оперативно-розыскных мероприятиях по выявлению участников созданной немцами фашистской молодежной организации “Союз белорусской молодежи”» указывалось: «...На территории Белорусской ССР, освобожденной от противника, органы “СМЕРШ” 1, 2 и 3 Белорусских фронтов выявили созданную немцами фашистскую молодежную организацию, именованную “Союз белорусской молодежи” (СБМ).

Следствием по делу, а также из содержания захваченных документов установлено, что СБМ был создан в Минске в июне 1943 года германским генеральным комиссаром Белоруссии Вильгельмом Кубе в целях объединения белорусской молодежи для борьбы с Советской властью.

Кубе осуществлял непосредственное руководство “Союзом белорусской молодежи” и для этого имел специальный аппарат, в который входили немцы: бан-

нфюрер Шульц — руководитель отдела молодежи, Грогземан — руководительница девушек — членов СБМ, зондерфюрер Штильмарк — руководитель отдела сельского хозяйства, Нэбелинг — руководитель спорта, Рудольф — руководитель ремесленного дела, баннфюрер Кюммель и другие.

По заданию Кубе штаб СБМ возглавил белорусский националист Михаил Ганько — бывший учитель, прошедший специальную подготовку в Германии и проводивший директивы немцев по воспитанию белорусской молодежи в антисоветском духе (бежал с немцами).

Среди арестованных участников СБМ разоблачено несколько резидентов и агентов германской разведки, которые получили задание от немцев осесть на жительство в тылу Красной Армии и собирать шпионские сведения...

Ориентируя об изложенном, предлагаю:

1. Начальникам органов «СМЕРШ» фронтов и армий принять необходимые меры к выявлению и задержанию руководителей и активных участников «Союза белорусской молодежи» как в расположении фронтов, так и в действующих частях Красной Армии, которые, возможно, проникли туда в числе нового пополнения, мобилизованного на освобожденной территории Белоруссии.

2. Следствие по делам задержанных активных участников «Союза белорусской молодежи» вести в направлении выявления их связей с военнослужащими Красной Армии и органами германской разведки и контрразведки, а также вскрытия их практической деятельности...»

В докладной записке лишь только ОКР «СМЕРШ» 11-й гвардейской армии в УКР «СМЕРШ» 3-го Белорусского фронта об итогах работы в период наступательных операций войск армии с 23 июня по 1 сентября 1944 г. отмечалось: «...В результате проведения розыскных мероприятий по войскам армии и окружению задержано

и разоблачено 11 агентов немецкой военной разведки, нами арестованных...

Из числа разоблаченной агентуры 6 человек окончили специальные разведывательные школы, остальные были завербованы и подготовлены непосредственно в разведорганы.

...ОКР "СМЕРШ" в результате проведения оперативных мероприятий среди призванного пополнения из освобожденных районов Белоруссии в частях армии и окружения выявлено, разоблачено и арестовано 57 агентов контрразведывательных органов противника, из них 5 являлось резидентами...

...Вскрыты следующие националистические формирования, активно сотрудничавшие с оккупантами: СБМ — "Союз белорусской молодежи" — арестовано 5 человек; БКО — "Белорусская краёвая оборона" — арестовано 10 человек (Логойская группа).

...Борьба с предателями и пособниками немецко-фашистских войск: из общего количества арестованных разоблачено 86 активных предателей и пособников немецко-фашистских войск. В числе разоблаченных: 4 бургомистра, 6 старост, 8 руководящих работников полиции, 39 полицейских, 25 изменников Родины и др.

...Материалами следствия было установлено, что в г. Логойске из числа предателей ныне арестованным Каптуром по личному инструктажу и указанию председателя "Белорусской центральной рады" Островского был сформирован батальон так называемой "краёвой обороны" в составе 200 человек. Все они являлись прямыми исполнителями приказов немецких властей, учиняли расправы и издевательства над мирным населением, сжигали населенные пункты, в массовом порядке расстреливали ни в чем не повинных советских граждан... вели борьбу с партизанами.

...Признавая предательскую деятельность, арестованный Петровский на следствии заявил, что поли-

цейскими и служащими батальона “краёвой обороны” в г. Логойске и районе было расстреляно около 1000 евреев и сожжено несколько деревень...»

Так что вопрос о некоей «гибкой» тактике белорусских коллаборационистов, которые сотрудничали с нацистскими оккупантами якобы только с целью защиты населения Беларуси и сохранения ее культурного наследия, в настоящее время не имеет под собой почвы. Подробно изучив в Министерстве юстиции США досье на Р. Островского, И. Ермаченко, С. Станкевича, Э. Ясюка и других деятелей Белорусской центральной рады, американский юрист Дж. Лофтус пришел к выводу: «Эти коллаборационисты были весьма лояльны к немецкой политике. И хотя только немногие из них лично убивали, все они несут прямую ответственность за злодеяния в Белоруссии. Они были основными организаторами нацистской разведывательной сети, главным орудием 3-летнего угнетения Белоруссии. Если бы не было этих нескольких сот человек, возможно, и не нашлось бы проводников для мобильных батальонов смерти, не нашлось бы добровольцев, которые помогали уничтожать евреев...»

Однако вернемся к СБМ.

В апреле 1942 г. отряд НКВД (НКГБ) СССР «Местные» под командованием С. А. Ваупшасова, преодолев почти тысячу километров, прибыл к месту назначения в белорусские леса. Насколько широкими и устойчивыми стали со временем его позиции, говорит тот факт, что в Минске он имел 120 конспиративных квартир. В то же время в городе только от отряда «Местные» действовали до 400 хорошо законспирированных разведчиков и около 30 диверсионных групп. Назовем в связи с этим лишь некоторые из славных имен: К. Мурашко, Р. Волчек, К. Карпук, О. Филитар, братья Сенько, Чирко, К. Гурьева, У. Козлова, С. Романовец, Ф. Буров, его сын А. Буров, дочь Л. Бурова. Так вот детям Ф. Бурова

и предстояло среди других внедриться в Союз белорусской молодежи (СБМ), созданный оккупантами для воспитания юношей и девушек в нацистском духе.

Тем временем руководитель СБМ Михаил Ганько, оправдывая свое «фюрерство» в этой созданной нацистами организации, неустанно агитировал юных белорусов: «...Тебя призывает европейская молодежь к сотрудничеству в новой Европе. Становись дружинником СС, борись за новую, вольную Беларусь. Ты получишь хорошую пищу, хорошую квартиру, одежду, зарплату. Ты сравнишься с немецким солдатом. Ты узнаешь Европу! В полицейской службе, в военных организациях ты сможешь получить чин офицера. Вождь Адольф Гитлер зовет тебя. Будь достоин его доверия!»

Вот так! И никакой вам «незалежной Беларусі». «Наш фюрер» Адольф Гитлер зовет вас... «на подвиги». А уж о фактах широкого использования хорошо подготовленного контингента СБМ спецслужбами Третьего рейха, такими как абвер, СД, ГФП (тайная полевая полиция), широко известно как из немецких архивных и трофейных документов, так и из материалов многочисленных судебных процессов.

Кстати, 22 июня 1943 г. на «презентации» СБМ сам его создатель Вильгельм Кубе недвусмысленно заявил о том, что «союз должен способствовать отрыву белорусской молодежи от Востока и приобщению к арийскому Западу». Центральный штаб СБМ, как клон, полностью копировал структуру немецкого гитлерюгенда. И даже эмблему! Как же иначе! С «великим фюрером всех белорусов Адольфом Гитлером» — вперед — «в светлое будущее»!

В подписанном Кубе тогда же указе о создании Союза белорусской молодежи недвусмысленно говорилось: «1. СБМ основывается для единого воспитания и организации белорусской молодежи; 2. Воспитание белорусской молодежи, кроме родительского дома и школы,

с физической, моральной и духовной точки зрения передается СБМ; 3. Ответственность по воспитанию белорусской молодежи в СБМ передается Центральному штабу; 4. Для руководства штабом назначается шеф этого штаба, который представляет СБМ и имеет свою резиденцию в Минске; шеф штаба подчиняется непосредственно генеральному комиссару». То есть Вильгельму Кубе. И в самом деле, далеко вперед смотрел этот руководящий партайгеноссе НСДАП, ревностно выполнявший волю Гитлера...

В то же время прагматичной германской оккупационной властью главные задачи СБМ определялись следующим образом: организация подготовки кадров для местного самоуправления, создание пополнения для полицейских и фронтовых добровольческих формирований, выполнение трудовой повинности, как в Беларуси, так и, при необходимости, в самой Германии.

Ваупшасов (Градов) поставил задачу: принять все меры к разложению СБМ. Стояла такая задача и перед другими партизанскими отрядами и группами. А для этого нужно было внедрить в организацию своих людей и через них склонить на свою сторону заместителя Михаила Ганько Дмитрия Стельмаха, а также некоторых других функционеров. Стельмах, в прошлом лейтенант Красной Армии, попал в лагерь военнопленных, а оттуда — в школу пропагандистов в Кёнигсберге. Это Ганько помог Стельмаху выбраться на волю.

Разведчик «Местных» Анатолий Федорович Буров (сын Ф. А. Булова) вспоминал потом: «Для выполнения этой рискованной, сложной задачи наш отец, работавший под началом резидента С. Романовца, вынужден был привлечь меня и сестру Лидию. Мне тогда 16 лет было. И мы “вступили” в СБМ и стали его “активистами”. При этом Лидия познакомилась со Стельмахом и пригласила его в гости. Тот не мог не заинтересоваться моей красавицей-сестрой, и посему стал все чаще бывать в нашем доме...

Первое, что нужно было сделать, так это захватить “фюрера СБМ” Ганько и отправить его на Большую землю. Для этого предстояло разыграть якобы свадьбу Дмитрия с Лидой. Здесь-то все и должно было произойти. Правда, насчет Ганько задача потом изменилась, поскольку более ценным стал для нас Стельмах, который поначалу колебался и все просил время на раздумья. В конце концов он сделал решительный шаг и попросил встречи с Градовым. Туда мы его вместе с С. Романовым и доставили».

Там-то Стельмах и выразил согласие помогать отряду в получении необходимой информации. Ну, а пути Романовца и Стельмаха больше не пересекались. Таков был в разведке железный закон конспирации. Потом довелось Бурову-младшему побывать в пропагандистской поездке по линии СБМ в Берлине. И это обстоятельство больно ему в дальнейшем аукнулось — тюремным сроком...

Осенью 1943 г. войска Красной Армии начали освобождать Беларусь. И чем ближе подходил фронт к Минску, тем больше лютовали нацисты и преданные им местные полицаи. Их белорусы, кстати, боялись больше, чем немцев. Ибо кровушки людской пролили они немало!

Чтобы спасти семью, Романовец отправился в отряд Громова, где и дождался прихода наших. Потом он вновь стал работать дорожным мастером. Но недолго. Последовали его арест, следствие. Почти девять месяцев провел С. С. Романовец за решеткой. Впрочем, то же самое произошло и с Буровыми. Вот только срок заключения у них был значительно больший. У младшего Бурова — 8 лет, у сестры и отца — по 4 года. Ведь поступили многочисленные сигналы от «бдительных граждан», не раз видевших наших героев, «служивших у оккупантов», в «подозрительных» ситуациях. В конечном итоге усилиями уже КГБ при СМ СССР и БССР справедливость восторжествовала. Все они были полностью

реабилитированы и награждены. Правда, потерянные в краях не столь отдаленных годы не вернешь...

Нужно отметить, что таких выполнявших рискованные тайные задания органов госбезопасности и связанных обетом молчания партизан, подпольщиков, разделивших судьбу С. С. Романовца, Ф. А. Бурова, А. Ф. Бурова, Л. Ф. Буровой, было немало. А сколько их, погибнув в тылу врага, так до сих пор и остаются неизвестными!

Потом наши герои вновь долгие годы честно работали, ничего для себя не требуя и не прося. Заслуженные боевые награды (ордена и медали) нашли их лишь почти сорок лет спустя! Но, несмотря на всю горечь воспоминаний, они были не в обиде. Ведь не ради должностей, чинов и наград жизнью рисковали! Главное, что они, как и сотни тысяч других сынов и дочерей не покоренной врагом Беларуси, честно и беззаветно выполняли долг перед Родиной и внесли свой вклад в ее освобождение. Тем и жили!

БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКИЙ И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ВОПРОСЫ

В тот период сложность в действиях спецгрупп НКГБ СССР, БССР, военной контрразведки на территории Западной Белоруссии возникала ввиду нахождения и активных боевых действий там отрядов Армии Крайовой (АК), выполнявших неосуществимое указание эмигрантского правительства в Лондоне по восстановлению Польши в границах августа 1939 г., включая западнобелорусские земли. Соответственно, воевали они в целом ряде случаев как против немцев, так и против советских партизан. И здесь от вопиющих фактов никуда не уйдешь. При этом немало «аковских» структур работали в тесном контакте со спецслужбами Великобритании.

Весьма характерным в этом отношении являлось сообщение источника лондонской резидентуры Первого управления НКГБ СССР от 12 октября 1943 г.: «...Польский генеральный штаб с согласия правительства и президента дал инструкции уполномоченному польского правительства в Польше готовиться к оказанию сопротивления Красной Армии при вступлении ее на территорию Польши (ни больше ни меньше. — Авт.). Польские вооруженные силы должны в силу этих инструкций вести беспощадную борьбу с просоветским партизанским движением в Западной Украине и Западной Белоруссии и готовить всеобщее восстание в этих областях при вступлении туда Красной Армии. Польское правительство и военные круги уверены, что Англия и США не согласятся на уменьшение территории Польши. Поэтому эти круги фактически готовятся к войне против СССР, рассчитывая на поддержку США и Англии. Англичане знают об этих инструкциях... и молчаливо одобряют их».

При этом интересны еще и договоренности от 30 сентября 1941 г. между советскими и британскими органами (разведками) «по вопросу о подрывной работе против Германии и ее союзников»: «...17. Вопрос об организации партизанских отрядов в Польше, Чехословакии и Югославии должен обсуждаться между СССР и правительствами указанных стран.

18. Ни СССР, ни Англия не предпримут никакой кампании по пропаганде, призывающей к восстаниям или партизанскому движению в странах, входящих в сферу операций одной из сторон без согласия на то другой стороны».

Однако к 1943 г. в действиях британских спецслужб на данном направлении начали преобладать двойные стандарты.

Характерной особенностью оперативной обстановки в Западной Белоруссии в тот период были и активные действия коллаборантов из числа членов служившей

оккупантам Белорусской народной самопомощи (БНС) как против советских партизан и опергрупп органов госбезопасности, так и Армии Крайовой (АК) и других польских подпольных организаций. Что касается Армии Крайовой, то в данном случае было и другое, кровавое...

Ибо весьма характерно то, что преобладающее большинство убитых лишь на Столбцовшине, скажем, только «славными» жолнежами пана Пильха, командира отряда АК, активно сотрудничавшего с нацистскими оккупантами (те даже целый эшелон ему и его воякам для эвакуации потом предоставили. — Авт.), — это мирные белорусские жители. И этот район отнюдь не был исключением. В частности, в окрестностях Лиды в феврале–апреле от рук аковцев тоже погибло несколько тысяч человек, в том числе «только в одной Белицкой гмине — 480». В Заславском и Дзержинском районах отряды АК уничтожили 11 белорусских деревень. Так, в «Акте комиссии Шучинского межрайцентра Барановичской области о расследовании преступлений, совершенных бойцами Армии Крайовой над жителями Желудокского, Василишковского и Шучинского районов» от 31 марта 1944 г. говорилось: «1944 года, марта 31 дня, Комиссия в составе председателя Фёдорова А. Н., членов Южакова Д. С. и Рыжкова И. составили настоящий акт о злодеяниях, совершенных над мирными жителями белопольскими бандами:

1. 22.2.44 г<ода> белопольской бандой расстрелян крестьянин дер. Береговцы Желудского р-на Шершень Юлиан Дмитриевич.

2. 25.2.44 г<ода> в д. Турейск белопольской бандой сожжено 30 домов и 30 сараев.

3. 20.8.43 г<ода> белопольской бандой убит крестьянин д. Решетки Шучинского р-на Протокович О. С. как бывший советский служащий.

4. 8.2.44 г<ода>, возвращаясь из Желудка, гр-не д. Досная Альшейвский П., Дрозд в пути были убиты белопольяками.

5. 25.2.44 г<ода> белополяки сожгли дом гр-на Слушко Ю. В. в д. Турейск.

6. 18.2.44 г<ода> белополяками расстрелян крестьянин д. Карповичи Карпович О., бывший советский военнослужащий.

7. 25.2.44 г<ода> белополяками убит крестьянин д. Крупово Дробниц А. как бывший советский служащий.

8. 25.2.44 г<ода> белополяками расстреляны граждане из д. Белогорцы: Позняк В. М., Слушко Н. Д. — якобы за то, что они ушли жить из д. Белогорцы в д. Рыжки.

9. 28.2.44 г<ода> белополяками расстреляны граждане из д. Сухари: Косица В. В., Косица Ю. В.

10. 29.2.44 г<ода> белополяками убит крестьянин д. Самлаги Асовик Михаил.

11. 29.2.44 г<ода> белополяками расстрелян крестьянин д. Голынка Масевич В. И.

12. 27.2.44 г<ода> белополяками расстреляны: Позняк С. С. и 3 человека семьи, Прокопович В. и три человека семьи, в то же время сожжено 10 домов и 4 сарая, убитые сгорели в домах.

13. 18.3.44 г<ода> белополяками расстрелян гражданин д. Баличи Черняк И. за то, что он при советской власти служил финагентом».

В акте, составленном той же комиссией 30 апреля 1944 г., говорилось, что 6 апреля бойцами АК расстреляны крестьяне д. Русаки Заянчковский Антон, Заянчковская Ата, Заянчковская София, Козловский Николай; в д. Турейск Гриц София, в д. Крупово крестьяне Дробыш Антон, Дробыш Анастасия; в д. Заборье Лазовик Маланья «за то, что ее муж работал финагентом», 7 апреля расстреляны крестьяне д. Быковка Бакун Анна, Бакун Владимир, Гром Юстина...

А в сообщениях опергруппы НКГБ БССР «Дальние» после проведенного тщательного расследования указывалось, что «польскими националистическими организациями в Августовском, Ломжинском, Кнышинском,

Лапском, Высоко-Мазовецком и других районах уничтожены все советские военнопленные, семьи советских служащих, не успевшие эвакуироваться, весь советский актив и даже белорусские семьи местных жителей, живших среди поляков.

Националистическими организациями уничтожаются советские десантные разведывательные группы. Уничтожаются мелкие партизанские отряды.

Польским националистическим организациям имеется указание из Лондона «вести непримиримую борьбу с советскими парашютистами (оперативно-разведывательными группами и зачинщиками партизанского движения)».

Отметим, что НКГБ БССР и его Четвертое управление руководствовались в тех весьма непростых условиях постановлением ЦК КП(б) Белоруссии от 22 июня 1943 г. «О мерах по дальнейшему развитию партизанского движения в западных областях Белоруссии», в котором существование всякого рода организаций, руководимых «польскими буржуазными центрами», рассматривалось как вмешательство во внутренние дела советского государства. Подобные польские формирования предписывалось разоружать, изолировать и распускать.

В результате активных действий на территории Западной Белоруссии сотрудникам НКГБ БССР удалось вскрыть около 30 польских подпольных организаций и групп, насчитывавших более 400 участников, выявить и поставить на учет более 1000 членов подпольных структур Армии Крайовой.

Но были и другие «борцы за свободу “своих земель”». О том, что литовские каратели неплохо «поработали» совместно с германскими нацистами, свидетельствует лишь один фрагмент рапорта Вильгельма Кубе рейхскомиссару «Остланда» (куда входила Литва) Генриху Лозе от 31 июля 1942 г.: «...Район Слуцка был также освобожден от нескольких тысяч евреев, равно

как Новогрудок и Вилейка. Радикальные меры были запланированы в отношении Барановичей и Ганцевичей. В Барановичах, в самом городе, еще остается 10 000 евреев, из которых 9000 будет ликвидировано в следующем месяце.

В городе Минске еще остается около 2600 евреев из Германии и, кроме них, — все 6000 русских евреев и евреек, которые во время акции были заняты на разных работах для вермахта. В Минске сохранится и в будущем наибольшее сосредоточение евреев ввиду скопления в этом районе большого числа военных предприятий и важной роли железнодорожного транспорта. Во всех остальных районах СД и мною установлено число евреев, используемых на работах; оно будет сокращено до 800, а возможно, и до 500, так что после завершения запланированных акций в Минске останется 8600 евреев и около 7000 евреев в 10 других районах, включая свободный от евреев Минский район. Таким образом, будет устранена опасность, что партизаны смогут в какой-то существенной степени опереться в будущем на еврейство».

Но вот уже в XXI в. прозвучали призывы некоторых «деятелей-возрожденцев» и участников последующей «революции достоинства» с украинской стороны о том, что, мол, пора увековечить память бандеровцев на юге Беларуси. Как же, ведь они «не шадя живота своего» боролись за свою, какую-то только им ведомую независимость в южных районах Пинской и Брестской областей Беларуси. А теперь надо бы по сему поводу там установить памятный знак в честь Украинской повстанческой армии (УПА). Оказывается, первое ее подразделение под началом Сергея Качиньского было создано в октябре 1942 г. близ деревни Дивин Кобринского района. Отсюда и началась история УПА, оставившей о себе страшную и отнюдь не светлую память на белорусской земле — как в ее южных пределах, так и в Лепельском крае.

А ведь на наших белорусских просторах «отличился» и небезызвестный «діяч визвольного руху» Роман Шухевич – офицер германского абвера, Герой Украины (посмертно) времен «оранжевой революции» начала 2000-х годов, лишенный в судебном порядке этого звания после ее бесславного завершения. И было за что...

Сама по себе личность Шухевича и все содеянное им, характеризовались в одном из послевоенных оперативных обзоров МГБ Украины так: «...Свою националистическую деятельность Роман Шухевич начал в 1928 году, будучи студентом Львовского политехнического института. Тогда он вступил в “Украинскую военную организацию”, созданную германской военной разведкой “Абвер”. В 1939 году, в связи с воссоединением Западной Украины с Украинской ССР, Шухевич бежал на территорию фашистской Германии. Находясь в Бранденбурге, а позже на территории бывшего генерал-губернаторства (Польша), он по заданию немецкой разведки занимался подготовкой украинских националистов для участия в войне против Советского Союза.

Незадолго до нападения гитлеровской Германии на СССР Шухевич возглавил “Украинский легион”, который в июне 1941 года вслед за немецкими войсками прибыл во Львов. Тогда же Шухевич вошел в состав так называемого “Украинского правительства” Ярослава Стецько, а после его роспуска был направлен германским командованием во временно оккупированную Белоруссию, где проводил карательные экспедиции против советских партизан.

В 1943 году по заданию немцев из оуновских банд-групп была сформирована так называемая “Украинская повстанческая армия” (УПА), предназначавшаяся для помощи немецко-фашистским войскам, потерпевшим разгром под Сталинградом. “Командующим” УПА поначалу был Клячкивский, по кличке “Клим Савур” (убит), а затем с 1945 года — Шухевич, который одновремен-

но возглавлял агентурно-разведывательный орган УПА “службу безопасности” (СБ). С 1944 года, когда на сборище главарей украинских националистических организаций было объявлено о создании “Украинской головной вызвольной рады” (УГВР), Шухевич служил ее председателем... В 1945–1950 годах он являлся главарем диверсионно-террористических групп оуновского подполья в Западной Украине, членом центрального “провода” ОУН (под кличками “Тур”, “Тарас Чупринка”), подчиняясь непосредственно заграничному “проводу” Степана Бандеры».

Так вот, как выше указывалось, к концу марта 1942-го созданный с санкции руководителя абвера «хитрого лиса» адмирала Канариса Украинский легион, где Роман Шухевич являлся заместителем командира, был направлен в Беларусь. За девять месяцев на оккупированной белорусской земле, по собственным данным, Украинский легион охранной дивизии СД уничтожил более 2000 советских партизан.

Одновременно бандеровцы зверски вырезали разведывательно-диверсионные группы Разведывательного управления РККА, десантировавшиеся с самолетов на территорию Волыни. С момента формирования УПА уничтожение советских разведгрупп стало для нее нормой. Самый большой успех бандеровцев на этом кровавом поприще — ликвидация знаменитого разведчика-боевика Четвертого управления НКГБ СССР Николая Ивановича Кузнецова (капитана Пауля Зиберта) и смерть командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Николая Федоровича Ватутина.

Согласно самым скромным подсчетам, по меньшей мере, половина лидеров УПА служила в полиции, карательных батальонах «Нахтигаль» и «Роланд», дивизии СС «Галичина», местной нацистской администрации, училась в организованных немцами разведшколах. Их германские хозяева требовали масштабного результа-

та — и на октябрь 1943-го приходится первая попытка бандеровских отрядов «Туров» и «Заграва» уничтожить партизанское соединение А. Федорова.

Вот так на примерах попыток «модернизации истории» и полного обеления и возвеличивания таких одиозных персон, как Шухевич, Бандера, Мельник, Боровец (он же — атаман Бульба, главарь «другой УПА»), и ряда других негодяев и преступников, на совести которых кровь тысяч и тысяч невинных людей, и взрашиваются новые ядовитые зерна нацизма. Но ведь было немалое число «бандеровских фюреров», экипированных в униформу германских оккупантов, да еще с «трезубом» на рукаве, и рангом поменьше. Как, скажем, сотник Ярош (однофамилец одного из украинских «правосеков» XXI века) из охраны лагеря советских военнопленных в Лесном, что под Сновом, который лично убил десятки пленных красноармейцев.

Нацисты объединяли их в карательные батальоны. Так, людей в Хатыни 22 марта 1943 г. заживо сжег 118-й украинский карательный батальон, которым руководил германский лейтенант Григорий Васюра (попал плен старшим лейтенантом РККА, закончил школу пропагандистов Восточного министерства Германии в Вустрау. — *Авт.*), которого спустя десятилетия заслуженно осудили к высшей мере наказания в Минске. А ведь были сотни таких батальонов, которые безжалостно жгли, расстреливали, убивали и вешали людей, охраняли концлагеря и еврейские гетто, бесчинствовали и изгалялись над несчастными.

Возвращаясь к оперативно-боевой и диверсионной деятельности отрядов и групп НКВД (НКГБ), следует отметить, что противнику был нанесен значительный урон в живой силе, боевой технике и вооружении. Особенно чувствительны для противника были диверсии на железнодорожном транспорте. Количество пушенных под откос воинских эшелонов (именно эшелонов, а не

только лишь взорванных рельсов. — *Авт.*) постоянно увеличивалось. Если в 1941 г. их было всего лишь 2, то в 1942-м — 202, в 1943-м — 317, а за семь месяцев 1944 г. — 585.

Личный состав спецгрупп проводил в 1941–1944 гг. войсковые операции, в ходе которых было разгромлено более 120 штабов, гарнизонов и воинских частей противника, выведено из строя более 74 000 гитлеровцев и их пособников, взято в плен более 1000 солдат и офицеров, путем минирования уничтожено более 2000 автомашин, сожжено 100 мостов. Надо ли говорить о том, что подобные акции разведки и контрразведки также приближали нашу Победу.

СУДЬБА НЕМЦА-АНТИФАШИСТА

В разведывательной деятельности на белорусской земле активное участие принимали источники из числа немецких антифашистов. Многие из них прошли суровую школу подпольной борьбы непосредственно в нацистской Германии, а также в Испании. Среди них был и будущий генерал МГБ Германской Демократической Республики Карл Кляйнюнг.

С началом Великой Отечественной войны К. Кляйнюнга зачислили в отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН). НКВД СССР он дважды забрасывался с разведывательными и диверсионными заданиями за линию фронта.

Случилось так, что судьба свела Карла Кляйнюнга с агентом НКГБ по кличке «Свистун», который должен был ранее действовать в Москве в случае ее оккупации нацистами (в послевоенном будущем — предателем Николаем Хохловым, завербованным ЦРУ в 1954 г. на территории ФРГ. И этот предатель все равно остается предателем и в XXI в., несмотря на помилование президентским указом Бориса Ельцина).

В годы войны «Свистуну»-Хохлову безмерно доверяли, и вместе с Кляйнюнгом он должен был выполнить важное задание Центра (Четвертого управления НКГБ СССР), связанное (наряду с чисто разведывательной деятельностью) и с ликвидацией палача белорусского народа В. Кубе (оперативная кличка «Кабан»), действуя при этом, как и легендарный разведчик Николай Кузнецов, один — в форме германского офицера, другой — унтер-офицера.

Поселили его тогда вместе с Кляйнюнгом («Виктором»), который проводил с ним интенсивные занятия по немецкому языку. Хохлов («Волин») оказался старательным учеником. Они прошли также боевую практику в лагере немецких военнопленных в четырехстах километрах от Москвы, прожив тридцать суток за колючей проволокой. Хохлов довольно убедительно и талантливо играл роль младшего офицера Вальтера Латте, Карл Кляйнюнг — унтер-офицера. Именно в такой комбинации они затем и были заброшены за линию фронта в белорусские леса.

О нем и его товарищах по борьбе в третьем томе книги «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков» (Минск, 1985) говорилось: «Немецкие антифашисты оказывали помощь подпольщикам Минска. Среди них были Иоахим Кюстнер, Карл Кляйнюнг (подпольная кличка Виктор), Ганс Штрубе...» Группа эта называлась «Юрий».

Для Карла Кляйнюнга в Центре было сработано удостоверение немецкой фельджандармерии (группы 727) на имя Отто Шульце (ныне оно хранится в Музее Вооруженных Сил Российской Федерации в Москве). В оккупированном Минске подобный документ имел большую силу, его владелец кроме всех мыслимых и немыслимых прав и привилегий мог даже расстреливать подозрительных лиц на месте. Однако нетипичная для немца внешность «Виктора» и то, что 727-я группа ГФП (тайная

полевая полиция) в Минске не оперировала, требовали крайней продуманности и осторожности в действиях.

В конечном итоге в опергруппу НКГБ СССР «Юрий» вошли 18 человек: М. Чижевская, ее дочь Елена, студентка мединститута Н. Моисеева, преподаватель Белгосуниверситета доцент Е. Зубкович, М. Голубева (Копанец), студентка З. Ходюня, бухгалтер О. Беляева (Вербицкая), Л. Драгун-Пастревич, Ф. Проская, О. Промашкова (Прохорчик), Д. Скарина и др.

По заданию разведчиков группы «Юрий» подпольщики собирали сведения об оборонительных сооружениях, возводимых оккупантами в городе и его окрестностях, выводили из Минска военнопленных и граждан, которых преследовали оккупанты, распространяли антифашистскую литературу, принимали участие в подготовке и проведении боевых операций.

В то же время Кляйнюнг должен был вместе с Хохловым следить за маршрутами поездок «Кабана» — Генерального комиссара «Вайсрутении» Вильгельма Кубе. И если днем мундир унтер-офицера позволял беспрепятственно перемещаться по городу, то ночью приходилось укрываться на конспиративных квартирах. Но и это было опасно. Не дай Бог, увидел бы кто, что Кляйнюнг в форме вермахта запросто входит в дома местных жителей — «унтерменшей». Это сразу же могло вызвать ненужные вопросы у полицейских, фельдшандармерии, агентов СД — и тут уж беды не миновать. Требовалась жесточайшая конспирация.

Работа над планом уничтожения «Кабана» велась сразу по нескольким направлениям. Внимание разведчиков привлекла Белая дача, расположенная в древнем Лошицком парке. Генеральный комиссар «Вайсрутении» Кубе облюбовал именно ее для званых пиров и «релаксации» по окончании своих очередных «славных дел». На этой даче также частенько обитал «радушный хозяин» — минский окружной комиссар Фройтаг. При этом

начальника полиции безопасности и СД фон Готтберга в целях конспирации разведчики называли «Гусем», а Фройтага — «Барсуком».

Кляйнюнг лично встречался с Надеждой Моисеевой, Марией и Лидией Чижевскими, работавшими у Фройтага на Белой даче. После непродолжительного предварительного изучения Карл принял решение об их вербовке в ходе последующих встреч. Псевдонимы разведчицы выбрали, соответственно, «Подруга», «Мать» и «Дева».

План уничтожения «Кабана», разработанный позже в партизанском лесу, был достаточно кратким: доставить в Минск несколько английских мин с часовым механизмом, научить на явочной квартире «Подругу» и «Деву» обращению с ними, а затем переправить эти мины в Лошицу. При появлении там «Кабана» запустить часовой механизм и установить их в комнатах, которые он обычно занимает.

Однако, убедившись через агентуру, что в ближайшее время «Кабан», видно, почуяв что-то, Лошицу навещать не собирается, Кляйнюнг начал продумывать городской вариант плана его ликвидации. А для этого необходимо было завербовать кого-то из obsługi гитлеровского заместника.

Постепенно отсеивая различные варианты, разведчики остановились на горничной «Кабана» Елене Мазаник. Комнату немцы ей дали на улице Энгельса (Театрштрассе), недалеко от резиденции Кубе (ул. К. Маркса, 38), где она жила вместе с сестрой Валеи. Кляйнюнгу идти к ней было нельзя, и выбор пал на Хохлова, владевшего немецким языком и также имевшего документы тайной полевой полиции.

Повел себя Хохлов («рыжий», как окрестила его Мазаник) довольно нагло и бесцеремонно, в результате чего задание не выполнил, получив от ворот поворот. Объясняя потом причину провала своей миссии руководству, он путано рассказывал о том, что забыл свои

партизанские документы, и Мазаник ему не поверила, приняв за очередного провокатора СД. Однако, как выяснилось позже, начал он с прямых угроз «изменнице» и продолжал в таком духе весь разговор, что отнюдь не способствовало установлению необходимого контакта.

Попытались выйти разведчики на Елену Мазаник и по другим каналам, но получили от нее лишь совет «не рисковать больше». Однако, как выяснилось, немцам все-таки никого из наших не выдала. Значит, была еще какая-то надежда.

Вскоре находившийся по указанию Кляйнюнга на разведзадании в Минске Хохлов напросился искупить вину и вновь сыграть роль вербовщика. Потом Кляйнюнг долго корил себя за уступчивость.

На сей раз «обер-лейтенант Вальтер Латте» заявился к Мазаник домой в ее отсутствие. Это наделало немало шуму среди соседей, которым он объяснил, что влюблен в Елену и хочет увезти ее в Чехословакию, где живет его отец-фабрикант. Дальнейшее Елена Мазаник описывала так: «Возвращаюсь с работы... С крыльца мне навстречу снова бросился... рыжий... Я застыла на месте — думала, сейчас арестует. Как только мы вошли в комнату, рыжий замкнул дверь на ключ... Он сел на стул, выхватил пистолет, положил на стол и сказал: “Учти, эта штука стреляет бесшумно... Продолжим разговор?” — “Нет, — прервала я его. Думаю, пан или пропал. — Повторяю, я сказала — нет! А теперь вопрос, как можно посылать такого идиота, как ты? С какой бы стороны ты ни пришел, так грубо поступать и так работать нельзя. Ты — дурак. А тот, кто посылает тебя, дважды дурак!”»

После второго фиаско Кляйнюнг отправил Хохлова в лес с докладом командиру об изменениях и оперативной обстановке в немецком гарнизоне. А тем временем задумал выйти на Мазаник с помощью Лиды Драгун через ее соседа Михаила Кумейшу, о чем в Центр ушла радиограмма: «Все же “Виктор” через “Асю” убедил

“Шефа” (Кумейшу. — *Авт.*) в необходимости помочь в работе по ликвидации “Кабана”».

Но события развивались стремительно и совсем по иной схеме. Как стало известно позже, 22 сентября 1943 г. при содействии командира разведотряда РУ ГШ РККА «Димы» Н. П. Федорова миной, подложенной в спальне, Елена Мазаник сумела уничтожить Генерального комиссара Белоруссии Кубе. В принципе, в тот период разными силами и спецгруппами готовились 12 операций по его ликвидации...

25 сентября 1943 г. (с трехдневным запозданием) издававшаяся в Минске пронацистская «Беларуская газета» вышла с траурным сообщением за подписью начальника СС и полиции в Генеральном округе «Вайсрутения» группенфюрера СС Курта фон Готтберга: «В результате гнусного покушения подлых еврейско-большевистских убийц пал жертвой в ночь с 21 на 22 сентября 1943 г. генеральный комиссар гауляйтер Кубе, президент в резерве командного состава, майор запаса, кавалер Золотого почетного знака НСДАП и Креста за военные заслуги I степени.

В лице Вильгельма Кубе мы потеряли боевого друга и заботливого начальника. Мы, национал-социалисты, скорбим о верном последователе фюрера и честном, всегда готовом прийти на помощь боевом товарище».

Арестованный 7 мая 1945 г. бригаденфюрер СС Эбергард Герф, являвшийся на момент ликвидации Кубе начальником полиции порядка в Белоруссии, и сам совершивший немало кровавых преступлений в отношении белорусского народа, в ходе допроса показал: «Страшные злодеяния в г. Минске после убийства Кубе были совершены по приказу высшего начальника СС и полиции Готтберга... Последующие дни полицией совместно с СД были проведены облавы. Схваченные на улицах и в домах ни в чем не повинные люди, в том числе женщины и дети, были расстреляны...

В этих облавах было расстреляно две тысячи человек и значительно большее число заключено в концлагерь».

Отмечу, что в совместном докладе НКГБ СССР, РУ ГШ РККА и ЦШПД по поводу ликвидации Кубе («Кабана») еще в октябре 1943 г. справедливо указывалось, что эта задача была поставлена всем ведомствам, занимающимся зафронтовой работой. С Еленой Мазаник связывались агенты различных резидентур НКГБ СССР («Канская», «Сирена»), но наиболее результативной оказалась работа оперативной группы Разведывательного управления ГШ РККА. При этом Мазаник потребовала в целях проверки и исключения провокаций свидания с руководящим работником опергруппы майором Федоровым, после чего дала согласие провести акцию в отношении Кубе.

Впрочем, пусть нам поведаст об этом сам документ:

«Из доклада НКГБ СССР, разведуправления Генштаба Красной Армии и Центрального штаба партизанского движения в ГКО о ликвидации Генерального комиссара Белоруссии гауляйтера Вильгельма Кубе

[не ранее 29 октября 1943 г.]

Докладываем об обстоятельствах ликвидации генерального комиссара Белоруссии гауляйтера Вильгельма Кубе.

1. Квартиру Кубе в г. Минске обслуживали в качестве прислуги пять советских женщин. Среди них находилась Мазаник Елена Григорьевна, 28 лет, беспартийная... Не успев в дни немецкого наступления эвакуироваться, она осталась в Минске и вынуждена была поступить на работу в столовую немецких войск. Зарекомендовав себя хорошей работой, она была замечена постоянно обедавшим в столовой адъютантом Кубе Вильденштейном Карлом и с его помощью в мае 1943 г. была принята на работу в квартиру Кубе в качестве горничной.

Имея, таким образом, доступ в дом Кубе, Мазаник Елена, естественно, привлекла к себе внимание со сто-

роны различных оперативных групп, имевших задание вести работу по ликвидации Кубе.

2. Первой связалась с Еленой Мазаник резидент оперативной группы НКГБ СССР, действующей в районе г. Минска под руководством майора государственной безопасности т. Золотаря, Канская (Надежда Троян. — Авт.). Канская, 1922 года рождения, бывшая студентка медицинского института в г. Минске, не успев эвакуироваться, поступила на работу в качестве переводчицы к немцу — директору завода. Подпольную антинемецкую работу вела с весны 1942 г. К работе в оперативной группе НКГБ СССР т. Золотаря была привлечена 23 июля 1943 г.

Имея от т. Золотаря задание подготовить ликвидацию Кубе, Канская начала поиски подходящих лиц. В процессе поисков Канская встретила в г. Минске со своей знакомой Калитой... Калита, по образованию врач, в течение 11 месяцев (до апреля 1943 г.) работала горничной у Кубе, а затем была уволена. Калита рассказала Канской, что у Кубе работает Елена Мазаник, которая, будучи патриотически настроенной, может оказаться полезной для Канской.

Познакомившись через Калиту с Еленой Мазаник, Канская, стала настойчиво обрабатывать последнюю и в дальнейшем поставила перед ней вопрос о необходимости ликвидации Кубе...

3. Наряду с этим задание по ликвидации Кубе имел другой резидент той же группы НКГБ СССР т. Золотаря Сирена. Сирена, 1912 года рождения, русская, беспартийная, привлечена для работы в оперативной группе в начале апреля 1943 г.

Сирена, ища пути для выполнения задания по ликвидации Кубе, встретила в г. Минске со своей старой знакомой, которую в мае 1943 г. завербовала для работы в оперативной группе НКГБ СССР под псевдонимом Цапля, отобрала у нее подписку, снабжала деньгами

(всего около 8 тыс. марок) и поставила перед ней задачу ликвидировать Кубе.

Цапля (Мария Осипова. — Авт.), член ВКП(б), 1908 года рождения, окончила юридический факультет Минского университета. Не успев эвакуироваться, осталась в г. Минске, нигде не работала.

В это время оперативная группа НКГБ СССР т. Золотаря была блокирована немецкими карателями, и резидент Сирена связь с Цаплей потеряла.

4. Цапля с начала 1943 г. была также связана с руководителем оперативной группы разведывательного управления Генштаба Красной Армии “Димой” под псевдонимом Черная. В мае вследствие блокады опергруппы “Димы” связь с Черной была прервана до июня, когда в результате предпринятых “Димой” мер Черная была вызвана в опергруппу к заместителю Димы майору Федорову.

Поскольку к этому времени Черная имела уже от Сирены задание на ликвидацию Кубе, майор Федоров обсудил с Черной план мероприятий по этому делу и дал ей указание ни с кем из других оперативных групп не связываться. Черная, ища доступ к Кубе, вернувшись в июле в г. Минск, через своего знакомого Жоржа установила связь с директором кинотеатра в г. Минске неким Николаем Васильевичем, который свел ее со своей близкой знакомой Шуцкой Валентиной и ее сестрой Еленой Мазаник.

После того как Черная поставила перед Еленой Мазаник вопрос о ликвидации Кубе, Мазаник потребовала в целях проверки свидания с руководящим работником из опергруппы. Черная связала Елену Мазаник с майором Федоровым через ее сестру Валентину Шуцкую. Убедившись, что Черная действительно действует от имени советских людей, Елена Мазаник дала Черной согласие на ликвидацию Кубе.

5. Одновременно с этим над ликвидацией Кубе работала оперативная группа НКГБ СССР под руководством подполковника государственной безопасности т. Куцына. Тов. Куцын в последних числах августа текущего года направил в г. Минск агента НКГБ СССР Волина, одетого в форму немецкого офицера и снабженного необходимыми документами для проникновения в г. Минск.

Волин (Хохлов Николай. — Авт.) 1922 года рождения, член ВЛКСМ, до войны артист московской эстрады. Привлечен для работы в органы НКВД в сентябре 1941 г., в совершенстве владеет немецким языком. Волину удалось организовать встречи с Еленой Мазаник, во время бесед с которой он также настойчиво предлагал ей принять участие в ликвидации Кубе.

6. Елена Мазаник, считая, что наиболее проверенной является ее линия связи через Черную и свою сестру Валентину Шуцкую с начальником опергруппы разведывательного управления Генштаба Красной Армии т. Федоровым, решила действовать именно по этой линии. Были обсуждены различные планы, в результате чего наметили осуществить ликвидацию Кубе с помощью мины. Елена Мазаник, Черная и Валентина Шуцкая разработали подробный план ликвидации Кубе и эвакуации исполнителей и их семей.

16 сентября текущего года т. Федоров вручил две мины Черной, которая в корзине с ягодами принесла их в г. Минск и передала Елене Мазаник. 20 сентября Черная на квартире Мазаник в присутствии сестры последней, Валентины Шуцкой, проинструктировала Мазаник, как обращаться с миной.

Утром 21 сентября Елена Мазаник в ручной сумке пронесла мину в квартиру Кубе и в 10 часов утра, после того как Кубе ушел в генеральный комиссариат, а в квартире почти никого не осталось, выбрав удобный момент, вошла в спальню Кубе и заложила мину под пружины матраца кровати Кубе. Еще до этого Мазаник,

ссылаясь на зубную боль, получила разрешение жены Кубе и его адъютанта Вильденштейна пойти к зубному врачу и на работу в этот день больше не выходить.

Поэтому после того как мина была заложена, Мазаник ушла из дома Кубе, встретилась в заранее обусловленном месте со своей сестрой и Черной и на подготовленной Черной грузовой машине выехала из г. Минска, а затем на пути за г. Минском в условленном месте они были встречены представителями майора Федорова и доставлены на его базу. Рано утром 21 сентября из г. Минска были вывезены также родственники Елены Мазаник.

В ночь на 22 сентября в рассчитанное время произошел взрыв мины и Кубе был убит.

7. Помимо названных в настоящей записке лиц, в деле ликвидации Кубе принимали участие в качестве связников, помощников и другие...

8. Считаю необходимым представить к правительственным наградам участников и организаторов операции по ликвидации Кубе...

Народный комиссар государственной безопасности СССР Меркулов

Начальник ГРУ Генштаба Красной Армии Кузнецов

Начальник Центрального штаба партизанского движения Пономаренко».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 октября 1943 г. за образцовое выполнение боевого задания в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм звание Героя Советского Союза было присвоено Елене Григорьевне Мазаник, Марии Борисовне Осиповой, Надежде Викторовне Троян. Кроме того, 4 человека награждены орденом Ленина, в том числе Иван Федорович Золотарь, Николай Петрович Федоров, Валентина Григорьевна Щуцкая, 10 человек — орденами Отечественной войны I и II степени.

Однако оставались пока на свободе еще и другие соратники В. Кубе, верные «делу фюрера и национал-социализма», которых позже отыскивали советские органы госбезопасности. Вчитываясь в немецкие документы оккупационных времен, выписки из архивных протоколов их допросов в НКГБ, автобиографические и прочие справки в отношении разного ранга фюреров «Вайсрутении», да и не только, я нередко наталкивался на весьма схожие по содержанию абзацы: «...В своей работе я руководствовался своими убеждениями нациста и ненавистью против евреев, воспитанной у меня с молодых лет... В нацистском духе я воспитывал подчиненных мне немцев и предателей из числа русских и белорусов...»

Но красноречивей всего свидетельствуют об их деятельности вот эти отрывки из протокола допроса «от 1947 года, октября месяца, 15 дня, город Бобруйск, проведенного старшим помощником Военного Прокурора Белорусского военного округа полковником юстиции Гулевичем»: «...Янецке Вильгельм Георг, 1911 года рождения, уроженец Берлина, член НСДАП с мая 1929 года, немец. Образование — средняя школа, двухлетняя административная академия в 1935 году, административный чиновник и партийный работник НСДАП, чиновник, майор административной службы, комиссар города Минска и областной руководитель НСДАП в городе Минске. Женат. Происхождение — из семьи скульптора. Политическая деятельность в прошлом — с 1929 года активная работа в НСДАП. Имеет награды — “Крест за военные заслуги” 2-го класса, “Железный крест” 2-го класса, значок за ранение. Воевал — с октября 1940 года против Франции и Бельгии и с ноября 1941 года против СССР».

А далее на процессе следовали такие откровения одного из германских «юбермэншей» по фамилии Янецке: «В апреле 1929 года молодым человеком, 18 лет от роду, я вступил в национал-социалистскую партию Гер-

мании. Разделяя взгляды нацистов, стремился к образованию великой Германии. В нацистской партии проявил себя активистом и уже через несколько месяцев был выдвинут на руководящую работу, сначала техническим секретарем парторганизации, а затем районного пропагандиста-оратора. На этой работе познакомился и сблизился с Кубе — руководителем провинциальной организации, в особенности, будучи референтом по политическим вопросам в Бранденбургской провинции.

...В дальнейшем, уже в Минске, я возглавлял областную организацию нацистской партии. В Минск в качестве комиссара города попал по личной рекомендации Кубе. Прибыл в Минск 9 ноября 1941 года.

Первого декабря на специальном собрании Кубе произнес в мою честь речь, выразив уверенность в моей предстоящей плодотворной, на пользу гитлеровской Германии работе. Кубе говорил обо мне как о стойком и заслуженном нацисте, его личном друге.

Мне сразу же таким заявлением Кубе и сообщением в газетах был создан надлежащий авторитет. Я мог работать без оглядки, как это говорил и хотел Кубе. Вся моя работа в Минске была проникнута духом нацизма...»

А вот другой персонаж из той же нацистской «колоты» — уже упоминавшийся Эберхард Герф, генерал-майор полиции, бригаденфюрер СС, начальник полиции порядка «Вайсрутении», заместитель начальника главного штаба по борьбе с партизанами, который в ходе допросов в НКГБ БССР в 1945 году показывал: «...Я очень был доволен, что на моей родине нашелся такой человек — Гитлер, который нас освободил и освободил Рейнскую область. С программой национал-социалистической партии я был полностью согласен...

...Когда в июле 1941 года я с полицейским полком "Норд", которым командовал, перешел советско-германскую границу, мне было направлено два приказа: первый приказ... фюрера, в котором говорится, что за-

хваченные в плен русские военные комиссары должны быть сразу уничтожены. В другом приказе без подписи и числа было следующее указание: войну против СССР рассматривать как отличающуюся от всех других войн. Мой полицейский полк должен совсем иначе работать, чем в другой оккупированной стране. Этим приказом предлагалось сжигать деревни, позволялось женщинам насиловать. Смысл его — советский народ нужно уничтожить, а имущество отправить в Германию...

Если бы немецкая армия так действовала в другой стране, то виновные в этом были бы наказаны. Но тут наоборот — им дали строгий приказ, что необходимо не считаться с советским народом.

В основном задача жандармерии, которая подчинялась мне, заключалась в борьбе с партизанами... Задачи охранной полиции сводились к следующему: во-первых, уничтожение евреев. Во-вторых, уничтожение местного населения. Всего населения. Практически в задачу этой полиции также входило сожжение деревень...

Говоря о партизанском движении, Кубе мне сказал, что в этом вопросе необходимо быть твердым, нужно быть жестким к советскому населению и не рассуждать — расстреливать или не расстреливать... Борьба с партизанами заключалась в основном в том, что партизанская деревня сжигалась, население изгонялось, уничтожалось, частично отправлялось в Германию или передавалось СД, где людей постигала такая же судьба — они уничтожались...

...Генеральным комиссаром Кубе в январе 1942 года был издан приказ для всех немцев, находившихся на оккупированной территории Беларуси, о предстоящей задаче — уничтожении 40 тысяч евреев. В приказе было сказано, что этим еще не будет разрешена проблема уничтожения евреев, и поэтому каждый немец должен принять участие в ее разрешении, что евреи, находящиеся еще вне гетто, должны быть изъяты и уничтожены...

Летом 1941 года были организованы гетто, в которых находилось 45 000 русских евреев и 8000 немецких. В конце марта 1942 года 7–8 тысяч евреев из гетто были расстреляны. В апреле 1942 года в г. Минске СД было повешено до 200 советских граждан возле городского драматического театра и по Советской улице на столбах, якобы как партизаны.

В феврале 1943 года был убит немецкий офицер, за что по приказу шефа полиции группенфюрера фон Готтберга было взято 150 заложников и повешены на стадионе “Динамо”...»

Впрочем, довольно откровений Герфа. Вернемся вновь к исповеди такого же убежденного, как и он, нациста Вильгельма Янецке: «Гетто непосредственно было подчинено СД и полиции, я отвечал за снабжение продуктами и жилплощадью. Будучи комиссаром Минска, я был в гетто раз 8–10. Несколько раз вместе с Кубе и его адъютантом Вильденштейном.

В марте 1943 года Кубе вызвал меня к себе и сообщил, что шеф СД получил из Берлина приказ о расстреле еврейского населения. Вообще заблаговременно о насилиях, готовящихся над населением, меня в известность не ставили, но вообще я знал о расстрелах в гетто населения и по городу Минску.

С момента моего прибытия в Минск и до конца января 1944 года полиция города была подчинена мне. Когда я прибыл, то начальник полиции явился ко мне с докладом, и я ему дал указание, как надо действовать впредь по арестам советских граждан. Указания я давал и в процессе дальнейшей работы. Обо всех арестованных начальник полиции ежедневно докладывал. Арестованные либо направлялись для расправы в СД, либо по моему решению подвергались заключению. По некоторым делам полиция вела расследование, и они с утвержденным мной обвинительным заключением направлялись в суд. Людей арестовывал за отказ ехать в Германию

на работу, за отказ работать на немецких предприятиях в Минске, по подозрению в связях с партизанами, за высказывание недовольства оккупационным режимом, за высказывание симпатий к СССР, за разговор о сводках Совинформбюро и т. п.

Подчиненная мне полиция охраняла совместно с СД еврейское гетто. Полиция чинила там зверства и время от времени совместно с СД расстреливала евреев, в том числе женщин и детей. Имушество расстрелянных разграблялось. По моему приказу в январе 1942 года в самые холода у жителей гетто были отобраны теплые вещи для армии.

После четырехдневного массового истребления евреев в конце июля 1942 года, при котором уничтожено 7–8 тысяч человек, подчиненные мне сотрудники городского комиссариата собрали оставшиеся вещи и ценности. Набралось несколько тысяч серебряных и золотых вещей, часов штук 600–700, тысяча костюмов и т. д.

Одеждой и ценностями было заполнено фойе минского оперного театра. Все это распределялось среди немцев и передавалось немецким фирмам. Моя жена была на складе несколько раз, осматривала вещи и приобретала их.

В июле 1942 года при уничтожении евреев, доставленных из Германии, так называемых немецких евреев было обнаружено много ценностей.

Я осматривал дома уничтоженных евреев, и подчиненные мне люди свозили в склад ценности, они предназначались для немцев. Дома, освобожденные от евреев, я передавал немцам и предателям из числа местного населения. В своих отчетах я никогда не упоминал о расстреле евреев, а писал о выселении или переселении. Это был наш условный шифр.

1 мая 1942 года Кубе организовал праздник, на котором, кроме немцев, никто из местного населения не присутствовал. В середине апреля 1943 года Кубе дал

мне приказ организовать собрание на ипподроме. Подготовка шла вместе с референтами отдела пропаганды генерального комиссариата. Я дал приказ всем имеющимся предприятиям и учреждениям вывести рабочих на демонстрацию. Цель этой демонстрации состояла в том, чтобы показать солидарность белорусского народа с немцами для пропаганды.

Вопросами угона местного населения в Германию ведал я с марта 1942 года. Я отдавал приказы на так называемую вербовку, а на самом деле насильственный увоз людей в Германию. Я отдал приказ о перерегистрации подростков от 14 до 16 лет, а когда они явились на биржу труда, то были задержаны и отправлены в Германию...

...Я, как городской комиссар и руководитель нацистской организации, систематически присутствовал на совещаниях у Кубе, на которых разрабатывались материалы по уничтожению советских людей. Присутствовал я и на совещании, где готовились мероприятия по террору в ответ на убийство партизанами Кубе...

Я посылал подчиненных мне сотрульников и полицейских в помощь СД при проведении ими карательных мероприятий.

Я признаю себя также виновным в том, что всей своей деятельностью в Минске стремился оторвать Белоруссию от Союза с русским народом и подчинить ее Германии».

Ну а теперь все-таки о тех, кого в той или иной мере затронули все эти нацистские зверства и издевательства. Говоря о так называемом «новом немецком порядке», партизанская связная Юзефа Ярмолинская, с 1943 г. находившаяся в застенках СД и нацистском концлагере, рассказывала: «С оккупацией города Минска началась зверская расправа над советским населением. Повальные аресты и массовые убийства стали ежедневным явлением. В начале зимы на моих глазах были повешены

три советских патриота, в том числе — женщина-военврач. Это было на развилке Советской и Цнянской улиц. Вешали полицейские, место казни оцепляли. Немецкие офицеры фотографировали акцию. Патриоты вели себя мужественно. Женщина-военврач, уже с петлей на шее, успела крикнуть: “Убивайте немецких гадов!” В этот день в различных районах города: в центре, в сквере, на товарной станции, на ул. К. Маркса, Червенском рынке было казнено 150 человек.

Той же зимой, выйдя из дома на улице Советской, я с ужасом увидела, насколько хватал глаз, что она устлана трупами военнопленных. Трупы лежали от ст. Товарной на протяжении 6–7 километров. По этой дороге вели наших военнопленных солдат и офицеров.

2 ноября я была арестована СД по подозрению в связи с партизанами. Отношение полицейских, обслуживавших тюрьму, было исключительно зверским. Избивали заключенных по всякому поводу, когда только хотели. Наша камера была угловой, и мы часто наблюдали через окно, как во дворе расстреливали и вешали заключенных. Еженедельно в тюрьму поздно ночью въезжала “душегубка”, в которую вталкивали обреченных и увозили. Были слышны страшные крики обреченных. На допросах арестованных жестоко избивали. Девушек и молодых женщин подвергали гнусным изнасилованиям».

Чудом уцелевший в мясорубке еврейского гетто минчанин Пинхос Добин свидетельствовал: «Зона еврейского гетто в Минске усиленно охранялась полицейскими патрулями, кроме этого имелись секретные посты, в задачу которых входило предупреждение связи с населением города. О численности еврейского населения гетто я точно не знаю, но слышал от доктора Жуковско-го, что в гетто было зарегистрировано 85 000 евреев.

Первый массовый погром в гетто был учинен 7 и 8 ноября. За день до этого в 5 часов вечера в зону вошла рота полицейских, забрала все руководство еврей-

ского комитета и отправила в лагерь по ул. Куйбышева. Это было дурным предзнаменованием — началось беспокойство, поползли слухи об облаве.

7 ноября 1941 года в 6 часов утра немцы и полицейские окружили часть гетто и начали выгонять людей из домов. Собрав их на ул. Хлебной, партиями в 200–250 человек под усиленным конвоем уводили на окраину города в Тучинки. За этот погром было уничтожено около 18 000 человек.

Второй массовый погром произошел 20 ноября 1941 года. Расстреливали опять же в Тучинке. На этот раз было расстреляно около 15 000 человек. Ночью ко мне пришла Редер Ревекка. Она была совершенно раздета, в одних трусиках. Она рассказала, что чудом спаслась, упав в яму с трупами. Немцы сначала раздевали евреев донага, потом ставили на край огромной ямы по 15–20 человек и расстреливали. Грудных и малолетних детей немцы отбирали у матерей и на глазах убивали. Брала за ножки и, ударив головой о камень, бросали в яму.

Третий массовый погром был 2 марта 1942 года. В 10 часов утра немцы и полицейские окружили все гетто и начали выгонять жителей из домов. Тех, кто не мог идти, пристреливали на месте. Согнанных из их домов евреев расстреливали прямо на улице. Я сам видел неисчислимое число трупов по улицам Татарской, Шпалерной и на Юбилейной площади. Почти нигде было шагнуть — всюду валялись трупы. Позже расстрелянных хоронили в бывшем карьере Заславской улицы. Тех, кто позже возвращался с работы, собрали и эшелонном отправили в направлении города Дзержинска, где и расстреляли.

Четвертый, самый страшный погром, состоялся 23 мая 1942 года и длился четверо суток. Все эти дни и ночи курсировали “душегубки” и автомашины, вывозя людей в Тростенец. Погибло около 25 000 человек. Сре-

ди них привезенные в Минск евреи из Гамбурга, Вены и Чехословакии.

Пятый погром был учинен 21 октября 1943 года. В 9 часов утра гетто было полностью окружено. Когда я увидел, что еврейское население собирают на бирже труда, то спрятался в подвале под своей квартирой, где скрывался потом восемь месяцев. После этого погрома гетто перестало существовать...»

Работавший водителем у Янецке Иосиф Козлов свидетельствовал: «Больше всего с Янецке я ездил в генеральный комиссариат Белоруссии к Кубе, куда он выезжал по нескольку раз в день, часто бывал в СД и управлении войск, которые размещались в Доме правительства. Несколько раз ездил на территорию гетто. Там доводилось бывать как до расстрелов, так и после, когда забиралось еврейское имущество. С женой Янецке я несколько раз ездил на склад при театре оперы и балета, где она брала себе награбленные у евреев вещи и драгоценности. Хочу дополнить, что комиссар Янецке грубо относился к своим подчиненным. Почти постоянно был в нетрезвом состоянии...»

Свидетель Феодосий Пинчук, лично знавший германского комиссара Минска по работе в комендатуре, на очной ставке с Вильгельмом Янецке показал: «За подписью Янецке было много приказов. Я помню следующее: обязательно всем служащим приветствовать комиссара Янецке, за невыполнение наказывали. Евреям запрещалось ходить по тротуарам, каждого встречного немца следовало приветствовать, на груди и спине носить желтый круг и номер — за невыполнение наказывали. Имелся приказ о наложении на еврейское население контрибуции в 3 млн рублей. После убийства Кубе был повешен приказ за подписью Янецке. Я сам лично этот приказ читал: взять несколько тысяч заложников, из них 300 человек расстрелять».

В 1949 г. в Бобруйске состоялся процесс над группой нацистских военных преступников, в числе которых был и комиссар Минска, «стойкий и заслуженный» нацист Вильгельм Янецке — приятель, соратник и тезка уничтоженного в октябре 1943 г. в своей постели Генерального комиссара «Вайсрутении» Вильгельма Кубе. Суд приговорил каждого фигуранта этого дела к 25 годам лагерей. А вот ранее осужденный за свои преступления Эберхардт Герф вместе со всеми своими нацистскими поделщиками был публично казнен в Минске на ипподроме. Но разве это соизмеримо с теми неслыханными жертвами и страданиями, которые принес германский нацизм на белорусскую землю?

Как ни ужасна война, однако о ней все равно нужно помнить, чтобы ее огненное дыхание вновь не опалило нашу землю. Помнить надо и то, что причиной почти всех массовых кровопролитий был ярый, всепожирающий национализм, перераставший в откровенный нацизм. Возведенный же в оголтелый шовинизм, он всегда превращался и превращается в лютого зверя, слепо пожирающего любого, кто не из его стаи.

И в XXI веке на планете Земля, во многих ее точках, которые называют «горячими», продолжает литься кровь. Значит, к великому несчастью, уроки XX века кое-кем так и не усвоены. При этом борьба, по большому счету, вновь идет со следствием, а не с причиной. И в этом смысле никак не уходят, да и не уйдут из памяти слова Вильгельма Янецке и ему подобных: «В своей работе я руководствовался своими убеждениями нациста». В XXI веке об этом же абсолютно не стесняются вешать в социальных сетях некоторые упыри новой генерации...

Напомним, что новым генеральным комиссаром «Вайсрутении» стал эсэсовский генерал Курт фон Готтберг («Гусь»), по преступному приказу которого немцы уничтожали все, что могло служить «сховищем и жили-

шем для партизан», безжалостно расстреливали местное население, захватывали зерно и продукты.

Поселился «Гусь» уже на улице К. Маркса в Минске и, как и его предшественник, наряду с поселком Дрозды частенько посещал Лошицу, где квартировал Фрейтаг («Барсук»). Там ими намечалось совешание гебитско-миссаров, зондерфюреров. Прежние магнитные мины для совершения акции уже не подходили, требовался мощный заряд, который лучше всего было заложить в печьку.

Карл Кляйнюнг сам изготовил 11-килограммовый толовый заряд и обучил «Мать», «Деву» и «Подругу», как его приводить в действие. Затем, экипировавшись в немецкую форму, вместе с О. Вербицкой доставил заряд в Лошицу. Позаботились они и о безопасности родственников участников акции.

К сожалению, диверсия провалилась, и смерть людей, в ней участвовавших, была мученической. Позднее в сообщении Четвертого управления НКГБ СССР о героической гибели агентов оперативной группы «Подруги», «Матери» и «Девы» (сентябрь 1944 г.) говорилось:

**«СООБЩЕНИЕ 4-го УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР
В НКГБ СССР О ГЕРОИЧЕСКОЙ ГИБЕЛИ
АГЕНТОВ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
Октябрь 1944 года**

Оперативной группой подполковника госбезопасности Куцина, действовавшей в районе Минска, в сентябре 1943 г. для ликвидации помощника генерального комиссара Белоруссии Фрейтага были завербованы агенты:

“Подруга” — Моисеева Надежда, 1921 г. рождения, работала официанткой в доме Фрейтага.

“Мать” — Чижевская Мария Павловна, 40 лет, старшая хозяйка в доме Фрейтага.

“Дева” — Чижевская Лида, 19 лет, дочь агента “Мать”.

В ходе подготовки операции по осуществлению теракта над Фрейтагом в печь, находившуюся в доме Фрейтага, агентами были заложены магнитные мины, которые случайно обнаружила истопница и немедленно сообщила об этом немцам.

В результате этого предательства агенты “Дева”, “Подруга” и “Мать” были арестованы гестапо и повешены в мест. Лошица 25 декабря 1943 года.

Жителями мест. Лошица за 33 подписями составлен акт о казни “Девы”, “Подруги” и “Матери”, из которого видно, что они перед казнью проявили исключительную стойкость, мужество и героизм.

“Дева”, встав на стул под виселицу, сорвала с головы шапку, воскликнув: “Да здравствует товарищ Сталин, смерть немецким оккупантам!”,

“Подруга”, подойдя к виселице, воскликнула: “Я погибаю, но наша Родина будет жить, народ наш не простит вам нашу смерть. Долой фашизм! Да здравствует товарищ Сталин”.

Акт жителей мест. Лошица и фотоснимок момента казни прилагаются. Отмечая исключительную стойкость, мужество и героизм агентов “Дева”, “Мать” и “Подруга”, считаю необходимым представить их посмертно к правительственным наградам.

Начальник 3-го отдела 4-го Управления НКГБ СССР Маклярский».

Указом Президиума Верховного Совета СССР все они посмертно были награждены орденами Отечественной войны I степени. За антифашистскую борьбу в мин-

ском подполье Карл Кляйнюнг также был награжден орденом Отечественной войны I степени.

О НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ АКЦИЯХ ВОЗМЕЗДИЯ

Одновременно с агентурно-оперативными мероприятиями по разработке нацистских подрывных организаций и формирований оперативными группами НКВД (НКГБ) проводились акции возмездия в отношении наиболее крупных представителей германских оккупантов, предателей и изменников Родине.

Подготовка и совершение каждого такого акта требовали большого опыта, смелости, терпения и находчивости. Необходимы были точные знания и учет конкретной обстановки, в частности сложной системы охраны нацистских палачей. На них — инициаторов и руководителей злодейских акций, жертвами которых были сотни тысяч зверски замученных и убитых мирных граждан и военнопленных, в первую очередь и были направлены акты справедливого возмездия. Проводились они в ряде случаев совместно с партизанами и подпольщиками. Отряды, подчиненные БШПД нередко осуществляли их самостоятельно.

Организаторам и исполнителям актов возмездия в отношении нацистских оккупантов, а также их активных и безжалостных пособников из числа бывших советских граждан приходилось прикладывать невероятные физические, а в большей степени морально-психологические усилия. Зачастую все проходило не так гладко, как это писалось в отчетах и докладывалось руководству. Но об этом чуть позже...

Интересам военного разгрома нацистской Германии была подчинена в тот период и борьба с ярким национализмом (в его концентрированном нацистском выражении) и коллаборантами. Напомним, что в 1941–

1944 г. националисты с помощью оккупантов создали так называемую Белорусскую народную самопомощь (БНП), Белорусскую независимую партию (БНП), Союз белорусской молодежи (СБМ), Белорусский корпус самообороны (БКС) и другие профашистские организации и формирования.

НКВД (НКГБ) БССР принимал меры по выявлению политической платформы этих организаций, их руководящего состава. С этой целью в руководство Белорусского научного общества (Беларускае навуковае таварыства — БНТ) был введен завербованный для этой цели агент «Минский». Следует отметить, что деятельность многих коллаборационистов в Беларуси была непосредственно связана с политикой нацистского геноцида в отношении белорусского народа.

НКГБ СССР и БССР осуществляли мероприятия, направленные на уничтожение видных нацистских деятелей, а также идеологов и главарей белорусских националистов или же захват и доставку их в советский тыл. К числу успешных акций можно отнести уничтожение А. Л. Брандта, редактора пронацистской газеты «Новый путь», издававшейся в Витебске (исполнителями его были агенты «Фомич» и «Петрович»).

На одной из страниц рутинного отчета о «работе» в Витебске карательного органа тайной полевой полиции ГФП-703 от 28 ноября 1942 г. имелась примечательная запись: «...б.3. Амелькина Мария. Она рассказывала Гремячкиной, что знает, кто убил редактора Брандта. При допросе она показала, что в ночь после убийства Брандта у нее ночевал друг детства Владимир Кононов и три других человека. Когда они утром уходили, он сказал, что еще сегодня она о них услышит, еще сегодня они кое-кого застрелят. Не исключено, Кононов и его товарищи являются убийцами Брандта. Кононов не задержан...» Надо сказать, что в данном случае каратели из ГФП-703 не ошибались...

Но для начала зададимся вопросом: а кто они такие — Брандт и иже с ним? Ведь с таким сожалением и прискорбием стенала по своему верному борцу за установление изуверского «нового германского порядка» в Витебске нацистская администрация города. В пышном некрологе, в частности, говорилось: «...С приходом немецкой армии он, совместно со своим отцом Л. Г. Брандтом, бургомистром В. Ф. Родько и другими полностью отдался организации нового порядка на освобожденной земле. В августе 1941 года Александр Львович всецело посвятил себя делу организации и руководства газетой в г. Витебске, являясь до самой смерти редактором последней...

В свою ежедневную работу он вкладывал все свои силы, всю свою энергию, и результаты этой работы были очевидны. Мы видели это на непрерывном росте редактируемой им газеты “Новый путь”, которая была его оружием борьбы...»

Правда, пронацистская газета была «оружием борьбы» отнюдь не персонально герра Брандта, а прежде всего нацистских оккупантов. Они знали толк в пропаганде и преуспели в деле промывания мозгов. Министр пропаганды Третьего рейха под циничный смех аудитории из числа руководящих нацистских бонз не раз беззастенчиво им втолковывал: «...Наша пропаганда должна быть тотальной, доходчивой, в чем-то даже примитивной и оглуляющей, чтобы даже самый тупой недотепа, наслушавшись ее, мог в конце концов с восторгом воскликнуть — вот, наконец-таки и до меня “доперло”!»

Чем еще отличился перед оккупантами Александр Брандт? Он принял участие в создании так называемых «белорусских народных домов». Чтобы привлечь молодежь, в этих «домах» демонстрировали нацистские кинофильмы, организовывали выступления артистов, танцы, создавали кружки художественной самодеятельности пронацистской направленности. А еще поливали

грязью советский строй, воспевали нацистский «новый порядок», занимались вербовкой людей в полицию, формировали списки для принудительной отправки своих земляков на работу в Германию, призывали к сотрудничеству с СД для борьбы против партизан и подпольщиков, занимались дезинформацией о положении на фронтах, убеждая людей в неминуемой победе гитлеровской Германии над Советским Союзом.

В июне Александр Львович состряпал листовку с фотоколлажем: на одной странице с левой стороны, скорчившись и поджав ноги, со слезами на глазах, с опущенными усами, с огорченным видом сидел Сталин и играл на балалайке. Ниже были слова: «Последний нынешний денечек сегодня с вами я, друзья». Внизу на коленях, с простертыми в направлении Сталина руками стояли члены Политбюро ЦК ВКП(б) и руководители правительства СССР и хором умоляли: «Спаси нас!» Тут же наличествовал скабресный рисунок: в виде ангелов полуголые английская королева и президент США. Королева Англии держала крест над головой Сталина. Это означало, что в борьбе против Германии у США и Англии полное взаимодействие, а Сталину вместо «второго фронта» они предлагают надеяться на свои собственные силы и на Бога. На другой стороне листовки был изображен Гитлер, который сидел в богатом кресле и пел: «Всю-то я вселенную проеду...» Внизу были изображены ошерившиеся штыками нескончаемые шеренги немецких войск. Вверху надпись: «Привет, Оська! До скорой встречи». Подпись — «А. Гитлер».

Листовку намечалось размножить огромными тиражами и разбрасывать как на территории Советского Союза, так и европейских стран.

Отметим, что в октябре 1942 г. Геббельс лично вызвал Александра Брандта в Германию и представил его Гитлеру. Брандта проинструктировали о необходимости усилить идеологическое оболванивание населения, про-

живающего на оккупированной территории Беларуси. По возвращении Брандт выступил с пространной речью, в которой убеждал народ, что Красная Армия уже разгромлена и Советский Союз в самое ближайшее время будет побежден нацистской Германией.

Первый секретарь ЦК КП(б)Б Пантелеймон Пономаренко, возглавлявший ЦШПД, показал эту листовку Сталину. Вождь внимательно рассмотрел ее и с нескрываемым раздражением спросил: «Почему автор листовки, этот белорусский Геббельс, жив? Какие приняты меры, чтобы ни в коем случае не допустить массового изготовления этих листовок и их распространения?» Пономаренко доложил Сталину, что для этого прилагаются большие усилия, но посылаемые люди гибнут, и выполнить это задание пока не удастся. Он клятвенно заверил Сталина, что будет сделано все для того, чтобы ликвидировать автора листовки — нацистского проповедника.

Сталин при этом строго указал: «Всякие разговоры о содержании листовки, на каком бы уровне они ни проводились, — пресекать и рассматривать как злобную антигосударственную пропаганду».

И действительно, когда идет беспощадная война, рано или поздно на любое «стреляющее и разящее оружие» оккупантов находится управа. Приведем фрагмент из отчета ОЧГ НКВД СССР по БССР в Центр:

«Начальнику Центрального штаба партизанского движения — Секретарю ЦК КП(б) Белоруссии тов. Пономаренко П. К.

январь 1943 г.

Ваше поручение по редактору Витебской газеты «Новый путь» немецкому агенту Брандту выполнено. 26.11.1942 года в г. Витебске Брандт А. Л. ликвидирован.

Удар по Брандту произвел сильное впечатление. Германское командование в г. Витебске после многочисленных арестов объявило в городе осадное положение. В лагере предателей — в управе и в редакции — царит

смятение. Вся эта свора проникнута страхом и ожидает аналогичной участи. Удачно выбран момент для совершения теракта. Брандт только вернулся из Берлина после длительного нахождения там. Используется немцами для широкой прогерманской пропаганды. Успел выступить в Витебске с докладом, превозносящем могущество Германии и жизнь в немецком раю...»

Событие получило большой резонанс и вышло за рамки Витебска, так как Брандт принадлежал к числу лиц, которых немцы популяризировали в Беларуси в стремлении создать видимость «счастливого сотрудничества немцев с местным населением».

Эту видимую «идиллию» Александр Брандт создавал исключительно для себя, и длилась она недолго. Не помогли никакие пропагандистские заклинания об «освободительном новом германском порядке». В глазах народа он все равно оставался незаурядной сволочью и предателем. За что и справедливо поплатился.

Что касается подробностей его биографии, то следует заметить, что Александр Львович Брандт происходил из известной в Петербурге семьи. Его отец был юристом и сыном русского посла, мать — дочерью крупного финансиста царского правительства Кеплера. После окончания Ленинградского пединститута в 1929 г. А. Брандт работал научным сотрудником ленинградских музеев. Так продолжалось до 1936 г., когда всю семью как «классовых чужаков» сослали — отнюдь не на Колыму, а... в Витебск. Здесь Брандт работал учителем в школе. Приход немцев они с отцом восприняли как возможность отомстить за «унижение ссылкой», и принялись самозабвенно служить нацистским оккупантам.

В годы Великой Отечественной войны органами госбезопасности, военной разведкой, партизанами и подпольщиками был приобретен опыт проведения акций возмездия в отношении оккупантов и их пособников. Перед разведчиками в тылу врага ставилась задача вни-

мательно наблюдать за нацистскими политическими деятелями, генералами, крупными чиновниками и изменниками Родины, фиксировать совершаемые ими злодеяния и беспощадно истреблять их. В условиях всенародного партизанского движения это было оправданной формой борьбы.

Основанием для проведения специальных акций органами госбезопасности в годы Великой Отечественной войны являлась Директива НКГБ СССР № 168 от 1 июля 1941 г., которая требовала от всех чекистов, действовавших в зафронтовых условиях, «создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу». Эти акции были направлены против видных представителей военного командования, оккупационных властей, а также перешедших на сторону противника его активных пособников.

Возвращаясь к Александру Львовичу Брандту, отмечу, что после принятия решения о ликвидации этого предателя старший лейтенант госбезопасности Формашев из оперативно-чекистской группы НКВД по Витебской области (перед самой войной, как ранее отмечалось, он имел дело с агентом «Ферстером», внедрившимся в Германию. — Авт.) приступил к подготовке акции возмездия.

В оккупированный Витебск через линию фронта был направлен разведчик Семенов с заданием по сбору подробных сведений об образе жизни Брандта и его связях. Эта же информация была получена и через тех, кто уходил из Витебска на Большую землю. В результате удалось собрать довольно полную картину. Как выяснилось, Брандт с семьей проживал по Пролетарскому бульвару, дом 14. Непосредственно возле дома был выставлен круглосуточный полицейский пост. Утром и вечером бульвар, как правило, пустовал. Брандт ходил на работу и возвращался в основном в одно и то же время.

Редакция же газеты нацистских оккупантов «Новый путь» находилась на улице Л. Толстого, дом 12. На пер-

вом этаже размещалась типография, на втором — сама редакция. Расположение комнат дома и редакции были хорошо известны. При подготовке к спецакции рассматривались варианты совершения покушения при выходе из дома на работу либо в редакции.

Одновременно Формашев кропотливо подбирал исполнителей этой акции. И здесь ему в известном смысле повезло — в его поле зрения оказались надежные, смелые, опытные и смекалистые ребята.

Так, витебчанин Владимир Кононов («Фомич») окончил школу в 1941-м. После оккупации родного города нацистами до августа 1942-го работал заведующим справочным столом в райземуправе, лично знал Брандта, бывал в его доме. За линию фронта ушел со своей матерью, которая до этого выполняла в Витебске задания советской разведки.

Уроженец Витебщины Иван Наудюнас («Петрович») работал до войны заведующим отделом кадров Швенчопольского укома КП(б) Литвы. Пробовал эвакуироваться на восток, но удалось добраться лишь до Витебска, где он вынужден был остаться. Линию фронта перешел в сентябре 1942 г.

При выборе этой пары Формашев учитывал еще и то обстоятельство, что Кононов, уйдя на советскую сторону, фактически потерял свое место жительства. Остановиться ему было негде, однако он лично знал Брандта. Наудюнас же Брандта не знал, но в Витебске у него было много родственников и знакомых, у которых разведчики могли бы остановиться. К тому же оба добровольно и без колебаний согласились выполнить опасное задание.

Следующим этапом стала трехнедельная боевая подготовка Наудюнаса и Кононова. Занятия по стрельбе из пистолета, метанию гранат, приемам рукопашного боя и владению холодным оружием проводились с каждым индивидуально. Стрельбы проводились как днем, так и в ночных условиях.

Как и было положено в специальной разведке, учились ребята наряду со всеми оперативными премудростями хождению ночью по заданным маршрутам. Одновременно с этим шло ознакомление с обстановкой в городе, особенностями личности объекта, тщательно прорабатывались детали выполнения задания.

И вот наконец, когда оперативно-боевая подготовка была закончена, получено задание, определен маршрут движения, 4 ноября 1942 г. северо-западнее местечка Усвяты Формашев лично переправил своих разведчиков через линию фронта.

В Витебск они прибыли 10 ноября, остановились у брата Ивана Наудюнаса Иосифа, проживавшего по улице Оборонной, дом 10. Здесь их ждал неприятный сюрприз. Иосиф сообщил, что буквально со вчерашнего дня ко всем предыдущим ограничениям немцы объявили в городе военное положение. Вход и выход за черту города запрещались, хождение по городу разрешалось лишь с 5.30 до 16 часов, за нарушение следовал расстрел. Витебск был просто наводнен немецкими «фауманами» (шпионами).

Несмотря на это ребята уже к 6 часам смогли пробраться в развалины в 150 метрах от дома Брандта и начать наблюдение, в ходе которого удалось выяснить, что с шести часов улицу патрулировали двое «фауманов». Как правило, первым из дома выходил отец жены редактора, внимательно осматривал улицу, и только после этого выходил сам герр Брандт. Вечером по всей улице непрерывно сновали немецкие машины и выставлялись патрули.

Вернувшись в свое укрытие, ребята принялись оживленно обсуждать складывавшуюся ситуацию:

— Значит, получается такая невеселая картина: вечером выходить на задание практически бессмысленно, — рассуждал Наудюнас. — Улица переполнена немцами и полицией».

— Пробраться к нему на работу мы тоже вряд ли сумеем. Там полно немцев. Берегут они Брандта, уж больно нужная он фигура, — добавил Кононов, и продолжил: — Логичнее, по-моему, выполнить наше задание с утра, когда он выходит на работу.

— Это тоже может быть чревато всякими неожиданностями, но... другого выхода у нас нет, — констатировал Иван. — Только нам в этом случае нужно очень тщательно проработать пути отхода. Предлагаю двигаться так: с Пролетарского бульвара на улицу Стеклова, оттуда через овраг на улицу Фрунзе, потом через поселок Кочерги выходим к Суражскому шоссе в направлении деревни Кашино. Там нас, согласно договоренности, переправят через Двину, а оттуда уже в партизанскую зону.

— Хорошо, так и решим. Завтра же выдвигаемся. Время не ждет, — заключил Кононов.

14 ноября они направились к выгоревшим развалинам в метрах 30–40 от дома Брандта, но неожиданно наткнулись на засаду полиции. Пришлось долго петлять по городу, чтобы сбить преследователей со своего следа. Убедившись, что это им удалось, разведчики вернулись к своей квартире.

Помня правила конспирации, которые на протяжении всей боевой подготовки старательно втолковывал им Формашев, разведчики перешли на другую квартиру, к знакомой Наудюнаса Валентине Барановой по улице Оршанской, 54. Отсюда они, беспрестанно петляя по переулкам, вновь направились в район дома редактора.

Поскольку Брандт знал Кононова в лицо, необходимо было сделать так, чтобы не столкнуться с ним преждевременно. Поэтому решили ждать его на Авиационной улице, чтобы в тот момент, когда он будет проходить мимо, выстрелить с 5–8 шагов. Однако и на этот раз не повезло: в этот день к дому Брандта подъехала машина, на которой он и уехал в редакцию. Возвраща-

ясь на квартиру, разведчики вновь заметили за собой «хвост», но на этот раз удалось довольно быстро от него оторваться.

В тот же день вновь сменили квартиру. На этот раз обосновались у Лаврентия Омелькина по улице III Ветеринарной, дом 11. Вечером к ним заглянула давняя знакомая Наудюнаса Евдокия Мазикова, поплакалась на невеселое житье-бытье, посетовала на немца проклятого и, как бы спохватившись, торопливо добавила: «Да, вот еще что хотела сказать. Достали меня тут два хлопца— Миша Стасенко и Женя Филимонов. Ребята хорошие, я их давно знаю. Перебиваются случайными заработками, но, главное, оба немца ненавидят, рвутся в партизаны. Просят меня помочь. А, вот еще что вспомнила. Миша до войны в армии служил. С оружием обращаться умеет. Да он сам все расскажет. Возьмите их, не пожалеете», — заверила Евдокия.

Володя с Иваном переглянулись. Такого поворота в их сценарии предусмотрено не было. Однако, подумав, они все же решились встретиться с добровольцами. Правда, не дома, а в городе, в одном из укромных мест, вдали от маршрутов патрулей.

О себе ребята рассказали, что Михаил пять лет служил в погранвойсках на туркестанской границе, хорошо владеет различными видами оружия. Евгений был помощником. До войны он окончил ФЗУ, с оружием, как и большинство юношей той поры, тоже умел обращаться. Выяснилось также, что его брат Николай является начальником разведки в партизанском отряде Бирюлина.

После долгих раздумий разведчики все же приняли решение привлечь к акции и ребят. Когда они им об этом на следующий день сказали, то нужно было видеть, как засветились лица ребят, как загорелись глаза! А ведь им разрешили ни больше ни меньше, как идти на возможную смерть, о чем сразу же и предупредили.

Ночь на 25 ноября провели вместе на квартире Омелькина. В 6.25 все четверо заняли свои места не-

подалеку от дома Брандта. Вдали на своем посту зябко ежился полицейский, продуваемый со всех сторон холодным ветром. На улице Стеклова группа разделилась. Наудюнас и Стасенко направились к дому, а Филимонов и Кононов остались на перекрестке Стеклова и Пролетарского бульвара, чтобы подстраховать своих товарищей и отсеять возможных преследователей.

Ровно в 6.45 Брандт вышел из дома и направился навстречу своей незавидной судьбе. Одновременно по левой стороне улицы двигался Стасенко — он стрелял первым. Наудюнас, идя по правой стороне, должен был в случае неудачи снова стрелять в Брандта. Все пошло по плану. Поравнявшись с Брандтом, Стасенко повернулся и с расстояния двух шагов выстрелил в него из пистолета «ТТ». Сраженный наповал Брандт упал лицом вниз, не подавая признаков жизни.

Пройдя чуть дальше, Стасенко свернул на улицу Авиационную и побежал. Вслед за ним, стряхнув оцепенение, кинулся полицейский, пытавшийся на ходу дрожащими руками расстегнуть кобуру с пистолетом. Наудюнас пошел ему наперерез и, выйдя на выгодное расстояние, метким выстрелом из пистолета свалил полицейского.

Позже Кононов так описывал отход группы: «Пройдя метров 200, услышали сзади выстрел. Вскоре нас обогнала машина с полицейскими. Через метров 400 полицейские высадились и начали оцепление. Тогда мы свернули в сторону Суражского шоссе и здесь заметили, что с правой стороны метрах в 500-х по нашим следам бегут две овчарки с немецкими солдатами. Мы бросились с обрыва в реку Витьбу, перешли ее вброд и поднялись на бугорок по направлению к Иловскому лесу, но здесь мы были обстреляны из автоматов, и нам пришлось пересечь Суражское шоссе и войти в лес около совхоза Андроновичи. Мы все время отходили к реке Западная Двина в район Верховья. До самой реки Западная Двина немцы нас преследовали и, как только нападали на след,

начинали обстреливать. Пробившись к Западной Двине, мы вызвали лодку, на которой нас партизаны перевезли на свою сторону».

Отсюда все благополучно добрались до партизанского отряда Бирюлина. Стасенко и Филимонов остались у партизан, а Кононов и Наудюнас, перейдя 4 декабря 1942 г. линию фронта, вернулись в расположение Витебской оперативно-чекистской группы НКВД. Заслуженные награды нашли потом своих героев. Впереди же их ожидали новые операции в тылу врага.

Успешными были операции по ликвидации белорусского нациста Акинчица, главы Белорусского Комитета (агенты «Иванов» и «Минский»); Козловского, редактора нацистской «Беларускай газеты» и одного из руководителей БКС (агенты «Новый» и «Дударевич»); Ивановского, организатора БКС, бургомистра г. Минска (агенты «Орловский» и «Вилейский»); Рябушко, шефа-руководителя Белорусских производственных профсоюзов, члена Белорусского комитета доверия при Генеральном комиссаре Белоруссии (агенты «Игнатъев», «Вилейский» и «Алексей»).

Мероприятия, проводимые чекистскими подразделениями на оккупированной территории, по характеру исполнения были самыми разнообразными. Так, интересной с точки зрения организации использования агентурных данных можно назвать операцию по ликвидации нациста Розерна, управляющего немецкими имениями в Барановичской области, а также захват уже упомянутого Рябушко — шефа-проводника Белорусских профсоюзов.

Подготовка операции по захвату объекта была начата опергруппой «Мстители» в марте 1944 г. Оперативным путем были получены сведения, что Рябушко является автором устава Белорусских профсоюзов, а также что он выступает на многочисленных митингах и собраниях в Минске с антисоветской пропагандой,

активно участвует в мероприятиях оккупантов по принудительной отправке местного населения на работу в Германию.

В оперативную разработку шефа Белорусских профсоюзов был введен агент «Игнатъев», его «закадычный приятель». Когда Рябушко приехал в гости к агенту, тот привел «дорогого гостя» в сарай, якобы посмотреть на купленную лошадь. Находившиеся там бойцы оперотряда связали предателя и доставили к месту своего базирования. Позднее из-за отсутствия возможности переправить Рябушко в НКГБ БССР и блокады партизан карателями тот в ходе очередного боестолкновения погиб.

Другой предатель, белорусский нацист и сотрудник министерства пропаганды Третьего рейха Фабиан Акинчиц был ликвидирован 5 марта 1943 г. бойцами Минской оперативно-чекистской группы А. Матусевичем, Г. Страшко и А. Прилепко прямо в своей квартире. Агенты подъехали туда на грузовой автомашине, обрели провода телефона и ворвались к Акинчицу. Вся эта операция заняла меньше минуты. Отметим, что квартира предателя находилась в здании редакции пронацистской «Беларускай газеты», где позже был ликвидирован еще один изменник Родины, белорусский нацист Вацлав Козловский.

Операции по захвату и ликвидации активных пособников оккупантов вызвали страх у изменников Родины, работавших в аппарате местного управления, снижали их активность и одновременно имели положительную реакцию в различных слоях местного населения. Особое значение имели мероприятия по ликвидации тех, кто оказывал помощь нацистам в карательных операциях или изуверски обращался с односельчанами. Так, в ночь на 22 октября 1942 г. бойцами спецгруппы «Пленный» в Витебской области был расстрелян предатель Е. Филиппов.

Решение о проведении этой операции было принято после получения сведений о том, что из установленно-

го в доме Филиппова пулемета гитлеровцы обстреляли партизан местного отряда. Выяснилось также, что в гостях у этого предателя часто бывали комендант и полицейские Бычихинской волости, которым он сообщал сведения о партизанах.

23 декабря 1943 г. за предательство местных жителей были уничтожены у себя на квартире Т. Гамашов, начальник полиции железнодорожной станции Якимовичи на магистрали Калинковичи–Гомель, и его заместитель Л. Мезенцев. Операция была проведена бойцами опергруппы «Бывалые». Этой же спецгруппой в присутствии жителей Веселое Поле и Голевка после общественного суда расстрелян Будник, староста этих деревень, жестоко обращавшийся с односельчанами, сотрудничавший с нацистскими карателями.

Отдельные специальные операции оперативные работники поручали проводить создаваемым агентурным группам, которые следовало подкреплять силами бойцов чекистских подразделений. Хорошей иллюстрацией этого служит одна из немногих операций, закончившихся гибелью агентов, во время которой предусматривалась ликвидация изменника Родины П. Коломийцева, возглавлявшего Туголицкий гарнизон РОА, награжденного нацистами Железным Крестом за карательную деятельность против партизан.

Было известно, что Коломийцев, будучи командиром Красной Армии, добровольно перешел на сторону врага в первые же месяцы войны. Для уничтожения Коломийцева агенту органов госбезопасности «Федору», находившемуся на связи у оперработников группы Семенова, были приданы также агенты «Георгий», «Лавров» и «Погражевский». В сентябре 1943 г. группа Федора, проведя предварительно разведку, пришла ночью в гарнизон и бесшумно сняла часовых. Проникнув в квартиру Коломийцева, они уничтожили предателя, но, к сожалению, произошла перестрелка. В результа-

те агенты вступили в бой, во время которого ими было убито 20 солдат и офицеров РОА, но и сами они героически погибли.

Специальные операции по захвату (пленению) офицеров противника и активных пособников оккупантов всегда получали высокую оценку Центра. Они в ряде случаев давали возможность получать сведения контрразведывательного характера.

Характерно, скажем, что два года боевой, диверсионной и разведывательной деятельности одной только оперативной группы «Храбрецы» изобиловали многими примерами активного использования агентуры. Так, через агента «Аню» был захвачен активный немецкий пособник, редактор областной фашистской газеты «Мозырские известия» С. Г. Глаз. Через агента «Варю» в Бобруйске уничтожен помощник начальника полиции местечка Старые Дороги Незнамов.

В боевой деятельности чекистских подразделений на временно оккупированной территории Беларуси при проведении специальных операций достаточно широко использовался прием компрометации объектов агентурных разработок перед гитлеровцами. В результате объекты уничтожались самим противником. Особенно активно подобным образом действовали оперативные работники групп НКВД (НКГБ) в западных районах республики. В условиях общей подозрительности оккупантов в отношении местного населения, что было характерным для нацистского карательного режима в Беларуси в целом, подобные операции, как правило, давали положительные результаты.

Так, в процессе разработки польского националиста Свирша было установлено, что, проживая в местечке Дрогичин, он поддерживает обширные связи с видными националистами в Бресте, Барановичах и Варшаве. Были получены достоверные сведения, что объект ведет активную вербовку поляков в вооруженные формиро-

вания Армии Крайовой. Попытка снизить его активность путем личной беседы с ним оперработника опергруппы «Возрождение» была безуспешной, так как на беседу он не вышел. Более того, клевета его стала еще более злобной и циничной, а практические действия активизировались.

Именно тогда с целью компрометации объекта перед шефом Дрогичинской жандармерии туда было передано письмо. В нем, якобы от имени «истинных патриотов», всецело поддерживавших Третий рейх, сообщалось об антигерманской деятельности предателя, а также прилагались антигитлеровские листовки, которые Свирш якобы распространяет. Подобные листовки и воззвания к польским патриотам, которые призывали к борьбе с оккупантами, с помощью агентов были спрятаны в квартире Свирша. Через некоторое время Свирш был арестован гитлеровцами. Во время обыска у него были найдены указанные материалы, и объект был противником расстрелян.

Подобную рода серию мероприятий по ликвидации сотрудников полицейских органов противника также провели в 1943 г. оперативные работники спецгруппы «Родные». Во время таких мероприятий ликвидировалась и агентура противника, работавшая на карателей. Например, именно так был уничтожен предатель Миронович, заведующий лесничеством, проживавший в поселке Койданово Минской области, являвшийся резидентом жандармерии. Связь объекта с карателями с достоверностью была установлена агентом опергруппы «Олей».

В связи с тем, что захватить Мироновича в Койданово не представлялось возможным, ему от имени партизан было изготовлено письмо, в котором начальник Особого отдела партизанской бригады предлагал ему как связному выкрасть в жандармерии сведения о дислокации партизанских отрядов, которыми якобы распо-

лагали фашисты. Через Буйкевич, связную спецгруппы, указанное письмо было передано агенту органов госбезопасности Дубу, а тот, в свою очередь, передал его в жандармерию. При этом агент заявил, что указанное письмо было доставлено какой-то неграмотной женщиной, нашедшей его у себя дома после ночлега пьяных партизан. В результате без всякого предварительного расследования Миронович был фашистами расстрелян.

Специальная операция по компрометации сотрудников полиции районного центра Чечерск в Гомельской области спецгруппой «Родные» началась с вывода из Чечерска в партизанский отряд жены начальника 2-го отдела районной полиции Хмелева — А. Н. Никитенко. Ее переход к партизанам подготовил связной партизан, врач местной больницы. Затем по рекомендации «Родных» от нее в адрес мужа Хмелева было направлено письмо, в котором она благодарила супруга за якобы умелые действия по переводу ее в партизаны. В письме также упоминались выявленные ранее «Родными» агенты СД, которые также якобы поспособствовали ей связаться с партизанами.

Подобного содержания письмо было написано «Родными» также на имя начальника полиции Ганжина. В нем давалась положительная оценка его работе как агента органов госбезопасности. В конверт письма были вложены чистые бланки отдела полиции с печатями. В записке, приложенной к бланкам, указывалось, что такие бланки уже не нужны, и высказывалась просьба добыть другие. Ганжину предлагалось совершить террористический акт над офицерами военной комендатуры. Аналогичные письма были изготовлены и переданы в СД для компрометации других лиц, служивших в полиции. В результате сотрудники полиции Хмелев, Козлов, Дробышевский были арестованы и 10 сентября 1943 г. расстреляны нацистами без суда и следствия.

Путем изготовления компрометирующих материалов и передачи их гитлеровцам был ликвидирован пре-

датель Турин и другие объекты агентурных разработок. В частности, в письме Турину от имени партизан высказывалась благодарность за оказание помощи в добычании оружия.

Подобным образом также снижалась и активность местных коллаборационистов, когда перед ними возникал непростой выбор, а дела у вермахта на фронтах шли все хуже и хуже, что было видно из обращения к гражданину Федьничу Сергею, жителю г. п. Марьино Горка Пуховичского района Минской области: «Гражданин Федьнич! Вы, как и многие другие, с началом войны были обмануты немецкими властями и пошли на службу к врагу. Но у Вас еще есть возможность исправить допущенную в жизни ошибку и перейти на сторону партизан, как это сделали уже многие добровольцы, полицейские и другие.

Кто переходит к нам с оружием в руках для борьбы с врагом, тому прощаются допущенные ошибки и гарантируется жизнь.

Если Вы намерены перейти к нам, то желательно, чтобы Вы захватили с собой побольше людей с оружием и, если возможно, нанесли какой-либо вред врагу. Тем самым Вы еще больше заслужите доверие у нашего командования и Советской Родины. Чем скорее Вы перейдете на сторону партизан, тем будет лучше для Вас. Партизаны».

В конце концов адресат сделал правильный выбор и перешел к партизанам, прихватив с собой оружие. За ним потянулись и некоторые другие служки оккупантов.

Кроме того, планировались мероприятия возмездия в отношении наиболее одиозных руководящих нацистских функционеров. Однако не всем из них суждено было осуществиться. В частности, мероприятия НКГБ БССР, касавшиеся организации и осуществления акций возмездия в отношении генерального комиссара Белоруссии В. Кубе (но ввиду того, что он был ликви-

рован, начала готовиться акция в отношении его преемника — генерала СС фон Готтберга) и председателя так называемого Русского национального комитета изменника Родины бывшего советского генерала А. Д. Власова. Для их осуществления была создана группа, возглавлявшаяся подполковником госбезопасности Семеном Васильевичем Юриным (псевдоним «Юсов»).

В ее состав входили майоры А. Я. Бобылев, В. Ф. Фалалеев, Ф. Ф. Хвесько, а также капитан Н. Ф. Мельников, младший лейтенант Л. И. Солдатенко (оба прошли соответствующую спецподготовку) и бывший разведчик 3-го спецотдела НКВД БССР «Старик», долгое время до войны и во время оккупации работавший в Минске.

Опергруппа была оснащена двумя рациями — постоянно действующей и резервной.

Численный и персональный состав этих опергрупп был обусловлен тем, что таким составом они могли оказать в случае необходимости сопротивление, самостоятельно проводить подбор необходимой агентуры и использовать уже имевшуюся («Иванов», «Фомич», «Учитель»), разведывать возможности ввода в город оперработников для связи с имеющейся там агентурой.

В частности, целями оседания «Старика» в городе тогда являлись: подготовка условий и возможностей для оседания в городе агента «Фомич»; сбор необходимых сведений в отношении агента «Иванова» и изыскание возможностей встречи с ним оперработника для восстановления связи; подготовка условий ввода и оседания в городе оперработников для работы с агентурой и организации мероприятия в условиях города.

Говоря об отдельных исполнителях, задействованных в подготовке акции, отметим, что резидент «Учитель» был завербован 8 сентября 1942 г. и затем направлен в Минск. За время пребывания там провел вербовку 7 резидентов, 35 агентов, в том числе агентов «Заря», «Саша», которые, как предусмотрено планом, должны

были быть использованы опергруппой для выполнения специальных заданий, связанных с подготовкой спецмероприятия. «Учитель» использовался опергруппой для связи с завербованными им резидентами и агентами.

Агент «Фомич» до войны учился в средней школе. В ноябре 1942 г., являясь агентом органов НКВД БССР, удачно выполнил (как уже отмечалось. — *Авт.*) задание по ликвидации редактора витебской пронацистской газеты «Новый путь» Брандта, за что был награжден орденом Красного Знамени. Ввод на нелегальное положение в Минске «Фомича» проводился тогда с целью его непосредственного участия в совершении акции возмездия в отношении «Совы».

Руководителю групп «Юсову» (Юрину) предоставлялось на тот период право: в зависимости от обстановки на месте самостоятельно решать все вопросы агентурно-оперативной работы и проводить другие спецмероприятия, касавшиеся «Совы» (фон Готтберга) и «Ворона» (А. Власова); привлекать к работе как по выполнению отдельных поручений, так и по другим вопросам все ранее выброшенные НКГБ БССР в районы Минской области и прилегающие к ней районы других областей разведывательно-диверсионные группы; использовать в нужном направлении ранее оставшихся в тылу бывших работников НКГБ и НКВД БССР и имеющуюся у них на связи агентуру; в нужных случаях, после тщательной проверки привлекать для выполнения заданий оставшуюся на временно оккупированной территории Беларуси агентуру НКГБ БССР, а также вновь приобретенную органами госбезопасности за период Великой Отечественной войны; тщательно изучать через агентов «Иванова» и «Заря», резидента «Сашу» и другую агентуру образ жизни, круг связей, обстановку и условия вокруг «Совы» и «Ворона».

Опергруппе «Юсова» присваивался корреспондентский номер 128 в названии «Мстители». В целях зашиф-

ровки «Юсов» передаваемые им в НКГБ БССР радиogramмы подписывал псевдонимами «Охотник», «Воеводин», «Ермак» и адресовал их непосредственно наркому госбезопасности БССР Л. Цанаве, шифруя псевдонимом «Фомич», «Лаврентьев», «Томилин».

После приземления опергруппа самостоятельно выбирала место своего пребывания в районе Минска, используя для этого базу диверсионно-разведывательной группы НКГБ БССР в Дзержинском районе Минской области.

Позднее по первичным результатам работы агентом «Светловым» в Центр в отношении фон Готтберга сообщалось, что «группой получены агентурные данные о том, что так называемый Генеральный комиссар Белоруссии (Вайсрутении) — генерал-лейтенант СС фон Готтберг в данное время проживает не в Минске, а в районе п. Дрозды на даче, где ранее проживал враг народа Голодед (кстати, ныне полностью реабилитированный, бывший 1-й секретарь ЦК КП(б)Б. — *Авт.*). Эта дача была расположена на левом берегу реки Свислочь примерно в 6 километрах от Минска».

Указывалось также, что 30.01.44 в районе п. Дрозды был устроен вечер Союза Белорусской Молодежи (СБМ), на котором присутствовали фон Готтберг и Президент Белорусской Центральной Рады Р. Островский. По полученным «Светловым» данным стало известно, что Готтберг на дачу ездит на легковой автомашине, которая спереди и сзади охраняется мотоциклистами, вооруженными вращающимися пулеметами.

Чтобы убедиться в правдоподобности изложенного и выяснить необходимые данные, связанные с разработкой плана по совершению акции возмездия в отношении фон Готтберга – «Светлов» 8 февраля направил опергруппу в район п. Дрозды в составе 7 человек: «Учителя», «Старика», «Фомича», «Феди», «Петровой» и др.

Перед группой была поставлена тогда задача пере-проверить данные полученных ими ранее материалов в отношении правдоподобности проживания Готтберга на даче в районе п. Дрозды. В случае подтверждения данного факта должны были быть подобраны кандидатуры на вербовку, выявляться возможности внедрения своих людей на дачу, устанавливаться возможности устройства опергруппой на шоссе, по которому обычно ездит Готтберг, засады, чтобы произвести акт возмездия. Связь с группой «Светлова» поддерживалась через связных.

Казалось бы, все было учтено. Однако оперативной группе НКГБ БССР «Мстители» как, впрочем, и ряду других (в частности, С. А. Ваупшасову, отряд «Местные»), также не удалось осуществить ликвидацию Генерального комиссара Белоруссии генерала СС Курта фон Готтберга. Но возмездие его настигло. Он вынужден был покончить жизнь самоубийством в победном для СССР мае 1945-го.

В целом же в 1941–1944 гг. органами госбезопасности республики совместно с партизанами и подпольщиками был проведен 141 акт возмездия, в ходе которых было уничтожено 210 представителей оккупационных властей, белорусских, польских коллаборационистов, захвачено и ликвидировано 448 предателей и изменников Родины, активно сотрудничавших с нацистами и виновных в акциях геноцида против белорусского народа (часть из них по распоряжению Центра была переброшена на Большую землю). Розыск же сумевших скрыться продолжался и по окончании Великой Отечественной войны, вплоть до рубежа XX–XXI веков. И прощения этим военным преступникам не было, нет, и не будет никогда.

В этот же период оперативными группами и отрядами НКВД (НКГБ) Белоруссии в ходе боевых действий было уничтожено 106 немецких генералов и других ру-

ководящих представителей вермахта, 4080 изменников Родины (в том числе 2050 полицейских, солдат и офицеров РОА), убито и ранено 72 558 солдат и офицеров противника.

В наше время некоторые «историками» говорят об акциях возмездия, что это был «типичный подход тоталитарного советского государства». При этом обычно умалчивают о гитлеровском плане «Ост» по уничтожению «расовых единиц», да и вообще о расстрельно-карательной практике нацистских оккупантов, фактическом геноциде местного населения.

Необходимо понимать, что многие жесткие меры того времени, конечно же, диктовались логикой войны и жесточайшим характером противостояния в ходе партизанской борьбы с безжалостным противником, попиравшим все нормы цивилизованного международного права.

ПОБЕДНЫЙ «БАГРАТИОН»

Подготовка и проведение наступательной операции «Багратион» проходили в тесном взаимодействии с войсками и содействии им опергрупп и разведывательно-диверсионных групп НКГБ СССР, БССР, ГУКР «СМЕРШ», РУ ГШ РККА и белорусских партизан. В связи с этим от всех видов разведки требовались координация, оперативность и динамизм в работе в интересах действующей армии.

Для усиления чекистских сил в тылу врага еще до начала операции «Багратион» с июля 1943 г. по июль 1944 г. в Беларусь за линию фронта были направлены более 60 разведывательных подразделений (около 700 участников). Для активизации боевой деятельности на транспортных коммуникациях с целью сковывания возможности противника по переброске резервов к ли-

нии фронта создавались непосредственно в тылу десятки диверсионных групп из разведчиков и подрывников, перед которыми ставилась задача всячески препятствовать передислокации войск врага.

Наряду с этим для укрепления оперативного состава групп и отрядов НКГБ накануне осуществления операции «Багратион» в тыл врага было переброшено свыше 120 оперативных работников, имевших богатый профессиональный опыт работы. Одновременно для связи опергрупп с центром в тылу работало 76 радистов органов госбезопасности, а при необходимости для связи с Большой землей могли быть использованы практически все 130 радиостанций партизан, действовавших к началу наступления частей Красной Армии в Беларуси.

В составе спецгрупп и отрядов в этот период действовало почти 1200 участников, имевших специальную подготовку, что в определенной степени компенсировало прежнюю нехватку квалифицированных кадров и положительно сказалось на результатах борьбы со спецслужбами гитлеровской Германии.

В свою очередь, органы военной контрразведки фронтов в 1944 г. продолжали наряду с иными советскими спецслужбами давать военному командованию ценную разведывательную информацию с использованием службы радиоперехвата и радиоигр...

Замысел Ставки ВГК по операции «Багратион» предполагал в 1944 г.: глубокими ударами четырех фронтов взломать оборону противника на шести направлениях, окружить и уничтожить группировки врага на флангах белорусского выступа — в районе Витебска и Бобруйска и затем, наступая по сходящимся направлениям на Минск, окружить и ликвидировать восточнее столицы Беларуси главные силы группы армий «Центр». Участие многочисленных сил партизан рассматривалось как фактор оперативного и стратегического значения. На оккупированной территории действовали 14 партизан-

ских объединений, в их составе сражались 150 партизанских бригад и 49 отдельных отрядов общей численностью 143 000 человек. Кроме того, в борьбе участвовали 60 000 подпольщиков. Партизаны также имели около 200 000 человек учтенных и подготовленных резервов, которые частично привлекались к вооруженной борьбе. Ставкой ВГК через БШПД партизанам были определены задачи: развернуть активные боевые действия в тылу врага, осуществлять в интересах наступающих фронтов разведку.

О динамике борьбы с агентурой противника в действующей армии в период подготовки операции свидетельствуют цифры отчета в ГКО и Генеральный штаб за май 1944 г.: «Наибольшее количество агентов германской разведки было заброшено противником на участки 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов. На Белорусских фронтах органами «СМЕРШ» арестован 91 шпион, в том числе на 1-м Белорусском — 50, на 2-м Белорусском — 22 и 3-м Белорусском — 19 человек...»

Надо отметить, что гитлеровская разведка прилагала максимум усилий, чтобы раскрыть планы наших войск на летний период 1944 г. Она увеличила заброску агентуры из районов Витебска, Орши, Могилева, Минска. Органы УКР «СМЕРШ» фронтов вылавливали на этом направлении десятки шпионов. Из их показаний стал очевиден особый интерес противника к состоянию войск на центральном участке советско-германского фронта.

Летом 1944 г. командование Белорусских фронтов, органы УКР «СМЕРШ» под руководством Ставки Верховного Главнокомандования провели серию дезинформационных мероприятий с целью сохранения в тайне от противника места нанесения главного удара. Система режимных, разведывательных и контрразведывательных мер сработала настолько четко, что даже к середине года, когда уже было почти завершено сосредоточение всех войск на белорусском направлении в «Бюл-

летене оценок противника на Восточном фронте» (от 13.06.1944) указывалось, что готовящиеся наступательные действия русских войск против группы армий «Центр» имеют целью завести в заблуждение германское командование относительно направления главного удара и оттянуть резервы из района между Карпатами и Ковелем. Соответственно, в ответ на просьбу группы армий «Центр» выделить, по крайней мере, более крупные резервы было заявлено, что «общая обстановка на Восточном фронте не допускает иной группировки сил».

ГУКР «СМЕРШ» и УКР «СМЕРШ» фронтов накануне операции «Багратион» по согласованию со Ставкой ВГК и командованием фронтов был отработан план дезинформации. Основной замысел состоял в том, чтобы отвлечь внимание противника с направления главного удара в Беларуси. Намечалось создать у гитлеровских генералов впечатление, что основные наступательные операции летом 1944 г. советские войска готовят на южных участках фронта, а на границе Беларуси лишь укрепляют оборону.

Чекистами также продолжали выявляться оборонительные сооружения противника и объекты, подлежащие минированию при отступлении нацистов. В декабре 1943 г. стала поступать информация о том, что немцы укрепляют оборону города Минска и одновременно минируют здания. В частности, под Домом Правительства заложены три скважины. Для подтверждения этой информации в Минск была направлена от спецгруппы «За Родину» группа «Смелые» в составе командира И. С. Питкевича, бойцов В. С. Борисевича, М. П. Милановича, И. И. Политинского. Совместно с наступающими частями Красной Армии удалось спасти здание ЦК КП(б) Белоруссии, Окружной дом офицеров, Дом Правительства.

Спецгруппой «Возрождение» были добыты ценные сведения об оборонительных сооружениях немцев

в районе Бреста, Белостока, Кобрина, Слонима, Дрогичина, Иващевичей и Пинска. В переданной Центру информации указывались практически все военные объекты, оборонительные линии врага, количество войск, системы охраны...

В свою очередь, спецгруппой «Родные» были добыты планы укреплений по линии железной дороги Минск — Барановичи.

За пять месяцев до освобождения Бреста спецгруппа «Искра», стараясь уберечь город от уничтожения, после получения сведений о концентрации вражеских войск смогла проникнуть в сейфы полиции, что дало возможность получить точные данные о заминированных объектах города и местах, где проложен кабель для инициирования взрыва, времени осуществления акции.

Свой вклад в дело освобождения Беларуси от фашистских оккупантов внесли и органы военной контрразведки.

Летом 1944 г., готовя операцию «Багратион», командование Белорусских фронтов, органы Управлений контрразведки «СМЕРШ» под руководством Ставки Верховного Главнокомандования провели серию дезинформационных мероприятий для сохранения в тайне от противника места нанесения главного удара.

Дезинформация противника осуществлялась через оперативные игры в сочетании с военно-маскировочными мероприятиями. Использовался также метод перевербовки вражеских агентов и переправки их обратно, но уже с заданием «СМЕРШ». Это был наиболее действенный способ, но сопряженный с большим риском.

Необходимо также отметить, что советским спецслужбам и партизанским соединениям пришлось бороться с сильным и жестоким противником. Так, например, в карательных операциях в Беларуси в первой половине 1944 г. участвовало до 380 тысяч фашистов. Еще 184 тысячи располагались в 1800 гарнизонах, насажденных почти по всей территории республики.

Для борьбы с подпольем, партизанами и спецгруппами советской разведки гитлеровцы использовали в тот период 17 групп абвера, 28 групп и команд тайной полевой полиции ГФП, 44 опорных пункта полиции безопасности и СД, 7 зондеркоманд и отрядов карательной «Айнзатцгруппы-В», а также разведывательно-диверсионные органы «Зондерштаб-Р», «Цеппелин», «Ингвард». Кроме того, с советскими патриотами боролись ОРСТ и фельдкомендатуры, моторизованные отряды жандармерии, местная полиция, особые команды для пеленгации раций и перехвата радиосообщений. И всему этому «войску» необходимо было достойно противостоять.

Главным Управлением контрразведки СМЕРШ и УКР СМЕРШ фронтов проводился большой комплекс агентурно-оперативных мероприятий по исключению возможной утечки информации к противнику, надежному перекрытию каналов проникновения агентуры врага в штабы всех уровней, активно работали радиоконтрразведывательная служба и криптографы.

Грандиозное наступление, начатое войсками четырех фронтов в Беларуси 23 июня 1944 г., закончилось к 28 июля полным освобождением республики от немецко-фашистских оккупантов.

«Отличительная черта операции заключалась в том, что вместе с войсками армии в тесном взаимодействии с нами громили фашистов сотни тысяч отважных белорусских партизан», — отмечал впоследствии Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян. Эта высокая и справедливая оценка деятельности белорусских партизанских сил полностью относится и к боевой деятельности чекистов. Каждый выполнял в тылу врага свою задачу.

Такую же объективную оценку действенной помощи войскам со стороны партизан и групп НКВД (НКГБ) СССР и БССР высказывали и другие выдающиеся военачальники, такие как Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, А. В. Василевский, К. К. Рокоссовский.

В ходе освобождения территории республики от врага многие группы и отряды специального назначения органов госбезопасности БССР из восточных районов передислоцировались в западные районы Беларуси, а другие соединялись с частями наступающих войск Красной Армии.

В результате в июле 1944 г. на оккупированной территории продолжало сражаться с захватчиками более 60 чекистских подразделений, насчитывавших более 2 тысяч участников. Под руководством командования спецгрупп и отрядов НКГБ БССР на железнодорожных коммуникациях и шоссейных дорогах активно действовало значительное количество небольших по численности специальных диверсионных групп.

Одновременно НКГБ БССР наряду с активизацией боевой работы в тылу врага в этот период стал решать задачу большой важности по восстановлению и организации повседневной работы территориальных органов госбезопасности в освобождаемых от оккупантов районах республики. Ведь существовала проблема с комплектованием кадрами, имеющими специальную подготовку, управлений госбезопасности Гомельской, Полесской областей, да и не только их.

На всей освобождаемой территории республики необходимо было выявить и ликвидировать шпионов и диверсантов, оставляемых абвером, СД и другими спецслужбами при отступлении германских оккупационных войск. Предстояла нелегкая борьба с лжепартизанскими отрядами и различного рода бандами, которые создавались нацистами или инспирировались спецслужбами фашистской Германии, предстояло пленение или уничтожение отдельных подразделений или мелких групп гитлеровцев, оказавшихся в окружении в тылу Красной Армии.

Для многих сотрудников органов госбезопасности республики боевая работа на временно оккупирован-

ной территории после освобождения Беларуси не окончилась. Далее в составе опергрупп НКГБ СССР они вышли на территорию Польши для продолжения разведки и борьбы с противником в тылу немецких войск.

Всего за годы Великой Отечественной войны сотрудники органов госбезопасности республики сформировали 66 партизанских отрядов, насчитывавших в своих рядах свыше трех с половиной тысяч бойцов. В составе партизанских отрядов, бригад и соединений на территории Беларуси в 1941–1944 годах сражались с врагом 1853 оперработника. Из них 26 являлись командирами и комиссарами партизанских бригад и отрядов, а 12 — начальниками штабов.

На оккупированной территории Белорусской ССР чекисты выявили 6642 вражеских агента, 36 резидентур противника, 15 805 предателей и изменников Родины. В результате умелой агентурно-оперативной деятельности органов госбезопасности удалось разгагитировать и перевести на сторону советских партизан 13 694 вражеских военнослужащих, полицейских, участников националистических вооруженных формирований, созданных гитлеровцами (РОА, БКА и др.).

Итог операции «Багратион» общеизвестен. Для военных стратегов, для новых поколений разведчиков и контрразведчиков это предмет изучения богатейшего опыта, а для всего белорусского народа операция «Багратион» — это долгожданное освобождение от фашистской оккупации, это радость возвращения к мирному труду, возрождению изуродованных войной городов и сел.

В целом координация деятельности всех советских спецслужб способствовала войскам Белорусских и Прибалтийского фронтов в разгроме гитлеровской группы армии «Центр». Активизировалась партизанская борьба с врагом. Парализовывались подрывные акции разведывательно-диверсионных органов противника. С баз пар-

тизанских формирований органы НКГБ СССР и БССР, военной контрразведки, наряду с другими возможностями вели достаточно результативную разведывательную работу как в ближайшем, так и в глубоком тылу врага, приближая тем самым освобождение Беларуси и Великую Победу в войне с фашизмом.

Подводя некоторые другие практические итоги разведывательной и контрразведывательной работы органов госбезопасности, необходимо отметить, что оперативными группами был также успешно выведен на Большую землю ряд представителей спецслужб противника.

Так, в Слониме была проведена подобная операция в отношении сотрудника СД Н. Уншпик, разыскивавшейся органами госбезопасности еще до войны.

Спецгруппой «Родные» был выведен руководитель подготовки агентов-радиостов Борисовской школы «Абверкоманды-103» Фролов-Матюшин. Он был осведомлен о местах выброски и нахождения многих агентов в советском тылу. Фролов-Матюшин не только назвал многие фамилии и псевдонимы шпионов, но и рассказал о документах, которыми они снабжались, и даже сообщил об особенностях почерка каждого радиста во время работы на радиостанции, дав при этом исчерпывающую информацию о новейших агентурных радиосредствах абвера.

Чекистами был также выведен на Большую землю начальник «Абвергруппы-310 П» Ганс Рааб. Наряду с полученными от него ценными сведениями разведывательного характера и объектах противника он еще передал около 50 секретных документов.

Агент УКР «СМЕРШ» 1-го Белорусского фронта А. С. Скоробогатов, внедрившись в спецслужбу противника, склонил к переходу через линию фронта начальника диверсионной школы «Абвергруппы-209» и привел в расположение войск фронта весь личный состав этой

школы во главе с ее начальником, воспитательницу женской группы и 44 диверсанта-подростка.

В ходе операции «Багратион» в июле 1944 г. в г. Барановичи органами «СМЕРШ» был захвачен инструктор разведывательного органа при ставке германского командования на Восточном фронте зондерфюрер Э. Брониковский-Герасимович, занимавшийся организацией работы резидентур, оставляемых противником на советской территории. В ходе допросов Брониковский-Герасимович назвал имена 36 агентов германской разведки, которые затем были разысканы и арестованы.

Еще одним итогом операции «Багратион» является очевидная и безоговорочная победа в этой жестокой схватке советской разведки и контрразведки. Можно смело сказать, что тогда мы научились побеждать врага не числом, а умением. В этой связи вызывает интерес высказывание бывшего помощника адмирала Канариса Оскара Райле, который вынужден был признать: «Абвер оказался неподготовленным к противоборству с этой хорошо обученной и в количественном отношении многократно превосходившей службой противника...»

Большая по объему работа проводилась УКР «СМЕРШ» фронтов на только что освобожденных территориях Беларуси по выявлению германских шпионов, диверсантов, террористов и предателей, активно сотрудничавших с оккупационными властями, для чего создавались специальные оперативно-чекистские группы. По мере продвижения фронтов на Запад эти задачи в полной мере выполнялись уже территориальными органами НКГБ БССР.

Германские спецслужбы на освобожденной территории активно использовали националистическое подполье в западных областях Беларуси и Украины. В результате проведенных специальных операций УКР «СМЕРШ» 1-го Белорусского и Украинских фронтов лишь с 20 ноября 1943 по 20 мая 1944 г. на соответствующих участках

были арестованы 2943 оуновца и уничтожены 2192 бандита, при этом только в период с 20 апреля по 20 мая 1944 г. ликвидированы 204 оуновских банды.

В связи с полным изгнанием гитлеровских оккупантов с белорусской земли для органов государственной безопасности БССР наступал новый, сложный этап их оперативной деятельности. А пока можно было подвести итоги трехлетней борьбы в тылу врага.

Из «Итогового отчета о проведенной партизанскими отрядами и оперативными группами НКГБ БССР оперативной, диверсионной и боевой работе в тылу немецко-фашистских оккупантов с 1 июля 1941 года по 1 июля 1944 года», датированного 26 июля 1946 г.:

«...К концу 1943 было создано в тылу врага 9 областных чекистских центров в областях Белоруссии: Витебской, Минской, Гомельской, Могилевской, Полесской, Вилейской, Барановичской, Пинской и Брестской, а в начале 1944 такой же областной оперативно-чекистский центр был создан на территории Белостокской области...

...Из числа сформированных НКГБ БССР оперативных и диверсионных групп необходимо отметить следующие как особо отличившиеся при выполнении заданий: «За Родину», «Авангард», «Возрождение», «Дружба», «Стойкие», «Новаторы», «Отважные», «Альфа», «Буря», «Неуловимые», «Мстители», «Активные», «Березина» и другие.

За это же время в тылу противника оперативными группами:

1. Выявлено агентов противника, предателей и изменников Родины — 37446. В том числе: а) агентов противника — 6109; б) предателей и изменников Родины — 14377; в) разного антисоветского элемента — 16960; г) выявлено резидентур противника — 338; д) установлено шпионско-диверсионных школ противника — 18; е) разоблачено и расстреляно агентуры гестапо (здесь

имеется в виду СД и ГФП, поскольку гестапо в Беларуси не работало. — *Авт.*) — 801; ж) разоблачено и расстреляно изменников Родины — 1276.

2. Изъято и доставлено в НКГБ видных представителей националистических организаций и агентуры противника — 33.

Оперативными группами НКГБ БССР только за последний год деятельности в тылу противника было организовано 9 партизанских отрядов, привлечено в партизанские отряды советских граждан, оставшихся на оккупированной территории Белоруссии — 1954 человека, разгромлено гарнизонов противника — 53, разложено гарнизонов противника — 125, из них переведено на сторону партизан свыше 13000 человек, проведено боев с противником — 409.

С начала Великой Отечественной войны по день освобождения Белоруссии, то есть с июня 1941 г. по июль 1944 г., в организованных НКГБ БССР партизанских отрядах, оперативных и диверсионно-разведывательных группах участвовало 10784 человека.

В 1941–1944 гг. по линии органов госбезопасности было создано и направлено в тыл 15 партизанских отрядов (758 человек) и 161 разведывательно-диверсионная группа (3100 человек), организовано непосредственно на оккупированной территории республики 66 партизанских отрядов (3634 человека) и 181 разведывательно-диверсионная группа (2292 человека). Всего в тыл было заброшено в составе чекистских спецгрупп 3409 человек, на момент соединения с частями Красной Армии летом 1944 г. численность отрядов и опергрупп, подчинявшихся органам госбезопасности БССР составляла 6150 бойцов.

Органами госбезопасности в течение 1941–1944 гг. было завербовано 8640 агентов, создано 487 резидентур, организовано 71 конспиративно-явочная квартира, создано из числа агентуры 181 разведывательно-диверсионная группа.

Бойцы чекистских отрядов и групп, действовавших на территории Белоруссии в годы оккупации, пустили под откос 1078 вражеских эшелонов, разбили и повредили 1258 паровозов, 10200 вагонов и платформ, уничтожили 733 цистерны с 7 горючим, взорвали 81502 метра железнодорожного полотна. Повредили и уничтожили 272754 метра линий телефонно-телеграфной связи. Взорвали 81 железнодорожный и 403 шоссейных моста. Уничтожили в результате диверсий 37 самолетов врага, 226 танков, 64 бронетранспортера и бронемашин врага.

Чекистские соединения провели 646 боев с врагом, в результате которых разгромили 126 фашистских гарнизонов, штабов и подразделений, убили и ранили 72558 германских солдат и офицеров, 106 генералов и видных чинов немецкой оккупационной администрации, взяли в плен 1114 вражеских военнослужащих.

За трехлетний период войны было подготовлено и переброшено в тыл противника: оперативных работников НКГБ БССР — 919 чел.; работников НКВД и милиции — 749 чел.; подрывников — 425 чел.; радистов — 76 чел. Всего: 2169 человек.

...По состоянию по 1 июня 1944 года, то есть к моменту решающего наступления Красной Армии на Белорусских фронтах, в тылу противника действовало 64 оперативных групп с общим количеством участников — 3104 человека».

В результате общей разведывательной деятельности на оккупированной территории Беларуси удалось выявить 22 разведывательно-диверсионные школы, 36 резидентур противника, пресечь деятельность 6642 агентов гитлеровских спецслужб.

При выполнении боевых заданий погибли 360 бойцов чекистских отрядов и групп, 254 человека получили ранения, 49 пропали без вести, 11 попали в плен и были зверски замучены.

В целом совместными усилиями органов госбезопасности и военной контрразведки был выявлен каждый восьмой шпион, террорист, радист, содержатель конспиративных или явочных квартир германских спецслужб из всех выявленных советской контрразведкой.

Да, в августе 1944 г. для Беларуси окончилась самая кровавая и разрушительная война в XX столетии, которая двинулась дальше, на запад, все ближе и ближе к границам Третьего рейха. За все содеянное нацистами зло им предстояло держать ответ, а сам нацизм необходимо было сокрушить окончательно...

Серьезность урона, причинявшегося в тот период бандами аковцев войскам Белорусских фронтов, характеризовалась тем, что только во второй половине 1944 г. ими были убиты 277 и ранены 97 советских военнослужащих, а за первые пять месяцев 1945 года убиты 317 и ранены 125 бойцов и офицеров...

По данным НКВД, в 1944–1946 гг. на территории Беларуси бандеровцы из ОУН — УПА совершили 2384 диверсий и террористических актов, в результате которых погибли 1012 человек. Сведения только за 1945 г. свидетельствуют о том, что жертвами террора стали 50 сотрудников НКВД, 8 офицеров РККА, 28 рядовых и сержантов РККА, 171 партийный активист, 298 гражданских лиц. Только в Брестской области в период с 1944 по 1952 г. бандами ОУН были убиты 413 человек и более 100 ранены.

Вынужденные ответные меры были жесткими. Только в Брестской и Пинской областях в период с 15 января по 20 февраля 1945 г. в ходе чекистско-войсковой операции (ЧВО) по ликвидации бандгруппы местного формирования, а также банд УПА были разгромлены 33 вооруженные группы и отряда, убиты 98 и арестованы 3808 человек, 55 бандитов сдались в плен.

НКГБ совместно с НКВД БССР осуществлялись активные мероприятия, называемые согласно терминологии

гии тех грозных лет подведением банд «под оперативный удар», когда оперсоставом устанавливались контакты с бандпособниками, осуществлялся выход на главарей бандформирований, проводились встречи с ними в лесных массивах и без подстраховки. Конечно, наиболее опасным оперативным мероприятием являлось создание лжебандеровских групп. Лишь в 1945 г. только одна подобная группа из 20 человек, войдя в доверие, смогла уничтожить оуновские отряды «Тречуна» и «Гречки».

После освобождения Беларуси в тылу советских войск активно действовал оказавшийся уже в составе Имперского управления безопасности Германии (РСХА) абвер. Летом 1944 г. с польских аэродромов на территорию Беларуси почти ежедневно забрасывались группы шпионов и диверсантов. Службой радиоконтроля периодически фиксировалась работа радиостанций противника.

В целях борьбы с бандгруппами и агентурой противника, решения задач по внедрению туда квалифицированных источников органами госбезопасности создавались легендированные оперативные отряды. Активную роль здесь сыграли разведчики. Из информационного сообщения Б. З. Кобулова, Л. Ф. Цанавы и С. С. Бельченко наркому внутренних дел СССР Л. П. Берии «О предварительных результатах операции по изъятию антисоветских элементов и ликвидации бандгрупп в западных областях БССР» от 17 декабря 1944 г.: «...пункт 3. Для выявления и ликвидации бандгрупп и нелегальных организаций в лесных массивах западных областей Белоруссии нами, в соответствии с Вашим указанием, созданы и направлены на места 5 боевых подвижных отрядов, обеспеченных соответствующим вооружением и личным составом.

1-й отряд — Героя Советского Союза подполковника госбезопасности тов. Ваупшасова в составе 125 человек будет оперировать в районе Налибокской пуши

Барановичской и Молодечненской областей. Отряд будет действовать под видом банды, созданной и переброшенной немецкой разведкой.

2-й отряд — Героя Советского Союза подполковника госбезопасности тов. Мирковского в составе 86 человек будет оперировать в Кобринском и Пинском районах Брестской и Пинской областей. Отряд будет выдавать себя за банду украинских националистов.

3-й отряд — Героя Советского Союза ст. лейтенанта госбезопасности тов. Шихова в составе 120 человек будет действовать в районе Липичанской пуши Гродненской области. Отряд будет оперировать под видом бывших немецко-фашистских пособников, скрывающихся от органов власти.

4-й отряд — майора госбезопасности тов. Коровина в составе 125 человек будет действовать на территории Руднянской пуши на границе Гродненской области и Литовской ССР. Отряд будет оперировать под видом остатков немецких воинских частей, попавших в окружение.

5-й отряд — майора госбезопасности Викторова в составе 95 человек будет действовать в районе Руднянской пуши на границе Молодечненской области и Литовской ССР. Отряд будет оперировать под видом немецких парашютистов, заброшенных для подрывной работы...»

Заметим, что данные мероприятия осуществлялись в тесной увязке с уже упоминавшейся оперативной игрой Четвертого управления НКГБ СССР «Березино», создавая в ходе ее соответствующий оперативный фон. А в целом невидимая битва не на жизнь, а на смерть продолжалась вплоть до начала 1950-х гг., и в ходе ее геройски погибло немало чекистов.

ЭПИЛОГ

Говоря в целом об итогах разведывательной, контрразведывательной и диверсионной деятельности органов НКВД (НКГБ) СССР и БССР, военной контрразведки на временно оккупированной нацистской Германией территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, необходимо отметить ряд моментов.

Так, в канун войны Первое управление НКВД (НКГБ) БССР (внешняя разведка) в зоне своей ответственности своевременно вскрывало военные приготовления и разведывательные акции спецслужб нацистской Германии и группы армий «Центр» против СССР, о чем незамедлительно информировало руководство страны. В свою очередь, контрразведка в основном своевременно выявляла и нейтрализовывала агентуру нацистских спецслужб, проникавшую на территорию Белорусской ССР.

Затем, оправившись от первичного болезненного шока, связанного с начальной фазой военных действий в 1941 г., органы госбезопасности сумели со временем (хотя и не без горьких потерь) гибко перестроить свою разведывательную, контрразведывательную и диверсионную работу, сообразуясь с тактикой оборонительных боев, деятельностью на оккупированной территории, а в последующем и в ходе наступательных освободительных операций 1943–1944 гг 1-го, 2-го, 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов.

С другой стороны, по мере накопления опыта в ходе начальной фазы агрессии вырабатывались и совершенствовались формы и методы разведывательного проникновения в основные и промежуточные объекты против-

ника, а также борьбы с изощренной и высокопрофессиональной подрывной деятельностью спецслужб нацистской Германии.

Действуя в тылу противника в составе оперативных групп, соответствующих резидентур, разведчики проникали, используя наличные и приобретаемые средства, в его разведывательные и контрразведывательные органы, выявляли их агентуру еще на стадии ее подготовки к заброске в партизанские отряды, войска действующей армии, ближний и глубокий тыл СССР, что являлось активной формой участия НКГБ СССР и БССР в осуществлении функции обороны страны в годы войны.

С баз организовывавшихся как оперативными группами НКГБ, военной контрразведки, так и партизанских формирований ЦШПД, БШПД наряду с другими возможностями с 1942 г. велась достаточно результативная и активная разведывательная и контрразведывательная работа в ближнем и глубоком тылу противника, осуществлялись комплексные дезинформационные мероприятия в отношении его спецслужб и органов военного управления.

Улучшение и совершенствование организации управленческой деятельности, связанное с созданием в 1943 г. законспирированных, централизованных структур разведки и контрразведки НКГБ БССР во всех областях и районах оккупированной Беларуси, способствовали более четкой координации совместной работы с ними партийных органов, БШПД, ЦШПД в период всенародной партизанской борьбы с нацистскими оккупантами, общему разгрому гитлеровской группы армии «Центр» и парализации подрывных акций разведывательно-диверсионных органов противника.

Успешная разведывательная и контрразведывательная деятельность на оккупированной территории Беларуси позволила создать определенные предпосылки для последующего вывода ценной агентуры НКГБ (МГБ)

БССР в ряд западноевропейских стран, а также активно противостоять диверсионно-террористической деятельности некоторых подрывных структур как на территории БССР, так и групп, проникавших с сопредельных территорий.

Таким образом, несмотря на карательную деятельность врага, массовые репрессии среди мирного населения и широкомасштабное использование нацистами шпионов, террористов и диверсантов, добиться реального преимущества в борьбе с разведывательными и контрразведывательными подразделениями всех ведомств (НКВД, НКГБ, военной контрразведки, РУ ГШ РККА), ликвидировать всенародное белорусское партизанское движение противнику так и не удалось.

Нацистским спецслужбам, а затем и спецслужбам бывших союзников СССР по антигитлеровской коалиции также не довелось осуществить сколько-нибудь эффективные контрмероприятия по внедрению своей агентуры в советские разведывательные и контрразведывательные органы в процессе их работы в тылу противника в годы оккупации Беларуси, так и после ее освобождения.

Профессионализм, доблесть, отвага, мужество, преданность своей Родине и делу, которому беззаветно и самоотверженно служили командиры и бойцы оперативных, разведывательно-диверсионных, специальных отрядов и групп, резидентур НКВД (НКГБ) СССР и БССР, военной контрразведки, являются ярким и достойнейшим примером для молодежи, и новых поколений защитников нашего Отечества — Республики Беларусь.

Главное же, видимо, должно заключаться в том, чтобы в будущем уже практически никогда более не повторился на нашей многострадальной земле пресловутый демобилизующий тезис о том, что «история учит лишь тому, что она ничему не учит...»!

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Абрамов, В. Н.* СМЕРШ: советская военная контрразведка против разведки Третьего рейха / В. Н. Абрамов. — М. : Яуза : Эксмо, 2005. — 676 с.
2. *Александров, В.* Мафия СС : пер. с фр. / В. Александров ; предисл. и общ. ред. В. Д. Ежова. — М. : Прогресс, 1984. — 268 с.
3. *Боярский, В. И.* Партизаны и армия: история утерянных возможностей / В. И. Боярский. — Минск : Харвест, 2003. — 304 с.
4. *Бушин, В. С.* Злобный навет на Великую Победу / В. С. Бушин. — М. : Алгоритм : Эксмо, 2009. — 272 с.
5. В поединке с абвером: док. очерк о чекистах Ленингр. фронта, 1941–1945 / А. А. Богданов [и др.]. — М. : Воен. изд-во МО СССР, 1968. — 304 с.
6. *Ваупшасов, С. А.* На тревожных перекрестках: записки чекиста / С. А. Ваупшасов. — М. : Политиздат, 1974. — 512 с.
7. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. — М. : Кучково поле, 2012–2015. — Т. 6 : Тайная война: разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны / А. В. Опалев [и др.]. — 2013. — 850 с.
8. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны) : учеб. пособие для 11-го кл. учреждений, обеспечивающих получение общ. сред. образования, с рус. яз. обучения с 11-лет. сроком обучения / А. А. Коваленя [и др.]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2004. — 231 с.
9. *Виснер, В.* Принудительные работы в Дрездене / В. Виснер, Б. Рейнхардт. — Дрезден : Фракция ПДС в Гор. совете столицы земли Дрезден, 2004. — 76 с.
10. Военная контрразведка: от «СМЕРША» до контр-террористических операций / авт.-сост.: А. Ю. Бондаренко, Н. Н. Ефимов. — М. : Кучково поле, 2010. — 400 с.

11. Военно-исторический словарь. — М. : АСТ : Минск : Харвест, 2005. — 992 с.

12. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. — Минск : Беларусь, 1985. — Т. 1. — 591 с.; Т. 2. — 480 с.; Т. 3. — 531 с.

13. Высокий долг: к 70-летию ВЧК — КГБ / сост.: П. А. Кияня, В. А. Жур. — Минск : Беларусь, 1985. — 399 с.

14. Высшее партизанское командование Белоруссии, 1941–1944 : справочник / Э. Иоффе [и др.]. — Минск : Беларусь, 2009. — 271 с.

15. Гелен, Р. Война разведок: тайные операции спецслужб Германии, 1942–1971 / Р. Гелен. — М. : Центрполиграф, 2003. — 427 с.

16. Генералы органов государственной безопасности Беларуси : крат. биогр. справ. / авт.-сост. И. З. Юркин [и др.]. — Минск : Арнелла, 2001. — 104 с.

17. Гомельщина партизанская : сб. док. и материалов. — Минск : НАРБ, 2010. — Вып. 1 : Начало, июнь 1941 г. — май 1942 г. — 260 с.

18. Греков, Н. В. Организация агентурной разведки спецгрупп НКВД — НКГБ в тылу противника, 1941—1944 гг. / Н. В. Греков // *Вопр. истории*. — 2017. — № 2. — С. 54–71.

19. Доморад, К. И. Разведка и контрразведка в партизанском движении Белоруссии, 1941–1944 гг. / К. И. Доморад. — Минск : Навука і тэхніка, 1995. — 256 с.

20. Заерко, А. Л. Кровавая граница / А. Л. Заерко. — Минск : Камерон-Д, 2002. — 272 с.

21. Золотарь, И. Ф. Под маской бургомистра / И. Ф. Золотарь // *Партизанские дни: сборник воспоминаний партизан*. — М. : Изд-во ДОСААФ, 1971. — С. 9–32.

22. Каваленя, А. А. Беларусь напярэдадні і ў гады Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў : дапам. для студэнтаў выш. навуч. устаноў, якія навучаюцца па спецыяльнасці 1-21 03 01-01 «Гісторыя (айчын. і ўсеагул.)» / А. А. Каваленя. — Мінск : Беларусь, 2008. — 271 с.

23. Кегель, Г. В бурях нашего века: записки разведчика-антифашиста / Г. Кегель. — М. : Политиздат, 1987. — 463 с.

24. Коровин, В. В. История отечественных органов государственной безопасности / В. В. Коровин. — М. : Изд. центр Акад. ФСБ РФ, 1998. — 206 с.

25. Кшицкий, А. Новый «план Даллеса» для XXI века / А. Кшицкий [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://inforesist.org/novyyi-plan-dallesa-dlya-xxi-veka/>. — Дата доступа: 11.03.2019.

26. Лагерь советских военнопленных в Беларуси, 1941–1944 : справочник. — Минск : НАРБ, 2004. — 192 с.

27. Личный архив Смирнова Н. И.

28. Личный архив Романовцев Р. С.

29. Личный архив Бурова А. Ф.

30. Лубянка: отечественные службы вчера, сегодня, завтра : ист.-публ. альм. — М. : Клуб ветеранов госбезопасности : ВеГа, 2007. — Вып. 6. — 280 с.

31. Лубянка: отечественные службы вчера, сегодня, завтра : ист.-публ. альм. — М. : Клуб ветеранов госбезопасности : ВеГа, 2008. — Вып. 8. — 280 с.

32. Матвеев, В. «Боевой» в тылу врага. Война глазами чекистов-партизан спецотряда НКГБ БССР / В. Матвеев // СБ Беларусь сегодня. — 2015. — 24 апр. — С. 8.

33. Накануне: Западный особый военный округ (конец 1939 г. — 1941 г.) : док. и материалы. — Минск : НАРБ, 2007. — 622 с.

34. Наша Перемога: хроника Вялікай Айчын. вайны / уклад.: М. Ф. Кадзет, У. П. Саламаха. — Минск : Лит. и искусство, 2004. — 320 с.

35. НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) : сб. док. — М. : Объед. ред. МВД России, 2008. — 640 с.

36. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. док. : в 8 т. — М. : Кн. и бизнес, 1995–. — Т. 1–5. — 1995–2007.

37. Освобожденная Беларусь : док. и материалы : в 2 кн. — Минск : НАРБ, 2004–2005. — Кн. 1 : Сентябрь 1943 — декабрь 1944. — 2004. — 398 с.

38. Очерки истории российской внешней разведки : в 6 т. — М. : Междунар. отношения, 1996–1999. — Т. 2. — 1997. — 272 с.; Т. 3. — 1997. — 496 с.; Т. 4. — 1999. — 696 с.

39. Памяць: Дзяржынскі раён: гістарычна-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. — Мінск : БЕЛТА, 2004. — 704 с.

40. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944): краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / А. Л. Манаенков [и др.]. — Минск : Беларусь, 1983. — 756 с.

41. Польша — Беларусь (1921–1953) : сб. док. и материалов / сост. Вабишевич [и др.]. — Минск : Беларус. навука, 2012. — 423 с. : ил.

42. Попов, А. Ю. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко / А. Ю. Попов. — М. : Олма-Пресс, 2002. — 384 с.

43. Попов, А. Ю. Диверсанты Сталина / А. Ю. Попов. — М. : Вече, 2017. — 335 с.

44. Попов, А. Ю. Спецназ НКВД в тылу врага: диверсанты Сталина / А. Ю. Попов. — М. : Яуза : Эксмо, 2013. — 364 с.

45. Разведка и контрразведка в лицах: энциклопедический словарь российских спецслужб / авт.-сост. А. Диенко. — М. : Рус. мир, 2002. — 608 с.

46. Романько, О. В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941–1945 / О. В. Романько. — М. : Вече, 2008. — 432 с.

47. Север, А. История КГБ / Александр Север. — М. : Алгоритм, 2008. — 336 с.

48. Служить России. — М. : Б-ка И. Резника, 2001. — 336 с.

49. Смирнов, Н. Беларусь. «Второй фронт». Спецформирования органов НКВД (НКГБ) и «СМЕРШ» в тылу врага: имена, факты, судьбы (1941–1944 гг.)... / Николай Смирнов. — Минск : Белпринт, 2017. — 568 с.

50. *Смирнов, Н.* Военные контрразведчики Беларуси: память, люди, операции... / Николай Смирнов. — Минск : Белпринт, 2013. — 352 с.

51. *Смирнов, Н.* Генерал Корж: неизвестные страницы... / Николай Смирнов. — Минск : Звезда, 2014. — 688 с.

52. *Смирнов, Н.* Единая с Отечеством судьба / Николай Смирнов ; под ред. И. Н. Кузнецова. — Минск : Беларусь, 2012. — 215 с.

53. *Смирнов, Н.* Негромкая история / Н. И. Смирнов // Неман. — 2015. — № 2. — С. 162–166.

54. *Смирнов, Н. И.* Органы военной контрразведки в битве за Беларусь (1941–1945 гг.) / Н. И. Смирнов. — Минск : ИНБ Респ. Беларусь, 2004. — 154 с.

55. *Смирнов, Н. И.* Очерки истории органов государственной безопасности Беларуси / Н. И. Смирнов, Г. П. Сенюков ; под ред. Н. К. Рабчонка. — Минск : ИНБ Респ. Беларусь, 2005. — 260 с.

56. *Смирнов, Н. И.* Под легендой «врага» / Н. И. Смирнов // Во славу Родины. — 1998. — 17 дек. — С. 3.

57. *Смирнов, Н.* Секретный узел: тайная война в Беларуси (1939–1944) / Николай Смирнов. — Минск : Лит. и искусство, 2010. — 248 с.

58. *Смирнов, Н. И.* СМЕРШ против Абвера / Н. И. Смирнов // Армия. — 2000. — № 2. — С. 10–14; № 3. — С. 16–19; №4. — С. 15–17.

59. *Смирнов, Н. И.* Спецотряд «Боевой»: каждый боец на вес золота / Н. И. Смирнов // Белорус. воен. газ. — 2015. — 16 янв. — С. 3.

60. *Соколов, Б. В.* Оккупация: правда и мифы / Б. В. Соколов. — М. : АСТ-пресс : Книга, 2003. — 352 с.

61. *Соловьев, А. К.* О некоторых вопросах национальной истории Республики Беларусь : учеб. материалы / А. К. Соловьев. — Минск : ИНБ Респ. Беларусь, 2005. — 250 с.

62. *Соловьев, А. К.* Они действовали под разными псевдонимами / А. К. Соловьев. — Минск : Навука і тэхніка, 1994. — 200 с.

63. Соловьев, А. К. Хроники тайной войны : ист. материалы / А. К. Соловьев. — Минск : ИНБ Респ. Беларусь, 2011. — 244 с.

64. Судоплатов, П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930–1950 годы / П. А. Судоплатов. — М. : Олма-Пресс, 2005. — 699 с.

65. Труды Института национальной безопасности Республики Беларусь. — Минск : ИНБ Респ. Беларусь, 2004. — Спец. выпуск. — 223 с.

66. Фонды Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны.

67. Фонды Национального архива Республики Беларусь.

68. Фонды Центрального архива КГБ Республики Беларусь.

69. Чекисты : сборник / сост. Л. Корнешов. — М. : Молодая гвардия, 1972. — 400 с.

70. Чекисты : сборник / сост. А. Н. Николаев. — М. : Молодая гвардия, 1987. — 416 с.

71. Чигринов, П. Г. История Беларуси / П. Г. Чигринов. — Минск : Польша, 2001. — 402 с.

72. Чуев, С. Проклятые солдаты / Сергей Чуев. — М. : Эксмо, 2004. — 576 с.

73. Шит и меч Отечества / под ред. В. И. Дементя. — Минск : Междунар. центр интеграц. информ., 2006. — 340 с.

74. Энциклопедия секретных служб России / авт.-сост. А. И. Колпакиди. — М. : АСТ [и др.], 2003. — 800 с.

Содержание

Страницы летописи борьбы в тылу врага	3
Необходимое предисловие к вопросу о «малой войне» и Спецбюро ГПУ (НКВД) Белорусской ССР	6
И разведка доложила точно!	29
Наше дело правое — победа будет за нами!	53
Долгу своему оставались верны до конца!	72
Из докладной записки Лаврентия Цанавы	77
По мере накопления опыта	81
И вновь реорганизация	92
Вспоминая отряд «Боевой»	117
Несгибаемый «Славный»	150
Особый фронт. От Могилева 1941-го до освобождения Беларуси	213
На новом этапе борьбы	238
О некоторых взаимных трениях в тылу врага	243
Противник, противостоявший чекистам в боях на «невидимом фронте»	251
К вопросу о разведывательной информации и ее добывании	307
Каждый выполнял в тылу врага свои задачи	313
«Приключения» обер-лейтенанта Карла Круга	326
И вечный бой... ..	331
О союзе белорусской молодежи (СБМ) под «фюрерством» самого Вильгельма Кубе	336
Белорусско-польский и некоторые другие вопросы	343
Судьба немца-антифашиста	352
О некоторых других акциях возмездия	375
Победный «Багратион»	398
Эпилог	414
Литература и источники	417

Научно-популярное издание

СМИРНОВ Николай Иванович

**ПАРТИЗАНСКИЙ «ВТОРОЙ ФРОНТ»
В БЕЛАРУСИ**

**Имена, факты,
операции НКВД (НКГБ) в тылу врага**

Редакторы *Н. Г. Шербакова, Н. Ф. Крикая*

Художник *А. В. Житкевич*

Художественный редактор *А. В. Житкевич*

Компьютерная верстка *Д. С. Камейша*

Стильредакторы *Н. Г. Шербакова, Н. Ф. Крикая*

Подписано в печать 25.03.2020. Формат 60×90¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26,50 + вкл. 2,0. Уч.-изд. л. 19,56 + вкл. 1,56.

Тираж 700 экз. Заказ 586.

Редакционно-издательское учреждение

«Издательский дом «Звезда».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/8 от 02.08.2013.

Ул. Б. Хмельницкого, 10а, 220013, г. Минск,
Республика Беларусь.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательство «Белорусский Дом печати».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 2/102 от 01.04.2014 г.

Пр. Независимости, 79/1, 220013, г. Минск,
Республика Беларусь.

16+

ISBN 978-985-575-246-3

9 789855 752463

